

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Российской академии наук

ЛИНГВИСТИКА И МЕТОДИКА

ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Журнал научных публикаций

Электронное научное издание

Выходит два раза в год

№ 1 (12)

Москва 2020

ISSN 2218-1393

DOI: 10.37892/2218-1393

Издается с 2009 года

Редакционная коллегия

О. А. Гулыга

В. З. Демьянков

П. С. Дронов

А. В. Дыбо

Е. Р. Иоанесян (отв. редактор)

Д. Б. Никуличева

Н. М. Разинкина

Н. К. Рябцева

К. Я. Сигал

И. И. Чельшева

K. Hengst (Universität Leipzig)

R. Libertini (Katólicka univerzita v Ružomberku)

Wolfgang Mieder (The University of Vermont).

Проблемы описания языка

Language Description

DOI: 10.37892/2218-1393-2020-12-1-3-60

**Об одном возможном способе описания словообразовательных отношений
между полными и короткими личными именами в русском языке**

А.Н. Барулин (Институт языкознания РАН),

Г.К. Бронников (ООО Интеллиджей лабс),

М.А. Чичулина (Средняя школа № 179).

Аннотация

В настоящей работе предлагается теоретический аппарат для описания русских коротких имен собственных как производных от соответствующих полных. Основным терминологическим инструментом описания является введенное И.А. Мельчуком понятие языковой операции, в работе приводится описание важнейших типов операций и дается список простых и сложных операторов, с помощью которых из полного личного имени строится неофициальное короткое.

Ключевые слова

Языковые операции, языковые операторы, морфология, модификации, модификаторы, конверсии, конверсивы, операции выбора, перестановки, усечения, элиминации, вставки, наращения, эпентезы, замены, подстановки, мультипликации, редупликации, утроения, трансформации, личные имена, полные личные имена, короткие личные имена, официальные личные имена, неофициальные личные имена, основа, словообразовательная база, словообразование, толково-комбинаторный словарь морфем.

0. Вводные замечания

Работа¹ написана в рамках морфолого-синтаксической теории А.Н. Барулина (МСТБ), основные положения которой отражены в работах [2; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 20; 21; 22; 23; 24; 25]. Кратко, но достаточно для понимания настоящей статьи, она изложена в [23].

Операции — чрезвычайно широко распространенный в знаковых системах и очень древний тип означающего знака. Он гораздо старше языка. Например, в таких семиотических системах, как ритуальный танец животных (пчел, птиц), равно как и танец у человека, знаки, подаваемые глазами, язык глухих, и слепоглухонемых, операции являются основным типом означающего. Важным типом означающего операции являются и во многих паралингвистических коммуникативных системах. Так, знаки подзывания в русской культурной среде — это повторяющиеся движения либо пальца, либо четырех пальцев, поднятых вверх, либо движение всей руки по направлению к подзываемому. Пренебрежительный жест, указывающий собеседнику, что он должен удалиться, — повторяющееся движение опущенной вниз кистью руки в направлении от адресанта, объясняемая как знак приязни — знак, общий для человека и шимпанзе, знак приветствия в виде помахивания поднятой вверх рукой, — все это знаки операционального типа. В языке любое движение тона и интенсивности, начиная с тонов, различающих гласные в тоновых языках, и кончая всеми видами интонации — несомненные операции. Повтор одних и тех же звуковых сегментов — частый элемент в звуковых знаковых системах птиц и наземных млекопитающих, например, в лае собак, мяуканье кошек, в звуковых сигналах шимпанзе. Для демонстрации последних сошлемся здесь на сделанное одним из соавторов данной работы описание одного сигнала шимпанзе, издаваемого при визуальном контакте, демонстрирующем хорошее отношение к приближающемуся адресату. Описывает-

¹ В основу последнего, основного параграфа настоящей статьи положена курсовая работа студентки 4-го курса ФТИПЛ РГГУ М.А. Поповой (Чичулиной), написанная в 1997 г. под руководством А.Н. Барулина. За прошедшие 23 года, насколько нам известно, теоретическая проблема соотносительности полных и коротких личных имен в лингвистике удовлетворительно так и не была решена. Текст «Вводных замечаний», первого, второго и третьего параграфа, а также окончательный текст четвертого параграфа был написан А.Н. Барулиным.

ся этот знак следующим образом [19]². В целостном сигнале различаются инициальная и одновременно кульминационная часть и кодовая, заключительная. Кульминация состоит из трех сегментов, которые произносятся высоким ровным тоном, длительность сегментов по времени равна приблизительно триста миллисекунд (три первых компонента сигнала длятся около секунды). Между сегментами ставится пауза. Кодовая последовательность насчитывает семь коротких сегментов, в которых сегментный компонент и тон не меняется. Каждый длится приблизительно триста миллисекунд. Между сегментами ставится короткая пауза. При этом звучность сигнала построена по амфибрахическому принципу: первый сигнал менее интенсивный, второй — более, затем следуют два менее интенсивных сегмента, потом снова интенсивный и два — менее интенсивных. Сегментная запись может быть отображена в следующем виде: [hu: |||| hu: |||| hu: |||| hu | hu | hu | hu | hu | hu | hu]. Весь сигнал длится приблизительно 4 секунды. Обычный и жирный шрифты показывают различия в интенсивности звучания. И здесь означающее сигнала по механизму производства представляет собой вариант простой автоматной грамматики, порождается оператором мультипликации с простой инструкцией, но на всю эту автоматную очередь накладывается уже не простое нарастание интенсивности к середине и затухание ее в конце, а два по-разному паузированных ритмических рисунка, маркирующих две части сигнала, как бы спондей и амфибрахий.

Тот факт, что в лингвистике понятие операции для описания большого класса означающих начало использоваться совсем недавно — результат недостаточно высокого уровня генерализации семиотических понятий.

Введенное в работе [31] и уточненное и расширенное в фундаментальном труде «Курс общей морфологии» [33; 35] понятие языковой операции открыло перед теоретиками лингвистики огромные новые возможности, которые пока остаются почти нереализованными. В данной работе под языковой операцией понимается языковое или речевое действие над языковой единицей, структура которого состоит из трех частей: аргумент

² Описание ориентировано на фрагмент, представленный на сайте Института Джейн Гудолл, в файле (http://www.discoverchimpanzees.org/activities/other_calls.php). Анализируется звук, произведенный шимпанзе Тонго (Tongo).

(то, над чем производится действие), производимое над ним действие, и сфера действия (количество итераций одного и того же действия, или сегмент, состоящий из однородных единиц, над которыми должно быть произведено одно и то же действие).

Лингвистика всегда имеет дело не с самим языковым или речевым действием, а с его моделью, отображаемой специальными средствами метаязыка. Модель операции в метаязыке мы будем называть оператором. В нашем представлении оператор должен состоять из трех компонентов: эксплицитной инструкции, аргумента, над которым производится операция, и сферы действия оператора. В инструкции содержится информация об алгоритме действия, единицей которого является операциональный шаг, простейший этап обработки аргумента на пути к конечной форме его преобразования. Действие шага оператора может быть зависимым от определенных условий или независимым (рекурсивным, использующим результат действия предыдущего шага, или нерекурсивным). Цепочка шагов, достигающих цели действия оператора, будет называться операциональным тактом.

Аргументом оператора является переменная, определенная на множестве конкретных моделей языковых единиц (элементах означающего, означающем, знаке, элементе означаемого, означаемом или синтактике языковых единиц) или переменная, определенная на множестве языковых единиц, обозначенном в компоненте «сфера действия».

Сфера действия — это информация о том, сколько раз нужно произвести последовательность действий (операциональных тактов) с одним и тем же аргументом, получая один и тот же результат, или о том, на каком множестве единиц нужно произвести один и тот же такт, т.е. на каком сегменте текста следует произвести действия, указанные в инструкции и равные одному такту.

Операторов по типу операции насчитывается несколько видов. Основные — это операция выбора, перестановки, усечения (элиминации), вставки (наращения или эпентезы), замены (подстановки одних единиц на место других), мультипликации (т.е. удвоения, утроения единиц и т.д.), трансформации (например, увеличение долготы гласной, продвижения в артикуляции, смена степени подъема у гласных, смягчение у согласных,

смена режима работы голосовых связок и т.д.). По типу аргумента операции делятся на модификации (термин для оператора — модификаторы) — операции над сегментными или суперсегментными единицами — и конверсии (термин для соответствующих операторов — конверсивы) — операции над синтактикой языковых единиц.

Как элемент означающего оператор может функционировать так же, как цепочка фонем. Он может самостоятельно ничего не обозначать (как, например, чередование д/ж в *ходить/хожу*), а может и служить самостоятельным означающим отдельного языкового знака, как, например, в случае действия оператора мультипликации в сочетаниях *быстро-быстро, часто-часто, редко-редко*, где он имеет значение ‘очень’.

Операции не могут быть обнаружены в тексте с помощью простого анализа сегментного состава текста, они не имеют материально выраженной экспоненты, которую можно было бы по тем или иным признакам отделить от экспоненты другого сегмента означающего, а в качестве означающего отдельного знака невозможно без специальных договоренностей, например, определить ее размерность, т.е. отнесенность к тому или иному ярусу языковой структуры, морфологическому, лексическому или синтаксическому. Обнаружить операцию можно только в результате сравнения того, что должно было бы быть без использования операции, и того, что мы имеем в результате ее применения. Эксплицировать оператор, придать ему форму присутствия в ткани текста, можно только с помощью метаязыка лингвистики. Для этого мы примем здесь несколько соглашений.

1. Мы будем различать глубинную и поверхностную репрезентацию языковых единиц. В поверхностном представлении текст должен выглядеть так, чтобы в нем был отражен только сегментный состав языковой единицы. В глубинном представлении все языковые единицы, как осязаемые, так и неосязаемые, выявляемые с помощью логического анализа, должны присутствовать в явном виде. Операторы в метаязыке описания текста должны получить специальные имена, которые будут отражать его тип по аргументу и классу действия, которое совершается над элементами языкового знака, например, $Mult_2(W)$ — оператор удвоения слова. Скажем, поверхностная (линейная) запись

выражения — *едва-едва (часто-часто)*, глубинная запись Mult₂ ##(едва) (Mult₂ ##(часто)). В дереве зависимостей имеющему значению оператору будет соответствовать отдельный узел графа.

2. Размерность значащего оператора, его отнесенность к определенному ярусу языковой структуры чаще всего будет определяться по его аргументу, сфере действия и месту, которое характеризует его в системе противопоставлений языковых единиц.

Многие языковые факты, которые можно было бы описать с помощью понятия «языковая операция», такие, как, например, чередования гласных и согласных, эпентезы, усечения, известны лингвистике с древнейших времен, прекрасно описаны, например, в «Восьмикнижии» Дакшипутры Панини без всякого использования указанного понятия. Но гораздо больше таких, к описанию которых лингвисты вообще не могли подступить из-за отсутствия необходимого терминологического аппарата или описывали их противоречиво и/или без должного уровня генерализации. Приведем несколько конкретных примеров типовых операций с по возможности полным анализом сути этого явления.

1. Операция выбора. (Choice). Пример — сингармонизм. Имя операции Choice_{harm}.

Хорошим примером операции выбора является гармония гласных. Классическим языком, в котором это явление занимает важное место является турецкий. Покажем действие оператора выбора Choice_{harm} (V(Suf/Encl), I, PW)³ на примерах из этого языка. Суть гармонии гласных состоит в том, что гласные большей части клитик⁴ и суффиксов⁵ свя-

³ В скобках при операторе указаны аргумент оператора (гласные (V) суффикса (Suf) или энклитики (Encl)), инструкция (I) и сфера действия (PW — phonetic word).

⁴ В нашей концепции выделяется не два конструктивных класса морфем (корни и аффиксы), а три — корни, клитики и аффиксы. Их различие определяется по способности морфемы служить порядковым центром и минимумом грамматического и фонетического (акцентного) слова. К корневым морфемам будут относиться такие, которые способны служить порядковым центром и минимумом (т.е. способностью образовывать фонетические и/или грамматические слова, состоящие из одной только морфемы данного класса) простых фонетических и простых грамматических слов. К клитикам будут относиться морфемы, способные служить порядковым центром и минимумом простых грамматических слов, но не способные служить порядковым центром и минимумом фонетических слов. К аффиксам будут относиться морфемы, не способные образовывать порядковый центр и минимум ни грамматических, ни фонетических слов.

⁵ В турецком языке префиксы встречаются только в редких заимствованиях. Следует отметить, что в нашей концепции суффиксы не противопоставляются окончаниям. Мы считаем это противопоставление смешением оснований классификации: суффиксы — аффиксы, позиционно следующие

заны правилом, по которому нужная гласная выбирается из определенного списка, и выбранная должна быть согласована по ряду и огубленности с последней гласной корня. Пусть нам дан, например, корень *kardeş* — ‘родной брат, родная сестра’, и нам надо построить с ним форму, которая переводится как ‘от твоих братьев’. Это значит, нам надо присоединить к корню морфему множественного числа объекта принадлежности ($\{IV^2r\}$, где V^2 — аргумент оператора выбора (в данном случае гармонируемой гласной), переменная, определенная на паре фонем /a/, /e/). Первым шагом алгоритма, включенного в инструкцию оператора $\text{Choice}_{\text{harm}}$ является #Найти последнюю гласную предыдущей морфемы#. Второй шаг. Для того, чтобы наши правила выбора сделали свое дело, нам необходимо #отобразить метаязыковую модель этой гласной и гласной суффикса в виде матрицы или кортежа дифференциальных признаков, заменяя неопределенные дифференциальные признаки гласной суффикса переменными#: /e/ = <V, F, M, -Lb⁶>. В кортеже дифференциальных признаков гласной морфемы мн. ч. V^2 три признака представлены в виде переменной, признаки ряда, подъема и огубленности V^2 = <V, X_F, X_O, X_L>. Третий шаг. #Заменить вторую переменную V^2 на признак, совпадающий с соответствующей константой доминантной фонемы# $X_F \rightarrow F$: <V, F, X_O, X_L>. Четвертый шаг. #Сузить число вариантов выбора с помощью полученного кортежа с переменными. # Оказывается, что в данном случае признака F достаточно, чтобы определиться со всеми остальными дифференциальными признаками. Третий признак автоматически определяется по второму: если гласная переднего ряда, мы из двух возможных кандидатов должны выбрать /e/, что определяет и третий и четвертый признак — средний подъем, неогубленная. Выбор дифференциальных признаков сделан, кортеж аргументной гласной сформирован: <V, F, M, -Lb>. Он такой же, как и у доминантной гласной, т.е. у /e/. $V^2 \rightarrow$ /e/. Суффикс мн. ч. будет выглядеть как ler. Замена переменных в кортеже дифференциальных призна-

щие за корнем, поэтому грамматические аффиксы этого типа мы тоже называем суффиксами (точнее — грамматическими суффиксами). Окончание выделяется среди суффиксов на другом основании — как грамматический морф. Деление же на грамматические и деривативные суффиксы — это другое основание классификации, которое не следует смешивать с позиционным.

⁶ V (vowel) — гласная, F (front) — переднего ряда, M (mid) — среднего подъема, -Lb (labial) — неогубленная (нелабиализованная).

ков на константы — конечная цель действия одного такта оператора. Полученная цепочка морфов — *kardeşler*.

Однако это не последний суффикс словоформы, а сфера действия нашего оператора выбора предполагает проведение операции на всех гармонируемых суффиксах и клитиках, присоединяемых к данному корню. Поэтому операция будет работать до тех пор, пока в цепочке не появится негармонируемый суффикс (или клитика). Но и на этом действие оператора выбора не закончится: все гармонируемые аффиксы и клитики, следующие за негармонируемым, подвергнутся гармонизации с ориентацией на последнюю гласную негармонируемого суффикса. В случае же, если негармонируемых суффиксов в цепочке не окажется, оператор будет действовать до тех пор, пока не закончится словоформа и простое фонетическое слово. В сфере же действия должна содержаться информация о том, в каком порядке должны обрабатываться морфы фонетического слова. В нашем случае порядок прост: от ближайшего к корню суффикса — к концу фонетического слова. Из всего этого следует, что следующим тактом работы оператора будет обработка следующего суффикса.

Следующая по порядку⁷ — морфема второго лица субъекта принадлежности V^4n , где V^4 аргумент оператора выбора, переменная, определенная на множестве из четырех фонем $\{i/, /ɪ/, /u/, /ü/\}$. Вновь #находим последнюю гласную предыдущего суффикса#, это $/e/$, #строим кортеж ее дифференциальных признаков#, $\langle V, F, M, -Lb \rangle$, и #кортеж дифференциальных признаков переменной V^4 #, $\langle V, X_F, X_O, X_L \rangle$. По второму признаку доминантной гласной #определяем, что гласный аргумента должен быть переднего ряда#. Третий признак опять определяется автоматически: все гласные множества, на котором определена переменная, — верхнего подъема. На роль гласной переднего ряда из указанного множества после пятого шага в этот раз может претендовать не одна, а две фонемы: $/i/$ и $/ü/$, которые отличаются друг от друга положительным и отрицательным признаком лабиализации. Здесь требуется шестой шаг. #Заменить четвертую переменную на константу, совпадающую с четвертым дифференциальным признаком доминантной фоне-

⁷ Подробно об анализе структуры турецкой именной словоформы см. [9].

мы#. У доминантной фонемы этот признак -Lb. Выбор сделан, аргументный кортеж дифференциальных признаков выглядит следующим образом: $\langle V, F, C, -Lb \rangle$, где C (close) — гласный верхнего подъема. Неогубленный гласный верхнего подъема переднего ряда — /i/. Суффикс второго лица, таким образом, должен выглядеть как *in*. Вся цепочка — как *kardeşlerin*. Далее должен следовать нулевой показатель ед.ч., который пропускает процедуру гармонизации дальше к концу словоформы: *kardeşlerinØ_{sg}*.

Следующий, последний морф словоформы, — показатель исходного падежа DV^2n , где D — переменная, определенная на паре согласных фонем $\{ /t/, /d/ \}$, а V^2 — уже известная нам переменная, определенная на множестве, включающем две гласных $\{ /a/, /e/ \}$. Переменная D отображает позицию обычного чередования по глухости — звонкости. Это другой оператор, поэтому мы не будем на нем останавливаться. Гармонизация же здесь повторяет весь процесс выбора нужных дифференциальных признаков, который мы описали при гармонизации суффикса *IV²r*. В результате работы оператора выбора получается словоформа *kardeşlerin+den* с указанным выше значением. Оператор выбора чаще всего не нагружается функцией означающего отдельного языкового знака. Функция сингармонизма в турецком языке, как на это указал еще И.А. Бодуэн де Куртенэ, сводится к интеграции фонетического слова, т.е. приблизительно к такой же функции, которую в русском языке выполняет ударение и редукция гласных.

2. Операция перестановки. Пример — передвижение существительного со значением исчислителя в начальную позицию синтаксической группы в конструкции типа *в пять часов → часов в пять*. Имя оператора $\text{Shift}_{\text{Sbst}(\text{MU})} \rightarrow \text{IP}$

2. 0. Общие замечания. В качестве примера перестановки воспользуемся здесь случаем аппроксимативной конструкции, ставшей предметом анализа довольно большого числа работ (см., например, [29, 264—267; 33; 34; 35; 36; 37; 38; 45; 46; 47; 48; 49]).

2. 1. Структура числового выражения. Вслед за Э. Сепиром [40, 386—408] мы будем выделять в ситуации исчисления исчисляемое множество (QS — quantifiable set), исчислитель (MU — measurement unit) и число (N). Например:

(1) *Пять (N) метров (MU) шелка (QS)*

Довольно часто при этом наименование исчислителя и исчисляемого выражаются одним и тем же именем. Например:

(2) *Пять (N) человек (MU|QS)*

В таких случаях мы будем считать, что и исчислитель, и исчисляемое здесь выражены кумулятивно, совмещены в одной лексеме.

2. 2. Суть операции. В русском языке для выражения неточного указания на число исчисляемых объектов, на момент времени, используется передвижение субстантивного члена синтаксической группы, обозначающего единицу исчисления (MU), в начальную позицию группы.

(3) (i) *Пять (N) метров (MU) шелка (QS) → метров пять шелка*

(ii) *В пяти метрах шелка → метрах в пяти шелка*

(iii) *Пять (N) человек (MU|QS) → человек пять*

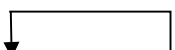
2. 3. Инструкция оператора. Для формулирования инструкции оператора в таких случаях (как, например, в случаях с чередованием) необходима фиксация исходного порядка. Нормативным порядком для предложной группы является

(4) Prep + Num + Subst (MU) + Subst (QS).

Для группы существительного с числительным:

(5) Num + Subst (MU) + Subst (QS).

Для выражений с кумулятивным способом обозначения MU и QS:

(6) Num + Subst(MU|QS)

Инструкция оператора перестановки состоит в том, чтобы исчислитель Subst(MU) переместился в начальную позицию группы (IP — initial position). Порядок остальных членов группы остается прежним.

Для препозитивной группы это выглядит так:

$\text{Prep} + \text{Num} + \text{Subst}(\text{MU}) + \text{Subst}(\text{QS}) \rightarrow \text{Subst}(\text{MU}) + \text{Prep} + \text{Num} + \text{Subst}(\text{QS})$

Для группы существительного это выглядит так:

$\text{Num} + \text{Subst}(\text{MU}) + \text{Subst}(\text{QS}) \rightarrow \text{Subst}(\text{MU}) + \text{Num} + \text{Subst}(\text{QS})$

Для группы с кумулятивным способом выражения MU и QS это выглядит так:

$\text{Num} + \text{Subst}(\text{MUQS}) \rightarrow \text{Subst}(\text{MU|QS}) + \text{Num}$

Как это видно из приведенной схемы, кумулятив ведет себя здесь как исчислитель, а не как исчисляемое.

Стрелками показаны синтаксические отношения между членами группы. Они должны продемонстрировать, что синтаксические отношения между ними после перестановки остаются прежними. Направление зависимости определяется, как обычно, по правилу Базелла [44, 82].

Таким образом, первым шагом инструкции должно быть построение нормативной цепочки словоформ группы, а вторым — передвижение исчислителя в начальную позицию группы (без изменения порядка остальных членов группы).

2. 4. Операция $\text{Shift}_{\text{Sbst}(\text{MU})} \rightarrow \text{IP}$ как языковой знак.

2. 4. 0. Запись в метаязыке.

Поскольку $\text{Shift}_{\text{Sbst}(\text{MU})} \rightarrow \text{IP}$ является означающим отдельного языкового знака, который мы приравниваем к отдельной лексеме со значением ‘приблизительно, предположительно’, линейная глубинная запись всего выражения должна содержать обозначение оператора: $\text{Shift}_{\text{Sbst}} \rightarrow \text{IP} \#\#\text{в}\#\text{пять}\#\text{часов}$. Имя лексемы-оператора должно появиться и в отображении синтаксической структуры группы. В словаре лексем этому оператору должна быть отведена отдельная словарная статья, где должно быть описано означающее знака, его значение и синтактика, в частности, грамматические характеристики (частеречный статус), модель управления, ограничения на сочетаемость.

2. 4. 1. Семантика лексемы. Тот факт, что операция здесь является отдельным языковым знаком со своим означаемым и синтактикой, легко проверяется с помощью

языкового эксперимента. Так, при переводе на язык, в котором описанная конструкция отсутствует, например, на английский, смысл операции должен быть передан отдельной лексемой, например, *approximately* или *about*. Ср. (7) (i) и 7 (ii):

(7) (i) *approximately 5% of people at age 40* — ‘процентов 5 людей в возрасте 40 лет’;

(ii) *Four liters are only about 5 percent more than a gallon* — ‘четыре литра это всего лишь процентов на пять больше, чем (американский) галлон’.

Именно этими двумя лексемами переводятся русские примеры на аппроксимативную конструкцию, например, в известной докторской (Ph. D.) диссертации выпускника Принстона Аллена Лорена Биллингса [45]. Примеры он брал по большей части из монографии И.А. Мельчука [38].

У рассматриваемой лексемы имеются пересекающиеся синонимы. Так, в примерах 7 (i) и 7 (ii) интересующие нас словосочетания синонимичны сочетаниям, в которых соблюдается нормативный порядок слов и присутствуют лексемы ПРИБЛИЗИТЕЛЬНО, ПРИМЕРНО, ОКОЛО.

(8) (i) *Примерно пять процентов людей в возрасте 40 лет.*

(ii) *Четыре литра это всего лишь приблизительно на пять процентов больше, чем (американский) галлон.*

Кроме указанных синонимов, фиксирующих по Е. Куриловичу значение приблизительно, у рассматриваемой лексемы есть еще значение ‘предположительно’, которому и синонимична лексема ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНО. Полисемия — обычное для лексических единиц явление.

2. 4. 2. Синтактика лексемы. Синтактика лексемы операционального типа не совпадает ни с синтактикой лексемы ПРИБЛИЗИТЕЛЬНО, ни с таковой лексемы ПРИМЕРНО, ни с синтактикой лексемы ОКОЛО, ни с синтактикой лексемы ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНО, так же, как синтактика любой из перечисленных сегментных лексем не совпадает с синтактикой никакой из вышеназванных. Этот факт хорошо показан в работе И.А. Мельчука [38], где аппроксимативный оператор еще трактуется как разновидность

особой синтаксической конструкции. В «Курсе общей морфологии» [34; 35] он приводится в качестве примера операции. В основу кратко перечисленных ниже ограничений на сочетаемость операционной лексемы положены результаты, описанные в [38]. В некоторых местах ограничения эти переформулированы, дополнены и переосмыслены. Эти изменения будут каждый раз оговариваться.

2. 4. 2. 1. Ограничения на сочетаемость.

Ограничение 1. Лексема $\text{Shift}_{\text{Sbst}} \rightarrow \text{IP}$ не может быть частью конструкций, в которых в качестве обозначения числа используются связанная корневая словоформа ПОЛ, лексемы ОДИН и ОБА [38, 148].

(9) (i) *Сидор вышел часа на пол.

(ii) *Аполлон купил килограмм один апельсинов.

(iii) *Полицейских оба были арестованы.

Как отмечается в упомянутой работе, ограничения на сочетаемость с первыми двумя лексемами носят для аппроксимативной конструкции чисто синтаксический характер. Семантика приблизительности или предположительности вполне совместима с интенционалом этих числительных, что подтверждается правильностью предложений, в которых соответствующие компоненты смысла обозначены сегментными лексемами.

(10) (i) Сидор вышел приблизительно (предположительно) на полчаса.

(ii) Аполлон купил предположительно (приблизительно) один килограмм апельсинов.

В этом и состоит, в частности, отличие синтактики оператора $\text{Shift}_{\text{Sbst}} \rightarrow \text{IP}$ от таковой его сегментных эквивалентов.

Ограничения на сочетаемость с ОБА для оператора и сегментных способов выражения аппроксимативности являются общими. Хотя для семантики предположительности ограничение отсутствует.

(11) (i) *Приблизительно оба полицейских были арестованы VS

(ii) Предположительно оба полицейских были арестованы.

Ограничение 2. Аппроксимативная операция сочетается с лично-количественными (= собирательными) числительными только при *pluralia tantum* и только в тех случаях, когда при *pl. tantum* невозможны обычные количественные числительные (при существительных с полной парадигмой невозможны «малые» собирательные числительные, в составе числового выражения стоящего в именительном или винительном падеже) [38, 149].

(12) (i) *Суток трое их не было* (В. Шукшин. Хахаль).

(ii) *Их не было суток пять* (*пятеро).

(iii) *Пришло человека четыре* (*человек четверо).

Ограничение 3. Лексема $\text{Shift}_{\text{Sbst}} \rightarrow \text{IP}$ не может сочетаться с обозначениями дробей.

Ограничение переформулировано.

(13) (i) **Трети две учеников девятого класса не справились с заданием* (пример Е. Грунтовой).

(ii) *Приблизительно две трети учеников девятого класса не справились с заданием.*

(iii) *Предположительно две трети учеников девятого класса не справились с заданием.*

(iv) **килограммов десять и три четвертых (четверти)* [38, 149—150].

Исключение составляют конструкции с лексемами половина и четверть в сочетании с предлогом *С* [38, 150].

(14) *килограммов пять с половиной (четвертью).*

Ограничение 4. Аппроксимативная операция не может сочетаться со сложными обозначениями чисел, в которых присутствуют простые субстантивные обозначения (ТЫСЯЧА, МИЛЛИОН и т.п.) [38, 150].

(15) (i) **тонн шесть тысяч пятьсот.*

(ii) *приблизительно (предположительно) шесть тысяч пятьсот тонн.*

Ограничение 5. Выдвижение на первое место в синтаксической группе обозначения исчислителя не предполагает при нем препозитивного определения [38, 151], только постпозитивные.

- (16) (i) **Акакий провел там веселых часа три.*
- (ii) *Акакий провел там примерно три веселых часа.*
- (iii) *Акакий провел там часа три, веселых и беззаботных.*

Ограничение 6. Непервообразные предлоги не позволяют исчислителю передвигаться в начальную позицию [38, 152—153].

- (17) (i) **лет спустя десять*
- (ii) *спустя десять лет / десять лет спустя / лет десять спустя / спустя лет десять.*

Об ограничении 7. В работе [38] отмечается следующее ограничение: «Аппроксимативно-количественные сочетания встречаются преимущественно в именительном, винительном и родительном падежах: почти все собранные мною примеры именно так. Предложный падеж также возможен, хотя и во много раз реже. Что же касается дательного и творительного падежей, то ни одного текстового примера на употребление аппроксимативно-количественных сочетаний в этих падежах я не нашел». Мельчуку вторит и Е.А. Лютикова: «Аппроксимативная инверсия в русском языке обладает целым рядом нетривиальных свойств. Во-первых, аппроксимативная инверсия встречается преимущественно в контексте структурного падежа (номинатива и аккузатива, ср. (3.103)); ограниченно допустима аппроксимативная инверсия также в генитивном контексте (ср. (3.104a–b) и недопустимость (3.104c–d) (так в тексте — А.Б., Г.Б, М.Ч.))» [29, 265]. В качестве недопустимых приводятся, действительно, синтаксически сомнительные предложения.

- (18) (i) **Он был доволен студентами пятью.*
- (ii) **Он позвонил коллегам пяти.*

Однако, если заменить в последнем примере лексему КОЛЛЕГА на «профессиональный» исчислитель ЧЕЛОВЕК, предложение становится приемлемым:

(iii) *Он позвонил человекам пяти.*

Из этого следует, что дело не столько в конструкции, сколько в лексемах, обозначающих исчислитель. О том же говорит и И.А. Мельчук: «По-видимому, вообще говоря, дательный и творительный падежи, так сказать, противопоставлены аппроксимативно-количественному сочетанию, однако их употребление облегчается, если в роли S выступает типичное счетное слово, т.е. обозначение единицы измерения» [38, 154]. Кроме уже сказанного об этом ограничении, следует отметить, что в целом ряде конструкций с дательным и творительным падежами, не попавших в поле зрения Мельчука (в 1985 г. еще не был создан НКРЯ), оператор $\text{Shift}_{\text{Sbst}} \rightarrow \text{IP}$ чувствует себя вполне комфортно.

(19) (i) *Посоветовал собраться на частное собрание человекам пяти-шести* (И.В. Бабушкин) [НКРЯ].

(ii) *...в случае надобности можно было помещаться человекам трем на козлах и человекам пяти в рогожном мешке, прикрепленном в задней части кузова.* (Д.В. Григорович) [НКРЯ].

(iii) *Вели мне и человекам пяти из псарей отправиться к границам владения Балтазарова* (В.Т. Нарезный) [НКРЯ].

(iv) *Есть ему хотелось всегда часами двумя раньше времени* (Глеб Успенский) [НКРЯ].

(v) *Он выехал днями двумя раньше меня в Питер* (В. Г. Короленко. НКРЯ).

(vi) *Годам (*летам) к пятидесяти холостяки становятся сентиментальными, как барышни* (Л. Юзефович) [НКРЯ].

Но:

(vii) *Лет (*годов) в пятьдесят холостяки становятся сентиментальными.*

(viii) *В четвертом классе был у нас один товарищ, по фамилии Озеров, годами двумя старше меня* (Ф.И. Буслаев) [НКРЯ].

Ограничение 8. Использование $\text{Shift}_{\text{Sbst}} \rightarrow \text{IP}$ недопустимо в официальной и научной речи⁸. Ср.:

(20) (i) *Приблизительно десять (около десяти) членов правительства выступили против данной инициативы.*

(ii) *Предположительно десять членов правительства выступили против данной инициативы.*

VS

(iii) **Членов десять правительства выступили против данной инициативы.*

(iv) **Депутатов двадцать Государственной Думы выступили против проекта закона (пример Тимура Майсака).*

(v) *Около пятидесяти испытуемых прошли тест без ошибок.*

(vi) **Испытуемых пятьдесят прошли тест без ошибок.*

2. 4. 2. 2. Модель управления лексемы.

«Интересные для теоретической семантики и лексикографии синтаксические свойства слова, — писал в «Лексической семантике» Ю.Д. Апресян, — это, в первую очередь, его активные семантические валентности, т.е. те валентности слова, которые присоединяют к нему синтаксически зависимые слова и **каждой из которых соответствует переменная в толковании его значения**» [1, 119—120] (полужирный шрифт — наш, А.Б., Г.Б., М.Ч.). Из этого положения классика отечественной семантики следует, что соединение слов в предложении можно представить себе, грубо говоря, как подстановку на место переменных, определенных на конкретном классе лексем, словоформ, согласованных с конкретными словоформами, валентными на подставляемые. Коль скоро у $\text{Shift}_{\text{Sbst}} \rightarrow \text{IP}$, как у всякого полноценного языкового знака имеется свой интенциональный компонент, у него должны в толковании быть переменные, а, следовательно, и валентности. На наш взгляд, возможные толкования лексемы $\text{Shift}_{\text{Sbst}} \rightarrow \text{IP}$ должны выглядеть следующим образом: 1. ‘возможно N, но реальное число N’ может быть равно N, может быть незначительно больше, или незначительно меньше N’. 2. ‘Вероятно N, но адресант A до-

⁸ Этого ограничения у И.А. Мельчука нет.

пускает, что реальное число N' отличается от N' . В этом толковании единственной переменной является число. Из чего следует, что у интенционала знака одна семантическая валентность — на число, она заполняется в тексте числовым выражением.

По аналогии с частеречным статусом синонимов можно заключить, что частеречная принадлежность $\text{Shift}_{\text{Sbst}} \rightarrow \text{IP}$ — наречие.

3. Рекурсивная операция изменения таксономического статуса языковой единицы (РОИТС). Янтарные конструкции.

3. 1. Образование основы глаголов ЭКАТЬ, МЕКАТЬ И АКАТЬ.

3. 1. 1. Толкование глаголов ЭКАТЬ и МЕКАТЬ.

В некоторых русских словарях зафиксированы глаголы ЭКАТЬ (см., например, [26]) и МЕКАТЬ (см., например, [28]). Толкование этих глаголов выглядит сходным образом: «Говорить с остановками, с трудом подбирая слова и вставляя между ними звук [э]» [26] и «Говорить неясно, с остановками, запинками» [28, 530]. Часто эти глаголы выступают вместе в однородной конструкции, например, *Не смог ничего объяснить толком, только экал и мекал* [28, 530]. Нам эти толкования кажутся не вполне адекватными и точными. Речь идет о моделировании фонологическими средствами паралингвистических, не имеющих смысла продолжительных звуков, вставляемых между языковыми единицами. Вставки эти с точки зрения артикуляции обладают довольно большой вариативностью. Кардинальное отличие между ними состоит в том, что один их класс произносится с открытым ртом и напоминает неопределенный гласный, который моделируется с помощью /эээ/, другой — с закрытым ртом, напоминает назальный сонорный согласный и моделируется с помощью /mmm/. На письме они изображаются либо как *ммм*, либо как *м-м-м*, и, соответственно, как *эээ*, либо как *э-э-э*. Повтор букв обозначает, что долгота, с которой произносятся эти звуки, сильно превышает долготу произнесения одного гласного в обычной речи. Звуки, о которых сказано выше, вставляются между фрагментами осмысленной речи для моделирования реплики или ее фрагмента в тех случаях, когда темп речи вынуждает собеседника начать говорить, и либо смысл реплики у него еще не сформировался, либо не сформировался речевой проект, т.е. собеседник не может подобрать слова

и конструкцию предложения для выражения мысли. По своей функции звуки эти эквивалентны так называемым словам-паразитам (*понимаешь, ну, это, как его, короче*), вставляемым в речь с той же целью: увеличить время звучания, когда формирование смысла высказывания или способа его оформления идет медленнее, чем того требует темп звучащей речи. Такого рода не имеющие смыслового наполнения неязыковые сегменты мы далее будем называть ритмическими протезами, а их фонологические изображения — фонологическими моделями ритмических протезов. Интенционал глагола ЭКАТЬ мы будем описывать так: ‘Х использует в речи неязыковые идеофоны, функционирующие в качестве ритмических протезов, похожих на растянутый неогубленный гласный неверхнего подъема’. Интенционал глагола МЕКАТЬ мы будем описывать так: ‘Х использует в речи неязыковые идеофоны, функционирующие в качестве ритмических протезов, похожих на растянутые назальные согласные’.

3. 1. 2. Сегменты Э-Э-Э и М-М-М как означающие языковых знаков.

Как ни странно, в словарях э-э-э и м-м-м толкуются независимо от связанных с ними глаголов. Прочитую еще раз толкование глаголов «*Экать* — Говорить с остановками, с трудом подбирая слова и вставляя между ними звук [э]» [26] и ее же толкование э-э-э (словарная статья Э): «Употребляется при обозначении, при передаче звуком заминки в речи (от смущения, неожиданности и т.п.)» [26]. «*Мекать* — говорить неясно, с остановками, запинками» [28, 530] и «*Мм; м-м; м-м-м* — обозначает звук, произносимый кем-л. в состоянии нерешительности, сомнения, недоумения и т.п. при заминке в речи» [28, 547]. Мы будем толковать м-м-м следующим образом: ‘фонематическое обозначение неязыкового идеофона Х, функционирующего в речи в качестве ритмического протеза, похожего на растянутый губно-губной назализованный согласный Y’ и э-э-э, следующим образом: ‘фонематическое обозначение неязыкового идеофона Х, функционирующего в речи в качестве ритмического протеза, похожего на растянутый неогубленный гласный неверхнего подъема Y’. Из этого толкования видно, что корнем глаголов ЭКАТЬ и МЕКАТЬ являются междометия э-э-э и м-м-м.

Теперь разберемся, что за тип знаков эти э-э-э и м-м-м. По семантике они ни на что не похожи, поскольку это пустые с точки зрения смысла протетические вставки, техническая деталь механизма построения текста, в котором сопряжены поддающееся восприятию означающее, сотканное из звука, и невидимое, неосязаемое означаемое. Это не предусмотренная сюжетом звуковая пауза в потоке передачи содержания текста. У этих знаков есть референт, звук похожий на гласный или согласный, но нет интенционального компонента. Есть лишь функция, необходимая адресанту и совершенно не нужная адресату. Эта непредусмотренность всегда раздражает, поскольку сбивает с темпа, отсюда отрицательные коннотации, сопровождающие эти знаки. Язык не придумал для них отдельного класса. Формально они попадают в класс междометий, совпадая с ними по ряду параметров. (А) Междометия, как правило, не имеют свободных валентностей, поэтому не могут вступать в синтаксические связи ни с каким другим классом лексем. У ритмических протезов свободных валентностей и не может быть, поскольку они лишены интенционального компонента, являются пустыми знаками. (Б) Это свойство превращает их в синтаксические изоляты, и, хотя в них не содержится никакого сообщения, они образуют отдельное предложение, а в диалоге — отдельную законченную реплику. Эта черта междометий — семиотический атавизм. Так устроены сигналы животных: они не способны комбинироваться с другими сигналами в сложное сообщение (см. об этом подробнее [19]). Зададимся теперь вопросом, являются ли э-э-э и м-м-м морфемами? Мы считаем, что не являются, как не являются морфемами другие идеофоны, в том числе протезы типа *тра-та-та*, *тра-ля-ля*, *тир-ям-нам-нам*, моделирующие фонетические слова и служащие носителями движения тона. Смысла в них тоже никакого нет. Эти образования не обладают основными свойствами морфемы. У ее означающего, в частности, должны быть четко очерченные границы. Означающее морфемы должно иметь четко повторяющуюся форму и однозначную связь с определенным интенциональным компонентом. Вспомним квадрат Гринберга, например:

поле

—

поля

‘открыт. земн. простр-во’⁹+‘nom’+‘sg’ — ‘откр. з. пр-во’+‘nom’+‘pl’

море

—

моря

‘больш. водн. пр-во’+‘nom’+‘sg’ — ‘больш. водн. пр-во’+‘nom’+‘pl’

Ритмический протез можно моделировать двумя фонемами, можно тремя и четырьмя, а поскольку значение у них пустое, все эти способы обозначения будут отображать одно и то же содержание: $\text{э-э} = \text{э-э-э} = \text{э-э-э-э}$; то же можно сказать и об *м-м*, которое равно $\text{м-м-м} = \text{м-м-м-м} = \text{м-м-м-м-м}$. В биосемиотике выделяется тип сигналов, которые называются насосами. Звук, представляющий означающее насоса, продолжается до тех пор, пока его воспроизводство не достигает своей цели. Примером такого рода сигнала может быть плач ребенка. Ребенок плачет до тех пор, пока к нему не подойдут взрослые и не устранят причину его недовольства. В этом смысле э-э-э и м-м-м тоже относятся к этому типу сигналов. Человек экает и мекает до тех пор, пока у него в голове не сформируется удовлетворительный речевой проект.

Если мы теперь зададимся вопросом о том, как делятся на морфемы глагольные словоформы *экать* и *мекать*, есть ли в них корневая морфема, мы наверняка не испытаем по поводу ответа на эти вопросы никаких затруднений, они делятся на морфы следующим образом: $\text{э} \otimes \text{к} \otimes \text{а} \oplus \text{ть}$ и $\text{ме} \otimes \text{к} \otimes \text{а} \oplus \text{ть}$ ¹⁰. Корневыми морфемами в этих образованиях будут, соответственно, {Э} и, предположительно, {МЕ}, которую мы все же разобьем на две морфемы: {М}, означающее которого совпадает с означающим исходного идеофона, и пустую тематическую морфему {Е}, которая нужна в словообразовательной базе для того, чтобы в ней появилась гласная, обеспечивающая правильное построение слоговой структуры. Трудности начинаются с того момента, когда мы, поняв, что между указанными корневыми морфемами и соответствующими междометиями, морфемами не являющимися, существует связь, причем, как означающего, так и означаемого, попытаемся эту связь осмыслить с точки зрения теории. Никакие традиционные методы нам этого

⁹ Толкования сильно упрощены.

¹⁰ $\otimes$ — обозначение левой границы деривативного морфа, $\oplus$ — левая граница грамматического показателя

сделать не позволяют. На наш взгляд, единственным теоретически осмысленным способом объяснения этого случая является действие операции. Причем эта операция не под-
ходит ни под один класс из тех, которые были перечислены выше. В этом случае сег-
ментная единица, образованная по определенным правилам (растягивание звука без из-
менения его артикуляционных характеристик) после приведения ее к однофонемному
сегменту преобразуется в корневую морфему. Последняя операция меняет синтактику
исходной единицы, но меняет ее не так, как обычная конверсия, преобразующая единицу
некоторого типа в другую, но того же типа (преобразует одну часть речи в другую, один
класс морфем в другой (например, предлоги в префиксы, как в русском языке, корни в
клитики, как это обстоит с копулативной морфемой и комитативом в турецком языке)).
Эта операция преобразует единицу одного яруса (сегмент) в единицу другого яруса с
присвоением ей новой синтактики, а именно синтактики корневой морфемы, и семанти-
ки, описанной выше.

Для описания подобного рода конструкций А.Н. Барулин в работе [21, 69 и далее] ввел понятие **рекурсивной операции изменения таксономического статуса (РОИТС)**. Как указывается в упомянутой статье, РОИТС представляет собой класс упорядоченных цепочек операций, главная из которых состоит в изменении таксономического статуса языковой единицы. Как и всякая операция, она состоит из аргумента, над которым она производится, инструкции, в которой указывается, что нужно сделать с аргументом, чтобы получить нужный результат, и сферы действия операции. Но аргументом РОИТС может быть любая языковая единица от фона до предложения, а преобразование аргумента в ней носит межъярусный характер. И в этом состоит главная ее особенность.

Рассмотрим теперь подробно наш случай. Сами сегменты *э-э-э* и *м-м-м* мы будем считать результатом трансформации растягивания фонемы, проявляющимся в n -кратном увеличении времени ее произнесения, где $n \geq 2$. В глубинной записи эти сегменты будут выглядеть так: $\text{Prolong}_{n \geq 2} (/e/)$ и $\text{Prolong}_{n \geq 2} (/m/)$. В образовании корневых морфем из этих сегментов принимает композиция двух операторов $\text{De-Prolong}_{n \geq 2} (/X/)$ и разновидность РОИТС. Первый оператор в один шаг отменяет растягивание фонемы: $\text{De-Prolong}_{n \geq 2} (\text{Pro-}$

$\text{long}_{n \geq 2} (/e/) \rightarrow /e/$, $\text{De-Prolong}_{n \geq 2} (\text{Prolong}_{n \geq 2} (/m/)) \rightarrow /m/$. Второй оператор работает с результатом работы первого: $\text{AmberT}^{11}_{/V/ \rightarrow \{V\}} (/e/) \rightarrow \{/e/\}$, преобразуя фонему в один шаг в морфему с тем же значением, что и у эээ, с означающим $/e/$ и $\text{AmberT}_{/C/ \rightarrow \{C\} + \{\text{Tem}V\}}$. Интересно, что действие операции янтарного преобразования одинаковы для всех растягиваемых гласных $\text{AmberT}_{/V/ \rightarrow \{V\}} (/a/) \rightarrow \{/a/\}$, $\text{AmberT}_{/V/ \rightarrow \{V\}} (/o/) \rightarrow \{/o/\}$ и т.д. (ср. глаголы АКАТЬ, ОКАТЬ). А вот преобразование растянутых согласных подчиняется разным правилам, отличающимся тем, какая тематическая гласная добавляется к согласной при образовании корневой морфемы от идеофона. Так, звук, который издают в полете муха, пчела, шмель, слепень (овод), жук изображается растянутым $/ж/$, но корень глагола, связанного с соответствующим идеофоном, образуется совершенно по другим правилам, нежели $\{M\} + \{E\}$. Там в качестве корневой морфемы выбирается троекратное растяжение $/ж/$, а затем после первой согласной вставляется тематический инфикс $/y/$ (ЖУЖЖАТЬ). В ШИКАТЬ, РЫКАТЬ и РЫЧАТЬ выбирается обычная долгота согласной, к которой присоединяется тематический гласный $/ы/$.

Точно так же, как и в рассмотренном случае, в морфологической конструкции $a \otimes_k \otimes_a \otimes_n \otimes_y \oplus_e$ РОИТС повышает статус фонемы $/â/$ до связанной корневой морфемы: $\{/â/\}$, которая в ударной позиции преобразуется в $/a/$. с определенной синтактикой и семантикой ('замена в безударном слоге после твердых согласных архифонемного $[O]$ на фонологическое $/â/$ '), затем к новообразованному корню по известным правилам присоединяется глагольный суффикс $\{K\}$ с последующим присоединением отглагольных именных суффиксов. В приведенном примере янтарной конструкцией является вновь образованная морфема $\{/â/\}$ с приписанной ей семантикой и синтактикой.

4. Проблема образования кратких имен от полных.

¹¹ AmberT — операция янтарного преобразования языковой единицы, состоящего в том, что ей приписывается статус единицы другого яруса, чем тот, который она имеет перед преобразованием. Янтарным оно называется потому, что похоже по своему действию на действие шарика смолы, внутрь которого попадает какое-то инородное тело. Янтарь прозрачен, и мы можем понять, что за тело оказалось внутри шарика. Однако янтарная конструкция имеет еще и то свойство, что объекты, взаимодействующие с шариком, могут взаимодействовать и с единицей, которая находится внутри него. Результатом действия янтарного преобразования является янтарная конструкция. Подробнее см. [21; 23].

То, что у полных личных имен (ПЛИ) типа *Александр, Павел, Николай, Пётр* есть **соответствующие** им краткие личные имена (КЛИ) типа *Саша, Паша, Коля, Петя*, вряд ли кто-нибудь будет всерьез оспаривать. Научная лингвистическая проблема установления соотношений между ними состоит в том, чтобы определить, связаны ли они регулярными словообразовательными отношениями и, если да, то как. Поверхностное наблюдение над связанными друг с другом парами ПЛИ и КЛИ показывает, что русские КЛИ всегда содержат какую-то общую часть с соответствующими ПЛИ, например, в имени САША выделяется основа СА, суффикс {Ш} и флексия {А}. Последовательность фонем /са/ содержится и в имени *Алекса́ндр*. При этом в ПЛИ /са/ не является означающим отдельной морфемы, а в КЛИ этот сегмент играет роль означающего корневой морфемы. То же самое имеет место в паре ПАВЕЛ — ПАША. *Паша*, так же, как и *Саша* делится на основу ПА, суффикс {Ш} и флексию {А}. И так же сегмент /па/ содержится в *Павел* и не является в нем означающим отдельной морфемы, при том, что в *Паша* этот сегмент исполняет роль означающего корневой морфемы.

Задача осложняется тем, что судя по этим соответствиям создается полное ощущение производности КЛИ от ПЛИ, но, если полностью проигнорировать очевидное существование операций в роли означающего языкового знака, производные должны быть и фонетически и морфологически сложнее, чем исходные образования. А КЛИ фонетически всегда проще. Если же говорить о морфологической стороне дела, то единственный признаваемый традицией способ выделения в сегментной структуре означающих морфов, квадрат Гринберга, нам ничего не даст.

В очень правильном направлении по поводу трактовки соотнесенности КЛИ и ПЛИ, на наш взгляд, думал Юрий Сергеевич Маслов, который объяснял образование кратких имен от полных процессом сокращения, при котором происходит «усечение, отбрасывание тех или иных звуковых отрезков из состава соответствующего полного слова. <...> Во всех этих случаях (стилистически разнородных) производящая основа не видна прямо в производном слове, не содержится в нем материально. Но она, так сказать, угадывается в нем, поскольку для сознания говорящих остается ясной его связь с несокра-

щенным словом. Функцию словообразовательного форматива выполняют здесь разного рода изъятия из состава производящей основы. В этом смысле можно говорить об «отрицательном», «вычитательном» словообразовательном формативе» [30, 152—153]. Маслов практически говорит здесь о языковых операциях, хотя термина этого не употребляет. При этом он высказывает здесь гипотезу о том, в каком направлении следует искать решение задачи, но не приводит ни одного примера регулярно повторяющейся модели сокращений и не вводит никакого метаязыка, с помощью которого можно было бы достаточно строго описать языковые процессы, лежащие в основе построения КЛИ из ПЛИ.

Следует отметить, правда, что в своем учебнике Маслов лишь неточно обобщает стратегии построения КЛИ, более подробно перечисленные в словарях личных имен, таких, например, как [39]. Петровский в своем словаре перечисляет такие операции над ПЛИ, как усечение начальной гласной (у нас — первого слога, если он начинается на гласную или йотированную гласную), например, *Настасья* от *Анастасии*, *Сидор* от *Исидор*, наращение начальной гласной такие, как, например, *Аксинья* от *Ксения*, *Изосим* от *Зосима*, «появление вставных звуков в основе имени» — *Иван* от *Иоанн*, *Силантий* от *Силан*, «уподобление гласных звуков в основе имени» — *Маланья* от *Мелания*, *Палагея* от *Пелагея*, «замещение одних звуков на другие» — *Агапон* от *Агафон*, *Кирсан* от *Хрисанф*, «расподобление согласных» — *Перфилий* от *Порфирий*, *Меркул* от *Меркурий*, смягчение твердых согласных — *Матрёна* от *Матрона*, *Флёр* от *Флор*, «отверждение мягких согласных» — *Давыд* от *Давид*, *Мартын* от *Мартин*, «отбрасывание окончаний¹² в именах на *-ий* (*Игнат* от *Игнатий*)». Однако и эти более точные указания на операции, с помощью которых строятся «народные» имена не описывают целостных цепочек операций преобразования ПЛИ в КЛИ, а это лишает нас возможности установления точных механизмов словообразования в классе личных имен. Я уже не говорю о том, чтобы проследить, ка-

¹² Строго говоря, *-ий* не является окончанием имен типа *Игнатий*, окончание им.п. ед.ч. здесь нулевое. Безударный сегмент /êi/, обозначаемый буквами как *ий*, присутствует во всех формах парадигмы склонения имени /êgnát'êiə/, / êgnát'êiêə/, /êgnát'êiêm/. Но Н.А. Петровский и не претендует здесь на строгость изложения: словарь рассчитан не только на лингвистов.

кие синтаксические характеристики наследуют корневые морфемы кратких имен от корневых морфем полных.

В 1991 студент второго курса факультета теоретической и прикладной лингвистики РГГУ, будущий автор основополагающего труда по русской морфологии, И.Б. Иткин, в сборнике задач для XXII Традиционной олимпиады по лингвистике и математике опубликовал лингвистическую задачу на правила образования коротких личных имен от полных [27]. В условия задачи входило 18 пар полных и кратких имен, для которых школьникам предлагалось составить правила образования кратких имен от полных. Задание звучало следующим образом: «Сформулируйте правила образования уменьшительных форм от полных. Учтите при этом, что правила должны действовать на всем материале задачи, но среди отсутствующих в ней уменьшительных имен могут быть и образованные по другим, чем предложенные Вами, правилам». Ответ должен был быть следующим: «Берётся первый сегмент со структурой CVC слева, при этом /н/ «не считается согласным» и пропускается; если CVC нет, берётся начальное VC. Если сегмент CVC в полных именах содержит /е/ или /ё/, в кратких именах на их месте после мягких согласных перед твердыми появляется /ё/, между мягкими согласными — /е/. После губных и заднеязычных конечного согласного сегмента CVC добавляется окончание а, после зубных — окончание я (решается через парность)». После составления правил школьникам предлагалось по ним образовать краткие имена от экзотических полных ИНОЗЕМЕЦ, ЛЁТЧИК, НАВИГАТОР, ОЛЕАНДР, РЕСУРС, РЕФЛЕКС. Ответ читатели могут дать сами.

В этой задаче уже есть наметки, по которым можно было бы написать серьезную статью в научном журнале, сделанную на более обширном материале. Жаль, что автор не реализовал идею этой задачи.

Ниже мы попытаемся развить идеи отечественных специалистов по личным именам и с помощью описанного выше аппарата зафиксировать типы операций, участвующих в упомянутых процессах, и конкретные, повторяющиеся цепочки операторов, со-

ставляющих словообразовательные морфемы, с помощью которых осуществляются сложные процессы деривации в этом пласте лексики.

Материал, представленный в данной работе, взят из словарей личных имен [39; 41; 42; 43] и является выборкой из обширной классификации, основанной на образовании КЛИ. Выбраны случаи — классы — наиболее типичные и наиболее часто встречающиеся в русском языке, то есть те, которые демонстрируют образование сразу нескольких имен по одной и той же стратегии. Таким образом выявлено 13 классов-стратегий, объединяющих в себе 89 КЛИ, имеющих разные исходные ПЛИ. Повторяемость кластера операций и последовательности их работы демонстрирует устойчивость стратегии построения КЛИ от ПЛИ, а сами сложные операции должны быть признаны регулярным словообразовательным средством, приравненным к морфеме. К этому мы еще вернемся при описании результатов, полученных в процессе построения модели синтеза КЛИ из ПЛИ.

Модель была экспериментально проверена Г. К. Бронниковым, создавшим на основе нашего описания компьютерную программу, на вход которой подается ПЛИ, а на выходе получаются КЛИ в словарной форме.

СЛОВАРЬ ОПЕРАТОРОВ

с необходимыми пояснениями

В процессе исследования было выяснено, что операции, перечисленные ниже, работают не с сигнификативными единицами, морфемами и грамматическими словами, а с метрическими единицами – слогами, частями слогов, акцентными словами (см. по поводу разграничения метрических и сигнификативных единиц [15; 21]), что еще раз демонстрирует необходимость разделения двух линий усложнения языковых единиц и изучения их взаимодействия. Поэтому словарь исходных для применения операций ПЛИ будет представлять собой акцентуированную словоформу в им.п. ед.ч., разделенную на слоги, например:

А-лек-сандр

Па-вел

Вя-че-слав и т.д.

Для удобства понимания того, как действуют перечисленные ниже операторы, знаком $\#$ будут отделены части слога, существенные для действия оператора: инициаль слога (согласный или консонантный кластер, предшествующий гласной), медиаль слога (его гласный) и финаль слога (согласный или консонантный кластер, следующий за гласным). Первая и последняя часть слога может быть пустой. Например:

А-л#е#к-с#a#ндр

В#я-ч#е-сл#a#в.

Как обычно, при имени оператора в скобках указывается его аргумент.

Материал будет подаваться в разработанной А.Н. Барулиным фонологической или архифонемной транскрипции.

Группа операторов, выделяющих сегмент ПЛИ по его характеристике.

***Str (AWF¹³)** — выделяет ударный слог.

***Ini (Syl¹⁴)** — выделяет инициаль слога (согласный или консонантный кластер, предшествующий гласному слога).

***Med (Syl)** — выделяет медиаль слога (гласный данного слога).

***Fin (Syl)** — выделяет финаль слога (согласный или консонантный кластер, следующий за гласным).

IniMed (Syl) — сложный оператор, представляющий собой композицию двух операторов, первый из них (**Ini**) выделяет инициаль слога, второй (**Med**) — медиаль слога.

Syl1 (AWF) — выделяет 1-й слог.

***Syl2 (AWF)** — выделяет 2-й слог.

***Syl3 (AWF)** — выделяет 3-й слог.

***Syl4 (AWF)** — выделяет 4-й слог.

Syl1Ini (AWF) — сложный оператор, представляющий собой композицию двух операторов, первый из них (**Syl1**) выделяет 1-й слог, второй — инициаль второго слога.

¹³ AWF — accented wordform ‘акцентуированная словоформа’.

¹⁴ Syl — syllable — слог.

SylStrIni (AWF) — сложный оператор, представляющий собой композицию двух операторов, первый из них (**SylStr**) выделяет открытый ударный слог, второй (**Ini**) — инициаль следующего слога.

Операторы, изменяющие фонологический состав ПЛИ

Elim (AWF) — элиминирует все сегментные цепочки акцентного слова, кроме выделенного сегмента.

Elim1 (AWF) — удаляет выделенный сегмент.

***Syl1Elim1 (AWF)** — элиминирует 1-й слог акцентного слова.

StrElim (AWF) — элиминирует все сегментные цепочки акцентного слова, кроме ударного слога.

Syl1Ini2Elim (AWF) — элиминирует все сегменты акцентного слова, кроме выделенного первого слога с инициалью второго слога.

Syl1VocElim1 (AWF) — усечение первого слога, если он равен гласной (V) или сочетанию /yV/

Pal (Phon) — смягчение конечной фонемы результата действия предыдущего оператора

Vel (Phon) — отвердение конечной фонемы результата действия предыдущего оператора.

Кроме указанных операторов в преобразовании ПЛИ в КЛИ будет задействован оператор янтарного преобразования $\text{AmberT}_{\text{Syl}/\rightarrow\{\text{Syl}\}}$, который должен будет придать результату действия операторов над сегментным составом ПЛИ морфологический статус, как мы это видели в случае преобразования идеофонов в корневой морф и оператор Choice, введенный выше. Ниже приводятся 13 пошаговых стратегий преобразования ПЛИ в КЛИ в формульном и, ниже, в словесном виде.

1. StrElim (ПЛИ) $\rightarrow^{15}$ IniMed (Res¹⁶ (StrElim)) $\rightarrow$ Elim (Res (IniMed)) $\rightarrow$ AmberT_{/Syl/} $\rightarrow_{\{R(/Syl)\}}$ (Res (Elim)) $\rightarrow \{R(/Syl)\} \rightarrow \{R(/Syl)\} \otimes \{\text{Ш}\} \oplus \{\text{Infl}\} / \{R(/Syl)\} \otimes \{\text{H}'\} \oplus \{\text{Infl}\}$.

1-й шаг: в ПЛИ находится и выделяется ударный слог; 2-й шаг: берется результат работы предыдущего оператора, удаляются все фонологические цепочки ПЛИ, кроме выделенного слога; 3-й шаг: в выделенном ударном слоге отмечается инициаль и медиаль этого слога; 4-й шаг: удаляются все фонологические цепочки, кроме выделенного сегмента; 5-й шаг: полученный в результате действия последнего оператора **слог** с помощью оператора AmberT преобразуется в **корневую морфему** с означающим в виде упомянутого слога с включением в семантику производного образования часть значения ПЛИ (информация о том, что именуется тот же человек, с теми же характеристиками) и нового компонента значения, содержащего прагматическую информацию о том, кто может пользоваться этим обозначением: грубо говоря, люди, входящие в круг ровесников, и ближний круг старших родственников, а также люди, которым носитель имени представился именем с полученной корневой морфемой; кроме того, этой морфеме приписывается другая синтактика, правила сочетаемости (Ср., например, *Александр $\otimes$ и $\oplus$ а, *Александр $\otimes$ н $\oplus$ я, но Са $\otimes$ и $\oplus$ а, Са $\otimes$ н $\oplus$ я, Александрович, но *Саевич; в чистом виде корень этот может сочетаться только с двумя деривативными суффиксами {Ш} и {Н'} (Саиша, Саня)). Без них соединение корня с флексией невозможно. Очевидно, этот запрет объясняется тем, что означающее синтезированного корня имеет структуру CV. В других типах операционального синтеза (см. ниже) для тех же целей (закрытия открытого слога) у соседнего слога отбирается его инициаль, и запрет на несочетаемость синтезированного корня с флексией снимается.

Если учесть все задействованные в образовании новой морфемы операторы, первый из которых имел в качестве аргумента ПЛИ, становится очевидно, что новое морфемное образование сложнее, чем исходное ПЛИ, и что оно является производным от

¹⁵ Жирной стрелкой $\rightarrow$ будет обозначаться переход от одной операции к другой, тонкой стрелкой — переход от обозначения оператора к результату его действия.

¹⁶ Res — result, ‘результат действия предыдущего оператора’.

исходного. Это особенно хорошо видно по семантике новой морфемы, которая включает в себя семантику исходного ПЛИ и добавочный компонент, привносящий изменения в прагматическую информацию о том, кто может использовать производное имя при именованиях его носителя по правилам этикета, принятым в данном языковом коллективе. В глубинной линейной записи мы будем отображать и исходную морфему и вновь полученную, считая эту последнюю при переходе к поверхностной линейной записи кумулятивным способом обозначения двух морфем: например:

$$\{\text{АЛЕКСАНДР}\} \otimes \{\text{Str} \cdot \text{Elim} \cdot \text{Ini} \cdot \text{Med} \cdot \text{Elim} \cdot \text{AmberT}_{/\text{Syl}/\rightarrow \{\text{R}/\{\text{Syl}/\}}\} (\{\text{АЛЕКСАНДР}\})\}.$$

6-й шаг: описание словообразовательных моделей, встречающихся с данной корневой морфемой, а именно присоединение к корневой морфеме словообразовательной морфемы {Ш} или {Н'} и флексии. Морфемы {Ш} и, в другой словообразовательной конструкции, {Н'} в основе КЛИ связаны с корневой морфемой КЛИ юнктивно-актантным морфолого-синтаксическим отношением¹⁷, являются зависимыми в синтаксически связанной паре, поэтому согласовательный класс морфологической конструкции основы должен наследоваться от корневой морфемы, а не от {Ш} или {Н'}¹⁸. В связи с этим вполне понятно, почему полученная лексема того же рода, что и ПЛИ, и обозначает одушевленный объект. Тип флексии, судя по случаям, когда флексия присоединяется к полученной кумулятивной морфеме непосредственно, определяется также по корневой морфеме КЛИ, она в им.п. ед.ч. везде, кроме заимствованных КЛИ типа ДЕН от ДЕНИС, /a/. Кроме указанных выше, КЛИ наследует от ПЛИ акцентную парадигму (по Зализняку — А).

$$\begin{aligned} &2. \text{StrElim (ПЛИ)} \rightarrow \text{AmberT}_{/\text{Syl}/\rightarrow \{\text{R}/\{\text{Syl}/\}}\} (\text{Res (StrElim)}) \rightarrow \{\text{R}/\{\text{Syl}/\}\} \rightarrow \{\text{R}/\{\text{Syl}/\}\} \\ &\oplus \{\text{Infl}\}. \end{aligned}$$

¹⁷ О классификации морфолого-синтаксических отношений см. [22].

¹⁸ Ср. морфолого-синтаксические конструкции с аугментативным суффиксом {ИЩ}, где этот последний в морфологосинтаксическом отношении с корнем является зависимым и не определяет согласовательного класса всей конструкции и типа флексии *домИЩе* (м.р., флексия существительных м. или ср.р. /e/, характеристики, которые диктуются корнем), но *бабИЩа* (ж.р., флексия существительных морфологически ж.р., характеристики продиктованные корневой морфемой с соответствующей синтактикой).

1-й шаг: в ПЛИ находится и выделяется ударный слог; 2-й шаг: берется результат работы предыдущего оператора, удаляются все фонологические цепочки ПЛИ, кроме выделенного слога; 3-й шаг: полученный в результате последнего шага **слог** с помощью оператора AmberT преобразуется в **корневую морфему** с означающим в виде упомянутого слога, с включением в семантику производного образования части значения ПЛИ и дополнительного компонента, характеристики которого полностью совпадают с характеристиками нового компонента значения, описанного в предыдущем пункте. В глубинной записи представление морфем будет аналогично тому, которое описано в предыдущем пункте. Так же, как и в предыдущем случае, синтактика производной кумулятивной морфемы не совпадает с таковой корня исходного ПЛИ: флексия ПЛИ — $\emptyset_{\text{им.ед.}}$, а у кумулятива — а. Как и в предыдущем случае акцентная парадигма КЛИ наследуется от ПЛИ (по Зализняку — А)

3. SylStrIni (ПЛИ) $\rightarrow$ Elim (Res (SylStrIni)) $\rightarrow$ AmberT_{/Syl/} $\rightarrow$ {R(/Syl/)} (Res (Elim)) $\rightarrow$ {R(/Syl/)} $\rightarrow$ {R(/Syl/)} $\oplus$ {Infl}.

1-й шаг: в ПЛИ находится и выделяется открытый ударный слог. 2-й шаг: находится и выделяется инициаль следующего за ударным слогом. 3-й шаг: элиминируются все фонологические цепочки ПЛИ, кроме выделенных. 4-й шаг: полученный слог преобразуется в корневую морфему с означающим, совпадающим со слогом, выделенным последним оператором. Новой морфеме приписывается семантика, совпадающая с семантикой предыдущих преобразований и синтактика, совпадающая с синтактикой ПЛИ в отношении согласовательного класса и одушевленности. В принципе, кумулятивы этого класса можно было бы дополнительно разделить на те КЛИ, у которых синтактика в отношении типа флексии не совпадает с таковой ПЛИ (*Анатолий — Толя, Арсений — Сеня, Евгений — Геня, Евсевий — Сева*), и на те, у которых она совпадает с синтактикой ПЛИ (*Зосима — Сима, Ангелина — Лина, Вероника — Ника, Елена — Лена, Зинаида — Ида, Людмила — Мила, Маргарита — Рита, Светлана — Лана, Феодора — Дора*). Однако, как отмечалось выше выбор флексии не наследуется от ПЛИ принципиально. Кумулятивная морфема подчиняется своим правилам выбора флексии. Возможно, в этом классе присоеди-

нение к ударному слогу инициали следующего диктуется тем, что после нее следует граница морфа или основы. Акцентная парадигма у всех производных этого класса совпадает с таковой исходного имени, по Зализняку — А.

4. StrElim (ПЛИ) → Pal (Res (StrElim)) → AmberT_{/Syl/→{R(/Syl)}} (Res (PAL)) → {R(/Syl)} → {R(/Syl)} ⊕ {Infl}.

1-й шаг: находится и выделяется ударный слог; 2-й шаг: удаляются все фонологические цепочки ПЛИ, кроме ударного слога; 3-й шаг: смягчается последняя согласная выделенного слога; 4-й шаг: ударный слог преобразуется в корневую морфему с означаемым, совпадающим с выделенным слогом. В отношении семантики проделывается все то же, что и в предыдущих случаях. В синтактике род и одушевленность наследуется от ПЛИ, флексия выбирается по тем же правилам, что и в предыдущих случаях. Акцентная парадигма наследуется от ПЛИ. КЛИ этого класса *Митя*, кстати сказать, образуется от старой, церковной формы этого имени, *Димитрий*, а не от современной *Дмитрий*. Это хорошо согласуется с тем, что имя *Дима*, построенное по другой модели, тоже образуется от старой, а не от новой формы имени. Модель с отбрасыванием первой согласной (первой части инициали), равно как и с вставкой в инициальный консонантный кластер гласного, по нашим данным, не встречается. Это свидетельствует о значительном возрасте правил образования КЛИ от ПЛИ.

5. StrElim (ПЛИ) → AmberT_{/Syl/→{R(/Syl)}} (Res (StrElim)) → {R(/Syl)} → {R(/Syl)} ⊗ {Ш} ⊕ {Infl} / {R(/Syl)} ⊗ {Н'} ⊕ {Infl} / {R(/Syl)} ⊗ {Х} ⊕ {Infl}.

1-й шаг: выделяется ударный слог; 2-й шаг: элиминируются все фонологические цепочки, кроме выделенного ударного слога; 3-й шаг: выделенный слог преобразуется в корневую морфему. В отношении семантики проделывается все то же, что и в предыдущих случаях. Кумулятивные морфемы этого класса, как обычно, унаследовавшие от ПЛИ род и одушевленность, разделяются на те, которые сочетаются только с одним деривативным суффиксом — {Ш} (*Тиша, Триша, Яша, Даша*), и те, которые сочетаются с тремя деривативными суффиксами — {Ш}, {Н'} и {Х} (*Паша, Паня, Паха, Проша, Проня, Проха*). Без одного из двух допустимых деривативных суффиксов присоединение флексии,

как и в первой модели, невозможно. Флексии, как и в предыдущих случаях, определяет корневая морфема КЛИ — /a/. Акцентная парадигма наследуется от ПЛИ, по Зализняку — А. 4-й шаг — демонстрация деривативных моделей с суффиксами {Ш}, {Н'} и {X} $\{R(/Syl/)\} \otimes \{Ш\} \oplus \{Infl\} / \{R(/Syl/)\} \otimes \{Н'\} \oplus \{Infl\}$.

6. Syl1Ini2Elim (ПЛИ) $\rightarrow$ AmberT_{/Syl/→{R(/Syl/)}} (Res (Syl1Ini2Elim)) $\rightarrow$ {R(/Syl/)} $\rightarrow$ {R(/Syl/)} $\oplus$ {Infl}.

1-й шаг: выделяется первый слог; 2-й шаг: выделяется инициаль второго слога; 3-й шаг: элиминируются все фонологические цепочки ПЛИ, кроме выделенной; 4-й шаг: полученный слог преобразуется в корневую морфему. В отношении семантики проделывается все то же, что и в предыдущих случаях. В синтактике род и одушевленность наследуются от ПЛИ, стандартная флексия им.п., ед.ч. /a/ присоединяется непосредственно к кумулятивной морфеме (*Юлия* — *Юля*, *Лилия* — *Лиля*). Акцентная парадигма наследуется от ПЛИ.

7. Syl1Ini2Elim (ПЛИ) $\rightarrow$ Pal (Syl1Ini2Elim) $\rightarrow$ Choice·ó/é $\rightarrow$ AmberT_{/Syl/→{R(/Syl/)}} (Res (Pal)) $\rightarrow$ {R(/Syl/)} $\rightarrow$ {R(/Syl/)} $\oplus$ {Infl}.

1-й шаг: выделяется первый слог; 2-й шаг выделяется инициаль второго слога; 3-й шаг: элиминируются все архифонемные цепочки ПЛИ, кроме выделенного сегмента; 4-й шаг: палатализуется конечный согласный сегмента; 5-й шаг: архифонема [Ó₄] (абстрактная единица, интерпретируемая набором фонем /ó/ и /é/, распределенных относительно фонологического контекста) с помощью оператора Choice·ó/é, осуществляющего выбор варианта из двух этих гласных фонем по контексту: если слева от гласной мягкий согласный, а справа твердый, [O₄] $\rightarrow$ /ó/ (*Фёдор*), а, если слева мягкий согласный и справа тоже мягкий, то [O₄] $\rightarrow$ /é/ (*Федя*). 6-й шаг: полученный слог преобразуется в корневую морфему. В отношении семантики проделывается все то же, что и в предыдущих случаях. В синтактике род и одушевленность наследуются от ПЛИ, стандартная флексия им.п., ед.ч. /a/ присоединяется непосредственно к кумулятивной морфеме. Акцентная парадигма наследуется от ПЛИ. По Зализняку — А.

8. $SyllIni2Elim$ (ПЛИ) $\rightarrow Choice_{V/V1/V2/Vf}/Choice_{V/V1/V2/Vf} \rightarrow AmberT_{/Syl/} \rightarrow \{R(/Syl/)\}$
 $(Res(Choice_{V/V1/V2/Vf}/Choice_{V/V1/V2/Vf})) \rightarrow \{R(/Syl/)\} \rightarrow \{R(/Syl/)\} \oplus \{Infl\}$.

Особенность этой группы ПЛИ состоит в том, что ударение в них находится постоянно на основе, но не на том слоге, которые остается в результате преобразований. Поэтому запись исходной формы ПЛИ дается не в фонологической, а в акцентуированной архифонемной транскрипции. Приведение архифонемной записи к фонологической производится оператором *Choice*, который представлен здесь в двух разновидностях: тот, который действует после твердых согласных, и тот, который действует после мягких согласных. Этот оператор производит выбор константы из набора фонем, которые можно подставить на место переменной (архифонемы). После твердых на ударную позицию вместо соответствующей архифонемы подставляется фонема, которая может стоять в этой позиции (/a/, /o/, /e/, /u/ или /i/ (неогубленный гласный среднего ряда верхнего подъема)), выбор осуществляется по типу архифонемы (несмягчающего /a/, не чередующегося с другими гласными — A₁, не смягчающего /o/, не чередующегося с другими гласными — O₁ и т.д.) на первую предударную позицию и открытую начальную позицию акцентного слова может подставляться гласный, который может стоять в этой позиции после твердых (/â/, /ë/ (закрытое шва, появляющееся вместо /i/ в безударном слоге), /ë_o/ (закрытое огубленное шва, появляющееся вместо /u/ в безударном слоге)), на позицию более, чем первого предударного и заударного слога подставляются гласные фонемы, способные стоять в этой позиции (/ə/, /ë/, /ë_o/). После мягких на место ударной гласной могут быть подставлены смягчающие /a/, /o/, /e/, /u/ и /i/, на место безударных — /ê/, /ë_o/ . В заударной позиции может появиться еще /ë/ (закрытое /æ/, как в им.п., ед.ч словоформ типа *воля*, *поля*, *Коля*).

В этом случае тот факт, что акцентная парадигма наследуется от ПЛИ, т.е. остается на основе, позволяет не вводить специального оператора переноса ударения. Поскольку основа односложна, ударение ставится на ее единственную гласную. Это, конечно, паллиатив. Последующие исследования должны выявить закономерности акцентной системы КЛИ, которые, в общем, не должны зависеть от таких случайностей, как незапла-

нированная односложность основы. Но выявление этих закономерностей требует отдельного исследования, не входившего в задачи данной работы.

1-й шаг: выделяется первый слог; 2-й шаг выделяется инициаль второго слога; 3-й шаг: элиминируются все архифонемные цепочки ПЛИ, кроме выделенного сегмента; 4-й шаг: полученный слог преобразуется в корневую морфему. В отношении семантики проделывается все то же, что и в предыдущих случаях. В синтактике род и одушевленность наследуются от ПЛИ, стандартная флексия им.п., ед.ч. /a/ присоединяется непосредственно к кумулятивной морфеме. Акцентная парадигма наследуется от ПЛИ. Акцентная парадигма по Зализняку — А.

9. Syl1VocElim1 (ПЛИ) → Syl1Ini2Elim (Res (Syl1VocElim)) → Choice_{V/V1/V2/Vf}/Choice_{V/V1/V2/Vf} → AmberT_{/Syl/→{R(/Syl/)}} (Res (Choice_{V/V1/V2/Vf}/Choice_{V/V1/V2/Vf})) → {R(/Syl/)} → {R(/Syl/)} ⊕ {Infl}.

В этой группе нам снова понадобится оператор **Choice**, поскольку ударение и здесь падает не на выделяемый слог. 1-й шаг: выделяется 1-й открытый или йотированный слог; 2-й шаг: первый слог элиминируется; 3-й шаг: выделяется первый из оставшихся слогов; 4-й шаг: выделяется инициаль следующего слога; 5-й шаг: удаляются все цепочки фонем полученного в результате второй операции сегмента, кроме выделенного; 6-й шаг: полученный слог преобразуется в корневую морфему. В отношении семантики проделывается все то же, что и в предыдущих случаях. В синтактике род и одушевленность наследуются от ПЛИ, стандартная флексия им.п., ед.ч., выбор которой диктует кумулятивная морфема, /a/, присоединяется непосредственно к кумулятивной морфеме. Акцентная парадигма наследуется от ПЛИ. Особенности акцентных характеристик в этой группе те же самые, что и в предыдущей группе.

10. Syl1VocElim1 (ПЛИ) → Syl1Ini2Elim (Res (Syl1VocElim)) → Choice_{V/V1/V2/Vf}/Choice_{V/V1/V2/Vf} Pal (Res (Choice_{V/V1/V2/Vf}/Choice_{V/V1/V2/Vf})) → AmberT_{/Syl/→{R(/Syl/)}} (Res (Pal)) → {R(/Syl/)} → {R(/Syl/)} ⊕ {Infl}.

1-й шаг: выделяется 1-й открытый или йотированный слог; 2-й шаг: первый слог элиминируется; 3-й шаг: выделяется первый из оставшихся слогов; 4-й шаг: выделяется

инициаль следующего слога; 5-й шаг: удаляются все цепочки фонем полученного в результате второй операции сегмента, кроме выделенного; 6-й шаг: последний согласный полученного слога палатализуется; 7-й шаг: полученный слог преобразуется в корневую морфему. В отношении семантики проделывается все то же, что и в предыдущих случаях. В синтактике род и одушевленность наследуются от ПЛИ, стандартная флексия им.п., ед.ч., выбор которой диктует кумулятивная морфема, /a/, присоединяется непосредственно к кумулятивной морфеме. Акцентная парадигма наследуется от ПЛИ. Особенности акцентных характеристик в этой группе те же самые, что и в предыдущей группе.

11. Syl1 (ПЛИ) $\rightarrow$ Elim (Syl1) $\rightarrow$ Choice_{V/V1/V2/Vf}/Choice_{V/V1/V2/Vf} $\rightarrow$ AmberT_{/Syl/} $\rightarrow$ {R(/Syl/)} (Res Choice_{V/V1/V2/Vf}/Choice_{V/V1/V2/Vf}) $\rightarrow$ {R(/Syl/)} $\rightarrow$ {R(/Syl/)} $\otimes$ {Ш} $\oplus$ {Infl}.

1-й шаг: выделяется первый слог; 2-й шаг: удаляются все фонологические цепочки, кроме выделенного слога; 3-й шаг: с помощью оператора **Choice** Гласная архифонем преобразуется в данном контексте в определенную фонему. 4-й шаг полученный слог с помощью янтарного оператора преобразуется в корневую морфему. В отношении семантики проделывается все то же, что и в предыдущих случаях. Синтезированная кумулятивная морфема не способна присоединять к себе флексию. 5-й шаг: к ней присоединяется деривативная морфема с консонантной инициалью {Ш}/{Н'}/{X} (*Mu* $\otimes$ *u* $\oplus$ *a*, *Mu* $\otimes$ *n* $\oplus$ *a*, *Mu* $\otimes$ *x* $\oplus$ *a*; *Ste* $\otimes$ *u* $\oplus$ *a*, *Ste* $\otimes$ *n* $\oplus$ *a*, *Ste* $\otimes$ *x* $\oplus$ *a*). Флексия, как обычно определяется кумулятивной морфемой. Акцентная парадигма наследуется от ПЛИ, и передвигается на единственный гласный кумулятивной морфемы. По Зализняку — парадигма А.

12. Syl1Ini2Elim (ПЛИ) $\rightarrow$ Choice_{V/V1/V2/Vf}/Choice_{V/V1/V2/Vf} $\rightarrow$ Pal (Res (Choice_{V/V1/V2/Vf}/Choice_{V/V1/V2/Vf})) $\rightarrow$ AmberT_{/Syl/} $\rightarrow$ {R(/Syl/)} (Res (Pal)) $\rightarrow$ {R(/Syl/)} $\rightarrow$ {R(/Syl/)} $\oplus$ {Infl}.

1-й шаг: выделяется первый слог ПЛИ; 2-й шаг выделяется инициаль второго слога; 3-й шаг: элиминируются все фонологические цепочки ПЛИ, кроме выделенных; 4-й шаг: с помощью оператора **Choice** гласная архифонема преобразуется в данном контексте

в определенную фонему. 5-й шаг: палатализуется последний согласный оставшегося слога; 6-й шаг: результат действия последнего оператора преобразуется в означающее морфемы, которой приписывается семантика, аналогичная предыдущим случаям. 7-й шаг: к кумулятивной морфеме присоединяется стандартная флексия им.п. ед.ч. а. Акцентная парадигма наследуется от ПЛИ, и передвигается на единственный гласный кумулятивной морфемы. По Зализняку — парадигма А.

13. Syl1Ini2Elim (ПЛИ) $\rightarrow$ (Choice $_{V/V1/V2/Vt}$ /Choice $_{V/V1/V2/Vt}$) $\rightarrow$ Vel ((Res (Choice $_{V/V1/V2/Vt}$ /Choice $_{V/V1/V2/Vt}$)) $\rightarrow$ AmberT $_{/Syl \rightarrow \{R(Syl)\}}$ (Res (Vel)) $\rightarrow$ {R(/Syl)} $\rightarrow$ {R(/Syl)} $\oplus$ {Infl}).

В эту группу входят имена, ударный слог которых иногда совпадает с выделяемым слогом, иногда не совпадает. Это заставляет нас ввести в общий алгоритм синтеза кумулятивного корня оператор **Choice**, который будет опускаться в тех случаях, когда выделяемый слог совпадает с ударным. 1-й шаг: выделяется первый слог ПЛИ; 2-й шаг выделяется инициаль второго слога; 3-й шаг: элиминируются все фонологические цепочки ПЛИ, кроме выделенных; 4-й шаг: с помощью оператора **Choice** гласная архифонема преобразуется в данном контексте в определенную фонему. 5-й шаг: депалатализуется последний согласный оставшегося слога; 6-й шаг: результат действия последнего оператора преобразуется в означающее морфемы, которой приписывается семантика, аналогичная предыдущим случаям. 7-й шаг: к кумулятивной морфеме присоединяется стандартная флексия им.п. ед.ч. а. Акцентная парадигма наследуется от ПЛИ, и передвигается на единственный гласный кумулятивной морфемы. По Зализняку — парадигма А.

Примеры действия правил синтеза основы КЛИ.

1. StrElim (ПЛИ) $\rightarrow$ IniMed (Res¹⁹ (StrElim)) $\rightarrow$ Elim (Res (IniMed)) $\rightarrow$ AmberT $_{/Syl \rightarrow \{R(Syl)\}}$ (Res (Elim)) $\rightarrow$ {R(/Syl)} $\rightarrow$ {R(/Syl)} $\otimes$ {III} $\oplus$ {Infl} / {R(/Syl)} $\otimes$ {H'} $\oplus$ {Infl}.

¹⁹ Res — result, ‘результат действия предыдущего оператора’.

Саша/Саня: **Str** ($/\hat{a}\text{-l}'\hat{+}\hat{e}\hat{+}k\text{-s}\hat{+}\hat{a}\hat{+}n\hat{d}r/$) $\rightarrow$ $/\hat{a}\text{-l}'\hat{+}\hat{e}\hat{+}k\text{-s}\hat{+}\hat{a}\hat{+}n\hat{d}r/$ $\rightarrow$ **Elim** ($/\hat{a}\text{-l}'\hat{+}\hat{e}\hat{+}k\text{-s}\hat{+}\hat{a}\hat{+}n\hat{d}r/$ ²⁰) $\rightarrow$ $/s\hat{+}\hat{a}\hat{+}n\hat{d}r/$ $\rightarrow$ **IniMed** ($/s\hat{+}\hat{a}\hat{+}n\hat{d}r/$) $\rightarrow$ $/s\hat{+}\hat{a}\hat{+}n\hat{d}r/$ $\rightarrow$ **Elim** ($/s\hat{+}\hat{a}\hat{+}n\hat{d}r/$) $\rightarrow$ $/s\hat{+}\hat{a}/$ $\rightarrow$ **AmberT**_{Syl $\rightarrow$ {R(Syl)}} ($/s\hat{+}\hat{a}/$) $\rightarrow$ {CA}; возможные конструкции деривативной базы/основы $\ast\{CA\}\oplus\{Infl\}$; $\{CA\}\otimes\{Ш\}(\oplus\{Infl\})/ \{CA\}\otimes\{H'\}(\oplus\{Infl\})$: *Са $\otimes_{ш}$ $\oplus$ а/ Са $\otimes_{н}$ $\oplus$ я, Сашка, Санька, Сашок, Санёк, Сашенька, Санечка, Сашура, Санюра, Сашута, Санюта, Сашуха, Санюха, Сашуня, Санюша.*

Гоша: **Str** ($/y\hat{+}\hat{e}\text{-g}\hat{+}\hat{o}\hat{+}r/$) $\rightarrow$ $/y\hat{+}\hat{e}\text{-g}\hat{+}\hat{o}\hat{+}r/$ **Elim** ($/y\hat{+}\hat{e}\text{-g}\hat{+}\hat{o}\hat{+}r/$) $\rightarrow$ $/g\hat{+}\hat{o}\hat{+}r/$ $\rightarrow$ **IniMed** ($/g\hat{+}\hat{o}\hat{+}r/$) $\rightarrow$ $/g\hat{+}\hat{o}\hat{+}r/$ $\rightarrow$ **Elim** ($/g\hat{+}\hat{o}\hat{+}r/$) $\rightarrow$ $/g\hat{+}\hat{o}/$ $\rightarrow$ **AmberT**_{Syl $\rightarrow$ {R(Syl)}} ($/g\hat{+}\hat{o}/$) $\rightarrow$ {ГО}; возможные конструкции деривативной базы/основы $\ast\{ГО\}\oplus\{Infl\}$; $\{ГО\}\otimes\{Ш\}(\oplus\{Infl\})$: *Го $\otimes_{ш}$ $\oplus$ а, Гошка, Гошенька, Гошечка.*

Кеша: **Str** ($/\hat{e}\text{-n}\hat{+}\hat{a}\text{-k}'\hat{+}\hat{e}\hat{+}n'\text{-t}'\hat{+}\hat{e}\hat{+}i/$) $\rightarrow$ $/\hat{e}\text{-n}\hat{+}\hat{a}\text{-k}'\hat{+}\hat{e}\hat{+}n'\text{-t}'\hat{+}\hat{e}\hat{+}i/$ $\rightarrow$ **Elim** ($/\hat{e}\text{-n}\hat{+}\hat{a}\text{-k}'\hat{+}\hat{e}\hat{+}n'\text{-t}'\hat{+}\hat{e}\hat{+}i/$) $\rightarrow$ $/k'\hat{+}\hat{e}\hat{+}n'/$ $\rightarrow$ **IniMed** ($/k'\hat{+}\hat{e}\hat{+}n'/$) $\rightarrow$ $/k'\hat{+}\hat{e}\hat{+}n'/$ $\rightarrow$ **Elim** ($/k'\hat{+}\hat{e}\hat{+}n'/$) $\rightarrow$ $/k'\hat{+}\hat{e}/$ $\rightarrow$ **AmberT**_{Syl $\rightarrow$ {R(Syl)}} ($/k'\hat{+}\hat{e}/$) $\rightarrow$ {KE}; возможные конструкции деривативной базы/основы $\ast\{KE\}\oplus\{Infl\}$; $\{KE\}\otimes\{Ш\}(\oplus\{Infl\})/ \{KE\}\otimes\{H'\}(\oplus\{Infl\})/ \{KE\}\otimes\{X\}(\oplus\{Infl\})$: *Ке $\otimes_{ш}$ $\oplus$ а/ Ке $\otimes_{н}$ $\oplus$ я / Ке $\otimes_{х}$ $\oplus$ а, Кешечка, Кешенька, Кешка, Кешуня, Кенька, Кенечка.*

По этой же модели образованы ГАНЯ (АГАП), ФОНЯ и ФОША (АГАФОН), ЯША (АДРИАН),

2. StrElim (ПЛИ) $\rightarrow$ AmberT_{Syl $\rightarrow$ {R(Syl)}} (Res (StrElim)) $\rightarrow$ {R(/Syl)} $\rightarrow$ {R(/Syl)} $\oplus$ {Infl}.

Слава: **Str** ($/vl\hat{+}\hat{a}\text{-d}'\hat{+}\hat{e}\text{-sl}\hat{+}\hat{a}\hat{+}v/$) $\rightarrow$ $/vl\hat{+}\hat{a}\text{-d}'\hat{+}\hat{e}\text{-sl}\hat{+}\hat{a}\hat{+}v/$ $\rightarrow$ **Elim** ($/vl\hat{+}\hat{a}\text{-d}'\hat{+}\hat{e}\text{-sl}\hat{+}\hat{a}\hat{+}v/$) $\rightarrow$ $/sl\hat{+}\hat{a}\hat{+}v/$ $\rightarrow$ **AmberT**_{Syl $\rightarrow$ {R(Syl)}} ($/sl\hat{+}\hat{a}\hat{+}v/$) $\rightarrow$ {СЛАВ}; возможные конструкции деривативной базы/основы: {СЛАВ} $\oplus$ {Infl}: *Слав $\oplus$ а, Славик, Славка, Славочка, Славуня, Славуся, Славуха.*

²⁰ Серый фон — результат действия любого оператора выделения (Str, Ini, Med, Fin, IniMed, Syl1-4, SylIni, SylStrIni). Он показывает границы языковой единицы, или цепочки языковых единиц, над которой будет осуществлена следующая операция.

Слава: **Str** ($/v' \pm \hat{e} - \check{c}' \pm \hat{e} - sl \pm \acute{a} \pm v/$) $\rightarrow$ $/v' \pm \hat{e} - \check{c}' \pm \hat{e} - sl \pm \acute{a} \pm v/$ $\rightarrow$ **Elim** ($/v' \pm \hat{e} - \check{c}' \pm \hat{e} - sl \pm \acute{a} \pm v/$) $\rightarrow$ $/sl \pm \acute{a} \pm v/$ $\rightarrow$ **AmberT**_{/Syl/→{R(/Syl/)}} ($/sl \pm \acute{a} \pm v/$) $\rightarrow$ {СЛАВ}; возможные конструкции деривативной базы/основы: {СЛАВ} $\oplus$ {Infl}: *СлавѠа, Славик, Славка, Славочка, Славуня, Славуся, Славуха.*

Слава: **Str** ($/st \pm \text{ə} - n' \pm \hat{e} - sl \pm \acute{a} \pm v/$) $\rightarrow$ $/st \pm \text{ə} - n' \pm \hat{e} - sl \pm \acute{a} \pm v/$ $\rightarrow$ **Elim** ($/st \pm \text{ə} - n' \pm \hat{e} - sl \pm \acute{a} \pm v/$) $\rightarrow$ $/sl \pm \acute{a} \pm v/$ $\rightarrow$ **AmberT**_{/Syl/→{R(/Syl/)}} ($/sl \pm \acute{a} \pm v/$) $\rightarrow$ {СЛАВ}; возможные конструкции деривативной базы/основы: {СЛАВ} $\oplus$ {Infl}: *СлавѠа, Славик, Славка, Славочка, Славуня, Славуся, Славуха.*

Слава: **Str** ($/y \pm \hat{e} - r \pm \hat{a} - sl \pm \acute{a} \pm v/$) $\rightarrow$ $/y \pm \hat{e} - r \pm \hat{a} - sl \pm \acute{a} \pm v/$ $\rightarrow$ **Elim** ($/y \pm \hat{e} - r \pm \hat{a} - sl \pm \acute{a} \pm v/$) $\rightarrow$ $/sl \pm \acute{a} \pm v/$ $\rightarrow$ **AmberT**_{/Syl/→{R(/Syl/)}} ($/sl \pm \acute{a} \pm v/$) $\rightarrow$ {СЛАВ}; возможные конструкции деривативной базы/основы: {СЛАВ} $\oplus$ {Infl}: *СлавѠа, Славик, Славка, Славочка, Славуня, Славуся, Славуха.*

Фима: **Str** ($/y \pm \hat{e} - f' \pm \acute{i} \pm m/$) $\rightarrow$ $/y \pm \hat{e} - f' \pm \acute{i} \pm m/$ $\rightarrow$ **Elim** ($/y \pm \hat{e} - f' \pm \acute{i} \pm m/$) $\rightarrow$ $/f' \pm \acute{i} \pm m/$ $\rightarrow$ **AmberT**_{/Syl/→{R(/Syl/)}} ($/f' \pm \acute{i} \pm m/$) $\rightarrow$ {ФИМ}; возможные конструкции деривативной базы/основы: {ФИМ} $\oplus$ {Infl}: *ФимѠа, Фимка, Фимуля, Фимочка.*

Фима: **Str** ($/s' \pm \hat{e} - r \pm \hat{a} - f' \pm \acute{i} \pm m/$) $\rightarrow$ $/s' \pm \hat{e} - r \pm \hat{a} - f' \pm \acute{i} \pm m/$ $\rightarrow$ **Elim** ($/s' \pm \hat{e} - r \pm \hat{a} - f' \pm \acute{i} \pm m/$) $\rightarrow$ $/f' \pm \acute{i} \pm m/$ $\rightarrow$ **AmberT**_{/Syl/→{R(/Syl/)}} ($/f' \pm \acute{i} \pm m/$) $\rightarrow$ {ФИМ}; возможные конструкции деривативной базы/основы: {ФИМ} $\oplus$ {Infl}: *ФимѠа, Фимка, Фимуля, Фимочка.*

Сима: **Str** ($/m \pm \hat{a} \pm k - s' \pm \acute{i} \pm m/$) $\rightarrow$ $/m \pm \hat{a} \pm k - s' \pm \acute{i} \pm m/$ **Elim** ($/m \pm \hat{a} \pm k - s' \pm \acute{i} \pm m/$) $\rightarrow$ $/s' \pm \acute{i} \pm m/$ $\rightarrow$ **AmberT**_{/Syl/→{R(/Syl/)}} ($/s' \pm \acute{i} \pm m/$) $\rightarrow$ {СИМ}; возможные конструкции деривативной базы/основы: {СИМ} $\oplus$ {Infl}: *СимѠа, Симка, Симуля, Симочка.*

Тёма: **Str** ($/\hat{a} \pm r - t' \pm \acute{o} \pm m/$) $\rightarrow$ $/\hat{a} \pm r - t' \pm \acute{o} \pm m/$ $\rightarrow$ **Elim** ($/\hat{a} \pm r - t' \pm \acute{o} \pm m/$) $\rightarrow$ $/t' \pm \acute{o} \pm m/$ $\rightarrow$ **AmberT**_{/Syl/→{R(/Syl/)}} ($/t' \pm \acute{o} \pm m/$) $\rightarrow$ {ТЁМ}; возможные конструкции деривативной базы/основы: {ТЁМ} $\oplus$ {Infl}: *ТёмѠа, Тёмка, Тёмочка, Тёмонька, Тёмчик, Тёмушка.*

Сава: **Str** ($/s \pm \acute{a} \pm v - v \pm \text{ə}/$) $\rightarrow$ $/s \pm \acute{a} \pm v - v \pm \text{ə}/$ $\rightarrow$ **Elim** ($/s \pm \acute{a} \pm v - v \pm \text{ə}/$) $\rightarrow$ $/s \pm \acute{a} \pm v/$ $\rightarrow$ **AmberT**_{/Syl/→{R(/Syl/)}} ($/s \pm \acute{a} \pm v/$) $\rightarrow$ {САВ}; возможные конструкции деривативной базы/основы: {САВ} $\oplus$ {Infl}: *СавѠа, Савка, Савушка, Савонька, Савочка.*

Гера: **Str** ($/g' \mp \acute{e} \mp r \text{--} m \mp \text{ə} \mp n/$) $\rightarrow$ $/g' \mp \acute{e} \mp r \text{--} m \mp \text{ə} \mp n/$ $\rightarrow$ **Elim** ($/g' \mp \acute{e} \mp r \text{--} m \mp \text{ə} \mp n/$) $\rightarrow$ $/g' \mp \acute{e} \mp r/$ $\rightarrow$ **AmberT**_{Syl $\rightarrow$ {R(/Syl)}} ($/g' \mp \acute{e} \mp r/$) $\rightarrow$ {ГЕР}; возможные конструкции деривативной базы/основы: {ГЕР} ($\oplus$ {Infl}): *Гер $\oplus$ а, Герка, Герочка, Геруня, Геруся, Геруха, Геруша*.

Ина: **Str** ($/i \mp n \text{--} g \mp \text{ə}/$) $\rightarrow$ $/i \mp n \text{--} g \mp \text{ə}/$ $\rightarrow$ **Elim** ($/i \mp n \text{--} g \mp \text{ə}/$) $\rightarrow$ $/i \mp n/$ $\rightarrow$ **AmberT**_{Syl $\rightarrow$ {R(/Syl)}} ($/i \mp n/$) $\rightarrow$ {ИН}; возможные конструкции деривативной базы/основы: {ИН} ($\oplus$ {Infl}): *Ин $\oplus$ а, Инка, Инуся, Иночка*.

Оля: **Str** ($/\acute{o} \mp l' \text{--} g \mp \text{ə}/$) $\rightarrow$ $/\acute{o} \mp l' \text{--} g \mp \text{ə}/$ $\rightarrow$ **Elim** ($/\acute{o} \mp l' \text{--} g \mp \text{ə}/$) $\rightarrow$ $/\acute{o} \mp l'/$ $\rightarrow$ **AmberT**_{Syl $\rightarrow$ {R(/Syl)}} ($/\acute{o} \mp l'/$) $\rightarrow$ {ОЛ'}; возможные конструкции деривативной базы/основы: {ОЛ'} ($\oplus$ {Infl}): *Ол $\oplus$ я, Оленька, Олечка, Олька, Олюнчик, Олюшка, Олюня, Олюсечка, Олюсик*.

Рима: **Str** ($/r' \mp \acute{i} \mp m \text{--} m \mp \text{ə}/$) $\rightarrow$ $/r' \mp \acute{i} \mp m \text{--} m \mp \text{ə}/$ $\rightarrow$ **Elim** ($/r' \mp \acute{i} \mp m \text{--} m \mp \text{ə}/$) $\rightarrow$ $/r' \mp \acute{i} \mp m/$ $\rightarrow$ **AmberT**_{Syl $\rightarrow$ {R(/Syl)}} ($/r' \mp \acute{i} \mp m/$) $\rightarrow$ {РИМ}; возможные конструкции деривативной базы/основы: {РИМ} ($\oplus$ {Infl}): *Рим $\oplus$ а, Римка, Римочка, Римок, Римулечка, Римулька, Римусечка, Римусик*.

Эма: **Str** ($/\acute{e} \mp m \text{--} m \mp \text{ə}/$) $\rightarrow$ $/\acute{e} \mp m \text{--} m \mp \text{ə}/$ $\rightarrow$ **Elim** ($/\acute{e} \mp m \text{--} m \mp \text{ə}/$) $\rightarrow$ $/\acute{e} \mp m/$ $\rightarrow$ **AmberT**_{Syl $\rightarrow$ {R(/Syl)}} ($/\acute{e} \mp m/$) $\rightarrow$ {ЭМ}; возможные конструкции деривативной базы/основы: {ЭМ} ($\oplus$ {Infl}): *Эм $\oplus$ а, Эмка, Эмочка*.

Неля: **Str** ($/n \mp \acute{e} l' \text{--} l' \mp \hat{e}/$) $\rightarrow$ $/n \mp \acute{e} l' \text{--} l' \mp \hat{e}/$ $\rightarrow$ **Elim** ($/n \mp \acute{e} l' \text{--} l' \mp \hat{e}/$) $\rightarrow$ $/n \mp \acute{e} l'/$ $\rightarrow$ **AmberT**_{Syl $\rightarrow$ {R(/Syl)}} ($/n \mp \acute{e} l'/$) $\rightarrow$ {НЭЛ'}; возможные конструкции деривативной базы/основы: {НЭЛ'} ($\oplus$ {Infl}): *Нел $\oplus$ я, Нелька, Нелечка*.

Дима: **Str** ($/v \mp \hat{a} \text{--} d' \mp \acute{i} \mp m/$) $\rightarrow$ $/v \mp \hat{a} \text{--} d' \mp \acute{i} \mp m/$ $\rightarrow$ **Elim** ($/v \mp \hat{a} \text{--} d' \mp \acute{i} \mp m/$) $\rightarrow$ $/d' \mp \acute{i} \mp m/$ $\rightarrow$ **AmberT**_{Syl $\rightarrow$ {R(/Syl)}} ($/d' \mp \acute{i} \mp m/$) $\rightarrow$ {ДИМ}; возможные конструкции деривативной базы/основы: {ДИМ} ($\oplus$ {Infl}): *Дим $\oplus$ а, Димка, Димочка*.

3. SylStrIni (ПЛИ) $\rightarrow$ Elim (Res (SylStrIni)) $\rightarrow$ AmberT_{Syl $\rightarrow$ {R(/Syl)}} (Res (Elim)) $\rightarrow$ {R(/Syl)} $\rightarrow$ {R(/Syl)} $\oplus$ {Infl}.

Толя: **SylStrIni** ($/\hat{a}\hat{n}\hat{a}\hat{t}\hat{o}\hat{l}'\hat{e}\hat{i}/$) $\rightarrow$ $/\hat{a}\hat{n}\hat{a}\hat{t}\hat{o}\hat{l}'\hat{e}\hat{i}/$ $\rightarrow$ **Elim** ($/\hat{a}\hat{n}\hat{a}\hat{t}\hat{o}\hat{l}'\hat{e}\hat{i}/$) $\rightarrow$ $/\hat{t}\hat{o}\hat{l}'/$ $\rightarrow$ **AmberT**_{Syl $\rightarrow$ {R(Syl)}} ($/\hat{t}\hat{o}\hat{l}'/$) $\rightarrow$ {ТОЛ'}; возможные конструкции деривативной базы/основы: {ТОЛ'} ($\oplus$ {Infl}): *Тол*⊕*я*, *Толик*, *Толян*, *Толяша*, *Толянчик*, *Толяха*.

Сеня: **SylStrIni** ($/\hat{a}\hat{r}\hat{s}'\hat{e}\hat{n}'\hat{e}\hat{i}/$) $\rightarrow$ $/\hat{a}\hat{r}\hat{s}'\hat{e}\hat{n}'\hat{e}\hat{i}/$ $\rightarrow$ **Elim** ($/\hat{a}\hat{r}\hat{s}'\hat{e}\hat{n}'\hat{e}\hat{i}/$) $\rightarrow$ $/\hat{s}'\hat{e}\hat{n}'/$ $\rightarrow$ **AmberT**_{Syl $\rightarrow$ {R(Syl)}} ($/\hat{s}'\hat{e}\hat{n}'/$) $\rightarrow$ {СЕН'}; возможные конструкции деривативной базы/основы: {СЕН'} ($\oplus$ {Infl}): *Сен*⊕*я*, *Сенька*, *Сенечка*.

Геня: **SylStrIni** ($/\hat{y}\hat{e}\hat{v}\hat{g}'\hat{e}\hat{n}'\hat{e}\hat{i}/$) $\rightarrow$ $/\hat{y}\hat{e}\hat{v}\hat{g}'\hat{e}\hat{n}'\hat{e}\hat{i}/$ $\rightarrow$ **Elim** ($/\hat{y}\hat{e}\hat{v}\hat{g}'\hat{e}\hat{n}'\hat{e}\hat{i}/$) $\rightarrow$ $/\hat{g}'\hat{e}\hat{n}'/$ $\rightarrow$ **AmberT**_{Syl $\rightarrow$ {R(Syl)}} ($/\hat{g}'\hat{e}\hat{n}'/$) $\rightarrow$ {СЕН'}; возможные конструкции деривативной базы/основы: {ГЕН'} ($\oplus$ {Infl}): *Ген*⊕*я*, *Генька*, *Генечка*.

Сима: **SylStrIni** ($/\hat{z}\hat{a}\hat{s}'\hat{i}\hat{m}\hat{e}/$) $\rightarrow$ $/\hat{z}\hat{a}\hat{s}'\hat{i}\hat{m}\hat{e}/$ $\rightarrow$ **Elim** ($/\hat{z}\hat{a}\hat{s}'\hat{i}\hat{m}\hat{e}/$) $\rightarrow$ $/\hat{s}'\hat{i}\hat{m}/$ $\rightarrow$ **AmberT**_{Syl $\rightarrow$ {R(Syl)}} ($/\hat{s}'\hat{i}\hat{m}/$) $\rightarrow$ {СИМ}; возможные конструкции деривативной базы/основы: {СИМ} ($\oplus$ {Infl}): *Сим*⊕*а*, *Симок*, *Симочка*, *Симик*, *Симка*, *Симуля*, *Симулечка*, *Симуня*, *Симунька*, *Симунечка*.

Лина: **SylStrIni** ($/\hat{a}\hat{n}\hat{g}'\hat{e}\hat{l}'\hat{i}\hat{n}\hat{e}/$) $\rightarrow$ $/\hat{a}\hat{n}\hat{g}'\hat{e}\hat{l}'\hat{i}\hat{n}\hat{e}/$ $\rightarrow$ **Elim** ($/\hat{a}\hat{n}\hat{g}'\hat{e}\hat{l}'\hat{i}\hat{n}\hat{e}/$) $\rightarrow$ $/\hat{l}'\hat{i}\hat{n}/$ $\rightarrow$ **AmberT**_{Syl $\rightarrow$ {R(Syl)}} ($/\hat{l}'\hat{i}\hat{n}/$) $\rightarrow$ {ЛИН}; возможные конструкции деривативной базы/основы: {ЛИН} ($\oplus$ {Infl}): *Лин*⊕*а*, *Линочка*, *Линка*, *Линуха*, *Линуша*, *Линушенька*, *Линушечка*.

Лина: **SylStrIni** ($/\hat{y}\hat{e}\hat{v}\hat{e}\hat{n}\hat{g}'\hat{e}\hat{l}'\hat{i}\hat{n}\hat{e}/$) $\rightarrow$ $/\hat{y}\hat{e}\hat{v}\hat{e}\hat{n}\hat{g}'\hat{e}\hat{l}'\hat{i}\hat{n}\hat{e}/$ $\rightarrow$ **Elim** ($/\hat{y}\hat{e}\hat{v}\hat{e}\hat{n}\hat{g}'\hat{e}\hat{l}'\hat{i}\hat{n}\hat{e}/$) $\rightarrow$ $/\hat{l}'\hat{i}\hat{n}/$ $\rightarrow$ **AmberT**_{Syl $\rightarrow$ {R(Syl)}} ($/\hat{l}'\hat{i}\hat{n}/$) $\rightarrow$ {ЛИН}; возможные конструкции деривативной базы/основы: {ЛИН} ($\oplus$ {Infl}): *Лин*⊕*а*, *Линочка*, *Линка*, *Линуха*, *Линуша*, *Линушенька*, *Линушечка*.

Ника: **SylStrIni** ($/\hat{v}'\hat{e}\hat{r}\hat{a}\hat{n}'\hat{i}\hat{k}\hat{e}/$) $\rightarrow$ $/\hat{v}'\hat{e}\hat{r}\hat{a}\hat{n}'\hat{i}\hat{k}\hat{e}/$ $\rightarrow$ **Elim** ($/\hat{v}'\hat{e}\hat{r}\hat{a}\hat{n}'\hat{i}\hat{k}\hat{e}/$) $\rightarrow$ $/\hat{n}'\hat{i}\hat{k}/$ $\rightarrow$ **AmberT**_{Syl $\rightarrow$ {R(Syl)}} ($/\hat{n}'\hat{i}\hat{k}/$) $\rightarrow$ {НИК}; возможные конструкции деривативной базы/основы: {НИК} ($\oplus$ {Infl}): *Ник*⊕*а*, *Никуся*, *Никусенька*, *Никусечка*, *Никусик*, *Никуша*, *Никусечка*, *Никушка*.

Лена: **SylStrIni** ($/y\hat{+}\hat{e}\text{-}l'\hat{+}\hat{e}\text{-}n\hat{+}\hat{o}/$) $\rightarrow /y\hat{+}\hat{e}\text{-}l'\hat{+}\hat{e}\text{-}n\hat{+}\hat{o}/ \rightarrow \mathbf{Elim}$ ($/y\hat{+}\hat{e}\text{-}l'\hat{+}\hat{e}\text{-}n\hat{+}\hat{o}/$) $\rightarrow /l'\hat{+}\hat{e}\text{-}n/ \rightarrow \mathbf{AmberT}_{/Syl/\rightarrow\{R(/Syl)\}}$ ($/l'\hat{+}\hat{e}\text{-}n/$) $\rightarrow \{\text{ЛЕН}\}$; возможные конструкции деривативной базы/основы: $\{\text{ЛЕН}\} (\oplus \{\text{Infl}\})$: *Лен*⊕*а*, *Леночка*, *Ленок*, *Ленечка*, *Ленка*, *Леник*, *Ленуся*, *Ленусик*, *Ленусечка*, *Ленуська*, *Ленуша*, *Ленушечка*, *Ленушка*.

Ида: **SylStrIni** ($/z'\hat{+}\hat{e}\text{-}n\hat{+}\hat{a}\text{-}i\text{-}d\hat{+}\hat{o}/$) $\rightarrow /z'\hat{+}\hat{e}\text{-}n\hat{+}\hat{a}\text{-}i\text{-}d\hat{+}\hat{o}/ \rightarrow \mathbf{Elim}$ ($/z'\hat{+}\hat{e}\text{-}n\hat{+}\hat{a}\text{-}i\text{-}d\hat{+}\hat{o}/$) $\rightarrow /i\text{-}d/ \rightarrow \mathbf{AmberT}_{/Syl/\rightarrow\{R(/Syl)\}}$ ($/i\text{-}d/$) $\rightarrow \{\text{ИД}\}$; возможные конструкции деривативной базы/основы: $\{\text{ИД}\} (\oplus \{\text{Infl}\})$: *Ид*⊕*а*, *Идка*, *Идочка*, *Идонька*.

Мила: **SylStrIni** ($/l'\hat{+}\hat{o}\text{-}d\text{-}m'\hat{+}\hat{i}\text{-}l\hat{+}\hat{o}/$) $\rightarrow /l'\hat{+}\hat{o}\text{-}d\text{-}m'\hat{+}\hat{i}\text{-}l\hat{+}\hat{o}/ \rightarrow \mathbf{Elim}$ ($/l'\hat{+}\hat{o}\text{-}d\text{-}m'\hat{+}\hat{i}\text{-}l\hat{+}\hat{o}/$) $\rightarrow /m'\hat{+}\hat{i}\text{-}l/ \rightarrow \mathbf{AmberT}_{/Syl/\rightarrow\{R(/Syl)\}}$ ($/m'\hat{+}\hat{i}\text{-}l/$) $\rightarrow \{\text{МИЛ}\}$; возможные конструкции деривативной базы/основы: $\{\text{МИЛ}\} (\oplus \{\text{Infl}\})$: *Мил*⊕*а*, *Милка*, *Милочка*, *Милаша*, *Милашенька*, *Милок*, *Милочек*, *Милуся*, *Милусенька*, *Милуша*, *Милушечка*.

Рита: **SylStrIni** ($/m\hat{+}\hat{o}\text{-}r\text{-}g\hat{+}\hat{a}\text{-}r'\hat{+}\hat{i}\text{-}t\hat{+}\hat{o}/$) $\rightarrow /m\hat{+}\hat{o}\text{-}r\text{-}g\hat{+}\hat{a}\text{-}r'\hat{+}\hat{i}\text{-}t\hat{+}\hat{o}/ \rightarrow \mathbf{Elim}$ ($/m\hat{+}\hat{o}\text{-}r\text{-}g\hat{+}\hat{a}\text{-}r'\hat{+}\hat{i}\text{-}t\hat{+}\hat{o}/$) $\rightarrow /r'\hat{+}\hat{i}\text{-}t/ \rightarrow \mathbf{AmberT}_{/Syl/\rightarrow\{R(/Syl)\}}$ ($/r'\hat{+}\hat{i}\text{-}t/$) $\rightarrow \{\text{РИТ}\}$; возможные конструкции деривативной базы/основы: $\{\text{РИТ}\} (\oplus \{\text{Infl}\})$: *Рит*⊕*а*, *Риточка*, *Ритуля*, *Ританя*, *Ритиша*, *Ритишечка*, *Ритёнок*, *Ритик*, *Ритка*, *Риток*, *Ритоха*.

Лана: **SylStrIni** ($/sv'\hat{+}\hat{e}\text{-}t\text{-}l\hat{+}\hat{a}\text{-}n\hat{+}\hat{o}/$) $\rightarrow /sv'\hat{+}\hat{e}\text{-}t\text{-}l\hat{+}\hat{a}\text{-}n\hat{+}\hat{o}/ \rightarrow \mathbf{Elim}$ ($/sv'\hat{+}\hat{e}\text{-}t\text{-}l\hat{+}\hat{a}\text{-}n\hat{+}\hat{o}/$) $\rightarrow /l\hat{+}\hat{a}\text{-}n/ \rightarrow \mathbf{AmberT}_{/Syl/\rightarrow\{R(/Syl)\}}$ ($/l\hat{+}\hat{a}\text{-}n/$) $\rightarrow \{\text{ЛАН}\}$; возможные конструкции деривативной базы/основы: $\{\text{ЛАН}\} (\oplus \{\text{Infl}\})$: *Лан*⊕*а*, *Ланочка*, *Ланка*, *Ланушка*.

Дора: **SylStrIni** ($/f'\hat{+}\hat{e}\text{-}\hat{a}\text{-}d\hat{+}\hat{o}\text{-}r\hat{+}\hat{o}/$) $\rightarrow /f'\hat{+}\hat{e}\text{-}\hat{a}\text{-}d\hat{+}\hat{o}\text{-}r\hat{+}\hat{o}/ \rightarrow \mathbf{Elim}$ ($/f'\hat{+}\hat{e}\text{-}\hat{a}\text{-}d\hat{+}\hat{o}\text{-}r\hat{+}\hat{o}/$) $\rightarrow /d\hat{+}\hat{o}\text{-}r/ \rightarrow \mathbf{AmberT}_{/Syl/\rightarrow\{R(/Syl)\}}$ ($/d\hat{+}\hat{o}\text{-}r/$) $\rightarrow \{\text{ДОР}\}$; возможные конструкции деривативной базы/основы: $\{\text{ДОР}\} (\oplus \{\text{Infl}\})$: *Дор*⊕*а*, *Дорка*, *Дорочка*, *Дорушка*.

4. StrElim (ПЛИ) $\rightarrow$ Pal (Res (StrElim)) $\rightarrow$ AmberT_{/Syl/→{R(/Syl)}} (Res (PAL)) $\rightarrow$ {R(/Syl)} $\rightarrow$ {R(/Syl)} $\oplus$ {Infl}.

Ваня: **Str** ($/\hat{e}\text{-}v\hat{+}\hat{a}\text{-}n/$) $\rightarrow /\hat{e}\text{-}v\hat{+}\hat{a}\text{-}n/ \rightarrow \mathbf{Elim}$ ($/\hat{e}\text{-}v\hat{+}\hat{a}\text{-}n/$) $\rightarrow \mathbf{Pal}$ $/v\hat{+}\hat{a}\text{-}n/ \rightarrow /v\hat{+}\hat{a}\text{-}n'/ \rightarrow \mathbf{AmberT}_{/Syl/\rightarrow\{R(/Syl)\}}$ ($/v\hat{+}\hat{a}\text{-}n'/$) $\rightarrow \{\text{ВАН}'\}$; возможные конструкции деривативной базы/основы: $\{\text{ВАН}'\} (\oplus \{\text{Infl}\})$: *Ван*⊕*я*, *Ванечка*, *Ванюша*, *Ванюшка*, *Ванча*, *Ванчик*, *Ван-*

чура, Ваней, Ванёнка, Ванёк, Ванён, Ванёнка, Ванёчек, Ваник, Ваньша, Ванюра, Ванюся, Ванюха, Ванюрочка, Ванюсенька, Ванюсик, Ванюрка, Ванюська.

Митя: **Str** ($/d' \mp \hat{e} - m' \mp \hat{i} \mp t - r' \mp \hat{e} \mp \hat{i}/$) $\rightarrow$ $/d' \mp \hat{e} - m' \mp \hat{i} \mp t - r' \mp \hat{e} \mp \hat{i}/$ $\rightarrow$ **Elim** ($/d' \mp \hat{e} - m' \mp \hat{i} \mp t - r' \mp \hat{e} \mp \hat{i}/$) $\rightarrow$ $/m' \mp \hat{i} \mp t/$ **Pal** ($/m' \mp \hat{i} \mp t/$) $\rightarrow$ $/m' \mp \hat{i} \mp t'/$ $\rightarrow$ **AmberT**_{/Syl/→{R(/Syl/)}} ($/m' \mp \hat{i} \mp t'/$) $\rightarrow$ {МИТ'}; возможные конструкции деривативной базы/основы: {МИТ'} ($\oplus$ {Infl}): *Мит*⊕*я*, *Митяй*, *Митька*, *Митюк*, *Митьша*, *Митюня*, *Митюнька*, *Митюха*, *Митюшка*, *Митюшок*.

5. StrElim (ПЛИ) $\rightarrow$ AmberT_{/Syl/→{R(/Syl/)}} (Res (StrElim)) $\rightarrow$ {R(/Syl/)} $\rightarrow$ {R(/Syl/)} $\otimes$ {III} $\oplus$ {Infl} / {R(/Syl/)} $\otimes$ {H'} $\oplus$ {Infl} / {R(/Syl/)} $\otimes$ {X} $\oplus$ {Infl}.

Паша: **Str** ($/p \mp \hat{a} - v' \mp \hat{e} \mp \hat{l}/$) $\rightarrow$ $/p \mp \hat{a} - v' \mp \hat{e} \mp \hat{l}/$ $\rightarrow$ **Elim** ($/p \mp \hat{a} - v' \mp \hat{e} \mp \hat{l}/$) $\rightarrow$ $/p \mp \hat{a}/$ $\rightarrow$ **AmberT**_{/Syl/→{R(/Syl/)}} ($/p \mp \hat{a}/$) $\rightarrow$ {ПА}; возможные конструкции деривативной базы/основы: {ПА} $\otimes$ {Der} $\oplus$ {Infl}): *Па*⊕*и*⊕*а*, *Па*⊕*н*⊕*я*, *Па*⊕*х*⊕*а*, *Паика*, *Паиата*, *Пашутка*, *Пашенька*, *Пашечка*, *Пашеня*, *Пашиня*, *Пашок*, *Пашук*, *Пашуня*, *Пашунечка*, *Пашатка*, *Пашуточка*, *Пашуха*.

Проша: **Str** ($/pr \mp \hat{o} - x \mp \hat{e} \mp \hat{r}/$) $\rightarrow$ $/pr \mp \hat{o} - x \mp \hat{e} \mp \hat{r}/$ $\rightarrow$ **Elim** ($/pr \mp \hat{o} - x \mp \hat{e} \mp \hat{r}/$) $\rightarrow$ $/pr \mp \hat{o}/$ $\rightarrow$ **AmberT**_{/Syl/→{R(/Syl/)}} ($/pr \mp \hat{o}/$) $\rightarrow$ {ПРО}; возможные конструкции деривативной базы/основы: {ПРО} $\otimes$ {Der} $\oplus$ {Infl}): *Про*⊕*и*⊕*а*, *Про*⊕*н*⊕*я*, *Про*⊕*х*⊕*а*, *Прошенька*, *Прошечка*, *Прошка*, *Пронечка*, *Пронька*, *Проньша*, *Пронюшка*.

Тиша: **Str** ($/t' \mp \hat{i} - x \mp \hat{e} \mp \hat{n}/$) $\rightarrow$ $/t' \mp \hat{i} - x \mp \hat{e} \mp \hat{n}/$ $\rightarrow$ **Elim** ($/t' \mp \hat{i} - x \mp \hat{e} \mp \hat{n}/$) $\rightarrow$ $/t' \mp \hat{i}/$ $\rightarrow$ **AmberT**_{/Syl/→{R(/Syl/)}} ($/t' \mp \hat{i}/$) $\rightarrow$ {ТИ}; возможные конструкции деривативной базы/основы: {ТИ} $\otimes$ {Der} $\oplus$ {Infl}): *Ти*⊕*и*⊕*а*, *Тишак*, *Тишка*, *Тишенька*, *Тишечка*.

Триша: **Str** ($/tr' \mp \hat{i} - f \mp \hat{e} \mp \hat{n}/$) $\rightarrow$ $/tr' \mp \hat{i} - f \mp \hat{e} \mp \hat{n}/$ $\rightarrow$ **Elim** ($/tr' \mp \hat{i} - f \mp \hat{e} \mp \hat{n}/$) $\rightarrow$ $/tr' \mp \hat{i}/$ $\rightarrow$ **AmberT**_{/Syl/→{R(/Syl/)}} ($/tr' \mp \hat{i}/$) $\rightarrow$ {ТРИ}; возможные конструкции деривативной базы/основы: {ТРИ} $\otimes$ {Der} $\oplus$ {Infl}): *Три*⊕*и*⊕*а*, *Тришечка*, *Тришка*.

Яша: **Str** ($/y \mp \hat{a} - k \mp \hat{e} \mp \hat{v}/$) $\rightarrow$ $/y \mp \hat{a} - k \mp \hat{e} \mp \hat{v}/$ $\rightarrow$ **Elim** ($/y \mp \hat{a} - k \mp \hat{e} \mp \hat{v}/$) $\rightarrow$ $/y \mp \hat{a}/$ $\rightarrow$ **AmberT**_{/Syl/→{R(/Syl/)}} ($/y \mp \hat{a}/$) $\rightarrow$ {Я}; возможные конструкции деривативной базы/основы: {Я} $\otimes$ {Der} $\oplus$ {Infl}): *Я*⊕*и*⊕*а*, *Яшенька*, *Яшка*, *Яшечка*, *Яшата*, *Яшатка*, *Яшуня*, *Яшунечка*, *Яшук*, *Яшик*.

Даша: $\text{Str } (/d\ddot{a}-r'y\ddot{a}/) \rightarrow /d\ddot{a}-r'y\ddot{a}/ \rightarrow \text{Elim } (/d\ddot{a}-r'y\ddot{a}/) \rightarrow /d\ddot{a}/ \rightarrow \text{AmberT}_{/Syl \rightarrow \{R(/Syl)\}} (/d\ddot{a}/) \rightarrow \{DA\}$; возможные конструкции деривативной базы/основы: $\{DA\} \otimes \{Der\} \oplus \{Infl\}$: *Да*⊗и⊕а, *Дашенька*, *Дашечка*, *Дашка*, *Дашута*, *Дашутка*, *Дашик*, *Дашок*, *Дашук*, *Дашуля*, *Дашуня*, *Дашура*, *Дашуленька*, *Дашунечка*, *Дашурочка*, *Дашунчик*, *Дашуточка*, *Дашутик*, *Дашуха*.

Соня: $\text{Str } (/s\ddot{o}-f'y\ddot{a}/) \rightarrow /s\ddot{o}-f'y\ddot{a}/ \rightarrow \text{Elim } (/s\ddot{o}-f'y\ddot{a}/) \rightarrow /s\ddot{o}/ \rightarrow \text{AmberT}_{/Syl \rightarrow \{R(/Syl)\}} (/s\ddot{o}/) \rightarrow \{CO\}$; возможные конструкции деривативной базы/основы: $\{CO\} \otimes \{Der\} \oplus \{Infl\}$: *Со*⊗н⊕я, *Сонечка*, *Сонька*, *Сонюша*.

6. Syl1Ini2Elim (ПЛИ) $\rightarrow \text{AmberT}_{/Syl \rightarrow \{R(/Syl)\}} (\text{Res } (\text{Syl1Ini2Elim})) \rightarrow \{R(/Syl)\} \rightarrow \{R(/Syl)\} \oplus \{Infl\}$.

Юля: $\text{Syl1Ini2 } (/y\ddot{u}-l'\ddot{e}-i\ddot{a}/) \rightarrow /y\ddot{u}-l'\ddot{e}-i\ddot{a}/ \rightarrow \text{Elim } (/y\ddot{u}-l'\ddot{e}-i\ddot{a}/) \rightarrow /y\ddot{u}-l'/ \rightarrow \text{AmberT}_{/Syl \rightarrow \{R(/Syl)\}} (/y\ddot{u}-l'/) \rightarrow \{YOL'\}$; возможные конструкции деривативной базы/основы: $\{YOL'\} \oplus \{Infl\}$: *Юл*⊕я, *Юлечка*, *Юленька*, *Юлька*, *Юльчик*, *Юлюшка*.

Лиля: $\text{Syl1Ini2 } (/l'\ddot{i}-l'\ddot{e}-i\ddot{a}/) \rightarrow /l'\ddot{i}-l'\ddot{e}-i\ddot{a}/ \rightarrow \text{Elim } (/l'\ddot{i}-l'\ddot{e}-i\ddot{a}/) \rightarrow /l'\ddot{i}-l'/ \rightarrow \text{AmberT}_{/Syl \rightarrow \{R(/Syl)\}} (/l'\ddot{i}-l'/) \rightarrow \{LIL'\}$; возможные конструкции деривативной базы/основы: $\{LIL'\} \oplus \{Infl\}$: *Лил*⊕я, *Лилечка*, *Лилька*, *Лилюсенька*, *Лилюська*, *Лилюша*, *Лилюшечка*, *Лильша*, *Лилюха*.

7. Syl1Ini2Elim (ПЛИ) $\rightarrow \text{Pal } (\text{Syl1Ini2Elim}) \rightarrow \text{Choice}_{\ddot{o}/\ddot{e}} \rightarrow \text{AmberT}_{/Syl \rightarrow \{R(/Syl)\}} (\text{Res } (\text{Pal})) \rightarrow \{R(/Syl)\} \rightarrow \{R(/Syl)\} \oplus \{Infl\}$.

Федя: $\text{Syl1Ini2 } (/f\ddot{a}'\ddot{o}_4-d\ddot{a}\ddot{r}/) \rightarrow /f\ddot{a}'\ddot{o}_4-d\ddot{a}\ddot{r}/ \rightarrow \text{Elim } (/f\ddot{a}'\ddot{o}_4-d\ddot{a}\ddot{r}/) \rightarrow /f\ddot{a}'\ddot{o}_4-d/ \rightarrow \text{Pal } (/f\ddot{a}'\ddot{o}_4-d/) \rightarrow /f\ddot{a}'\ddot{o}_4-d'/ \rightarrow \text{Choice}_{\ddot{o}/\ddot{e}} (/f\ddot{a}'\ddot{o}_4-d'/) \rightarrow /f\ddot{a}'\ddot{e}-d'/ \rightarrow \text{AmberT}_{/Syl \rightarrow \{R(/Syl)\}} (/f\ddot{a}'\ddot{e}-d'/) \rightarrow \{FED'\}$; возможные конструкции деривативной базы/основы: $\{FED'\} \oplus \{Infl\}$: *Фед*⊕я, *Феденька*, *Федька*, *Федюня*, *Федюша*, *Федьша*, *Федюка*, *Федюнька*, *Федюнечка*, *Федюшка*, *Федюшечка*, *Федяй*, *Федяйка*, *Федюся*, *Федюська*, *Федюнчик*, *Федяка*, *Федяша*, *Федяха*.

8. Syl1Ini2Elim (ПЛИ) $\rightarrow \text{Choice}_{V/V1/V2/Vf}/\text{Choice}_{V/V1/V2/Vf} \rightarrow \text{AmberT}_{/Syl \rightarrow \{R(/Syl)\}} (\text{Res } (\text{Syl1Ini2Elim})) \rightarrow \{R(/Syl)\} \rightarrow \{R(/Syl)\} \oplus \{Infl\}$.

Боря: **SyllIni2** ($/b\ddot{+}O_1-r'\ddot{+}i\ddot{+}s/$) $\rightarrow$ $/b\ddot{+}O_1-r'\ddot{+}i\ddot{+}s/$ **Elim** ($/b\ddot{+}O_1-r'\ddot{+}i\ddot{+}s/$) $\rightarrow$ $/b\ddot{+}O_1-r'/$ $\rightarrow$ **Choice**_{v/v1/v2/vf} ($/b\ddot{+}O_1-r'/$) $\rightarrow$ $/b\ddot{+}o-r'/$ $\rightarrow$ **AmberT**_{/Syl/ $\rightarrow$ {R(/Syl)}} ($/b\ddot{+}o-r'/$) $\rightarrow$ {БОР'}; возможные конструкции деривативной базы/основы: {БОР'} ($\oplus$ {Infl}): *Бор $\oplus$ Я, Боренька, Боречка, Борюнчик, Борька, Борюсик, Борюшка, Борюся, Борюня, Борюха.*

Вадя: **SyllIni2** ($/v\ddot{+}A_1-d'\ddot{+}i\ddot{+}m/$) $\rightarrow$ $/v\ddot{+}A_1-d'\ddot{+}i\ddot{+}m/$ $\rightarrow$ **Elim** ($/v\ddot{+}A_1-d'\ddot{+}i\ddot{+}m/$) $\rightarrow$ $/v\ddot{+}A_1-d'/$ $\rightarrow$ **Choice**_{v/v1/v2/vf} ($/v\ddot{+}A_1-d'/$) $\rightarrow$ $/v\ddot{+}a-d'/$ $\rightarrow$ **AmberT**_{/Syl/ $\rightarrow$ {R(/Syl)}} ($/v\ddot{+}a-d'/$) $\rightarrow$ {ВАД'}; возможные конструкции деривативной базы/основы: {ВАД'} ($\oplus$ {Infl}): *Вад $\oplus$ Я, Вадик, Вадька, Вадюша, Вадечка, Вадиша, Вадюша, Вадюшка, Вадюшечка.*

Валя: **SyllIni2** ($/v\ddot{+}A_1-l'\ddot{+}E_2+n'-t'\ddot{+}i\ddot{+}n/$) $\rightarrow$ $/v\ddot{+}A_1-l'\ddot{+}E_2+n'-t'\ddot{+}i\ddot{+}n/$ **Elim** ($/v\ddot{+}A_1-l'\ddot{+}E_2+n'-t'\ddot{+}i\ddot{+}n/$) $\rightarrow$ $/v\ddot{+}A_1-l'/$ $\rightarrow$ **Choice**_{v/v1/v2/vf} ($/v\ddot{+}A_1-l'/$) $\rightarrow$ $/v\ddot{+}a-l'/$ $\rightarrow$ **AmberT**_{/Syl/ $\rightarrow$ {R(/Syl)}} ($/v\ddot{+}a-l'/$) $\rightarrow$ {БАЛ'}; возможные конструкции деривативной базы/основы: {БАЛ'} ($\oplus$ {Infl}): *Вал $\oplus$ Я, Валечка, Валька, Валюша, Валюшка, Валёк, Валенька.*

Вася: **SyllIni2** ($/v\ddot{+}A_1-s'\ddot{+}i-l'\ddot{+}i\ddot{+}i/$) $\rightarrow$ $/v\ddot{+}A_1-s'\ddot{+}i-l'\ddot{+}i\ddot{+}i/$ **Elim** ($/v\ddot{+}A_1-s'\ddot{+}i-l'\ddot{+}i\ddot{+}i/$) $\rightarrow$ $/v\ddot{+}A_1-s'/$ $\rightarrow$ **Choice**_{v/v1/v2/vf} ($/v\ddot{+}A_1-s'/$) $\rightarrow$ $/v\ddot{+}a-s'/$ $\rightarrow$ **AmberT**_{/Syl/ $\rightarrow$ {R(/Syl)}} ($/v\ddot{+}a-s'/$) $\rightarrow$ {ВАС'}; возможные конструкции деривативной базы/основы: {ВАС'} ($\oplus$ {Infl}): *Вас $\oplus$ Я, Васенька, Васька, Васей, Васейка, Васёна, Васёнка, Васёха, Васёк, Васечка, Васик, Васуше.*

Веня: **SyllIni2** ($/v'E_2-n'\ddot{+}i-A_1-m\ddot{+}i\ddot{+}n/$) $\rightarrow$ $/v'E_2-n'\ddot{+}i-A_1-m\ddot{+}i\ddot{+}n/$ **Elim** ($/v'E_2-n'\ddot{+}i-A_1-m\ddot{+}i\ddot{+}n/$) $\rightarrow$ $/v'E_2-n'/$ $\rightarrow$ **Choice**_{v/v1/v2/vf} ($/v'E_2-n'/$) $\rightarrow$ $/v'\ddot{+}e-n'/$ $\rightarrow$ **AmberT**_{/Syl/ $\rightarrow$ {R(/Syl)}} ($/v'\ddot{+}e-n'/$) $\rightarrow$ {БЕН'}; возможные конструкции деривативной базы/основы: {БЕН'} ($\oplus$ {Infl}): *Вен $\oplus$ Я, Венечка, Венька, Веник, Венчик, Венюк, Венюша, Венюшечка, Венюшка.*

Владя: **SyllIni2** ($/vl\ddot{+}A_1-d'\ddot{+}E_2-sl\ddot{+}a\ddot{+}v/$) $\rightarrow$ $/vl\ddot{+}A_1-d'\ddot{+}E_2-sl\ddot{+}a\ddot{+}v/$ **Elim** ($/vl\ddot{+}A_1-d'\ddot{+}E_2-sl\ddot{+}a\ddot{+}v/$) $\rightarrow$ $/vl\ddot{+}A_1-d'/$ $\rightarrow$ **Choice**_{v/v1/v2/vf} ($/vl\ddot{+}A_1-d'/$) $\rightarrow$ $/vl\ddot{+}a-d'/$ $\rightarrow$ **AmberT**_{/Syl/ $\rightarrow$ {R(/Syl)}} ($/vl\ddot{+}a-d'/$) $\rightarrow$ {ВЛАД'}; возможные конструкции деривативной базы/основы: {ВЛАД'} ($\oplus$ {Infl}): *Влад $\oplus$ Я, Владик.*

Деня: **SyllIni2** ($/d' \mp E_2 - n' \mp i \mp s/ \rightarrow /d' \mp E_2 - n' \mp i \mp s/ \rightarrow \text{Elim} (/d' \mp E_2 - n' \mp i \mp s/ \rightarrow /d' \mp E_2 - n' / \rightarrow \text{Choice}_{\mathbf{v}/\mathbf{v1}/\mathbf{v2}/\mathbf{vf}} (/d' \mp E_2 - n' / \rightarrow /d' \mp \acute{e} - n' / \text{AmberT}_{\mathbf{Syl} \rightarrow \{\mathbf{R}/\mathbf{Syl}\}} (/d' \mp \acute{e} - n' / \rightarrow \{\text{ДЕН}'\};$ возможные конструкции деривативной базы/основы: $\{\text{ДЕН}'\} (\oplus \{\text{Infl}\})$: *Ден*⊕*Я*, *Денька*, *Денюшка*.

Зося: **SyllIni2** ($/z \mp O_1 - s' \mp i - m \mp A_1 / \rightarrow /z \mp O_1 - s' \mp i - m \mp A_1 / \rightarrow \text{Elim} (/z \mp O_1 - s' \mp i - m \mp A_1 / \rightarrow /z \mp O_1 - s' / \rightarrow \text{Choice}_{\mathbf{v}/\mathbf{v1}/\mathbf{v2}/\mathbf{vf}} (/z \mp O_1 - s' / \rightarrow /z \mp \acute{o} - s' / \text{AmberT}_{\mathbf{Syl} \rightarrow \{\mathbf{R}/\mathbf{Syl}\}} (/z \mp \acute{o} - s' / \rightarrow \{\text{ЗОС}'\};$ возможные конструкции деривативной базы/основы: $\{\text{ЗОС}'\} (\oplus \{\text{Infl}\})$: *Зос*⊕*Я*, *Зосенька*, *Зосечка*, *Зоська*.

Родя: **SyllIni2** ($/r \mp O_1 - d' \mp E_2 - \acute{o} \mp n / \rightarrow /r \mp O_1 - d' \mp E_2 - \acute{o} \mp n / \text{Elim} (/r \mp O_1 - d' \mp E_2 - \acute{o} \mp n / \rightarrow /r \mp O_1 - d' / \rightarrow \text{Choice}_{\mathbf{v}/\mathbf{v1}/\mathbf{v2}/\mathbf{vf}} (/r \mp O_1 - d' / \rightarrow /r \mp \acute{o} - d' / \text{AmberT}_{\mathbf{Syl} \rightarrow \{\mathbf{R}/\mathbf{Syl}\}} (/r \mp \acute{o} - d' / \rightarrow \{\text{РОД}'\};$ возможные конструкции деривативной базы/основы: $\{\text{РОД}'\} (\oplus \{\text{Infl}\})$: *Род*⊕*Я*, *Роденька*, *Родечка*, *Родька*, *Родик*, *Родча*, *Родюк*, *Родюша*, *Родюшка*.

Филя: **SyllIni2** ($/f' \mp \acute{I} - l' \mp i \mp p / \rightarrow /f' \mp \acute{I} - l' \mp i \mp p / \text{Elim} (/f' \mp \acute{I} - l' \mp i \mp p / \rightarrow /f' \mp \acute{I} - l' / \rightarrow \text{Choice}_{\mathbf{v}/\mathbf{v1}/\mathbf{v2}/\mathbf{vf}} (/f' \mp \acute{I} - l' / \rightarrow /f' \mp \acute{i} - l' / \rightarrow \text{AmberT}_{\mathbf{Syl} \rightarrow \{\mathbf{R}/\mathbf{Syl}\}} (/f' \mp \acute{i} - l' / \rightarrow \{\text{ФИЛ}'\};$ возможные конструкции деривативной базы/основы: $\{\text{ФИЛ}'\} (\oplus \{\text{Infl}\})$: *Фил*⊕*Я*, *Филечка*, *Филька*, *Филёк*, *Филенька*, *Фильчик*, *Фильша*, *Филюк*, *Филюха*.

Аля: **SyllIni2** ($/A_1 - l' \mp E_2 + k - s \mp \acute{a} \mp n - dr \mp A_1 / \rightarrow /A_1 - l' \mp E_2 + k - s \mp \acute{a} \mp n - dr \mp A_1 / \text{Elim} (/A_1 - l' \mp E_2 + k - s \mp \acute{a} \mp n - dr \mp A_1 / \rightarrow /A_1 - l' / \rightarrow \text{Choice}_{\mathbf{v}/\mathbf{v1}/\mathbf{v2}/\mathbf{vf}} (/A_1 - l' / \rightarrow / \acute{a} - l' / \rightarrow \text{AmberT}_{\mathbf{Syl} \rightarrow \{\mathbf{R}/\mathbf{Syl}\}} (/ \acute{a} - l' / \rightarrow \{\text{АЛ}'\};$ возможные конструкции деривативной базы/основы: $\{\text{АЛ}'\} (\oplus \{\text{Infl}\})$: *Ал*⊕*Я*, *Алечка*, *Алька*.

Галя: **SyllIni2** ($/g \mp A_1 - l' \mp i - n \mp A_1 / \rightarrow /g \mp A_1 - l' \mp i - n \mp A_1 / \rightarrow \text{Elim} (/g \mp A_1 - l' \mp i - n \mp A_1 / \rightarrow /g \mp A_1 - l' / \rightarrow \text{Choice}_{\mathbf{v}/\mathbf{v1}/\mathbf{v2}/\mathbf{vf}} (/g \mp A_1 - l' / \rightarrow /g \mp \acute{a} - l' / \rightarrow \text{AmberT}_{\mathbf{Syl} \rightarrow \{\mathbf{R}/\mathbf{Syl}\}} (/g \mp \acute{a} - l' / \rightarrow \{\text{ГАЛ}'\};$ возможные конструкции деривативной базы/основы: $\{\text{ГАЛ}'\} (\oplus \{\text{Infl}\})$: *Гал*⊕*Я*, *Галёк*, *Галёчек*, *Галечка*, *Галик*, *Галика*, *Галька*, *Гальчик*, *Галюня*, *Галюся*, *Галюсик*, *Галюнчик*.

Лиля: **SyllIni2** ($/l' \mp \acute{I} - l' \mp \acute{I} - \acute{a} - n \mp A_1 / \rightarrow /l' \mp \acute{I} - l' \mp \acute{I} - \acute{a} - n \mp A_1 / \text{Elim} (/l' \mp \acute{I} - l' \mp \acute{I} - \acute{a} - n \mp A_1 / \rightarrow /l' \mp \acute{I} - l' / \rightarrow \text{Choice}_{\mathbf{v}/\mathbf{v1}/\mathbf{v2}/\mathbf{vf}} (/l' \mp \acute{I} - l' / \rightarrow (/l' \mp \acute{i} - l' / \rightarrow \text{AmberT}_{\mathbf{Syl} \rightarrow \{\mathbf{R}/\mathbf{Syl}\}} (/l' \mp \acute{i} - l' / \rightarrow$

{ЛИЛ'}; возможные конструкции деривативной базы/основы: {ЛИЛ'} ($\oplus$ {Infl}): *Лил*⊕*я*, *Лилечка*, *Лилька*, *Лилюсенька*, *Лилюська*, *Лилюша*, *Лилюшечка*, *Лильша*, *Лилюха*.

Надя: **SyllIni2** ($/n\sharp A_1-d'\sharp\acute{e}\sharp zh-d\sharp A_1/ \rightarrow /n\sharp A_1-d'\sharp\acute{e}\sharp zh-d\sharp A_1/ \rightarrow \text{Elim} (/n\sharp A_1-d'\sharp\acute{e}\sharp zh-d\sharp A_1/ \rightarrow /n\sharp A_1-d'/ \rightarrow \text{Choice}_{\vee N_1/V_2/V_f} (/n\sharp A_1-d'/ \rightarrow /n\sharp \acute{a}-d'/ \rightarrow \text{AmberT}_{/Syl \rightarrow \{R/(Syl)\}} (/n\sharp \acute{a}-d'/ \rightarrow \{\text{НАД'}\}$; возможные конструкции деривативной базы/основы: {НАД'} ($\oplus$ {Infl}): *Над*⊕*я*, *Наденька*, *Надька*, *Надюха*, *Надюша*, *Надюшка*, *Надёк*, *Надёна*, *Надёнка*, *Надёха*, *Надечка*, *Надея*, *Надик*, *Надина*, *Надинка*, *Надиночка*, *Надинушка*, *Надьша*, *Надюрася*, *Надюра*, *Надюня*, *Надюнчик*.

Поля: **SyllIni2** ($/p\sharp O_1-l'\sharp\acute{i}-n\sharp A_1/ \rightarrow /p\sharp O_1-l'\sharp\acute{i}-n\sharp A_1/ \rightarrow \text{Elim} (/p\sharp O_1-l'\sharp\acute{i}-n\sharp A_1/ \rightarrow /p\sharp O_1-l'/ \rightarrow \text{Choice}_{\vee N_1/V_2/V_f} (/p\sharp O_1-l'/ \rightarrow /p\sharp \acute{o}-l'/ \rightarrow \text{AmberT}_{/Syl \rightarrow \{R/(Syl)\}} (/p\sharp \acute{o}-l'/ \rightarrow \{\text{ПОЛ'}\}$; возможные конструкции деривативной базы/основы: {ПОЛ'} ($\oplus$ {Infl}): *Пол*⊕*я*, *Полечка*, *Поленька*, *Полька*, *Польча*, *Польша*, *Полюня*, *Полюся*, *Полюха*, *Полюшка*, *Полюнчик*, *Полюша*.

Эля: **SyllIni2** ($/E_1-l'\sharp E_2-O_1-n\sharp \acute{o}-r\sharp A_1/ \rightarrow /E_1-l'\sharp E_2-O_1-n\sharp \acute{o}-r\sharp A_1/ \rightarrow \text{Elim} (/E_1-l'\sharp E_2-O_1-n\sharp \acute{o}-r\sharp A_1/ \rightarrow /E_1-l'/ \rightarrow \text{Choice}_{\vee N_1/V_2/V_f} (/E_1-l'/ \rightarrow /e-l'/ \rightarrow \text{AmberT}_{/Syl \rightarrow \{R/(Syl)\}} (/e-l'/ \rightarrow \{\text{ЭЛ'}\}$; возможные конструкции деривативной базы/основы: {ЭЛ'} ($\oplus$ {Infl}): *Эл*⊕*я*, *Элечка*, *Элька*.

Рома: **SyllIni2** ($/r\sharp O_1-m\sharp \acute{a}\sharp n/ \rightarrow /r\sharp O_1-m\sharp \acute{a}\sharp n/ \rightarrow \text{Elim} (/r\sharp O_1-m\sharp \acute{a}\sharp n/ \rightarrow /r\sharp O_1-m/ \rightarrow \text{Choice}_{\vee N_1/V_2/V_f} (/r\sharp O_1-m/ \rightarrow /r\sharp \acute{o}-m/ \rightarrow \text{AmberT}_{/Syl \rightarrow \{R/(Syl)\}} (/r\sharp \acute{o}-m/ \rightarrow \{\text{РОМ}\}$; возможные конструкции деривативной базы/основы: {РОМ} ($\oplus$ {Infl}): *Ром*⊕*я*, *Ромочка*, *Ромка*, *Ромай*, *Ромака*, *Ромаша*, *Ромашка*, *Ромашок*, *Ромик*, *Ромша*.

Сева: **SyllIni2** ($/s'\sharp E_2-v\sharp A_1-s't'y\sharp \acute{a}\sharp n/ \rightarrow /s'\sharp E_2-v\sharp A_1-s't'y\sharp \acute{a}\sharp n/ \rightarrow \text{Elim} (/s'\sharp E_2-v\sharp A_1-s't'y\sharp \acute{a}\sharp n/ \rightarrow /s'\sharp E_2-v/ \rightarrow \text{Choice}_{\vee N_1/V_2/V_f} (/s'\sharp E_2-v/ \rightarrow /s'\sharp \acute{e}-v/ \rightarrow \text{AmberT}_{/Syl \rightarrow \{R/(Syl)\}} (/s'\sharp \acute{e}-v/ \rightarrow \{\text{СЕВ}\}$; возможные конструкции деривативной базы/основы: {СЕВ} ($\oplus$ {Infl}): *Сев*⊕*я*, *Севочка*, *Севка*, *Севик*, *Севушка*.

Стёпа: **SyllIni2** ($/s't'\sharp E_4-p\sharp \acute{a}\sharp n/ \rightarrow /s't'\sharp E_4-p\sharp \acute{a}\sharp n/ \rightarrow \text{Elim} (/s't'\sharp E_4-p\sharp \acute{a}\sharp n/ \rightarrow /s't'\sharp E_4-p/ \rightarrow \text{Choice}_{\vee N_1/V_2/V_f} (/s't'\sharp E_4-p/ \rightarrow /s't'\sharp \acute{o}-p/ \rightarrow \text{AmberT}_{/Syl \rightarrow \{R/(Syl)\}} (/s't'\sharp \acute{o}-p/ \rightarrow \{\text{СТЁП}\}$; возможные конструкции деривативной базы/основы: {СТЁП} ($\oplus$ {Infl}): *Стёп*⊕*я*, *Стёпечка*, *Стёпка*, *Стёпик*, *Стёпушка*.

→ {СТЁП}; возможные конструкции деривативной базы/основы: {СТЁП} ($\oplus$ {Infl}):

СтёнѠа, Стёпочка, Стёпка, Степок, Степоха, Степун, Степуха, Степуша.

Гера: **Syl1Ini2** ($/g' \mp E_2 - r \mp \acute{a} - s \mp \acute{I} \mp m/$) → $/g' \mp E_2 - r \mp \acute{a} - s \mp \acute{I} \mp m/$ → **Elim** ($/g' \mp E_2 - r \mp \acute{a} - s \mp \acute{I} \mp m/$) → $/g' \mp E_2 - r/$ → **Choice** _{$v/v_1/v_2/v_f$} ($/g' \mp E_2 - r/$) → $/g' \mp \acute{e} - r/$ → **AmberT** _{$/Syl/ \rightarrow \{R(Syl)\}$} ($/g' \mp \acute{e} - r/$) → {ГЕР}; возможные конструкции деривативной базы/основы: {ГЕР} ($\oplus$ {Infl}): *ГерѠа, Герочка, Герка, Гераня, Геранька.*

Зина: **Syl1Ini2** ($/z' \mp \acute{I} - n \mp A_1 - \acute{i} - d \mp A_1/$) → $/z' \mp \acute{I} - n \mp A_1 - \acute{i} - d \mp A_1/$ → **Elim** ($/z' \mp \acute{I} - n \mp A_1 - \acute{i} - d \mp A_1/$) → $/z' \mp \acute{I} - n/$ → **Choice** _{$v/v_1/v_2/v_f$} ($/z' \mp \acute{I} - n/$) → ($/z' \mp \acute{I} - n/$) → **AmberT** _{$/Syl/ \rightarrow \{R(Syl)\}$} ($/z' \mp \acute{I} - n/$) → {ЗИН}; возможные конструкции деривативной базы/основы: {ЗИН} ($\oplus$ {Infl}): *ЗинѠа, Зиночка, Зинка, Зинок, Зиночек, Зинуля, Зинулька, Зинчик, Зинуся, Зинуха, Зинуша, Зинура, Зинурочка, Зинурка.*

Люба: **Syl1Ini2** ($/l' \mp U_2 - b \mp \acute{o} \mp v'/$) → $/l' \mp U_2 - b \mp \acute{o} \mp v'/$ → **Elim** ($/l' \mp U_2 - b \mp \acute{o} \mp v'/$) → $/l' \mp U_2 - b/$ → **Choice** _{$v/v_1/v_2/v_f$} ($/l' \mp U_2 - b/$) → $/l' \mp \acute{u} - b/$ → **AmberT** _{$/Syl/ \rightarrow \{R(Syl)\}$} ($/l' \mp \acute{u} - b/$) → {ЛЮБ}; возможные конструкции деривативной базы/основы: {ЛЮБ} ($\oplus$ {Infl}): *ЛюбѠа, Любочка, Любка, Любаша, Любава, Любенька, Любушка, Любаха, Любаня.*

Ната: **Syl1Ini2** ($/n \mp A_1 - t \mp \acute{a} - l' - y \mp A_1/$) → $/n \mp A_1 - t \mp \acute{a} - l' - y \mp A_1/$ → **Elim** ($/n \mp A_1 - t \mp \acute{a} - l' - y \mp A_1/$) → $/n \mp A_1 - t/$ → **Choice** _{$v/v_1/v_2/v_f$} ($/n \mp A_1 - t/$) → $/n \mp \acute{a} - t/$ → **AmberT** _{$/Syl/ \rightarrow \{R(Syl)\}$} ($/n \mp \acute{a} - t/$) → {НАТ}; возможные конструкции деривативной базы/основы: {НАТ} ($\oplus$ {Infl}): *НатѠа, Наточка, Натка, Натаня, Натанечка, Натуся, Натуська, Натусик, Nataxa, Натик, Натка.*

Ева: **Syl1Ini2** ($/y \mp E_2 - v \mp A_1 \mp n - g' \mp E_2 - l' \mp \acute{i} - n \mp A_1/$) → $/y \mp E_2 - v \mp A_1 \mp n - g' \mp E_2 - l' \mp \acute{i} - n \mp A_1/$ → **Elim** ($/y \mp E_2 - v \mp A_1 \mp n - g' \mp E_2 - l' \mp \acute{i} - n \mp A_1/$) → $/y \mp E_2 - v/$ → **Choice** _{$v/v_1/v_2/v_f$} ($/y \mp E_2 - v/$) → $/y \mp \acute{e} - v/$ → **AmberT** _{$/Syl/ \rightarrow \{R(Syl)\}$} ($/y \mp \acute{e} - v/$) → {ЕВ}; возможные конструкции деривативной базы/основы: {ЕВ} ($\oplus$ {Infl}): *ЕвѠа, Евочка.*

9. **Syl1VocElim1 (ПЛИ) → Syl1Ini2Elim (Res (Syl1VocElim)) → Choice** _{$v/v_1/v_2/v_f$} /**Choice** _{$v/v_1/v_2/v_f$} → **AmberT** _{$/Syl/ \rightarrow \{R(Syl)\}$} (Res (Choice _{$v/v_1/v_2/v_f$} /Choice _{$v/v_1/v_2/v_f$})) → {R(/Syl/)} → {R(/Syl/)} $\oplus$ {Infl}.

Ларя: **Syl1Voc** ($/\dot{I}-l\ddot{+}A_1-r'\ddot{+}\dot{I}-\acute{o}\ddot{+}n/$) $\rightarrow$ $/\dot{I}-l\ddot{+}A_1-r'\ddot{+}\dot{I}-\acute{o}\ddot{+}n/$ **Elim1** ($/\dot{I}-l\ddot{+}A_1-r'\ddot{+}\dot{I}-\acute{o}\ddot{+}n/$) $\rightarrow$ $/l\ddot{+}A_1-r'\ddot{+}\dot{I}-\acute{o}\ddot{+}n/$ $\rightarrow$ **Syl1Ini2** ($/l\ddot{+}A_1-r'\ddot{+}\dot{I}-\acute{o}\ddot{+}n/$) $\rightarrow$ $/l\ddot{+}A_1-r'\ddot{+}\dot{I}-\acute{o}\ddot{+}n/$ **Elim** ($/l\ddot{+}A_1-r'\ddot{+}\dot{I}-\acute{o}\ddot{+}n/$) $\rightarrow$ $/l\ddot{+}A_1-r'/$ $\rightarrow$ **Choice** $_{V/V1/V2/Vf}$ ($/l\ddot{+}A_1-r'/$) $\rightarrow$ $/l\ddot{+}\acute{a}-r'/$ $\rightarrow$ **AmberT** $_{Syl \rightarrow \{R(Syl)\}}$ ($/l\ddot{+}\acute{a}-r'/$) $\rightarrow$ {ЛАР'};

возможные конструкции деривативной базы/основы: {ЛАР'} ($\oplus$ {Infl}): *ЛарОя, Ларик, Ларюша, Ларюха.*

Катя: **Syl1Voc** ($/y\ddot{+}E_2-k\ddot{+}A_1-t'\ddot{+}E_2-r\ddot{+}\acute{i}-n\ddot{+}A_1/$) $\rightarrow$ $/y\ddot{+}E_2-k\ddot{+}A_1-t'\ddot{+}E_2-r\ddot{+}\acute{i}-n\ddot{+}A_1/$ $\rightarrow$ **Elim1** ($/y\ddot{+}E_2-k\ddot{+}A_1-t'\ddot{+}E_2-r\ddot{+}\acute{i}-n\ddot{+}A_1/$) $\rightarrow$ $/k\ddot{+}A_1-t'\ddot{+}E_2-r\ddot{+}\acute{i}-n\ddot{+}A_1/$ $\rightarrow$ **Syl1Ini2** ($/k\ddot{+}A_1-t'\ddot{+}E_2-r\ddot{+}\acute{i}-n\ddot{+}A_1/$) **Elim** ($/k\ddot{+}A_1-t'\ddot{+}E_2-r\ddot{+}\acute{i}-n\ddot{+}A_1/$) $\rightarrow$ $/k\ddot{+}A_1-t'/$ $\rightarrow$ **Choice** $_{V/V1/V2/Vf}$ ($/k\ddot{+}A_1-t'/$) $\rightarrow$ $/k\ddot{+}\acute{a}-t'/$ $\rightarrow$ **AmberT** $_{Syl \rightarrow \{R(Syl)\}}$ ($/k\ddot{+}\acute{a}-t'/$) $\rightarrow$ {КАТ'};

возможные конструкции деривативной базы/основы: {КАТ'} ($\oplus$ {Infl}): *КатОя, Катенька, Катька, Катюша, Катёна, Катик, Катёха, Катюня, Катюнечка, Катюнька, Катюся, Катюсик, Катюля, Катюлечка, Катюха, Катьша, Катяха, Катяша.*

Лиза: **Syl1Voc** ($/y\ddot{+}E_2-l'\ddot{+}\dot{I}-z\ddot{+}A_1-v'\ddot{+}\acute{e}-t\ddot{+}A_1/$) $\rightarrow$ $/y\ddot{+}E_2-l'\ddot{+}\dot{I}-z\ddot{+}A_1-v'\ddot{+}\acute{e}-t\ddot{+}A_1/$ **Elim1** ($/y\ddot{+}E_2-l'\ddot{+}\dot{I}-z\ddot{+}A_1-v'\ddot{+}\acute{e}-t\ddot{+}A_1/$) $\rightarrow$ $/l'\ddot{+}\dot{I}-z\ddot{+}A_1-v'\ddot{+}\acute{e}-t\ddot{+}A_1/$ **Syl1Ini2** ($/l'\ddot{+}\dot{I}-z\ddot{+}A_1-v'\ddot{+}\acute{e}-t\ddot{+}A_1/$) $\rightarrow$ $/l'\ddot{+}\dot{I}-z\ddot{+}A_1-v'\ddot{+}\acute{e}-t\ddot{+}A_1/$ **Elim** ($/l'\ddot{+}\dot{I}-z\ddot{+}A_1-v'\ddot{+}\acute{e}-t\ddot{+}A_1/$) $\rightarrow$ $/l'\ddot{+}\dot{I}-z/$ $\rightarrow$ **Choice** $_{V/V1/V2/Vf}$ ($/l'\ddot{+}\dot{I}-z/$) $\rightarrow$ ($/l'\ddot{+}\acute{i}-z/$) $\rightarrow$ **AmberT** $_{Syl \rightarrow \{R(Syl)\}}$ ($/l'\ddot{+}\acute{i}-z/$) $\rightarrow$ {ЛИЗ};

возможные конструкции деривативной базы/основы: {ЛИЗ} ($\oplus$ {Infl}): *ЛизОя, Лизочка, Лизка, Лизок, Лизочек, Лизонька, Лизун, Лизунчик, Лизура, Лизутка, Лизуха, Лизуша, Лизица.*

10. Syl1VocElim1 (ПЛИ) $\rightarrow$ Syl1Ini2Elim (Res (Syl1VocElim)) $\rightarrow$ Choice $_{V/V1/V2/Vf}$ /**Choice** $_{V/V1/V2/Vf}$ **Pal (Res (Choice** $_{V/V1/V2/Vf}$ /**Choice** $_{V/V1/V2/Vf}$)) $\rightarrow$ **AmberT** $_{Syl \rightarrow \{R(Syl)\}}$ (**Res (Pal)**) $\rightarrow$ {R(Syl)} $\rightarrow$ {R(Syl)} $\oplus$ {Infl}.

Настя: **Syl1Voc** ($/A_1-n\ddot{+}A_1-st\ddot{+}A_1-s'\ddot{+}\acute{i}-y\ddot{+}A_1/$) $\rightarrow$ $/A_1-n\ddot{+}A_1-st\ddot{+}A_1-s'\ddot{+}\acute{i}-y\ddot{+}A_1/$ $\rightarrow$ **Elim1** ($/A_1-n\ddot{+}A_1-st\ddot{+}A_1-s'\ddot{+}\acute{i}-y\ddot{+}A_1/$) $\rightarrow$ $/n\ddot{+}A_1-st\ddot{+}A_1-s'\ddot{+}\acute{i}-y\ddot{+}A_1/$ $\rightarrow$ **Syl1Ini2** ($/n\ddot{+}A_1-st\ddot{+}A_1-s'\ddot{+}\acute{i}-y\ddot{+}A_1/$) $\rightarrow$ **Elim** ($/n\ddot{+}A_1-st\ddot{+}A_1-s'\ddot{+}\acute{i}-y\ddot{+}A_1/$) $\rightarrow$ $/n\ddot{+}A_1-st/$ $\rightarrow$ **Choice** $_{V/V1/V2/Vf}$ ($/n\ddot{+}A_1-st/$) $\rightarrow$ $/n\ddot{+}\acute{a}-st/$ $\rightarrow$ **Pal** ($/n\ddot{+}\acute{a}-st/$) $\rightarrow$ $/n\ddot{+}\acute{a}-st'/$ $\rightarrow$ **AmberT** $_{Syl \rightarrow \{R(Syl)\}}$ ($/n\ddot{+}\acute{a}-st'/$) $\rightarrow$ {НАСТ'};

возможные конструкции деривативной базы/основы: {НАСТ'} $\oplus$ {Infl}: *НастОя, Настенька, Настька,*

Настёк, Настёна, Настёнка, Настёха, Настечка, Настик, Настюня, Настюха, Настяха, Настюнчик, Настюра, Настюрка, Настюша.

11. Syl1 (ПЛИ) $\rightarrow$ Elim (Syl1) $\rightarrow$ Choice $_{\vee/V1/V2/Vf}$ /Choice $_{\vee/V1/V2/Vf}$ $\rightarrow$ AmberT $_{/Syl \rightarrow \{R(/Syl)\}}$ (Res Choice $_{\vee/V1/V2/Vf}$ /Choice $_{\vee/V1/V2/Vf}$) $\rightarrow$ {R(/Syl)} $\rightarrow$ {R(/Syl)} $\otimes$ {Ш} $\oplus$ {Infl}.

Глаша: Syl1 (/gl $\ddagger$ A₁-f $\ddagger$ i-r $\ddagger$ A₁/) $\rightarrow$ /gl $\ddagger$ A₁-f $\ddagger$ i-r $\ddagger$ A₁/ $\rightarrow$ Elim /gl $\ddagger$ A₁-f $\ddagger$ i-r $\ddagger$ A₁/ $\rightarrow$ /gl $\ddagger$ A₁/ $\rightarrow$ Choice $_{\vee/V1/V2/Vf}$ (/gl $\ddagger$ A₁/) $\rightarrow$ /gl $\ddagger$ á/ $\rightarrow$ AmberT $_{/Syl \rightarrow \{R(/Syl)\}}$ (/gl $\ddagger$ á/) $\rightarrow$ {ГЛА}; возможные конструкции деривативной базы/основы: {ГЛА} $\otimes$ {Ш}/{H'} $\oplus$ {Infl}: Гла $\otimes$ ш $\oplus$ а, Гла $\otimes$ н $\oplus$ я, Гланечка, Гланюшка, Гланька, Глашенька, Глашечка, Глашка.

Маша: Syl1 (/m $\ddagger$ A₁-r $\ddagger$ i- $\check{r}$ $\ddagger$ A₁/) $\rightarrow$ /m $\ddagger$ A₁-r $\ddagger$ i- $\check{r}$ $\ddagger$ A₁/ $\rightarrow$ Elim (/m $\ddagger$ A₁-r $\ddagger$ i- $\check{r}$ $\ddagger$ A₁/) $\rightarrow$ /m $\ddagger$ A₁/ $\rightarrow$ Choice $_{\vee/V1/V2/Vf}$ (/m $\ddagger$ A₁/) $\rightarrow$ /m $\ddagger$ á/ $\rightarrow$ AmberT $_{/Syl \rightarrow \{R(/Syl)\}}$ (/m $\ddagger$ á/) $\rightarrow$ {МА}; возможные конструкции деривативной базы/основы: {МА} $\otimes$ {Ш}/{H'} $\oplus$ {Infl}: Ма $\otimes$ ш $\oplus$ а, Ма $\otimes$ н $\oplus$ я, Машенька, Машуля, Машечка, Машка, Манёк, Манечка, Маньша, Манюня, Манюнчик, Манюся, Манюсечка, Маняка, Манюра, Манюрочка, Манюта, Манютка, Манюточка, Манюха, Манюша, Манюшенька, Манюшечка, Маняша, Маняшенька, Маняшка, Машок, Машуня, Машунечка, Машунчик, Машура, Машурочка.

Стеша: Syl1 (/st' $\ddagger$ E₂-p $\ddagger$ A₁-n' $\ddagger$ i-d $\ddagger$ A₁/) $\rightarrow$ /st' $\ddagger$ E₂-p $\ddagger$ A₁-n' $\ddagger$ i-d $\ddagger$ A₁/ $\rightarrow$ Elim (/st' $\ddagger$ E₂-p $\ddagger$ A₁-n' $\ddagger$ i-d $\ddagger$ A₁/) $\rightarrow$ /st' $\ddagger$ E₂/ $\rightarrow$ Choice $_{\vee/V1/V2/Vf}$ (/st' $\ddagger$ E₂/) $\rightarrow$ /st' $\ddagger$ é/ $\rightarrow$ AmberT $_{/Syl \rightarrow \{R(/Syl)\}}$ (/st' $\ddagger$ é/) $\rightarrow$ {СТЕ}; возможные конструкции деривативной базы/основы: {СТЕ} $\otimes$ {Ш}/{H'}/{X} $\oplus$ {Infl}: Сте $\otimes$ ш $\oplus$ а, Сте $\otimes$ н $\oplus$ я, Сте $\otimes$ х $\oplus$ а, Стенечка, Стенька, Стеньша, Стеха, Стешенька, Стешечка, Стешок.

Гриша: Syl1 (/gr' $\ddagger$ Í-g $\ddagger$ ó-r' $\ddagger$ Í $\ddagger$ í/) $\rightarrow$ /gr' $\ddagger$ Í-g $\ddagger$ ó-r' $\ddagger$ Í $\ddagger$ í/ $\rightarrow$ Elim (/gr' $\ddagger$ Í-g $\ddagger$ ó-r' $\ddagger$ Í $\ddagger$ í/) $\rightarrow$ /gr' $\ddagger$ Í/ $\rightarrow$ Choice $_{\vee/V1/V2/Vf}$ (/gr' $\ddagger$ Í/) $\rightarrow$ (/gr' $\ddagger$ í/) $\rightarrow$ AmberT $_{/Syl \rightarrow \{R(/Syl)\}}$ (/gr' $\ddagger$ í/) $\rightarrow$ {ГРИ}; возможные конструкции деривативной базы/основы: {ГРИ} $\otimes$ {Ш}/{H'}/{X} $\oplus$ {Infl}: Гри $\otimes$ ш $\oplus$ а, Гри $\otimes$ н $\oplus$ я, Гри $\otimes$ х $\oplus$ а, Грика, Гринёк, Гринчик, Гринька, Гриньша, Гринюша, Гришай, Гришак, Гришенька, Гришечка, Гришук, Гришок, Гришаня, Гришата, Гришатка.

Миша: **Syl1** ($/m' \pm \dot{I} - x \pm A_1 - i \pm l/$) $\rightarrow /m' \pm \dot{I} - x \pm A_1 - i \pm l/ \rightarrow$ **Elim** ($/m' \pm \dot{I} - x \pm A_1 - i \pm l/$) $\rightarrow$
 $/m' \pm \dot{I}/ \rightarrow$ **Choice** $_{V/V_1/V_2/V_f}$ ($/m' \pm \dot{I}/$) $\rightarrow (/m' \pm i/ \rightarrow$ **AmberT** $_{/Syl \rightarrow \{R(Syl)\}}$ ($/gr' \pm i/$) $\rightarrow \{МИ\};$
 возможные конструкции деривативной базы/основы: $\{МИ\} \otimes \{Ш\}/\{H'\}/\{X\} \oplus \{Infl\}$:
Ми $\otimes$ *ш* $\oplus$ *а*, *Ми* $\otimes$ *н* $\oplus$ *я*, *Ми* $\otimes$ *х* $\oplus$ *а*, *Минька*, *Минюра*, *Минюша*, *Минюшка*, *Миняй*, *Миняша*,
Михальчик, *Михалюта*, *Миханя*, *Михася*, *Михась*, *Мишак*, *Мишака*, *Мишаня*, *Мишата*,
Мишатка, *Мишка*, *Мишук*, *Мишуля*, *Мишуня*, *Мишура*.

12. **Syl1Ini2Elim (ПЛИ)** $\rightarrow$ **Choice** $_{V/V_1/V_2/V_f}$ /**Choice** $_{V/V_1/V_2/V_f}$ $\rightarrow$ **Pal** (**Res**
(Choice $_{V/V_1/V_2/V_f}$ /**Choice** $_{V/V_1/V_2/V_f}$)) $\rightarrow$ **AmberT** $_{/Syl \rightarrow \{R(Syl)\}}$ (**Res** (**Pal**)) $\rightarrow \{R(/Syl/)\} \rightarrow$
 $\{R(/Syl/)\} \oplus \{Infl\}$.

Витя: **Syl1Ini2** ($/v' \pm \dot{I} - t \pm \acute{a} - l \pm \dot{I} \pm \hat{I}/$) $\rightarrow /v' \pm \dot{I} - t \pm \acute{a} - l \pm \dot{I} \pm \hat{I}/ \rightarrow$ **Elim** ($/v' \pm \dot{I} - t \pm \acute{a} - l \pm \dot{I} \pm \hat{I}/$) $\rightarrow$
 $/v' \pm \dot{I} - t/ \rightarrow$ **Choice** $_{V/V_1/V_2/V_f}$ ($/v' \pm \dot{I} - t/$) $\rightarrow (/v' \pm i - t/ \rightarrow$ **Pal** ($/v' \pm i - t/$) $\rightarrow /v' \pm \dot{I} - t/ \rightarrow$ **Am-**
berT $_{/Syl \rightarrow \{R(Syl)\}}$ ($/v' \pm i - t/$) $\rightarrow \{ВИТ'\};$ возможные конструкции деривативной базы/основы:
 $\{ВИТ'\} \oplus \{Infl\}$: *Вит* $\oplus$ *я*, *Витяня*, *Витянька*, *Витянечка*, *Витяша*, *Витяшенька*, *Витяш-*
ка.

13. **Syl1Ini2Elim (ПЛИ)** $\rightarrow$ (**Choice** $_{V/V_1/V_2/V_f}$ /**Choice** $_{V/V_1/V_2/V_f}$) $\rightarrow$ **Vel** (**Res**
(Choice $_{V/V_1/V_2/V_f}$ /**Choice** $_{V/V_1/V_2/V_f}$)) $\rightarrow$ **AmberT** $_{/Syl \rightarrow \{R(Syl)\}}$ (**Res** (**Vel**)) $\rightarrow \{R(/Syl/)\} \rightarrow$
 $\{R(/Syl/)\} \oplus \{Infl\}$.

Глафа: **Syl1Ini2** ($/gl \pm A_1 - f' \pm i - r \pm A_1/$) $\rightarrow /gl \pm A_1 - f' \pm i - r \pm A_1/$ **Elim** ($/gl \pm A_1 - f' \pm i - r \pm A_1/$) $\rightarrow$
 $/gl \pm A_1 - f'/ \rightarrow$ **Choice** $_{V/V_1/V_2/V_f}$ ($/gl \pm A_1 - f'/$) $\rightarrow /gl \pm \acute{a} - f'/$ **Vel** ($/gl \pm \acute{a} - f'/$) $\rightarrow /gl \pm \acute{a} - f/ \rightarrow$ **Am-**
berT $_{/Syl \rightarrow \{R(Syl)\}}$ ($/gl \pm \acute{a} - f/$) $\rightarrow \{ГЛАФ\};$ возможные конструкции деривативной
 базы/основы: $\{ГЛАФ\} \oplus \{Infl\}$: *Глаф* $\oplus$ *а*, *Глафка*, *Глафочка*, *Глафуша*, *Глафушка*.

Ира: **Syl1Ini2** ($/\acute{I} - r' \pm i - n \pm A_1/$) $\rightarrow /I - r' \pm i - n \pm A_1/$ **Elim** ($/I - r' \pm i - n \pm A_1/$) $\rightarrow /I - r'/ \rightarrow$
Choice $_{V/V_1/V_2/V_f}$ ($/I - r'/$) $\rightarrow /i - r'/$ **Vel** ($/i - r'/$) $\rightarrow /i - r/ \rightarrow$ **AmberT** $_{/Syl \rightarrow \{R(Syl)\}}$ ($/i - r/$) $\rightarrow \{ИР\};$
 возможные конструкции деривативной базы/основы: $\{ИР\} \oplus \{Infl\}$: *Ир* $\oplus$ *а*, *Ирочка*, *Ирка*,
Ируня, *Ирунчик*, *Ирусик*, *Ируся*, *Ирок*, *Ирочек*, *Ируша*, *Ирушка*.

Лара: **Syl1Ini2** ($/l \pm A_1 - r' \pm i - s \pm A_1/$) $\rightarrow /l \pm A_1 - r' \pm i - s \pm A_1/$ **Elim** ($/l \pm A_1 - r' \pm i - s \pm A_1/$) $\rightarrow$
 $/l \pm A_1 - r'/ \rightarrow$ **Choice** $_{V/V_1/V_2/V_f}$ ($/l \pm A_1 - r'/$) $\rightarrow /l \pm \acute{a} - r'/ \rightarrow$ **Vel** ($/l \pm \acute{a} - r'/$) $\rightarrow /l \pm \acute{a} - r/ \rightarrow$ **Am-**

berT_{/Syl/→{R(/Syl)}} (/l±á-r/) → {ЛАР}; возможные конструкции деривативной базы/основы: {ЛАР} ⊕ {Infl}: *Лар⊕а, Ларочка, Ларчик, Ларик, Ларуня, Ларунчик, Ларусик, Ларуся, Ларушка.*

Кира: **SyllIni2** (/k'±í-r'±í±l/) → /k'±í-r'±í±l/ **Elim** (/k'±í-r'±í±l/) → /k'±í-r'/ → **Choice**_{v/v1/v2/vf} (/k'í-r'/) → /k'í-r'/ **Vel** (/k'í-r'/) → /k'í-r'/ → **AmberT**_{/Syl/→{R(/Syl)}} (/k'í-r'/) → {КИР}; возможные конструкции деривативной базы/основы: {КИР} ⊕ {Infl}: *Кир⊕а, Кирка, Кирочка, Кируся, Кирусик, Кируха, Кируша, Кирушка.*

Сава: **SyllIni2** (/s±A₁-v'±é-l±í±î/) → /s±A₁-v'±é-l±í±î/ → **Elim** (/s±A₁-v'±é-l±í±î/) → /s±A₁-v'/ → **Choice**_{v/v1/v2/vf} (/s±A₁-v'/) → /s±á-v'/ → **Vel** (/s±á-v'/) → /s±á-v'/ → **AmberT**_{/Syl/→{R(/Syl)}} (/s±á-v'/) → {САВ}; возможные конструкции деривативной базы/основы: {САВ} ⊕ {Infl}: *Сав⊕а, Савка, Савушка, Савонька, Савочка.*

Дима: **SyllIni2** (/d'±í-m'±í±t-r'±í±î/) → /d'±í-m'±í±t-r'±í±î/ **Elim** (/d'±í-m'±í±t-r'±í±î/) → /d'±í-m'/ → **Choice**_{v/v1/v2/vf} (/d'í-m'/) → /d'í-m'/ **Vel** (/d'í-m'/) → /d'í-m'/ → **AmberT**_{/Syl/→{R(/Syl)}} (/d'í-m'/) → {ДИМ}; возможные конструкции деривативной базы/основы: {ДИМ} ⊕ {Infl}: *Дим⊕а, Димочка, Димка, Димон, Димик, Димаха, Димуля, Димуся, Димуха, Димулечка, Димульчик, Димуша, Димушечка, Димша.*

Глора: **SyllIni2** (/gl±ó-r'±ê-í±ə/) → /gl±ó-r'±ê-í±ə/ **Elim** (/gl±ó-r'±ê-í±ə/) → /gl±ó-r'/ → **Vel** (/gl±ó-r'/) → /gl±ó-r'/ → **AmberT**_{/Syl/→{R(/Syl)}} (/gl±ó-r'/) → {ГЛОР}; возможные конструкции деривативной базы/основы: {ГЛОР} ⊕ {Infl}: *Глор⊕а, Глорочка, Глорка.*

Пава: **SyllIni2** (/p±á-v'±ê±l/) → /p±á-v'±ê±l/ **Elim** (/p±á-v'±ê±l/) → /p±á-v'/ → **Vel** (/p±á-v'/) → /p±á-v'/ → **AmberT**_{/Syl/→{R(/Syl)}} (/p±á-v'/) → {ПАВ}; возможные конструкции деривативной базы/основы: {ПАВ} ⊕ {Infl}: *Пав⊕а, Павушка, Павка, Павочка, Павша,*

Юра: **SyllIni2** (/y±ú-r'±ê±î/) → /y±ú-r'±ê±î/ **Elim** (/y±ú-r'±ê±î/) → /y±ú-r'/ → **Vel** (/y±ú-r'/) → /y±ú-r'/ → **AmberT**_{/Syl/→{R(/Syl)}} (/y±ú-r'/) → {ЮР}; возможные конструкции деривативной базы/основы: {ЮР} ⊕ {Infl}: *Юр⊕а, Юрочка, Юрка, Юрок, Юрушка, Юрча, Юрша, Юраня, Юрася, Юрасик, Юраха, Юрата, Юраша.*

Лида: **SyllIni2** ($/l' \ddot{a} i - d' \ddot{e} - \ddot{i} \ddot{a} /$) $\rightarrow$ $/l' \ddot{a} i - d' \ddot{e} - \ddot{i} \ddot{a} /$ **Elim** ($/l' \ddot{a} i - d' \ddot{e} - \ddot{i} \ddot{a} /$) $\rightarrow$ $/l' \ddot{a} i - d' /$
 $\rightarrow$ **Vel** ($/l' \ddot{a} i - d' /$) $\rightarrow$ $/l' \ddot{a} i - d' /$ $\rightarrow$ **AmberT**_{/Syll/→{R(/Syll/)}} ($/l' \ddot{a} i - d' /$) $\rightarrow$ {ЛИД}; возможные конструкции деривативной базы/основы: {ЛИД} $\oplus$ {Infl}: *Лид* $\oplus$ *а*, *Лидочка*, *Лидка*, *Лидок*, *Лидонечка*, *Лидуха*, *Лидуня*, *Лидуша*, *Лидуся*, *Лидусик*, *Лидша*, *Лидча*.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды в 2-х томах. Т. 1. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М.: Языки славянской культуры, 1995.
2. Барулин А.Н. Некоторые теоретические проблемы, возникающие при описании турецкого именного словоизменения // Тезисы докладов I Международного симпозиума ученых социалистических стран на тему: «Теоретические проблемы восточного языкознания». М. 1977. С. 23—27.
3. Барулин А.Н. Модель склонения личных местоимений алюторского языка // Институт русского языка АН СССР. Предварительные публикации. Вып. 107. М. 1978. С. 3—8.
4. Барулин А.Н. Некоторые проблемы описания турецкого существительного // Проблемы языков Азии и Африки. М. 1979. С. 16—69.
5. Барулин А.Н. Место модели словообразования в общей модели языка // Тезисы рабочего совещания по морфеме. М. 1980. С. 9—15.
6. Барулин А.Н. О синтаксисе словоформы (на материале турецкого языка) // Тезисы рабочего совещания по морфеме. М. 1980. С. 15—19.
7. Барулин А.Н. К проблеме описания синтаксиса словоформы (на материале турецкого языка) // Теоретические проблемы восточного языкознания. Т. 5. М. 1982. С. 23—54.
8. Барулин А.Н. К проблеме построения семантического представления числительных в языках разных систем // Семиотические аспекты формализации интеллектуальной деятельности. Тезисы докладов и сообщений школы-семинара Телави 1983. С. 172—173.

9. Барулин А.Н. Теоретические проблемы описания турецкой именной словоформы. КД. М. 1984.
10. Барулин А.Н. Морфосинтаксические этюды // Тезисы докладов школы-семинара «Семиотические проблемы формализации интеллектуальной деятельности». Кутаиси. 1985. С. 278—282.
11. Барулин А.Н. Морфология форм сказуемого с клитической связкой в турецком языке // Историко-культурные контакты народов алтайской общности. XXIX сессия РИАС. М. 1986. С. 137—141.
12. Барулин А.Н. К проблеме классификации русских композитов // Семиотические аспекты формализации интеллектуальной деятельности. Всесоюзная школа-семинар “Боржоми-88”. Тезисы докладов и сообщений. М. 1988. С. 279—282.
13. Барулин А.Н. Типы семантико-синтаксической организации словоформы и распределение их по частям речи // Части речи. Теория и типология. М. 1990. С. 51—76.
14. Барулин А.Н. О структуре языкового знака // Знак. М. 1994. С. 245—251.
15. Барулин А.Н. К построению модели синтеза русских нумеративов (глубинное и поверхностно-семантическое представление) // Московский лингвистический журнал, 1996, 2. С. 27—53.
16. Барулин А.Н. Сверх-естественная морфология // Материалы международного конгресса «100 лет Р. О. Якобсону». М. 1996. С. 107—108.
17. Барулин А.Н. Основания семиотики. Знаки. Знаковые системы, коммуникация. Ч. 1. Базовые понятия. Эволюционная теория происхождения языка. Послесловие Ю. С. Степанова. М.: Изд-во «Спорт и культура-2000», 2002.
18. Барулин А.Н. Основания семиотики. Знаки. Знаковые системы, коммуникация. Ч. 2. Краткая предыстория и история семиотики (до Фреге, Пирса и Соссюра). М.: Изд-во «Спорт и культура-2000». 2002.
19. Барулин А.Н. Семиотический рубикон в глоттогенезе. Ч. 1. // Вопросы языкового родства, № 8, 2012. С. 33—74.

20. Барулин А.Н. О статусе и семантике так называемого «интерфикса» о/е в русских композитах // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Вып. 9. 2017. С. 79—93.
21. Барулин А.Н. Русское именное словоизменение А. А. Зализняка и дальнейшие пути развития его идей. Часть 1. // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Вып. 10, 2018. С. 19—76
22. Барулин А.Н. Проект создания толково-комбинаторного словаря морфем // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Вып. 11, 2019. С. 11—57.
23. Барулин А.Н. Морфолого-синтаксические янтарные конструкции в русских композитах с морфемами {МЕЖ} и {МЕЖД}. (в печати).
24. Барулин А.Н., Кононов А.Н. Теоретические проблемы турецкой грамматики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIX. М., 1987. С. 5—36.
25. Барулин А.Н., Шведова А.А. О корне глагола ИДТИ // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Вып. 11. 2019. С. 58—101.
26. Ефремова Т.Ф. Современный словарь русского языка в трех томах. <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/269556>.
27. Иткин И.Б. Задача № 11 (для 10-х и 11-х классов) // XXII традиционная Олимпиада по лингвистике и математике: Задачи. II тур. М.: РГГУ, 1991.
28. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2000.
29. Лютикова Е.А. Структура именной группы в безартиклевом языке. М.: Издательский дом ЯСК, 2018.
30. Маслов Ю.С. Введение в языкознание. М.: Высшая школа, 1987.
31. Мельчук И.А. Опыт разработки фрагмента системы понятий и терминов для морфологии (к формализации языка лингвистики) // Семиотика и информатика. Вып. 6. М.: Изд-во ВИНТИ, 1975. С. 5—50.
32. Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ↔ Текст». М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. I—XXII.

33. Мельчук И.А. Курс общей морфологии. Т. 1. Москва—Вена: Языки русской культуры, Wiener slawistischer Almanach, Издательская группа «Прогресс», 1997.
34. Мельчук И.А. Курс общей морфологии. Т. 2. Москва—Вена: Языки русской культуры, Wiener slawistischer Almanach, 1998.
35. Мельчук И.А. Курс общей морфологии. Т. 3. Москва—Вена: Языки русской культуры, Wiener slawistischer Almanach, 2000.
36. Мельчук И.А. Курс общей морфологии. Т. 4. Москва—Вена: Языки русской культуры, Wiener slawistischer Almanach, 2001.
37. Мельчук И.А. Курс общей морфологии. Т. 5. Москва—Вена: Языки славянских культур, Wiener slawistischer Almanach, 2006.
38. Мельчук И.А. Поверхностный синтаксис русских числовых выражений. Wien: Wiener Slawistischer Almanach Institut fUr Slawistik der Universitat Wien, 1985.
39. Петровский Н.А. Словарь русских личных имен. М. Изд-во «Советская энциклопедия», 1966.
40. Сепир Э. Целостность // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Издательская группа «Прогресс» «Универс», 1993.
41. Суперанская А.В. Словарь русских личных имен. М.: Эксмо, 2004.
42. Суперанская А.В. Современный словарь личных имен. Сравнение. Происхождение. Написание. М.: Айрис-пресс, 2005.
43. Суперанская А.В. Словарь народных форм русских имен. Институт языкознания РАН. М.: URSS, 2010.
44. Тестелец Я.Г. Введение в общий синтаксис. М. Изд-во РГГУ, 2001.
45. Billings L. Approximation in Russian and the Single-word constraint. Ph. D. dissertation. Princeton University, 1995.
46. Billings L., Yadroff M. Prosodic correspondence in syntax: Russian approximative inversion // Phrasal phonology / ed. by R. Kager, W. Zonneveld. Dordrecht: Foris, 1996. P. 45—72.

47. Franks S. Parametric properties of numeral phrases in Slavic // *Natural Language and Linguistic Theory*, 1994. Vol. 12. P. 570—649.
48. Yadroff M. Formal properties of functional categories: the minimalist syntax of Russian nominal and prepositional expressions. Ph. D. Dissertation. Indiana University, 1999.
49. Yadroff M., Billings L. The syntax of approximative inversion in Russian (and the general architecture of nominal expressions) // *Formal approaches to Slavic linguistics. The Connecticut Meeting 1997* / ed. by Ž. Bošković, S. Franks, W. Snyder. Ann Arbor, MI: Michigan Slavic Publications, 1998. P. 319—338.

**On one possible way to model the constructing of informal
personal names from the official ones in Russian**

**A.N. Barulin (Institute of Linguistics,
Russian Academy of Sciences),**

G.K. Bronnikov (IntelliJ Labs s.r.o.)

M.A. Chichulina (School No. 179, Moscow)

In this paper, we propose a theoretical model for describing Russian short (informal) personal names as derivatives of the corresponding full (formal, or official) ones. The main terminological description tool is the concept of a language operation introduced by I.A. Mel'čuk. The paper describes the most important types of operations and provides a list of simple and complex operators, using which an informal short personal name is built from a full one.

Keywords: Language operations, language operators, morphology, modifications, modifiers, conversions (functional shifts), converse terms, operations of choice, reordering, reduction, elimination, insertion, escalation, epenthesis, replacement, substitution, animation, reduplication, tripling, transformation, personal names, full personal names, short personal names, official personal names, unofficial personal names, stem, word-formation base, word formation, Explanatory combinatorial morpheme dictionary.

Материалы к построению толково-комбинаторного словаря русских морфем.

Местоимения первого и второго лица

А.Н. Барулин (Институт языкознания РАН),

Аннотация

В статье описывается и обосновывается новый способ морфологического представления словоформ личных местоимений 1-го и 2-го лица, причины, по которым подпарадигмы ед. и мн. ч. этих местоимений должны попарно объединяться в одну лексему. В финальной части статьи приводятся словарные статьи толково-комбинаторного словаря морфем и правила конструирования из них словоформ с описанными корневыми и тематическими морфемами.

Ключевые слова

Морфология, словоизменение, личные местоимения, тематические морфемы, толково-комбинаторный словарь морфем, толкование морфем, референциальная семантика.

0. Постановка задачи.

В работе [9] был предложен проект создания толково-комбинаторного словаря морфем (ТКСМ на материале русского языка). Задачей настоящей работы является подготовка словарных статей корневых морфем русских местоимений 1-го и 2-го лица. Сведения о корневых морфемах личных местоимений (ЛМ) будут излагаться по схеме словарной статьи, строение которой было описано в упомянутой выше работе, и снабжаться подробным комментарием. К описанию будет приложен список правил синтеза словоформ этих лексем.

1. Морфологический анализ словоформ ЛМ 1-го и 2-го лица ед. ч.

1. 0. Вводные замечания.

Как это ни странно, членение ЛМ на морфемы, по нашим данным, до сих пор не было проведено с достаточной степенью доказательности ни в одной из тех работ, кото-

рые нам известны. Поэтому первым шагом нашего исследования должен стать строгий морфологический анализ их форм склонения.

1. 1. Парадигма склонения форм 1-го лица ед. ч. Ниже приводится парадигма склонения местоимения 1-го лица ед. ч. в терминах разработанной автором данной статьи русской фонологической транскрипции¹, впервые использованной в работе [8]:

Nom. /yá/

Gen. /m'ên'á/

(1)

Dat. /mn'é/

Acc. /m'ên'á/

Instr. /mnóĩ/mnóĩõ

Prep. /(âbâ#)mn'é/

Начнём с предположений о морфемном составе местоимения 1-го лица ед.ч. им. п. — /yá/. Вслед за А. А. Зализняком [20] на том основании, что ЛМ 1-го и 2-го лица содержат тот же состав грамматических категорий, что и существительные, мы будем также считать их существительными. Минимальный состав словоформ, относящихся к данной части речи — «корень + флексия», обозначающая число и падеж. Из этого, а также из того, что сегмент /yá/ образует отдельное акцентное слово, мы должны сделать вывод о том, что /yá/ представляет собой корневое грамматическое слово. Из того факта, что /yá/ с одновалентными глагольными словоформами настоящего времени 1-го лица ед. ч. может образовывать правильное предложение (*я радуюсь, я плачу*) мы можем сделать вывод о

¹ Подробно о репрезентации сегментных единиц и их классификации по степени абстрактности см. [11, 59-62]. Между косыми чертами // будут располагаться знаки фонологической транскрипции, строчные буквы латинского алфавита с добавлением диакритики, например, /m'ên'á/, где апостроф — признак палатальности согласного, крышечка сверху над гласной — признак его закрытости /ê/ закрытое /e/ (гласный полувверхнего подъема переднего ряда), /â/ — закрытое /a/ (гласный полунижнего подъема среднего ряда) и т. д. В квадратных скобках заглавными латинскими буквами с нижней индексацией дается архифонемная транскрипция, например, [TO₁BO₁Y], где O₁ — несмягчающая /o/ — абстрактная сегментная единица интерпретируемая набором фонем /ó/, /â/, /ə/, /ê/, распределенных относительно фонологического контекста. В косых квадратных скобках заглавными латинскими буквами с нижней индексацией будет даваться морфофонологическая транскрипция, например, [TO₃BE₂], где [O₃] — абстрактная сегментная единица, интерпретируемая набором архифонем [O₁], [E₂], распределенных относительно морфофонологического контекста: [O₁] в словоформе тв. п., [E₂] — смягчающая /e/ — в формах дат., предл. п. местоимения 2-го лица.

том, что в семантику данной словоформы входят интенциональные компоненты ‘1 лицо’² ‘им. п.’ ‘ед. ч.’. Из того факта, что /yá/ с одновалентными глагольными словоформами прошедшего времени (*я ушел, я ушла*) образует правильное предложение, можно сделать вывод о том, что в синтактику данного слова входит граммема ‘общий род’. При этом так же, как, например, у лексемы общего рода СИРОТА, объединение в общий род касается только мужского и женского рода. **Сирота пришло*, как и **Я пришло* неправильные предложения.

Итак, семантика этого языкового знака включает в себя интенциональные компоненты лица, числа и падежа, обозначим их здесь пока условно: ‘P1’ + ‘Sg’ + ‘Nom’. Поскольку в русском языке ‘Sg’ + ‘Nom’ имеют отдельный способ выражения и составляют содержание флексии (например, $\underline{A}_1$ в *мам⊕a³*) мы можем сделать вывод о том, что /yá/ — по крайней мере, двухморфемная словоформа, состоящая из корневого и флексивного морфов. Теперь нам осталось только понять, какие сегменты являются означающим корневой морфемы и какие являются означающим флексии. Теоретически здесь возможны три варианта членения на морфы.

1) /y ⊕ a/.

Флексия a встречается в русских существительных (*мам⊕a, пул⊕я*) и обозначает число и падеж соответствующих существительных: ‘Sg’ + ‘Nom’. На обозначение оставшегося компонента семантики словоформы, ‘P1’, может претендовать только сегмент /y/. Тот факт, что больше этот сегмент не обозначает ‘P1’ ни в одной словоформе русского языка говорит не в пользу данной трактовки. Хотя в принципе выделение этого сегмента в качестве означающего отдельного морфа возможно, если мы признаем принципиально возможной трактовку, по которой квадрат Гринберга при морфологическом членении может оказаться неполным. Проблема трактовки такого рода случаев обсуждается, например, в [1, 91 – 94]. Там описывается полемика А.И. Смирницкого с Г.О. Винокуром

² В марровских кавычках дается имя интенционального компонента интенционала языковой единицы в метаязыке.

³ Подчеркнутое нижней чертой — имя морфа в метаязыке. ⊕ обозначает левую границу грамматического суффикса, ⊗ — левую границу деривативного суффикса и правую границу префикса.

по поводу членимости основ в таких словоформах, как /*kâlin*⊗/ и /*mâlin*⊗/ и показывается, что точка зрения А.И. Смирницкого, предлагавшего выделять в них морфему {ИН}⁴, обозначающую ‘ягода’ и корневые морфемы {КАЛ} и {МАЛ}, обозначающие то, что отличает калину от малины, предпочтительнее, поскольку она позволяет объяснить большее количество фактов. Если мы принимаем такой способ членения указанных лексем, мы должны принять и способ членения рассматриваемой словоформы. И моноконсонантный корень среди местоименных корней тоже наблюдается (Ср. *m*⊗*ó*, *m*⊗*á*).

В общем случае диахронические соображения при принятии синхронных теоретических решений не должны учитываться, однако, они могут быть приняты во внимание в случае, когда у нас имеется несколько равноправных теоретических трактовок, из которых нам нужно выбрать какую-нибудь одну. Поэтому, мы, на всякий случай, запомним, что диахронические данные противоречат указанному членению. Как известно, с диахронической точки зрения из двух сегментов современной словоформы этого местоимения именно /a/ представляет собой элемент означающего корня (праслав. *azь, старослав. азь), а /y/ — эпентетический сегмент, автоматически вставлявшийся перед начальным /a/, откуда древнерусский язъ.

Именительный падеж в русском языке достаточно точно определяет тип склонения существительных. И, хотя, как указывается в [20], местоименный тип склонения уникален, к нему относится не одна лексема 1-го лица, а еще две: лексема второго лица и лексема возвратного местоимения СЕБЯ, для первой из которых морф /a/ в качестве означающего им. п. ед. ч. невозможен.

Вывод: принятое в этом варианте членение на морфы теоретически возможно, но при выборе из нескольких альтернативных трактовок оказывается в очень слабой позиции.

2) /*yɑ* ⊗ ∅⁵/

⁴ В фигурных скобках дается имя морфемы в метаязыке.

⁵ ∅ здесь символ нулевой фонемы, не оказывающей никакого воздействия на фонологическое окружение. '∅ — символ нулевой фонемы, смягчающей предыдущую согласную, как, например, в словоформе *голь*.

Этот вариант проведения границ между морфами словоформы предполагает, что в ней ya — корень, а число и падеж выражены нулевой флексией. Такой трактовки придерживался А.А. Зализняк [20, 113]. На мой взгляд, она наталкивается на серьезное препятствие со стороны сочетания ауслаута основы и флексии. Среди русских субстантивных лексем с флексией, выраженной нулевой фонемой, на гласную заканчиваются только основы заимствований типа КАКАДУ, но у лексем этого типа нулевой фонемой выражены все флексии. Есть еще местоимение 2-го лица ед. ч., но у него те же проблемы, что и у ya. Имеется также еще один тип основы, которая заканчивается гласной фонемой, но словоформы этого типа снабжаются ненулевыми показателями падежа с консонантным ауслаутом. Это местоименные основы ЛМ множественного числа $n \otimes a \oplus c$, $v \otimes a \oplus c$, $n \otimes a \oplus m$, $v \otimes a \oplus m$, $n \otimes a \oplus mi$, $v \otimes a \oplus mi$. Таким образом и эта гипотеза, хотя теоретически и возможна, но сильной ее назвать трудно.

3) ya — мегаморф.

Третий вариант трактовки: словоформа $Y\acute{A}$ обозначает все три компонента означаемого — лицо, число и падеж — и является мегаморфом (см. о понятии мегаморфа [24; 25, 401 и след.], т.е. таким морфом, означающее которого не представимо через означающие других морфов, а означаемое представимо через означаемые других морфов, каждое из которых в данном языке принципиально может быть обозначено отдельным означающим. Эта трактовка представляется самой предпочтительной, поскольку она не наталкивается ни на системные противоречия, ни на исторические, ни на формальные. В самом деле, в той микросистеме склонения, которую образуют местоимения 1-го и 2-го лица, словоформа им. п. ед. ч. лексемы 2-го лица, как мы увидим ниже также не представима через означающие других морфов и представима через означаемые других морфов, т.е. также является мегаморфом. С диахронической точки зрения здесь тоже все в порядке: и /y/, и /a/, входят в исторический состав основы этой словоформы. Флексия /z/ ауслаута основы в процессе развития редуцировались. Именно эту трактовку, как наименее уязвимую со структурной и исторической точки зрения, я и принимаю в дальнейших рассуждениях. В метаязыке теории, которую развивает данная статья линейное представ-

ление языковой единицы имеет два уровня репрезентации, глубинный и поверхностный. В поверхностном представлении текст должен выглядеть так, чтобы в нем был отражен только сегментный состав языковой единицы. В глубинном представлении все языковые единицы, как ощущаемые, так и неоощаемые, выявляемые с помощью логического анализа, должны присутствовать в явном виде. В поверхностном представлении, в зависимости от нужного уровня абстракции сегментных единиц сегмент, репрезентирующий мегаморф 1-го лица ед. ч. им. п., будет выглядеть либо как /yá/ (фонологическое представление), либо как [yA₁] (архифонемное представление). В глубинном представлении означающее этой словоформы преобразуется в цепочку трех глубинных морфем <<P1>>⁶ ⊕ <<Nom>> ⊕ <<Sg>>. Двойные угловые скобки и их содержимое — формальное обозначение глубинной морфемы, в данном контексте не имеющей своего собственного означающего.

Во всех известных нам работах по ЛМ формы косвенных падежей ед. ч. местоимения 1-го лица членились на морфемы так: *m'ên' -/mn'* — это корень, а далее следуют падежные флексии (см., например, [14, 389; 26, 534]. Проверим эту гипотезу с помощью стандартной процедуры по методу квадрата Гринберга. Вначале рассмотрим означающие флексий. Падежные формы анализируемой парадигмы склонения в косвенных падежах обнаруживают смешанный набор флексий: у генитива и аккузатива они совпадают с флексиями существительных мужского рода типа 2б или d по Зализняку⁷ [18, 40]:

$$\begin{array}{lcl} /k\acute{a}r\acute{a}s' \oplus \acute{a}/ & \text{—} & /m'\acute{e}n' \oplus \acute{a}/ \\ \text{'карась' + 'род. / вин. п. ед. ч.}' & & \text{'P1' + 'род. / вин. п. ед. ч.}' \\ (2) \quad /k\acute{a}r\acute{a}s' \oplus \acute{u}/ & \text{—} & /mn' \oplus \acute{e}/ \\ \text{'карась' + 'дат. п. ед. ч.}' & & \text{'P1' + 'дат. / предл. п. ед. ч.}' \end{array}$$

У прочих же косвенных падежей они совпадают с флексиями существительных женского рода⁸ и акцентной парадигмой 1б или d по Зализняку [18, 46]:

⁶ В угловых скобках дается имя глубинной морфемы.

⁷ И сами они совпадают, как это и должно быть в этом типе парадигмы у одушевленных существительных.

⁸ См. по этому поводу [22, 365]

$$/špân' \oplus \acute{e}/ \quad \quad \quad \text{---} \quad \quad \quad /mn' \oplus \acute{e}/$$

‘шпана’ + ‘дат. / пр. п. ед. ч.’ — ‘P1’ + ‘дат. / пр. п. ед. ч.’

$$(3) \quad /špân \oplus \acute{o}í / \acute{o}í\ddot{o} / \quad \quad \quad \text{---} \quad \quad \quad /mn \oplus \acute{o}í / \acute{o}í\ddot{o} /$$

‘шпана’ + ‘твор. п. ед. ч.’ — ‘P1’ + ‘твор. п. ед. ч.’

Таким образом, с помощью указанной процедуры мы отделили от прочей части означающие флексий ЛМ: родительного и винительного падежей — /á/, дательного и предложного падежа — /é/ и творительного падежа — /óí/ или /óíḡ/.

Теперь обратимся к корневому морфу. По тому же методу квадрата Гринберга выделяем:

$$(4) \quad /m \oplus \acute{o}í/ \quad \quad \quad \text{---} \quad \quad \quad /m \oplus 'i/ \quad \quad \quad \text{---} \quad \quad \quad /m \otimes n' \oplus \acute{e}/$$

‘P1’ + ‘им. п. ед. ч. м. р.’ — ‘P1’ + ‘им. п. мн. ч.’ — ‘P1’ + ‘Λ’ + ‘дат. / пр. п. ед. ч.’

Из этого сопоставления видно, что сегмент /m/ достаточен для обозначения интенционального компонента ‘P1’, а сегмент /n/ обозначает пустой интенциональный компонент (‘Λ’). Поскольку этот сегмент повторяется в форме тв. п. (перед показателем дательного падежа, гласной переднего ряда, /n/ смягчается по общему правилу, как, например, смягчается перед смягчающим /e/ ауслаут основы лексемы ШПАНА ($špân' \oplus \acute{e}$), перед несмягчающим /o/ флексии ($/\oplus \acute{o}í/$) /n/ остается твердым), мы можем предположить, что он маркирует подпарадигму дательного, творительного и предложного падежей. Это совпадает и с правилом выбора падежных показателей. Именно показатели дательного, творительного и предложного падежей совпадают с таковыми существительных женского рода с акцентной парадигмой 1b или d. Подпарадигму, включающую родительный и винительный падежи маркирует другой морф /êp'/, и это тоже совпадает с правилами выбора флексий. Объединение этих двух морфов в одну морфему потребовало бы слишком сложных правил, поскольку ауслаут этих двух морфов проявляет противоречивые свойства: мы должны объявить его либо изначально мягким и тогда непонятно, почему он становится твердым перед показателем тв. п. /óí/, либо изначально твердым, и тогда непонятно, почему он смягчается перед показателем род. п. /a/. Довольно трудно объяснить

и то, по каким правилам появляется и исчезает /e/: и в словоформе *меня*, и в словоформе *мне* «беглая гласная» стоит перед согласным и небеглой гласной. Кроме всего, что было сказано выше, выбор тематического морфа оказывается связан с выбором типа флексии (мужского или женского склонения). Именно флексии родительного и винительного падежей совпадают с флексиями существительных мужского рода с акцентной парадигмой 2b или d. Наше чисто синхронное решение об отнесении двух этих морфов к разным морфемам подкрепляется и историческими данными: на месте современного /e/ в род. и вин. п. стояло то же /e/ (*мене*), а в дат., тв., и пр. п. стоял /ъ/ (*мънѣ, мѣною*).

Такого рода пустые морфы, служащие маркерами подпарадигм склонения или спряжения иногда неправомерно называют интерфиксами. Более традиционным их названием являются термины «тема», «тематический морф» или «тематическая морфема»⁹. И я далее буду использовать эти термины.

Из фактов, приведенных выше, можно сделать вывод о том, что смена тематического морфа в парадигме склонения ЛМ 1-го лица ед. ч. влияет на выбор типа флексий, т. е. меняет синтактику основы и маркирует соответствующие подпарадигмы. Смешанность падежно-числовых показателей можно объяснить тем, что в синтактику словоформы входит классифицирующая граммема общего мужеско-женского рода. Наряду с изложенной трактовкой могут быть и другие, но они, на наш взгляд, не могут объяснить всех тех совпадений, которые объясняет наша трактовка.

Итак, мы выяснили, что словоформы косвенных падежей имеют структуру корень + тема + флексия. В качестве означающего корневого морфа во всех косвенных падежах мы постулируем сегмент /m/. Поскольку корневой морф в им. п. ед. ч. не имеет своего собственного способа выражения, имеет ту же семантику, что и морф *m*, и распределен с

⁹ Ср. у классиков русской морфологии и морфонологии Н.А. Еськовой и С.М. Толстой: «Тематические элементы являются носителями морфологических и морфонологических особенностей каждого глагольного класса» [17, 221]; «Сам факт усекаемости тематических элементов и регулярность таких усечений служит достаточным аргументом в пользу их морфологической самостоятельности. Однако морфонологическая функция этих аргументов отнюдь не ограничивается тем, что они выступают как вокалическая или йотовская прокладка на стыке основы и аффикса. Их более глубокая и существенная роль состоит в том, что они определяют принадлежность глагола к одному из словоизменительных (морфологических и морфонологических) классов, объединяющих глаголы с идентичными показателями и разделяют глаголы с разными показателями» [28, 235].

ним в употреблении (глубинный морф — только в им. п. ед. ч., m в прочих формах подпарадигмы ед. ч., в им. п. мн. ч. и в притяжательных формах ед. ч.) мы будем считать их супплетивными алломорфами одной и той же морфемы {1Л}.

В формах косвенных падежей присутствуют две тематические морфемы {ТЕМ(1Л)₁} и {ТЕМ(1Л)₂}, которые имеют пустой интенциональный и референциальный компоненты ('Λ'), но выполняют а) функцию маркера подпарадигмы склонения: {ТЕМ(1Л)₁} — род. и вин. п., {ТЕМ(1Л)₂} — дат., тв. и пр. п. ед. ч.; б) функцию морфа, определяющего тип флексии: {ТЕМ(1Л)₁} — существительных м. р. типа 2b или d, {ТЕМ(1Л)₂} — существительных женского рода типа 1b или d. Ниже приводится парадигма склонения местоимения 1-го лица ед. ч. с указанием морфемных границ.

Nom. /yá/

<<P1>> ⊕ <<Nom>> ⊕ <<Sg>>

Gen. /m'⊗ēn'⊕á/

(1)

Dat. /m⊗n'⊕é/

Acc. /m'⊗ēn'⊕á/

Instr. /m⊗n⊕óĩ/ĩäo/

Prep. /(âbâ#)m⊗n'⊕é/

1. 2. Склонение местоимений 2-го лица ед. ч. и возвратного местоимения СЕБЯ.

Nom /tí/ —

Gen /t'êb'á/ /s'êb'á/

(5)

Dat /t'êb'é/ /s'êb'é/

Acc /t'êb'á/ /s'êb'á/

Instr /tâbóĩ/tâbóĩäo/ /sâbóĩ/sâbóĩäo/

Prep /â#t'êb'é/ /â#s'êb'é/

Займемся вначале словоформой им. п. Как и в предыдущем случае, в этом возможно несколько теоретически возможных трактовок этой словоформы. Не будем повторять здесь рассуждение, позволяющее утверждать, что это корневая словоформа, содержащая минимум две морфемы, корень и флексию.

1) /tʲé/ʹ. Вариант трактовки, по которой означающим корневой морфемы признается сегмент /tʲ/, а второй сегмент /é/ʹ — означающим флексии им. п. ед. ч. В пользу этой синхронической трактовки говорит тот факт, что в косвенных падежах корневой морфемой должен быть признан сегмент /tʲ/. В самом деле, если мы построим три квадрата Гринберга, например, словоформ род. п. лексем ТЫ, СЕБЯ и КАРАСЬ, получим:

$$\begin{array}{ccccc} (Y \dots) /tʲébʹá/ & — & /sʹébʹá/ & — & /kərášʹá/ \\ (K \dots) /tʲébʹé/ & — & /sʹébʹé/ & — & /kərášʹú/ \end{array}$$

Из сопоставления этих форм мы должны сделать вывод, по которому в верхней строке отделяется флексия с означающим /á/, во всех словоформах верхнего ряда обозначающая 'род. п.'. В разговорном русском языке встречаются клитические словоформы вин. п. ТЯ (/yá#tʲé¹⁰##əbʹyú(##)##/) и дат. п. ТЕ (/yá#tʲé##dám(##)##/)¹¹, не содержащие тематического морфа /éb/. В этих словоформах две морфемы — корневая, означающим которой является /tʲ/ и грамматический суффикс /é/. Довольно часто встречается и клитическая форма возвратного местоимения без /éb/, например, в разговорном эквиваленте устойчивого словосочетания *ничего себе* — *ничё се* (/nʹéčʹó#sʹé/). Пример из Интернета: *Еще несколько неформальных сокращений в русском языке: Ничё = Ничего. Се = Себе. Те = Тебе. Что тебе надо? = Чё те надо? Ничего себе! = Ничё се!* (<https://www.ruspeach.com/learning/5889/>). Встречается и разговорный эквивалент *себя* в виде клитического грамматического слова *ся*. Пример из Интернета: *Ты ся уважаешь?* Из

¹⁰ /é/ — гласная полунижнего подъема переднего ряда (открытое /e/), встречающаяся в заударных слогах русских существительных, с основой, заканчивающейся мягким согласным и флексией [A₁] (несмягчающее /a/) или [A₂] (смягчающее /a/), например, Вася, воля, басня. В такого рода словоформах они не подчиняются общим правилам редукции, чтобы различить падежное окончание им. п. от словоформ род. и дат. пп. По правилам редукции они должны были бы произноситься одинаково с /é/: */vólʹé/, */básnʹé/. В реальном произношении они звучат по-разному: им. п. — /vólʹé/, род. п. — /vólʹê/, дат. п. — /vólʹe/.

¹¹ Ср. *О, испугал!* — *Смотри я тебя проучу,* — *пригрозил он* (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого). *Я тебе дам, дурь-то из тебя повышибу* (О. Павлов. Дело Матюшина).

всего этого следует, что сегмент /t/ в формах местоимения 2-го лица является означающим корня.

Сегмент /*éb*/, который повторяется в первой и второй словоформах обеих строк квадрата и который нельзя отнести ни к означающему корневого морфа, ни к означающему флексии, должен, как и в формах косвенных падежей местоимения 1-го лица ед. ч., быть выделен в означающее пустого тематического морфа.

Если мы признаем возможность трактовки сегмента /t/ как означающего интенционального компонента 'P2', нам придется признать, что сегмент /*t*' является означающим флексии 'им. п., ед. ч.'.

Слабостью этой трактовки является то, что у означающего этого морфа уникальная сочетаемость: получится, что он встречается только с корнем 2-го лица ед. ч. Кроме того, оно может обозначать еще и противопоставленное данному значение 'им. п., мн. ч.'. Язык, как правило, избегает такого рода ситуаций.

Еще одной слабой стороной этой трактовки является то, что она не подтверждается диахроническими фактами: с исторической точки зрения фонема /*t*'/, происходящая из праиндоевропейского долгого /u/ (лат. /tū/, древневерхненемецк. /du/ и т. д.), является интегральной частью корня.

2) /*t*' $\oplus$ $\emptyset$ /. Этот вариант проведения границ между морфами словоформы предполагает, что в ней *t*' — корень, а число и падеж выражены нулевой флексией. И положительные и отрицательные стороны этой трактовки повторяют все, что было сказано о второй трактовке *u*'.

3) *t*' — мегаморф.

Третий вариант трактовки: словоформа *t*' обозначает все три компонента означаемого — лицо, число и падеж — и является мегаморфом. Эта трактовка является самой предпочтительной, поскольку она не наталкивается ни на системные противоречия, ни на исторические, ни на формальные. Ее я и буду далее придерживаться. Как и в случае с Я, поверхностная лексема в глубинном представлении будет иметь три глубинные морфемы: <<P2>>, <<Nom>> и <<Sg>>.

Обратимся теперь к косвенным падежам парадигмы. Выше уже было показано, что в этой части парадигмы все словоформы состоят из трех морфем: морфемы 2-го лица, означающее которой представлено сегментом /t/, флексии и тематических морфов, означающее которых представлено сегментами /êb'/, /êb/ или /âb/. Как и в словоформах 1-го лица тематические морфы маркируют две косвенных подпарадигмы: подпарадигма родительного и винительного падежей, формы которых у имен, обозначающих одушевленные объекты, должны совпадать. Здесь соответствующий морф отличается от прочих только тем, что /b/ должно быть признано изначально мягким, иначе будет трудно объяснить, почему /b/ смягчается перед /a/. Как и в словоформах местоимения первого лица, падежно-числовой показатель здесь совпадает с таковым существительных мужского рода, с палатальным ауслутом и акцентной парадигмой b или d:

(7) /kârâs' ⊕ á/ /t' ⊗ êb' ⊕ á/

Флексии дат. и предл. пп. у местоимения 2-го лица совпадают с таковыми существительных ж. р., с твердыми согласными в ауслуте основы и акцентной парадигмой b или d:

(8) /špân' ⊕ é/ /t' ⊗ êb' ⊕ é/

Флексия тв. п. ед. ч. местоимения 2-го лица тоже совпадает с таковой существительных с теми же характеристиками, но тематический морф местоимений ведет себя здесь нестандартно: вместо /êb/ появляется /âb/. Тот факт, что /b/ в этой словоформе становится твердым, можно объяснить тем, что он твердый изначально, смягчается перед гласным переднего ряда, как в словоформе /špân' ⊕ é/, в основе которого исходно твердый согласный (/špân ⊕ á/). Появление в соответствующей словоформе местоимения 2-го лица твердого /t/ в корне, говорит нам о том, что твердый он изначально, а закрытый гласный переднего ряда среднего подъема /ê/ — интерпретация архифонемного¹² смягчающего [E₂]. Архифонемное несмягчающее [O₁], появляющееся в тв. п., можно трактовать двумя способами: 1) как третий тематический морф косвенной подпарадигмы или 2) как сту-

¹² О понятиях архифонемы и фонемы, которыми я здесь пользуюсь см. [11].

пень морфонологического чередования архифоном $[O_1]/[E_2]$. Второе решение проще, поскольку позволяет объединить в один морф темы, определяющие выбор флексии существительных женского рода с акцентной парадигмой b или d в противоположность морфу темы, диктующему выбор флексии существительных мужского рода с палатальным аусласом основы. Этот выбор позволяет единообразно, а значит и экономно, описывать местоимения 1-го и 2-го лица ед. ч., его я далее и буду придерживаться.

Итак, я принимаю трактовку, по которой им. п. ед. ч. 2-го лица в поверхностном представлении является мегаморфом, включающим три глубинные морфемы: $\langle\langle P2 \rangle\rangle \oplus \langle\langle Nom \rangle\rangle \oplus \langle\langle Sg \rangle\rangle$. Формы косвенных падежей построены по структурной формуле $IDF = R + Them + Infl$. Корень в косвенных падежах выражен означающим $/t/$. Как и в случае 1-го лица морфы корня 2-го лица в им. п. ед. ч. и косвенных падежах считаются супплетивами. Так же, как и в случае 1-го лица, флексии словоформ 2-го лица в род. и вин. пп. совпадают с флексиями существительных м. р. с палатальным аусласом основы и акцентной парадигмой b или d . Флексии прочих падежей (дат., тв. и предл.), совпадают с флексиями существительных ж. р. типа $1b$ или d по А. А. Зализняку, основа которых оканчивается на твердый согласный. Тип флексии в косвенных падежах определяется по тематическому морфу: мужских флексий по морфу $/\acute{e}b'/$, женских флексий — по морфу $[O_3B]$, где $[O_3]$ — морфонема, интерпретируемая чередованием архифоном $[O_1] / [E_2]$, распределенных относительно морфонологического контекста (в контексте дат. и предл. пп. — $[E_2]$, в контексте тв. п. — $[O_1]$). В свою очередь архифонема $[O_1]$ интерпретируется набором фонем, распределенных относительно фонетического контекста по обычным правилам (после твердых согласных в первом предударном слоге и первом неприкрытом слоге фонетического слова — $/\acute{a}/$, во втором прикрытом предударном и заударном слоге — $/\acute{a}/$, после мягких согласных — $/\acute{e}/$). Ниже приводится парадигма склонения местоимения 2-го лица ед. ч. с указанием морфемных границ.

Nom $/t\acute{h}/$

$\langle\langle P2 \rangle\rangle \oplus \langle\langle Nom \rangle\rangle \oplus \langle\langle Sg \rangle\rangle$

Gen /t'⊗ēb'⊕á/

(5)

Dat /t'⊗ēb'⊕é/

Acc /t'⊗ēb'⊕á/

Instr /t⊗âb⊕óĩ/

Prep /(â#)t'⊗ēb'⊕é/

2. Морфологический анализ местоимений 1-го и 2-го лица мн. ч.

Ниже приводится парадигма склонения местоимений 1-го и 2-го лица мн. ч.

Nom. /mí/ /vĩ/

Gen. /nás/ /vás/

(9)

Dat. /nám/ /vám/

Acc. /nás/ /vás/

Instr. /nám'ê/ /vám'ê/

Prep /â#nás/ /â#vás/

В словоформе 1-го лица им. п. мн. ч. никаких загадок теперь для нас не остается: вслед за А. А. Зализняком [20, 113] я буду выделять в ней два морфа: первый представлен сегментом /m/. Это корневой морф, который обозначает 'P1'. Второй морф представлен сегментом /í/, и обозначает он 'им. п., мн. ч.'. Этот показатель совпадает по выражению с флексиями им. п. мн. ч. существительных (*стол⊕ы, но⊕хвал⊕ы*).

В словоформе 2-го лица им. п. мн. ч. после отделения флексии (здесь я также согласен с А.А. Зализняком [20, 113] /í/, о которой все уже было сказано выше, остается корень, обозначающий интенциональный компонент 'P2', который, правда, в отличие от корневого морфа 1-го лица, остается неизменным и для косвенной подпарадигмы.

В подпарадигме косвенных падежей все обстоит по-другому, чем у местоимений ед. ч., и сложней. Прежде всего, следует отметить, что совпадение падежных показателей образует здесь другие группы, чем в ед. ч.: род., вин. и предл. пп. противопоставлены дат. и тв. пп. При этом в первой группе появляется уникальная чисто местоименная форма

/ás/, а во второй группе флексия, совпадающая с таковой у существительных с акцентной парадигмой b или d (*топор*⊕ам, *топор*⊕ами, *похвал*⊕ам, *похвал*⊕ами). И, если сравнивать формы косвенной подпарадигмы только с существительными, в них нет тематического морфа. Однако сравнение структуры косвенной подпарадигмы ЛМ мн. ч. с таковой местоимения 3-го лица, указательных местоимений и паучальных числительных, а также прилагательных, дает другую картину. Именно у этих лексем во мн. ч. совпадают показатели род., вин. одуш. и предл. пп., с одной стороны, а с другой — их показатели дат. и твор. пп. совпадают с таковыми ЛМ мн. ч., если не считать гласную. Подпарадигма мн. ч. местоимений 3-го лица, указательного местоимения и числительных ДВА и ТРИ:

Nom.	/ân'⊕í/	/t'⊕é/	/dv⊕á/	/tr'⊕í/
Gen.	/í⊕x/	/t'⊗é⊕x/	/dv⊗ú⊕x/	/tr⊗'ó⊕x/
(10) Dat.	/í⊕m/	/t'⊗é⊕m/	/dv⊗ú⊕m/	/tr⊗'ó⊕m/
Acc.	/í⊕x/	/t'⊗é⊕x/	/dv⊗ú⊕x/	/tr⊗'ó⊕x/
Instr.	/í⊕mê/	/t'⊗é⊕mê/	/dv⊗ö⊕m'á/	/tr⊗'ê⊕m'á/
Prep.	/((â#)n'í⊕x/	/â#t'⊗é⊕x/	/((â#)dv⊗ú⊕x/	/((â#)tr⊗'ó⊕x/

Эти подпарадигмы наглядно демонстрируют нам, что показатели флексий либо состоят из одного согласного, либо начинаются согласным. В местоимении 3-го лица вокалический корень не требует тематического гласного для образования правильной слововой структуры. В указательных местоимениях без него нельзя, поскольку тогда словоформа состояла бы из одних согласных. То, что гласные в указательных местоимениях и числительных — базовый тематический морф подтверждается двумя обстоятельствами: 1) гласная остается одной и той же на протяжении всей косвенной подпарадигмы, и 2) эти гласные в представленных парадигмах разные. Это сравнение, а также тот факт, что, как и в представленных выше подпарадигмах, один и тот же показатель обслуживает род., вин. и предл. пп., позволяет считать, что в косвенной подпарадигме мн. ч. ЛМ 1-го и 2-го лица гласный является означающим пустого тематического морфа, маркирующего кос-

венную подпарадигму. Показатели падежей в них, как и в представленных выше подпарадигмах начинаются с согласных. Но в род., вин. и предл. пп. вместо /x/ у них /s/.

Итак, в косвенных падежах вопреки мнению А.А. Зализняка, который относил сегмент /a/ к флексии, я принимаю трехморфемную трактовку местоимений 1-го и 2-го лица: R + Them + Infl, по которой в качестве означающего корневых морфем для 1-го лица выступает сегмент /n/, для второго — /v/. В качестве означающего тематической морфемы, маркирующей косвенную подпарадигму как у местоимений 1-го, так и у местоимений 2-го лица выступает сегмент /á/. Судя по двусложной словоформе тв. п., ударение падает на основу (у А. А. Зализняка, из-за того, что он относил гласный /á/ к флексии, ударение падало на флексию), из чего следует, что акцентной парадигмой ЛМ 1-го и 2-го лица является d (в ед. ч. ударение падает на флексию, во мн. ч. — на основу). Ниже приводится подпарадигма склонения ЛМ 1-го и 2-го лица мн. ч. с указанием морфемных границ:

Nom.	$/m\oplus\acute{a}/$	$/v\oplus\acute{a}/$
Gen.	$/n\otimes\acute{a}\oplus s/$	$/v\otimes\acute{a}\oplus s/$
(11)		Dat. $/n\otimes\acute{a}\oplus m/$ $/v\otimes\acute{a}\oplus m/$
Acc.	$/n\otimes\acute{a}\oplus s/$	$/v\otimes\acute{a}\oplus s/$
Instr.	$/n\otimes\acute{a}\oplus m'\acute{e}/$	$/v\otimes\acute{a}\oplus m'\acute{e}/$
	Prep	$/(\acute{a}\#)n\otimes\acute{a}\oplus s/$ $/(\acute{a}\#)v\otimes\acute{a}\oplus s/$

3. Проблема объединения словоформ ед. и мн. ч. ЛМ в лексему.

Объединение словоформ ЛМ первого и второго лица в лексему стало проблемой с того момента, когда семантика стала оформляться в отдельную лингвистическую дисциплину, но принципы представления семантических единиц еще не были как следует освоены исследователями этой новой дисциплины. Сомнения по поводу отнесенности словоформ ед. и мн. ч. ЛМ к одной лексеме начались, очевидно, с О. Есперсена, который в [16, 220], сравнивая структуру семантики числа словосочетаний типа *60-е годы* и ЛМ писал: «Самый ярко выраженный случай приблизительного множественного числа

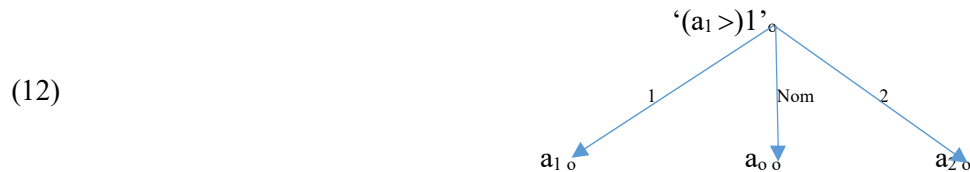
представляет собой местоимение *we* «мы», которое означает «я+один или более не-я». Из определения 1-го лица следует, что оно мыслимо только в единственном числе». Среди отечественных лингвистов сомнения Есперсена в достаточно категоричной форме поддержал акад. Виноградов: «*Мы* и *вы* означают группы лиц, в составе которых находятся первое и второе лицо. В таком случае эти местоимения говорят не о *я* и другом *я* (или о других *я*), не о *ты* и других *ты*, а о *я*, *ты* вместе с другими, в совокупности с ними» [13, 276]. Из этого рассуждения он делает вывод: «Таким образом, *я* и *мы*, так же как *ты* и *вы*, не формы одного слова, а разные слова». Того же мнения придерживался известный французский лингвист Э. Бенвенист: «ясно, что уникальность и субъективность, присущие «я», противоречат возможности плюрализации. Так как невозможно иметь несколько «я», осознаваемых как «я» говорящим, то «мы» является не множеством идентичных объектов, но некоторым *сочетанием*, состоящим из «я» и «не-я», каковым бы ни было при этом содержание этого «не-я»» и далее: ««Мы» в одном употреблении означает «я + вы», в другом — «я + они»». [12, 267]. Такого же мнения придерживался и А.А. Зализняк: «Из вывода о неграмматическом характере номинативных элементов «единичность» и «множественность» у местоимений-существительных следует, что, например, словоформы *я* и *мы*, *ты* и *вы*, *он* и *они* имеют разные собственно номинативные значения, т. е. относятся к разным лексемам». Вывод о неграмматическом характере номинативных элементов «единичность» и «множественность» был сделан на том же основании, что и у Виноградова: они соотносятся у ЛМ не так, как у существительных, $мы \neq я + я + я$, а вот $сто́лы = стол + стол + стол$.

Аргументация, направленная против приведенной выше точки зрения, была мною изложена в [4]. Главный довод в этой аргументации состоял в том, что толкования типа тех, которые словоформе *мы* давали Есперсен, Виноградов и Бенвенист («я + один или более не-я», «группа лиц, в составе которых находится первое лицо», «я + вы», «я + они»), не предполагают морфемного членения словоформы. Компоненты такого толкования невозможно распределить между морфемами корня и флексии, при том, что выделе-

ние флексий единственного и множественного числа у словоформ ЛМ ни у кого не вызывает сомнений. А. А. Зализняк, не выделявший в основе словоформ ЛМ тематических морфов, вполне однозначно выделял флексии, как в подпарадигме ед. ч., так и в подпарадигме мн. ч. [20, 113]. Кроме того, приведенная выше трактовка соотношения форм ед. и мн. ч., очевидным образом, исходит из предположения об отсутствии у морфемы мн. ч. какой бы то ни было полисемии. И, наконец, точка зрения тех, кто придерживается утверждения о том, что Я и МЫ — разные лексемы, полностью игнорирует тот факт, что среди существительных других семантических подклассов также нередки случаи, когда противопоставление форм ед. и мн. ч. с семантической точки зрения если и не идентично, то чем-то похоже на тот тип противопоставленности, который мы наблюдаем у ЛМ. Здесь можно указать и на приведенные в качестве примера «приблизительной множественности» О. Есперсеном *шестидесятые годы*, и на *танцы-шманцы* [15], и на *Иуды нашего времени*, и на именование супругов, носящих разные фамилии, по фамилии одного из них. Полную типологию именования неаддитивных множеств (т. е. не таких, как, например, *маяки, корабли, причалы, моря, океаны, шлюпки, ихуны, барки, пираты, ведьмы*) можно найти в работе [15].

На мой взгляд, для того чтобы разобраться с тем, чем все-таки отличается тип местоименной множественности от аддитивной, необходимо обратиться к правилам объединения интенциональных и референциальных компонентов двух синтаксически связанных языковых знаков в интенционально-референциальный компонент всего сочетания. Рассмотрим вначале, как устроена аддитивная множественность. Для этого нам необходимо воспользоваться представлением структуры словоформы, в котором будут отображены не только интенциональные, но и референциальные компоненты. Аппарат для построения подобных структур был разработан в работе [5]. Согласно представленной в этой работе концепции референциальный компонент является не просто частью структуры языкового знака, но и связан с интенциональным компонентом таким образом, что референты, играющие разные роли в моделируемой интенциональным компонентом ситуации (референт, соответствующий всей ситуации целиком в графе обозначается как

a_0), заполняют разные валентности интенционального предиката. Как в этом смысле устроено число? В ситуации исчисления по Э. Сепиру выделяются три компонента: исчисляемый объект (a_1 — первая валентность числового предиката), эталонная единица исчисления (a_2 — второй актанта числового предиката) и само число — отношение между единицей и исчисляемым объектом. В древесном отображении смысловая формула числа выглядит следующим образом:

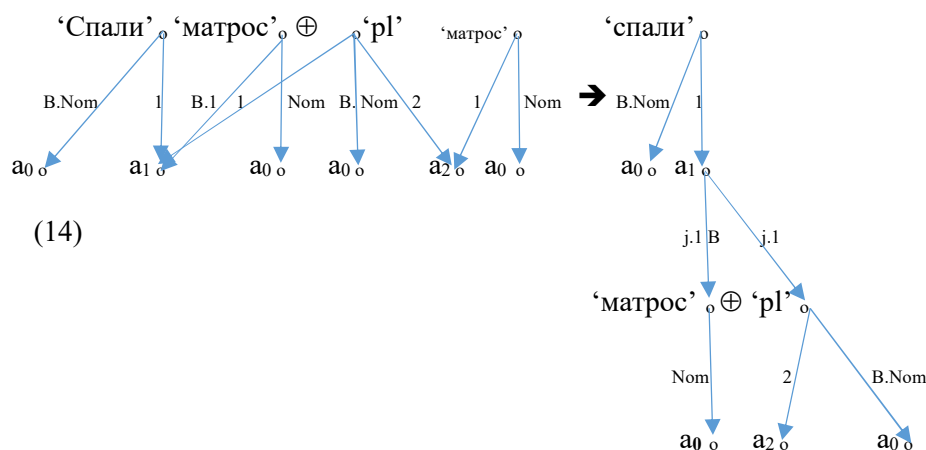

Теперь нам нужно определить, в каких отношениях находятся в морфолого-синтаксической структуре (см. о ней [9]) морфема числа и корневая морфема. У типичного имени нарицательного всего одна валентность — на того, кто является главным героем ситуации, в которой ему приписывается набор свойств, отображаемый интенциональной моделью. Валентность эта проявляется только в бытийных предложениях, где сам главный герой обозначается лексемой ЭТО, а имя нарицательное обозначает ситуацию, в которой компонент, моделирующий данный объект, приписывается главному герою. Например, *это был матрос*. Самого матроса (a_1) обозначает лексема ЭТО, она заполняет первую валентность глагола БЫТЬ, вторую валентность его заполняет a_0 семантической формулы имени нарицательного.

В нашем рассуждении важно то, что морфема мн. ч. обозначает лишь тот факт, что множество содержит более одного объекта, а **исчисляемое множество всегда обозначается** основой имени нарицательного, причем информация о том, что обозначаемый основой объект является множеством, содержится в семантике первой валентности показателя числа [3]. Просто в единственном числе оно совпадает с единицей исчисления, а

во множественном числе нет. При этом в русском языке, как и в большом количестве других, есть правило: если единицу и множество можно моделировать одним и тем же интенционалом, имя нарицательное обозначает и то и другое синкретично (ср. *двадцать илюпок*, где ШЛЮПКА обозначает и единицу исчисления и все исчисляемое множество, см. об этом в [7; 10]. Но в глубинном представлении мы должны будем в структуре морфосочетания отобразить и имя исчисляемого и имя исчислителя. Отобразим теперь процесс объединения простых структур с одним интенциональным предикатом в одну сложную. Проанализируем предложение *Матросы спали*, упростив все неинтересные для нас лексемы.

Пояснения к схеме. Две элементарные смысловые¹³ формулы могут объединиться в одну сложную, если у них есть общий референт. У предикатов 'спали', 'матрос' и 'pl' общим референтом является множество матросов (a_1) (тот, кто спал, был матросом и их было больше одного). В левой части схемы (до стрелки) показано, как ЭСФ (формулы с одним предикатом) через общие референты соединяются в неупорядоченную цепь формул. В цепи еще не задано отношение доминантности одних предикатов в отношении других. Главный и зависимый член синтаксически связанной пары определяется по правилу Базелла (см. [27, 82]). У зависимого члена пары стрелка идущая к общему с главным предикатом референту подвергается юнктизации, т. е. разворачивается в противоположную сторону и помечается знаком j (junction). Поддерево зависимого члена пары опуска-

¹³ О моей трактовке понятий «смысл» и «значение» см. [6]. О понятии элементарной смысловой формулы (далее — ЭСФ) см. [5; 7].

ется вниз, под общий с главным референт (см. правую часть схемы). 'Матрос' — зависимый по отношению к 'спали' член пары, поэтому стрелка его первой валентности, направленная к референту a_1 , переворачивается и его поддерево опускается вниз. В паре «основа — морф числа» основа по тому же правилу Базелла является главной в паре, поэтому ее поддерево подвергается той же процедуре, что и поддерево предиката 'матрос'. Важной деталью в концепции интенционально-референциального способа представления синтаксической структуры является наличие в ЭСФ указания на то, какая стрелка ведет к кодируемому объекту, т. е. к референту, который моделируется данным интенциональным компонентом. Этот референт является значением языкового знака. Стрелка, которая к нему ведет обозначается латинской литерой В (от немецкого *Bedeutung* 'значение'). Одному и тому же интенциональному компоненту в одной и той же смысловой формуле могут соответствовать различные референты. Так, в (14) глагол *СПАТЬ* обозначает a_0 , но тот же интенциональный компонент может быть использован для обозначения его первого актанта. Перенос значка В на первую стрелку ЭСФ с последующей юнктивацией означает для оформляющего лексему грамматического компонента преобразование глагола в субстантивированное причастие *СПЯЩИЙ*, а, например, перенос этого значка на вторую стрелку в глаголе *НЕСТИ* с последующей юнктивацией означает его преобразование в существительное *НОША*.

Вернемся теперь к множественности. Как уже было сказано, сам множественный объект, исчисляемое, обозначается основой существительного. Из этого следует, что основа может обозначать как единичные, так и множественные объекты, как, собственно, и лексемы в языках (например, в китайском), где число не является грамматической категорией. Число при основе лишь указывает на то, рассматривается ли объект как целое или как множество частей целого. Из этого следует, что регулярная числовая полисемия (обозначение единичного / целостного объекта или множественного) — это **полисемия основы**, а не показателя числа. Если теперь говорить о ЛМ, придется признать, что, как это ни парадоксально, но их основа, интенциональное наполнение которой я здесь условно обозначаю в виде '1Л' и '2Л', тоже может моделировать как единичный, так и множествен-

ный объект, только модель эта строится по-другому, нежели в именах нарицательных, но то, как именно она строится у ЛМ, не является их уникальной особенностью. Особенность эта заключается в нескольких деталях. Во-первых, она состоит в том, что интенциональные компоненты, моделирующие единицу и множество у ЛМ, в отличие от имен нарицательных, разные. При обозначении множественного объекта в интенциональной структуре '1Л' появляется дополнительный элемент смысла, который должен моделировать единицу исчисления множества, моделируемого главным интенциональным компонентом. В метаязыке этот компонент может быть обозначен как 'персонафицированный персонаж' или 'лицо'. Семантический компонент 'множество', как уже было сказано, вносит в контекст семантика первой валентности показателя числа. Получаем толкование морфемы {1Л} в контексте морфемы <<МН. Ч.>> 'я (a_1) и множество лиц (a_2), такое, что $a_1 \in a_2$ ', где « $\in$ » — стандартное обозначение включения элемента в множество, или принадлежности элемента множеству. Регулярная полисемия, при которой к толкованию основы в контексте мн. ч. добавляется семантический компонент, который позволяет считать обозначаемый существительным референт, заполняющий первую валентность этого существительного, исчисляемым множеством, может быть продемонстрирована на примере существительных типа ВИНО, МАСЛО, в смысл которых в контексте морфемы <<МН. Ч.>> добавляется компонент 'сорт', служащий моделью единицы исчисляемого множества. Регулярную полисемию, при которой в контексте морфемы <<МН. Ч.>> в смысл основы существительного добавляется компонент 'и множество лиц a_2 , такое, что $a_1 \in a_2$ ' можно проиллюстрировать личными именами. Так, у Б.Л. Пастернака есть стихотворение, которое называется «Мейерхольдам», имелось в виду В.Э. Мейерхольду и его жене, З.Н. Райх («Что из этих признаний любое // Вам обоим, а лучшее ей»). Для человека, ничего не знающего о Мейерхольде, о его семье, вне контекста множество, которое обозначает это обращение, останется неопределенным, таким, как оно описано в моем толковании: 'Мейерхольду (a_1) и множеству лиц a_2 , таких что $a_1 \in a_2$ '. Он может понять его как 'Мейерхольду и его семье'. И только из контекста («Вам обоим, а лучшее ей»)

читатель поймет, что стихотворение обращено к двум лицам¹⁴, одно из которых женщина, и по этому контексту догадается, что женщина, скорее всего, жена знаменитого режиссера. Отношения между a_1 и a_2 у личных имен могут быть очень разными: кроме того, что a_2 может быть семьей a_1 , a_2 может быть множеством людей чем-то похожих на a_1 . Ср. описание В.А. Успенским его понимания обращения «Мейерхольдам»: «Буквальный смысл слова «Мейерхольды» (т. е. «В.Э. Мейерхольд и З.Н. Райх») ускользал от меня, выражение воспринималось мною в некой более общей расплывчатой семантике — как «кудреватые Митрейки и мудреватые Кудрейки» у Маяковского (см. «Во весь голос») или Бернары у Достоевского («Ух, Бернары¹⁵! Много их расплодилось!» — говорит Митя Карамазов; см. «Братья Карамазовы» ч. 4, кн. 11, гл. 4). Таким образом, Мейерхольды воспринимались мною не как «члены семьи В. Э. Мейерхольда», а, скорее, как «представители мейерхольдовщины» [29, 596].

Установление факта, по которому различие аддитивной и местоименной множественности сводится к нехарактерной для имен нарицательных полисемии основы, обязательному добавлению к исходному значению основы интенционального компонента, моделирующего единицу исчисления множества, а также компонента 'и множество лиц a_2 , такое, что $a_1 \in a_2$ ' опровергает утверждение А.А. Зализняка о том, что противопоставление номинативного значения единичности и множественности у числа отсутствует. Значение морфемы числа у местоимений, как раз, остается неизменным: ' a_2 , исчисляемое единицей a_2 ', больше одного' во мн. ч. и ' a_2 , исчисляемое единицей a_2 ', равно одному' — в единственном, т. е. точно такое же, как и у показателя числа при именах нарицательных. Из этого следует, что, если и говорить о том, что есть причины, по которым Я и МЫ следует признать разными лексемами, то причину эту надо усматривать в регулярной полисемии основы. Но в таком случае надо будет признать разными лексемами и огромное множество других существительных, у которых в контексте множественного числа регу-

¹⁴ У З.Н. Райх было двое детей, биологическим отцом которых был С.А. Есенин. Мейерхольд усыновил их и обращался с ними как со своими собственными детьми. К ним обращение Пастернака не относится.

¹⁵ Клод Бернар — французский медик, основатель эндокринологии.

лярно меняется значение. В монографии [21, 17—18] насчитывается более десяти типов существительных такого рода. При этом в перечисленные на этих страницах классы не вошел огромный класс отглагольных существительных, у которых семантика числовых форм сильно отличается от таковой предметных имен. В таком случае о числе как грамматической категории русских существительных можно забыть и принять точку зрения Ф.Ф. Фортунатова и его учеников, считавших подпарадигмы ед. и мн. ч. разными лексемами. А.А. Зализняк не был готов считать, что, например, словоформы ед. и мн. ч. лексем типа ЧАЙ, ВИНО, МЕДЬ относятся к разным лексемам, ссылаясь на особенности семантики основ этих существительных [20, 58]. Коль скоро выяснилось, что особенности семантики числовых форм ЛМ также диктуются особенностью семантики их основ, будет логично считать, что их обязательная полисемия (как и обязательная полисемия основ в лексемах типа ВИНО, МАСЛО, МЁД) не является помехой для объединения соответствующих словоформ ед. и мн. ч. в одну лексему.

4. К проблеме толкования морфем {1Л} и {2Л}.

В рамках небольшой статьи трудно исчерпать тему толкования даже одной морфемы. Я не буду здесь претендовать на исчерпывающее описание семантики личных местоимений. Остановлюсь лишь на одной проблеме, открывающей, на мой взгляд новые аспекты семантического представления основ ЛМ.

Чаще всего в лингвистических работах морфема первого лица толкуется как 'говорящий'. Р. О. Jakobson привязывает понятие лица к структуре коммуникативного акта (КА): «Лицо характеризует участников сообщаемого факта по отношению к участникам факта сообщения. Так, 1-е лицо свидетельствует о тождестве участника сообщаемого факта с активным участником факта сообщения, а 2-е лицо — о его тождестве с реальным или потенциальным пассивным участником факта сообщения, т. е. с адресатом» [30, 100]. При этом ни понятие адресанта, ни понятие адресата не определяется и даже не уточняется. Покажем теперь, что идея эта требует большого числа уточнений, поскольку в большом количестве случаев без оговорок она оказывается неверной или непонятной. Возьмем фразу из шекспировского «Гамлета» в переводе Б.Л. Пастернака.

(17) Полоний: *Я это дам от этого отсечь, // Что прав и ныне.* (Акт II сцена 2).

Если взять, например, экранизацию пьесы Г.М. Козинцевым, то формально произносящим эту фразу будет исполнитель роли Полония Ю.В. Толубеев. Во фразе, которую он произносит, ему принадлежит манера исполнения, тело, поза, голос, манера произнесения. Однако Я в этом тексте не обозначает Толубеева, хотя то, что он — говорящий, сомнению не подлежит. Правда, сомнительно и то, что он адресант: текст не его, переложение на русский язык принадлежит Б.Л. Пастернаку, а оригинал — В. Шекспиру. К созданию образа Полония приложили руку режиссер, гример, костюмер, художник по костюмам, портной и киномеханик. Спрашивается, кто из названных реальных людей адресант? По логике вещей, как это всегда бывает в случае массовой коммуникации, все эти люди входят в группу коллективного адресанта конкретного текста. Однако, если задаться вопросом, совпадает ли референт, обозначаемый лексемой Я в этом тексте с референтом адресанта, ответ будет отрицательным. Словоформа я в этой фразе не обозначает ни Толубеева, ни Козинцева, ни Пастернака, ни Шекспира, вообще никого из людей, живущих и живших в реальном мире. Она обозначает персонажа условного мира пьесы, который задается ее текстом¹⁶. Таким образом, для того, чтобы утверждение Якобсона работало в данном случае, его надо дополнить условием, по которому коммуникативный акт, о котором говорится в этом утверждении, привязан к определенному миру, искусственному универсуму, заданному текстом пьесы. В этом случае к тому же миру, в котором осуществляется коммуникативный акт, будет привязан и референт лексемы Я. В другой своей работе Р.О. Якобсон совершенно справедливо указывает, что актер в пьесе является лишь означающим своего персонажа [31, 324]. Все сказанное о морфеме 1-го лица, касается и морфемы 2-го лица. Ср. у А.А. Ахматовой *Не бывать тебе в живых, // Со снегом не встать. // Двадцать восемь штыковых, // Огнестрельных пять.* Здесь ТЫ обозначает

¹⁶ Всякая семиотическая система выделяет в реальном (денотативном) семиотическом мире тот его фрагмент, который она обслуживает, и, тем самым, противопоставляет его всему тому, что остается в реальном мире после выделения указанного фрагмента, отграничивает его от остального, т. е., так или иначе, задает границы интересующей ее области. Если речь идет об искусственно создаваемом мире, он задается автором или носителем соответствующей модели в воображении, если к тому же строится текст, в котором действуют воображаемые искусственные персонажи, то текст закрепляет правила, в соответствии с которыми строится этот мир и по которым в этом мире живут персонажи.

не лицо, к которому обращается автор и на реакцию которого он рассчитывает, адресатом стихотворения является читатель или слушатель стихотворения. ТЫ обозначает персонаж искусственного универсума, в котором поэт может обратиться к погибшему солдату.

Точно так же обстоит дело со всеми художественными, религиозными текстами, где персонажами бывают не только живые люди, но и мертвые (ср. *Я убит подо Ржевом // В безыменном болоте...*), боги, сверхъестественные существа, животные и т. д., текстами, которые строят свой особый мир, например, эпитафиями (ср., например, древнегреческие эпиграммы типа *Это могила, прохожий, не Креза, а бедного. // Впрочем, сколько она ни мала, будет с меня и ее*).

Не равен референт лексемы Я говорящему и в случаях цитации (ср. *Я емь альфа и омега, — говорит Господь, — начало и конец*).

В данной статье я не могу далее продолжать эту тему. Она требует отдельного исследования. Хотелось лишь показать, что проблема толкования лексемы первого лица не так проста, как кажется на первый взгляд. Ей будет посвящена отдельная статья.

5. Фрагмент толково-комбинаторного словаря морфем.

5. 1. Словарная статья морфемы {1Л}.

5. 1. 1. Имя морфемы — {1Л}.

5. 1. 2. 1. Сведения об означаемом: у морфемы {1Л} три супплетивных алломорфа: <<P1>>, m, n

5. 1. 2. 2. 1. Синтактика глубинного алломорфа:

$$\Sigma (X<<P1>>Y) = (X = (\#)\# \ \& \ Y = (\oplus <<Nom>> \oplus <<Sg>>).$$

$$<<P1>> \oplus <<Sg>> \oplus <<Nom>> \rightarrow <<P1.Sg.Nom.>> \rightarrow [yA_1].$$

Словесная формулировка: глубинный алломорф <<P1>> сочетается только с глубинными морфемами им. п. и ед. ч. Все морфосочетание <<P1>> $\oplus$ <<Nom>> $\oplus$ <<Sg>> в поверхностной линейной записи преобразуется в глубинный мегаморф <<P1.Sg.Nom.>>, который преобразуется в морф $[yA_1]$.

5. 1. 2. 2. 2. Синтактика алломорфа m:

$$\Sigma (X\bar{m}Y) = (X = (\#)\# \ \& \ Y = (\langle\langle Sg \rangle\rangle \oplus IDC) \vee (\langle\langle Pl \rangle\rangle \oplus \langle\langle Nom \rangle\rangle) \vee (\{Poss.Sg\} \oplus Number \oplus Gend \oplus Case).$$

Словесная формулировка:

Супплетивный морф 1-го лица m может появляться в контексте лексической границы слева ((#)#) и глубинной морфемы ед. ч. ($\langle\langle Sg \rangle\rangle$) в сочетании с любым косвенным падежом (IDC), а также в контексте им. п. мн. ч. или ($\vee$) в контексте деривативного морфа принадлежности ($\{Poss.Sg\}$) и флексии произвольного числа (Number), рода (Gend) и падежа (Case).

5. 1. 2. 2. 3. Синтактика алломорфа n:

$$\Sigma (X\bar{n}Y) = (X = (\#)\# \ \& \ Y = (\langle\langle Pl \rangle\rangle \oplus IDC) \vee (\{Poss.Pl\} \oplus Number \oplus Gend \oplus Case).$$

Словесная формулировка:

Супплетивный морф 1-го лица n может появляться в контексте лексической границы слева ((#)#) и глубинной морфемы мн. ч. ($\langle\langle Pl \rangle\rangle$) в сочетании с любым косвенным падежом (IDC), а также в контексте деривативного морфа принадлежности ($\{Poss.Pl\}$) и флексии произвольного числа (Number), рода (Gend) и падежа (Case).

5. 1. 2. 3. Акцентная парадигма: d.

5. 1. 3. Сведения об означаемом: В данной статье описание семантики этого компонента не дается. Примем пока лишь рабочую формулировку одного из значений морфемы {1Л}: ‘<лицо> a_1 , такое, что a_1 обращается к <лицу> a_2 с сообщением S и выступает в качестве персонажа ситуации a_0 , обозначаемой сообщением S, в роли w_x ’.

5. 1. 4. Сведения о синтактике морфемы.

5. 1. 4. 1. Сведения о конструктивном классе: R ({1Л} — корневая морфема, все ее алломорфы — корневые морфы).

5. 1. 4. 2. Сведения о грамматичности морфемы: неграмматическая

5. 1. 4. 3. Сведения о грамматическом разряде: Subst (существительное. Из этого следует, что лексема с этим корнем обладает двумя словоизменительными грамматическими категориями: числом и падежом, а также одной словоклассифицирующей грам-

матической категорией: согласовательным классом; морфема способна заполнять валентности глагола, прилагательного, сочинительного союза, некоторых клитик. Подробнее общая синтактика существительных описывается грамматикой).

5. 1. 4. 3. 1. Согласовательный класс: AG — одушевленный общий род.

5. 1. 4. 4. Сведения об идиоматизированных морфологических конструкциях.

5. 1. 4. 4. 1. Сведения о типе флексий.

Флексии ЛМ [18, 65].

5. 1. 4. 4. 2. Сведения о тематических морфах.

Sg.: $X[m \otimes E_2 n']Y \mid X = (\#)\# \ \& \ Y = \langle\langle \text{Gen} \rangle\rangle \vee \langle\langle \text{Acc} \rangle\rangle$.

Sg: $X[m \otimes n]Y \mid X = (\#)\# \ \& \ Y = \langle\langle \text{Dat} \rangle\rangle \vee \langle\langle \text{Instr} \rangle\rangle \vee \langle\langle \text{Prep} \rangle\rangle$

Pl: $X_n \otimes A_1 Y \mid X = (\#)\# \ \& \ Y = \text{IDC}$

Словесная формулировка:

В ед. ч.: корневой морф $[m]$ сочетается с тематическим суффиксом $[E_2 n']$ в контексте род. и вин. п. $[E_2]$ — смягчающая архифонема, интерпретируемая набором фонем $/\acute{e}/ \ / \hat{e}/ \ / \epsilon/$ с обычным распределением по ударным и безударным слогам. Тот же морф $\underline{m}$ сочетается с тематическим суффиксом $\underline{n}$ в контексте дат., твор. и предл. пп.

Во мн. ч.: корневой морф $\underline{n}$ сочетается с тематическим суффиксом $\underline{A}_1$, где $[A_1]$ — несмягчающая гласная архифонема, интерпретируемая набором фонем $/\acute{a}/ \ / \hat{a}/ \ / \text{э}/$ с обычным распределением по ударным и безударным слогам.

5. 1. 4. 4. 3. Сведения о сочетаемости с деривативными морфемами

$\text{AmberT}(\text{Я})_{\text{WF} \rightarrow \text{B}} \otimes [\text{K}] \otimes [\text{A}_1] \oplus \text{F}$

Словесная формулировка: единственным способом деривации с участием корневого морфа $\langle\langle \text{P1} \rangle\rangle$ является соединение словоформы Я с помощью янтарного оператора $(\text{AmberT}(\text{Я}))^{17}$, понижающего словоформу (WF) в ранге до словообразовательной базы (B) $[\text{yá}]$, к которой затем присоединяются словообразовательный суффикс $\{\text{K}\}$ и тематический суффикс $\{\text{A}\}$, к которым присоединяется флексия (*якать, якаю* и т. д.). От той же

¹⁷ О понятии янтарного оператора см. [10].

словообразовательной базы может быть образовано отглагольное существительное $[yá] \otimes [K] \otimes [A] \otimes [NI] \oplus F$.

5. 1. 4. 5. Сведения о модели управления морфемы.

Для определения модели управления морфемы необходимо ее толкование. Число переменных в толковании и будет ее глубинной моделью управления. Поверхностная модель управления является производной от глубинной, в которой указано, какие валентности не подлежат эксплицитному выражению. В нашем толковании морфемы $\{1Л\}$ ‘<лицо> a_1 , такое, что a_1 обращается к <лицу> a_2 с сообщением S и выступает в качестве персонажа ситуации a_0 , обозначаемой сообщением S , в роли w_x ’. Три роли из ситуации КА: адресанта (a_1), роль которого в КА — агенс, сообщение (a_0), роль которого в КА — результат (fact) и адресат сообщения, роль которого в КА — реципиент (rec). В ситуации, обозначаемой сообщением S , аг КА может выступать в любой роли, которая в русском языке может быть выражена падежным показателем, сочетанием существительного в определенном падеже с предлогом, порядком слов. И только эта роль КА имеет значение в номинации.

1	2	3
Ag	fact	rec
w_x	-	-

5. 2. Словарная статья корня $\{2Л\}$.

5. 2. 1. Имя морфемы: $\{2Л\}$

5. 2. 2. Сведения об означающем: у морфемы $\{2Л\}$ три супплетивных алломорфа: $\langle\langle P2 \rangle\rangle$, t , v .

5. 2. 2. 2. Синтактика глубинного алломорфа: $\sum (X \langle\langle P2 \rangle\rangle Y) = (X = (\#)\# \ \& \ Y = (\oplus \langle\langle Sg \rangle\rangle \oplus \langle\langle Nom \rangle\rangle)$.

$\langle\langle P2 \rangle\rangle \oplus \langle\langle Sg \rangle\rangle \oplus \langle\langle Nom \rangle\rangle \rightarrow \{2Л.ЕД.ИМ\} \rightarrow [t]$

Словесная формулировка: глубинный алломорф $\langle\langle P2 \rangle\rangle$ сочетается только с глубинными морфами им. п. и ед. ч. Все морфосочетание $\langle\langle P2 \rangle\rangle \oplus \langle\langle Sg \rangle\rangle \oplus \langle\langle Nom \rangle\rangle$ в поверхностной линейной записи преобразуется в мегаморф {2Л.ЕД.ИМ}, который в свою очередь преобразуется в означающее данного мегаморфа /tʲ/.

5. 1. 2. 2. Синтактика алломорфа t:

$\Sigma (XtY) = (X = (\#)\# \ \& \ Y = (\langle\langle Sg \rangle\rangle \oplus IDC) \vee (\{Poss.Sg\} \oplus Number \oplus Gend \oplus Case).$

Словесная формулировка:

Супплетивный морф 2-го лица t может появляться в контексте лексической границы слева ((#)#) и глубинной морфемы ед. ч. ($\langle\langle Sg \rangle\rangle$) в сочетании с любым косвенным падежом (IDC), а также в контексте деривативного морфа принадлежности ($\{Poss.Sg\}$) и флексии произвольного числа (Number), рода (Gend) и падежа (Case).

5. 1. 2. 3. Синтактика алломорфа y:

$\Sigma (XyY) = (X = (\#)\# \ \& \ Y = (\langle\langle Pl \rangle\rangle \oplus Case) \vee (\{Poss.Pl\} \oplus Number \oplus Gend \oplus Case).$

Словесная формулировка:

Супплетивный морф 1-го лица y может появляться в контексте лексической границы слева ((#)#) и глубинной морфемы мн. ч. ($\langle\langle Pl \rangle\rangle$) в сочетании с любым падежом (Case), а также в контексте деривативного морфа принадлежности ($\{Poss.Pl\}$) и флексии произвольного числа (Number), рода (Gend) и падежа (Case).

5. 2. 2. 3. Акцентная парадигма: d.

5. 2. 3. Сведения об означаемом: В данной статье описание семантики этой морфемы не дается. Примем пока лишь рабочую формулировку одного из значений {2Л}:
 ‘<лицо> a₂, такое, что a₁ обращается к <лицу> a₂ с сообщением S, и a₂ выступает в качестве персонажа ситуации a₀, обозначаемой сообщением S, в роли w_x’

5. 2. 4. Сведения о синтактике морфемы.

5. 2. 4. 1. Сведения о конструктивном классе: R ($\{2Л\}$ — корневая морфема, все ее алломорфы — корневые морфы).

5. 2. 4. 2. Сведения о грамматичности морфемы: неграмматическая

5. 2. 4. 3. Сведения о грамматическом разряде: Subst (существительное)..

5. 2. 4. 3. 1. Согласовательный класс: AG — одушевленный общий род.

5. 2. 4. 4. Сведения об идиоматизированных морфологических конструкциях.

5. 2. 4. 4. 1. Сведения о типе флексий.

Флексии ЛМ [18, 65].

5. 2. 4. 4. 2. Сведения о тематических морфах.

Sg.: $X[T \otimes E_2 b']Y \mid X = (\#)\# \ \& \ Y = \langle\langle \text{Gen} \rangle\rangle \vee \langle\langle \text{Acc} \rangle\rangle$.

Sg: $X[T \otimes O_3 B/Y \mid X = (\#)\# \ \& \ Y = \langle\langle \text{Dat} \rangle\rangle \vee \langle\langle \text{Instr} \rangle\rangle \vee \langle\langle \text{Prep} \rangle\rangle$

Pl: $X[V \otimes A_1]Y \mid X = (\#)\# \ \& \ Y = \text{IDC}$

Словесная формулировка:

В ед. ч.: корневой морф [T] сочетается с тематическим суффиксом $[E_2 b']$ в контексте род. и вин. п. $[E_2]$ — смягчающая архифонема, интерпретируемая набором фонем $/\acute{e}/ \ / \hat{e}/ \ / \epsilon/$ с обычным распределением по ударным и безударным слогам. Тот же морф [T] сочетается с тематическим суффиксом $[O_3 B]$ в контексте дат., твор. и предл. пп. $[O_3]$ — морфонема, интерпретируемая набором архифонем, распределенных относительно иерархического контекста: $[E_2]$ (смягчающее E) перед показателями дат. и предл. пп. и $[O_1]$ (несмягчающее O) перед показателем тв. п.

Во мн. ч.: корневой морф [V] сочетается с тематическим суффиксом $[A_1]$, где $[A_1]$ — несмягчающая гласная архифонема, интерпретируемая набором фонем $/\acute{a}/ \ / \hat{a}/ \ / \text{э}/$ с обычным распределением по ударным и безударным слогам.

5. 2. 4. 4. 3. Сведения о сочетаемости с деривативными морфемами

$\text{AmberT} [tI_1]_{WF \rightarrow B} \otimes [k] \otimes [A_1] \oplus F$

$\text{AmberT} [v \oplus I_1]_{WF \rightarrow B} \otimes [k] \otimes [A_1] \oplus F$

Словесная формулировка: единственным способом деривации с участием корневых морфов $\langle\langle P2 \rangle\rangle$ и $\underline{y}$ является соединение словоформ *ты* и *вы* с помощью янтарного оператора ($\text{AmberT}[TI_1]$ и $\text{Amber}[V \oplus I_1]$), понижающего словоформу в ранге до словообразовательной базы, соответственно, $[TI_1]$ и $[V \oplus I_1]$, к которой затем присоединяются словообразовательный суффикс $\{K\}$ и тематический суффикс $\{A\}$, к которым присоединяется флексия (*тыкать*, *выкать* и т. д.). От тех же словообразовательных баз могут быть образованы отглагольные существительные $[TI_1] \otimes [K] \otimes [A_1] \otimes [NI_2] \oplus F$, $[V \oplus I_1] \otimes [K] \otimes [A_1] \otimes [NI_2] \oplus F$

5. 2. 4. 5. Сведения о модели управления морфемы.

Толкование: ‘<лицо> a_1 , такое, что a_1 обращается к <лицу> a_2 с сообщением S и выступает в качестве персонажа ситуации a_0 , обозначаемой сообщением S , в роли w_x ’. В толковании, так же, как и у морфемы 1-го лица, три роли из ситуации КА: адресанта (a_1), роль которого в КА — агенс, сообщение (a_0), роль которого в КА — результат (fact) и адресат сообщения, роль которого в КА — реципиент (rec). В ситуации, обозначаемой сообщением (a_0) rec КА a_2 может выступать в любой роли, которая в русском языке может быть выражена падежным показателем, сочетанием существительного в определенном падеже с предлогом, порядком слов. И только эта роль КА имеет значение в номинации.

1	2	3
Ag	fact	rec
—	—	w_x

5. 3. Словарная статья тематической морфемы $\{\text{Тем}(1Л)_1\}$

5. 3. 1. Имя морфемы: $\{\text{Тем}(1Л)_1\}$

5. 3. 2. Сведения об означаемом: $[E_{2n}']$

5. 3. 2. 1. Акцентные характеристики: $\rightarrow$ (сдвигает ударение вправо, маркировка из [19] .

5. 3. 3. Сведения об означаемом: Λ (пустое значение). Функция — маркировка подпарадигмы <род. и вин. пп. ед. ч.>.

5. 3. 4. Сведения о синтактике морфемы.

5. 3. 4. 1. Сведения о конструктивном классе: Suf

5. 3. 4. 2. Сведения о грамматичности морфемы: деривативная

5. 3. 4. 3. Сведения о грамматическом разряде: Them (тематическая морфема)

5. 3. 4. 4. Сведения об идиоматизированных морфологических конструкциях.

5. 3. 4. 4. 1. Сведения о корневом морфе и типе флексий:

$$\Sigma(\{\text{Тем}(1\text{Л})_1\}) = \{1\text{Л}\} \otimes \{\text{Тем}(1\text{Л})_1\} \oplus \{\text{ЕД.Ч.РОД.П}\} \rightarrow [m \otimes E_{2n}' \oplus A_1] \vee$$

$$\{1\text{Л}\} \otimes \{\text{Тем}(1\text{Л})_1\} \oplus \{\text{ЕД.Ч.ВИН.П}\} \rightarrow [m \otimes E_{2n}' \oplus A_1].$$

Словесная формулировка: Тематическая морфема $\{\text{Тем}(1\text{Л})_1\}$ может встретиться только в окружении морфемы первого лица $[m]$ — слева — и родительного $[m \otimes E_{2n}' \oplus A_1]$ или винительного падежа $[m \otimes E_{2n}' \oplus A_1]$ — справа.

5. 3. 4. 5. Сведения о модели управления морфемы.

У пустой морфемы нет модели управления

5. 4. Словарная статья тематической морфемы $\{\text{Тем}(1\text{Л})_2\}$

5. 4. 1. Имя морфемы: $\{\text{Тем}(1\text{Л})_2\}$

5. 4. 2. Сведения об означаемом: $[n]$

5. 4. 2. 1. Акцентные характеристики: $\rightarrow$ (сдвигает ударение вправо).

5. 4. 3. Сведения об означаемом: Λ (пустое значение). Функция маркировки подпарадигмы <дат., тв. и предл. пп. ед. ч.>.

5. 4. 4. Сведения о синтактике морфемы.

5. 4. 4. 1. Сведения о конструктивном классе: Suf.

5. 4. 4. 2. Сведения о грамматичности морфемы: деривативная

5. 4. 4. 3. Сведения о грамматическом разряде: Them (тематическая морфема)

5. 4. 4. 4. Сведения об идиоматизированных морфологических конструкциях.

5. 4. 4. 4. 1. Сведения о корневом морфе и типе флексий:

$$\Sigma(\{\text{Тем}(1\text{Л})_2\}) = \{1\text{Л}\} \otimes \{\text{Тем}(1\text{Л})_2\} \oplus \{\text{ЕД.Ч.ДАТ.П}\} \rightarrow [\text{М} \otimes \text{Н} \oplus \text{Е}_2] \vee$$

$$\{1\text{Л}\} \otimes \{\text{Тем}(1\text{Л})_2\} \oplus \{\text{ЕД.Ч.ПРЕДЛ. П}\} \rightarrow [\text{М} \otimes \text{Н} \oplus \text{Е}_2] \vee$$

$$\{1\text{Л}\} \otimes \{\text{Тем}(1\text{Л})_2\} \oplus \{\text{ЕД.Ч.ТВ.П}\} \rightarrow [\text{М} \otimes \text{Н} \oplus \text{О}_1\check{\text{И}}] / [\text{М} \otimes \text{Н} \oplus \text{О}_1\check{\text{И}}\text{У}_1].$$

Словесная формулировка: Тематическая морфема $\{\text{Тем}(1\text{Л})_2\}$ может встретиться только в окружении морфемы первого лица $[\text{М}]$ — слева — и дательного $[\text{М} \otimes \text{Н} \oplus \text{Е}_2]$, предложного $[\text{М} \otimes \text{Н} \oplus \text{Е}_2]$ или $(\vee)$ творительного падежа $[\text{М} \otimes \text{Н} \oplus \text{О}_1\check{\text{И}}] / [\text{М} \otimes \text{Н} \oplus \text{О}_1\check{\text{И}}\text{У}_1]$ — справа.

5. 4. 4. 5. Сведения о модели управления морфемы.

У пустой морфемы нет модели управления.

5. 5. Словарная статья тематической морфемы $\{\text{Тем}(2\text{Л})_1\}$

5. 5. 1. Имя морфемы: $\{\text{Тем}(2\text{Л})_1\}$

5. 5. 2. Сведения об означаемом: $[\text{Е}_2\text{В}']$

5. 5. 2. 1. Акцентные характеристики: $\rightarrow$ (сдвигает ударение вправо).

5. 5. 3. Сведения об означаемом: Λ (пустое значение). Функция — маркировка подпарадигмы <род. и вин. пп. ед. ч.>.

5. 5. 4. Сведения о синтактике морфемы.

5. 5. 4. 1. Сведения о конструктивном классе: Suf .

5. 5. 4. 2. Сведения о грамматичности морфемы: деривативная

5. 5. 4. 3. Сведения о грамматическом разряде: Them (тематическая морфема)

5. 5. 4. 4. Сведения об идиоматизированных морфологических конструкциях.

5. 5. 4. 4. 1. Сведения о корневом морфе и типе флексий:

$$\Sigma(\{\text{Тем}(2\text{Л})_1\}) = \{2\text{Л}\} \otimes \{\text{Тем}(2\text{Л})_1\} \oplus \{\text{ЕД.Ч.РОД.П}\} \rightarrow [\text{Т} \otimes \text{Е}_2\text{В}' \oplus \text{А}_1] \vee$$

$$\{2\text{Л}\} \otimes \{\text{Тем}(2\text{Л})_1\} \oplus \{\text{ЕД.Ч.ВИН.П}\} \rightarrow [\text{Т} \otimes \text{Е}_2\text{В}' \oplus \text{А}_1].$$

Словесная формулировка: Тематическая морфема $\{\text{Тем}(2\text{Л})_1\}$ может встретиться только в окружении морфемы второго лица $[\text{t}]$ — слева — и родительного $[\text{Т} \otimes \text{Е}_2\text{В}' \oplus \text{А}_1]$ или винительного падежа $[\text{Т} \otimes \text{Е}_2\text{В}' \oplus \text{А}_1]$ — справа.

5. 5. 4. 5. Сведения о модели управления морфемы.

У пустой морфемы нет модели управления.

5. 6. Словарная статья тематической морфемы {Тем(2Л)₂}

5. 6. 1. Имя морфемы: {Тем(2Л)₂}

5. 6. 2. Сведения об означающем: /O₃V/

5. 6. 2. 1. Акцентные характеристики: → (сдвигает ударение вправо).

5. 6. 3. Сведения об означаемом: Λ (пустое значение). Функция маркировки под-парадигмы <дат., тв. и предл. пп. ед. ч.>.

5. 6. 4. Сведения о синтактике морфемы.

5. 6. 4. 1. Сведения о конструктивном классе: Suf.

5. 6. 4. 2. Сведения о грамматичности морфемы: деривативная

5. 6. 4. 3. Сведения о грамматическом разряде: Them (тематическая морфема)

5. 6. 4. 4. Сведения об идиоматизированных морфологических конструкциях.

5. 6. 4. 4. 1. Сведения о корневом морфе и типе флексий:

$$\Sigma(\{\text{Тем}(2\text{Л})_2\}) = \{2\text{Л}\} \otimes \{\text{Тем}(2\text{Л})_2\} \oplus \{\text{ЕД.Ч.ДАТ.П}\} \rightarrow [\text{T} \otimes \text{E}_2 \text{V} \oplus \text{E}_2] \vee$$

$$\{2\text{Л}\} \otimes \{\text{Тем}(2\text{Л})_2\} \oplus \{\text{ЕД.Ч.ПРЕДЛ. П}\} \rightarrow [\text{T} \otimes \text{E}_2 \text{V} \oplus \text{E}_2] \vee$$

$$\{2\text{Л}\} \otimes \{\text{Тем}(2\text{Л})_2\} \oplus \{\text{ЕД.Ч.ТВ.П}\} \rightarrow [\text{T} \otimes \text{O}_1 \text{V} \oplus \text{O}_1 \check{\text{I}}] / [\text{T} \otimes \text{O}_1 \text{V} \oplus \text{O}_1 \check{\text{I}} \text{U}_1].$$

Словесная формулировка: Тематическая морфема {Тем(2Л)₂} может встретиться только в окружении морфемы второго лица [*t*] — слева — и дательного [Т⊗E₂V⊕E₂], предложного [Т⊗E₂V⊕E₂] или (V) творительного падежа [Т⊗O₁V⊕O₁Ĭ] / [Т⊗O₁V⊕O₁ĬU₁] — справа.

5. 6. 4. 5. Сведения о модели управления морфемы.

У пустой морфемы нет модели управления.

5. 7. Словарная статья тематической морфемы {ТЕМ.1-2.МН}.

5. 7. 1. Имя морфемы: {ТЕМ.1-2.МН}

5. 7. 2. Сведения об означающем: [A₁]

5. 7. 2. 1. Акцентные характеристики: ↓ (принимает ударение на себя).

5. 7. 3. Сведения об означаемом: Λ (пустое значение). Функция — маркировка косвенной подпарадигмы мн. ч.

5. 7. 4. Сведения о синтактике морфемы.

5. 7. 4. 1. Сведения о конструктивном классе: Suf.

5. 7. 4. 2. Сведения о грамматичности морфемы: деривативная

5. 7. 4. 3. Сведения о грамматическом разряде: Them (тематическая морфема)

5. 7. 4. 4. Сведения об идиоматизированных морфологических конструкциях.

5. 7. 4. 4. 1. Сведения о корневом морфе и типе флексий:

$$\begin{aligned} \Sigma(\{\text{ТЕМ.1-2.МН}\}) &= \{1\text{Л}\} \otimes \{\text{ТЕМ.1-2.МН}\} \oplus \{\text{МН.Ч.РОД.П}\} \rightarrow [\text{N} \otimes \text{A}_1 \oplus \text{S}] \vee \\ &\{1\text{Л}\} \otimes \{\text{ТЕМ.1-2.МН}\} \oplus \{\text{МН.Ч.ВИН.П}\} \rightarrow [\text{N} \otimes \text{A}_1 \oplus \text{S}] \vee \{1\text{Л}\} \otimes \{\text{ТЕМ.1-2.МН}\} \\ &\oplus \{\text{МН.Ч.ПРЕДЛ.П}\} \rightarrow [\text{N} \otimes \text{A}_1 \oplus \text{S}] \vee \{1\text{Л}\} \otimes \{\text{ТЕМ.1-2.МН}\} \oplus \{\text{МН.Ч.ДАТ.П}\} \rightarrow \\ &[\text{N} \otimes \text{A}_1 \oplus \text{M}] \vee \{1\text{Л}\} \otimes \{\text{ТЕМ.1-2.МН}\} \oplus \{\text{МН.Ч.ТВ.П}\} \rightarrow [\text{N} \otimes \text{A}_1 \oplus \text{MI}_2] \vee \\ &\{2\text{Л}\} \otimes \{\text{ТЕМ.1-2.МН}\} \oplus \{\text{МН.Ч.РОД.П}\} \rightarrow [\text{V} \otimes \text{A}_1 \oplus \text{S}] \vee \\ &\{2\text{Л}\} \otimes \{\text{ТЕМ.1-2.МН}\} \oplus \{\text{МН.Ч.ВИН.П}\} \rightarrow [\text{V} \otimes \text{A}_1 \oplus \text{S}] \vee \{2\text{Л}\} \otimes \{\text{ТЕМ.1-2.МН}\} \\ &\oplus \{\text{МН.Ч.ПРЕДЛ.П}\} \rightarrow [\text{V} \otimes \text{A}_1 \oplus \text{S}] \vee \{2\text{Л}\} \otimes \{\text{ТЕМ.1-2.МН}\} \oplus \{\text{МН.Ч.ДАТ.П}\} \rightarrow \\ &[\text{V} \otimes \text{A}_1 \oplus \text{M}] \vee \{2\text{Л}\} \otimes \{\text{ТЕМ.1-2.МН}\} \oplus \{\text{МН.Ч.ТВ.П}\} \rightarrow [\text{V} \otimes \text{A}_1 \oplus \text{MI}_2]. \end{aligned}$$

Словесная формулировка: Тематическая морфема {ТЕМ.1-2.МН} может встретиться только в окружении морфа первого [n] или второго лица [v] — слева — и родительного $[\text{N} \otimes \text{A}_1 \oplus \text{S}]$ или $[\text{V} \otimes \text{A}_1 \oplus \text{S}]$, винительного $[\text{N} \otimes \text{A}_1 \oplus \text{S}]$ или $[\text{V} \otimes \text{A}_1 \oplus \text{S}]$, предложного $[\text{N} \otimes \text{A}_1 \oplus \text{S}]$ или $[\text{V} \otimes \text{A}_1 \oplus \text{S}]$, дательного $[\text{N} \otimes \text{A}_1 \oplus \text{M}]$ или $[\text{V} \otimes \text{A}_1 \oplus \text{M}]$ или творительного $[\text{N} \otimes \text{A}_1 \oplus \text{MI}_2]$ или $[\text{V} \otimes \text{A}_1 \oplus \text{MI}_2]$ — справа.

5. 7. 4. 4. Сведения о модели управления морфемы.

У пустой морфемы нет модели управления.

6. Правила синтеза словоформ с корневыми морфемами 1-го и 2-го лица.

6. 1. Переход от глубинного морфологического представления к поверхностному.

6. 1. 1. $\langle\langle \text{P1} \rangle\rangle \oplus \langle\langle \text{Sg} \rangle\rangle \oplus \langle\langle \text{Nom} \rangle\rangle \rightarrow \{1\text{Л.Ед.Им}\}.$

$$6.1.2. \langle\langle P2 \rangle\rangle \oplus \langle\langle Sg \rangle\rangle \oplus \langle\langle Nom \rangle\rangle \rightarrow \{2Л.Ед.Им\}.$$

$$6.1.3. 'P1' \oplus \langle\langle Pl \rangle\rangle \oplus \langle\langle Nom \rangle\rangle \rightarrow \{1Л\} \oplus \{Мн.Им\}.$$

$$6.1.4. 'P2' \oplus \langle\langle Pl \rangle\rangle \oplus \langle\langle Nom \rangle\rangle \rightarrow \{2Л\} \oplus \{Мн.Им\}.$$

$$6.1.5. 'P.1' \oplus Num \oplus IDC \rightarrow \{P.1\} + \{Them_B\} + \{Num.IDC\}.$$

$$6.1.6. 'P.2' \oplus Num \oplus IDC \rightarrow \{P.2\} + \{Them_B\} + \{Num.IDC\}.$$

Пояснение: правила (6. 1. 5.) и (6. 1. 6) представляют собой сокращенную запись, в которой присутствуют переменные Num (число), IDC (косвенные падежи), Them_B (базовая тема/ тематический морф базы), Num.IDC (имя морфемы числа-падежа). Она означает: для сочетания семантического компонента '1-е лицо' / '2-е лицо' и любого числа и косвенного падежа верно, что семантике первого лица ставится в соответствие морфема 1-го лица, в линейную морфологическую конструкцию встраивается соответствующая базовая тематическая морфема (базовая тематическая морфема противопоставляется радикальной (например /л/ в *жилой*) и флексивной (например [Е₂] в *будешь*) тематической морфеме), а семантическим компонентам числа и падежа ставится в соответствие единая морфема числа-падежа.

7. Морфемно-морфные правила.

7. 0. Вводные замечания. Морфемно морфные правила сопоставляют имени морфемы ее алломорфы в минимальной абстрактной записи. Если, например, ни в одной позиции морфа нет морфонологических чередований, но есть архифонемные, морф дается в архифонемной записи, если нет и архифонемных чередований, он приводится в фонологической записи. В левой части правил приводится имя морфемы, в правой ее алломорфы с указанием контекстных условий, которые приводятся после знака |.

$$7.1. X\{1Л\}Y \rightarrow \langle\langle Pl \rangle\rangle \mid X = (\#)\# \ \& \ Y = (\oplus \langle\langle Nom \rangle\rangle \oplus \langle\langle Sg \rangle\rangle).$$

$$\rightarrow [M] \mid X = (\#)\# \ \& \ Y = (\langle\langle Sg \rangle\rangle \oplus IDC) \vee (\langle\langle Pl \rangle\rangle \oplus \langle\langle Nom \rangle\rangle) \vee (\{Poss.Sg\} \oplus Number \oplus Gend \oplus Case).$$

$$\rightarrow [N] \mid X = (\#)\# \ \& \ Y = (\langle\langle Pl \rangle\rangle \oplus IDC) \vee (\{Poss.Pl\} \oplus Number \oplus Gend \oplus Case).$$

7. 2. $X\{2Л\}Y \rightarrow \langle\langle P2 \rangle\rangle \mid X = (\#)\# \ \& \ Y = (\oplus \langle\langle Sg \rangle\rangle \oplus \langle\langle Nom \rangle\rangle).$

$\rightarrow [T] \mid X = (\#)\# \ \& \ Y = (\langle\langle Sg \rangle\rangle \oplus IDC) \vee (\{Poss.Sg\} \oplus Number \oplus Gend \oplus Case).$

$\rightarrow [V] \mid X = (\#)\# \ \& \ Y = (\langle\langle Pl \rangle\rangle \oplus Case) \vee (\{Poss.Pl\} \oplus Number \oplus Gend \oplus Case).$

7. 3. $\{Тем(1Л)1\} \rightarrow [E_2N']$

7. 4. $\{Тем(1Л)2\} \rightarrow [N]$

7. 5. $\{Тем(2Л)_1\} \rightarrow [E_2B']$

7. 6. $\{Тем(2Л)_2\} \rightarrow [O_3B]$

7. 7. $\{ТЕМ.1-2.МН\} \rightarrow [A_1]$

8. Сегментные правила.

8. 1. Апофонемные правила.

Поскольку в анализируемых формах отсутствуют апофонемные чередования, апофонемные правила здесь не приводятся.

8. 2. Морфонемные правила.

В морфемно-морфных правилах имеется только одна морфонема, преобразование которой я здесь и зафиксирую.

$X/O_3/Y \rightarrow [E_2] \mid X = (/t/ \ \& \ /t/ \in \{2Л\}) \ \& \ Y = /b/ \ (\& \ /b/ \in \{Тем(2Л)_2\}) \oplus \langle\langle Dat \rangle\rangle \vee \langle\langle Prep \rangle\rangle.$

$\rightarrow [O_1] \mid X = (/t/ \ \& \ /t/ \in \{2Л\}) \ \& \ Y = /b/ \ (\& \ /b/ \in \{Тем(2Л)_2\}) \oplus \langle\langle Instr \rangle\rangle$

9. Архифонемные правила.

9. 1. $X[A_1]Y \rightarrow X/\acute{a}/Y \mid [A_1] \in \downarrow Syl \ \& \ X = C' \vee C \vee (\#)\#.$

Словесная формулировка: $[A_1]$ преобразуется в $/\acute{a}/$, если $[A_1]$ принадлежит ударному слогу и левый контекст $[A_1]$ — твердый или мягкий согласный или лексическая граница.

$\rightarrow X/\acute{a}/Y \mid [A_1] \in -1Syl \ \& \ X = C) \vee X = \parallel$

Словесная формулировка: $[A_1]$ преобразуется в закрытое /a/ (/â/), при условии, что A_1 принадлежит первому предударному слогу (-1Syl) и X равно твердому согласному или A_1 принадлежит неприкрытому первому слогу фонетического слова.

$$\rightarrow X/\text{ə}/Y \mid [A_1] \in -n\text{Syl} \ \& \ n > 1 \vee [A_1] \in +n\text{Syl} \ \& \ n \geq 1 \ \& \ X = C$$

Словесная формулировка: $[A_1]$ преобразуется в /ə/ при условии, что $[A_1]$ принадлежит более чем первому предударному слогу ($-n\text{Syl} \ \& \ n > 1$) или $[A_1]$ принадлежит первому или более, чем первому, заударному слогу ($+n\text{Syl} \ \& \ n \geq 1$) и левый контекст у $[A_1]$ — твердый согласный

$$9.2. X[E_2]Y \rightarrow X/\text{ɛ}/Y \mid [E_2] \in \downarrow\text{Syl}$$

$$\rightarrow X/\text{ê}/Y \mid [E_2] \notin \downarrow\text{Syl}$$

$$9.3. X[O_1]Y \rightarrow X/\text{ó}/Y \mid [O_1] \in \downarrow\text{Syl}$$

$$\rightarrow X/\text{â}/Y \mid [A_1] \in -1\text{Syl} \ \& \ X = C) \vee X = \parallel$$

$$\rightarrow X/\text{ə}/Y \mid [A_1] \in -n\text{Syl} \ \& \ n > 1 \vee [A_1] \in +n\text{Syl} \ \& \ n \geq 1 \ \& \ X = C$$

$$9.4. X[U_1]Y \rightarrow X/\text{ú}/Y \mid [U_1] \in \downarrow\text{Syl}$$

$$\rightarrow X/\text{ö}_o/Y \mid [U_1] \notin \downarrow\text{Syl}$$

$$9.5. X[I_1]Y \rightarrow X/\text{í}/Y \mid [I_1] \in \downarrow\text{Syl} \ \& \ X = C$$

$$\rightarrow X\text{ö}Y \mid [I_1] \notin \downarrow\text{Syl} \ \& \ X = C$$

$$9.6. X[M]Y \rightarrow X/m/Y \mid Y = V_1 \vee C^{(*)}$$

$$\rightarrow X/m'/Y \mid Y = V_2$$

$$9.7. X[N]Y \rightarrow X/n/Y \mid Y = V_1 \vee C \vee C'$$

$$\rightarrow X/n'/Y \mid Y = V_2$$

$$9.8. X[T]Y \rightarrow X/t/Y \mid Y = V_1 \vee C_u$$

$$\rightarrow X/t'/Y \mid Y = V_2$$

$$\rightarrow X/d/Y \mid Y = C_v$$

$$9.9. X[B]Y \rightarrow X/b/Y \mid Y = V_1 \vee C_v$$

$$\rightarrow X/b'/Y \mid Y = V_2$$

$$\rightarrow X/p/Y \mid Y = C_u$$

$$9.10. X[B']Y \rightarrow X/b'/Y \mid Y = V$$

$$9.11. X[V]Y \rightarrow X/v/Y \mid Y = V_1 \vee C_v$$

$$\rightarrow X/v'/Y \mid Y = V_2$$

$$\rightarrow X/f/Y \mid Y = C_u$$

$$9.12. X[S]Y \rightarrow X/s/Y \mid Y = V_1 \vee C_u$$

$$\rightarrow X/s'/Y \mid Y = V_2$$

$$\rightarrow X/z/Y \mid Y = C_v$$

$$9.13. X[Y]Y \rightarrow X/y/Y \mid X = \#\# \vee C^{(')} \& Y = \downarrow V$$

$$\rightarrow X/\tilde{y}/Y \mid X = V \& Y = V \vee \#\#$$

10. Правила синтеза словоформ личных местоимений-существительных.

1-е лицо, ед. число.

$$10.1. \langle\langle P1 \rangle\rangle \oplus \langle\langle Sg \rangle\rangle \oplus \langle\langle Nom \rangle\rangle \rightarrow \{1Л.ЕД.ИМ\} \rightarrow [YA_1] \rightarrow /y\acute{a}/$$

$$10.2. 'P1' \oplus \langle\langle Sg \rangle\rangle \oplus \langle\langle Gen \rangle\rangle \rightarrow \{1Л\} \otimes \{Тем(1Л)_1\} \oplus \{ЕД.РОД\} \rightarrow [M \otimes$$

$$E_2N' \oplus A_1] \rightarrow /m' \otimes \hat{e}n' \oplus \acute{a}/$$

$$10.3. 'P1' \oplus \langle\langle Sg \rangle\rangle \oplus \langle\langle Dat \rangle\rangle \rightarrow \{1Л\} \otimes \{Тем(1Л)_2\} \oplus \{ЕД.ДАТ\} \rightarrow [M \otimes N \oplus$$

$$E_2] \rightarrow /m \otimes n' \oplus \acute{e}/$$

$$10.4. 'P1' \oplus \langle\langle Sg \rangle\rangle \oplus \langle\langle Acc \rangle\rangle \rightarrow \{1Л\} \otimes \{Тем(1Л)_1\} \oplus \{ЕД.ВИН\} \Rightarrow [M \otimes$$

$$E_2N'] \oplus A_1 \Rightarrow /m' + \hat{e}n' + \acute{a}/$$

$$10.5. 'P1' \oplus \langle\langle Sg \rangle\rangle \oplus \langle\langle Instr \rangle\rangle \rightarrow \{1Л\} \otimes \{Тем(1Л)_2\} \oplus \{ЕД.ТВ\} \rightarrow [M \otimes N \oplus$$

$$O_1Y] \rightarrow /m \otimes n \oplus \acute{o}\tilde{i}/$$

$$10.6. 'P1' \oplus \langle\langle Sg \rangle\rangle \oplus \langle\langle Prep \rangle\rangle \rightarrow \{1Л\} \otimes \{Тем(1Л)_2\} \oplus \{ЕД.ПРЕДЛ\} \Rightarrow [M \otimes$$

$$N \oplus E_2] \rightarrow /m \otimes n' \oplus \acute{e}/$$

1-е лицо, мн. число.

$$10.7. 'P1' \oplus \langle\langle Pl \rangle\rangle \oplus \langle\langle Nom \rangle\rangle \rightarrow \{1Л\} \oplus \{МН.ИМ\} \rightarrow [M \oplus I_1] \Rightarrow /m \oplus \acute{i}/$$

10. 8. 'P1' $\oplus$ <<Pl>> $\oplus$ <<Gen>> $\rightarrow$ {1Л} $\otimes$ {ТЕМ.1-2.МН} $\oplus$ {МН.ПОД} $\rightarrow$ [N $\otimes$ A₁ $\oplus$ S] $\rightarrow$ /n $\otimes$ á $\oplus$ s/

10. 9. 'P1' $\oplus$ <<Pl>> $\oplus$ <<Dat>> $\rightarrow$ {1Л} $\otimes$ {ТЕМ.1-2.МН} $\oplus$ {МН.ДАТ} $\rightarrow$ [N $\otimes$ A₁ $\oplus$ M] $\rightarrow$ /n $\otimes$ á $\oplus$ m/

10. 10. 'P1' $\oplus$ <<Pl>> $\oplus$ <<Acc>> $\rightarrow$ {1Л} $\otimes$ {ТЕМ.1-2.МН} $\oplus$ {МН.ВИН} $\rightarrow$ [N $\otimes$ A₁ $\oplus$ S] $\rightarrow$ /n $\otimes$ á $\oplus$ s/

10. 11. 'P1' $\oplus$ <<Pl>> $\oplus$ <<Instr>> $\rightarrow$ {1Л} $\otimes$ {ТЕМ.1-2.МН} $\oplus$ {МН.ТВ} $\rightarrow$ [N $\otimes$ A₁ $\oplus$ M₂] $\rightarrow$ /n $\otimes$ á $\oplus$ m'ê/

10. 12. 'P1' $\oplus$ <<Pl>> $\oplus$ <<Prep>> $\rightarrow$ {1Л} $\otimes$ {ТЕМ.1-2.МН} $\oplus$ {МН.ПРЕДЛ} $\rightarrow$ [N $\otimes$ A₁ $\oplus$ S] $\rightarrow$ /n $\otimes$ á $\oplus$ s/

2-е лице, ед. число.

10. 13. 'P2' $\oplus$ <<Sg>> $\oplus$ <<Nom>> $\rightarrow$ {2Л.ЕД.ИМ} $\rightarrow$ [Т₁] $\rightarrow$ /t'/

10. 14. 'P2' $\oplus$ <<Sg>> $\oplus$ <<Gen>> $\rightarrow$ {2Л} $\otimes$ {ТЕМ(2Л)₁} $\oplus$ {ЕД.ПОД} $\rightarrow$ [Т $\otimes$ E₂B' $\oplus$ A₁] $\rightarrow$ /t' $\otimes$ êb' $\oplus$ á/

10. 15. 'P2' $\oplus$ <<Sg>> $\oplus$ <<Dat>> $\rightarrow$ {2Л} $\otimes$ {ТЕМ(2Л)₂} $\oplus$ {ЕД.ДАТ} $\rightarrow$

[Т $\otimes$ E₂B $\oplus$ E₂] $\rightarrow$ /t' $\otimes$ êb' $\oplus$ é/

10. 16. 'P2' $\oplus$ <<Sg>> $\oplus$ <<Acc>> $\rightarrow$ {2Л} $\otimes$ {ТЕМ(2Л)₁} $\oplus$ {ЕД.ВИН} $\rightarrow$ [Т $\otimes$ E₂B' $\oplus$ A₁] $\rightarrow$ /t' $\otimes$ êb' $\oplus$ á/

10. 17. 'P2' $\oplus$ <<Sg>> $\oplus$ <<Instr>> $\rightarrow$ {2Л} $\otimes$ {ТЕМ(2Л)₂} $\oplus$ {ЕД.ТВ} $\rightarrow$ [Т $\otimes$ O₁B $\oplus$ O₁Y] $\rightarrow$ /t $\otimes$ âb $\oplus$ óĩ/

10. 18. 'P2' $\oplus$ <<Sg>> $\oplus$ <<Prep>> $\rightarrow$ {2Л} $\otimes$ {ТЕМ(2Л)₂} $\oplus$ {ЕД.ПРЕДЛ} $\rightarrow$ [Т $\otimes$ E₂B $\oplus$ E₂] $\rightarrow$ /t' $\otimes$ êb' $\oplus$ é/

2-е лице, мн. число.

10. 19. 'P2' $\oplus$ <<Pl>> $\oplus$ <<Nom>> $\rightarrow$ {2Л} $\oplus$ {МН.ИМ} $\rightarrow$ [V $\oplus$ I₁] $\rightarrow$ /v $\oplus$ i'/

10. 20. 'P2' $\oplus$ <<Pl>> $\oplus$ <<Gen>> $\rightarrow$ {2Л} $\otimes$ {ТЕМ.1-2.МН} $\oplus$ {МН.РОД} $\rightarrow$ [V $\otimes$ A₁ $\oplus$ S] $\rightarrow$ /v $\otimes$ á $\oplus$ s/

10. 21. 'P2' $\oplus$ <<Pl>> $\oplus$ <<Dat>> $\Rightarrow$ {2Л} $\otimes$ {ТЕМ.1-2.МН} $\oplus$ {МН.ДАТ} $\rightarrow$ [V $\otimes$ A₁ $\oplus$ M] $\rightarrow$ /v $\otimes$ á $\oplus$ m/

10. 22. 'P2' $\oplus$ <<Pl>> $\oplus$ <<Acc>> $\rightarrow$ {2Л} $\otimes$ {ТЕМ.1-2.МН} $\oplus$ {МН.ВИН} $\rightarrow$ [V $\otimes$ A₁ $\oplus$ S] $\rightarrow$ /v $\otimes$ á $\oplus$ s/

10. 23. 'P2' $\oplus$ <<Pl>> $\oplus$ <<Instr>> $\rightarrow$ {2Л} $\otimes$ {ТЕМ.1-2.МН} $\oplus$ {МН.ТВ} $\rightarrow$ [V $\otimes$ A₁ $\oplus$ M₂] $\rightarrow$ /v $\otimes$ á $\oplus$ m'ê/

10. 24. 'P2' $\oplus$ <<Pl>> $\oplus$ <<Prep>> $\rightarrow$ {2Л} $\otimes$ {ТЕМ.1-2.МН} $\oplus$ {МН.ПРЕДЛ} $\rightarrow$ [V $\otimes$ A₁ $\oplus$ S] $\rightarrow$ /v $\otimes$ á $\oplus$ s/

Список сокращений

Латинские названия используются для обозначения падежа (Nom, Gen, Dat, Acc, Abl, Voc и т.д.), числа (Sg, Pl), лица (P1, P2).

Anim — обозначение одушевленности (Animated).

Unanim — обозначение неодушевленности (Unanimated).

. — знак композиции 2-х глубинных морфем в поверхностном представлении мегаморфа.

& — конъюнкция, «и».

∨ — дизъюнкция, «или».

'Λ' — пустое значение.

'_ ' — марровские кавычки, обозначающие семантику данного знака в свернутом виде или глубинноморфологическое представление означаемого морфов.

' — показатель мягкости предшествующего согласного.

⊕ — левая граница (глубинного) грамматического суффикса.

⊗ — левая граница деривативного суффикса.

V₁ — переменная, областью значений которой являются несмягчающие гласные архифонемы.

V_2 — переменная, областью значений которой являются смягчающие гласные архифонемы.

C — переменная, областью значений которой являются твердые согласные архифонемы.

C' — переменная, областью значений которой являются мягкие согласные архифонемы.

C_v — переменная, областью значений которой являются звонкие согласные архифонемы.

C_u — переменная, областью значений которой являются глухие согласные архифонемы.

$\emptyset$ — нулевая фонема/архифонема/морфонема.

$\hat{e}$ — редуцированный гласный переднего ряда, средне-верхнего подъема.

$\hat{a}$ — редуцированный гласный среднего ряда, средне-нижнего подъема.

$\check{e}$ — гласный переднего ряда полунижнего подъема.

I_1 — несмягчающая архифонема, интерпретируемая под ударением фонемой /i/ (гласной среднего ряда верхнего подъема), в неударных слогах — фонемой /ë/ (гласной среднего ряда полувверхнего подъема).

/i/ — фонема, интерпретирующая архифонему [Y] в позиции после гласной перед другой гласной или перед лексической границей.

X — переменная, областью которой являются цепочки сегментов, образующие левый контекст означающего языкового знака или сегментной единицы.

Y — переменная, областью которой являются цепочки сегментов, образующие правый контекст означающего языкового знака или сегментной единицы.

| — знак, который отделяет правила (справа) от условий их выполнения (слева).

(#)# — граница корневого (##) или клитического грамматического слова (#).

{ } — выражение в фигурных скобках обозначает имя морфемы.

➔ — Знак, который указывает на переход от записи в терминах одного уровня к записи в терминах смежного уровня.

A₁ — индекс указывает на несмягчающую гласную архифонему.

A₂ — индекс указывает на смягчающую гласную архифонему.

B — основа слова.

Them — тематический морф.

IDC — переменная, областью которой являются косвенные падежи.

Case — переменная областью которой являются падежи.

CC — конструктивный класс.

R — корень.

GC — грамматический класс.

Der — деривативный.

PS — частеречный класс.

Sbst — субстантивный.

ЛМ — личные местоимения.

Suff — суффикс.

j1 — юнктированный первый актант.

1 — первый актант.

2 — второй актант.

3 — третий актант.

Ag — функция «агенс».

rec — функция «реципиент».

Литература

1. Апресян Ю.Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. М., 1966.
2. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика. М.: Языки русской культуры, 1995.
3. Барулин А.Н. О противопоставлении местоимений КТО и ЧТО // Тезисы конференции молодых научных сотрудников и аспирантов. М.: Институт

востоковедения АН СССР, 1977. С. 14—17.

4. Барулин А.Н. Категория числа в местоимениях // Отв. ред. В.М. Андрущенко. Исследования в области грамматики и типологии языков. Сборник статей. М.: Изд-во Московск. ун-та, 1980. С. 145—163.

5. Барулин А.Н. Типы семантико-синтаксической организации словоформы и распределение их по частям речи // В. М. Алпатов (отв. ред.). Части речи. Теория и типология. М.: Наука, 1990. С. 51—76.

6. Барулин А.Н. О структуре языкового знака // В.И. Беликов и др. (отв. ред.). Знак: Сборник статей по лингвистике, семиотике и поэтике: Памяти А.Н. Журина. М.: Русский учебный центр, 1994. С. 245—251.

7. Барулин А.Н. К построению модели синтеза русских нумеративов (глубинное и поверхностно-семантическое представление) // Московский лингвистический журнал, 1996, № 2. С. 27—53.

8. Барулин А.Н. Функции аллитерации в элегии В.А. Жуковского «Море» // Х. Баран (отв. ред.). Роман Jakobson. Тексты, документы, исследования. М.: Изд-во РГГУ, 1999. С. 696—714.

9. Барулин А.Н. Проект создания толково-комбинаторного словаря морфем // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Электронное научное издание (периодический сборник), № 11. М.: Институт языкознания РАН. 2019. С. 11—57.

10. Барулин А.Н., Бронников Г.К., Попова М.А. Об одном возможном способе описания словообразовательных отношений между полными и короткими личными именами в русском языке // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Электронное научное издание (периодический сборник), № 12. М.: Институт языкознания РАН, 2020 (в печати).

11. Барулин А.Н., Шведова А.А. О корне глагола ИДТИ // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Электронное научное издание (периодический сборник), № 11. М.: Институт языкознания РАН, 2019. С. 58—101.

12. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974.

13. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М.: Русский язык, 2001.
14. Грамматика современного русского литературного языка. М.: Наука, 1970. 769 с.
15. Даниэль М.А. Типология ассоциативной множественности. Дис...канд. филол. наук. М., 2000.
16. Есперсен О. Философия грамматики. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958.
17. Еськова Н.А. Избранные работы по русистике. Фонология. Морфонология. Морфология. Лексикология. Орфография. М.: Языки славянских культур, 2011.
18. Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. М.: Русский язык, 1980.
19. Зализняк А.А. От праславянской акцентуации к русской. М.: Наука, 1985.
20. Зализняк А.А. «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М.: Языки славянской культуры, 2002.
21. Ляшевская О.Н. Семантика русского числа. М.: Языки славянской культуры, 2004.
22. Мейе А. Общеславянский язык. М.: Издательская группа «Прогресс», 2000.
23. Мельчук И.А., Жолковский А. К. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Вена: Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 14, 1984.
24. Мельчук И.А. Курс общей морфологии. Т. 1. Москва — Вена: Языки русской культуры, Wiener slawistischer Almanach, Издательская группа «Прогресс», 1997.
25. Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Т. 4. Москва — Вена: Языки русской культуры, Wiener slawistischer Almanach, 2001.
26. Русская грамматика. В 2-х т. // Шведова Н. Ю. (гл. ред.) и др. М.: Наука, 1980. Т. 1.

27. Тестелец Я.Г. Введение в общий синтаксис. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2001.
28. Толстая С.М. К сопоставительному изучению славянских языков на уровне морфонологии: глагольные основы в польском и русском языках // Г. Нешименко (отв. ред.). Теоретические и методологические проблемы сопоставительного изучения славянских языков. М.: Наука, 1994. С. 232—240.
29. Успенский В.А. Труды по нематематике (с приложением семиотических посланий А.Н. Колмогорова к автору и его друзьям). М.: ОГИ, 2002.
30. Якобсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М.: Наука, 1972. С. 95—113.
31. Якобсон Р.О. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985.

Materials for compiling an explanatory combinatorial morpheme dictionary.

Russian personal pronouns (1st and 2nd person)

A.N. Barulin (Institute of linguistics, Russian Academy of Sciences)

The article presents and validates a new approach to the morphological representation of the personal pronouns of the 1st and 2nd person. The author argues the point that the singular and plural sub-paradigms of the pronouns in question should be united into the same lexical unit. The article includes some dictionary entries for the Explanatory Combinatorial Dictionary of morphemes and the rules of constructing word forms with the specified root and theme morphemes.

Keywords: Morphology, inflexion, personal pronouns, thematic morphemes, explanatory combinatorial morpheme dictionary, morpheme semantics, referential syntax and semantics.

**Относительные конструкции презентации в итальянском языке
и их русские эквиваленты**

**Р.А. Говорухо (Российский государственный
гуманитарный университет)**

Аннотация

В статье на материале корпуса параллельных текстов рассматриваются итальянские относительные конструкции предикативного типа, вводимые глаголом *esserci*, а также глаголами со значением перцепции и контакта. В русском тексте подобные сложноподчиненные структуры передаются синтаксически простыми предложениями с невыраженной бытийной составляющей, либо — конструкциями паратаксиса с сочинительной или бессоюзной связью. В этом проявляется тенденция итальянского языка к иерархизации элементов когнитивной структуры при более высоком уровне когезии текста. Русский текст чаще использует кодирование определенных фрагментов смысла в виде содержательных импликаций.

Ключевые слова

Перевод, сопоставительный анализ, относительные предикативные конструкции, связность текста, подчинение / сочинение, русский язык, итальянский язык.

0. Вводные замечания

Одним из способов развития связного повествования в русском и итальянском языках являются относительные конструкции, когда участник ситуации характеризуется через отсылку к другой ситуации. Синтаксически релятивизация представляет собой установление соответствия между некоторой синтаксической ролью в относительном предложении (мишенью) и синтаксической ролью в матричном предложении (антецедентом) [11; 14; 18]. В более общем случае мы можем говорить о семантическом связывании

как выражении базовой когнитивной сопряженности [6, 54], когда относительное местоимение или его аналог в зависимой клаузе выражают переменную, связанную с антецедентом.

В итальянской грамматике обычно выделяют три типа относительных предложений: рестриктивные (*restrittive/limitative*), нерестриктивные или аппозитивные (*descrittive/appositive/espliative*), предикативные или псевдоотносительные (*predicative/psedorelative*) [15, 444; 501; 17, 104—122]. Эти конструкции отличаются как вкладом в развитие связного текста, так и возможностью использования различных способов языкового кодирования для передачи смысла. Можно говорить о приоритетных факторах функционирования каждого типа релятивизации. Для конструкций рестриктивного типа определяющим фактором будет семантика именной группы, тогда как функционирование аппозитивных относительных конструкций тесно связано с механизмами текстообразования. Эти два типа принято выделять и в русском языке [10]. В работах [5; 19] нами рассматривались итальянские рестриктивные и аппозитивные конструкции и их русские эквиваленты.

Данное исследование посвящено итальянским относительным придаточным презентации, ядро которых образуют конструкции предикативного типа, но которые могут также относиться и к другим типам относительных конструкций. Материалом послужили около 350 примеров, собранных в результате сопоставления более ста оригинальных текстов на двух языках и их переводов. Были использованы также примеры из итальянско-русского подкорпуса Национального корпуса русского языка [НКРЯ].

1. Общая характеристика относительных конструкций презентации

Ядро относительных конструкций презентации образуют предикативные конструкции, которые многие исследователи считают «псевдоотносительными» [15; 20], подобно рестриктивным придаточным, модифицируют антецедент. При этом между частями существуют отношения не идентификации, а предикации [21, 50], возникает единое интонационное и смысловое целое. В итальянистике нет единого мнения относительно того, какие относительные конструкции следует относить к группе предикативных. Чаще

всего в этот список включают следующие семантико-синтаксические типы относительных конструкций:

1. Глагол *esserci* + SN + relat → *C'è Maria che piange.* — *Мария плачет. Там плачет Мария.*
2. Глагол перцепции (глагол контакта) + SN + relat → *Vedo Maria che piange.* — *Я вижу, как плачет Мария.*
3. *Ecco* + SN + relat che V → *Ecco Maria che arriva.* — *Вот идет Мария.*
4. Глагол *essere* + SN + relat → *È Maria che me l'ha detto.* — *Мне это сказала Мария.*
5. Глагол *avere* + SN + relat → *Ho le mani che tremano.* — *У меня дрожат руки.*
6. SN + глагол *essere* + Adv + relat → *Maria è là che piange.* — *Там плачет Мария.*

Мы подробно остановимся на первых двух типах конструкций, которые представляют наибольший интерес с точки зрения их передачи в русском тексте.

С коммуникативной точки зрения предикативные конструкции, в отличие от рестриктивных, ассертивных и рематичны [12, 86]. Они способствуют развитию текста с помощью новой информации, что объединяет их с аппозитивными конструкциями. Это позволяет некоторым исследователям объединять аппозитивные и предикативные конструкции в одну группу «нерестриктивных», вносящих существенный вклад в развитии связного текста [17, 98]. Подчеркнем, что разделение на группы, основанное на семантических, синтаксических и коммуникативных критериях анализа *exempla ficta*, часто становится проблематичным при выходе на уровень текста.

Например, во многих случаях лишь отсутствие паузы между вершиной и зависимой клаузой позволяет отличать предикативные конструкции от аппозитивных. [13, 68] Ср. два примера из одного произведения, первый из которых относится к предикативному, а второй к аппозитивному типу:

C'è mio fratello che mi aspetta (Pratolini, 45). *Меня тут ждёт брат* (Пратолини, 150).

Nella casa c'era la sua mamma che cantava, che lavava i panni, che faceva da mangiare... (Pratolini 18). *У него была мама; она пела, стирала бельё, готовила обед...* (Пратолини, 123).

В первом случае в итальянском тексте мы имеем дело с синтаксической конструкцией, выделяющей экспрессивную препозитивную рему [16, 143], которой в русском соответствует коммуникативно нерасчлененная структура с субъектно-предикатной инверсией. Во втором примере цепочка связанных анафорически независимых клауз русского текста соответствует бытийной конструкции и серии аппозитивных придаточных в итальянском.

2. Конструкции с бытийной составляющей

Ядро конструкций презентации в итальянском тексте образуют относительные конструкции с глаголом *esserci* в главной части, которые, как правило, имеют структуру *c'è N che V ...*. Таким образом, проявляется четко выраженная тенденция итальянского текста при первом введении в текст именной группы (далее — ИГ) маркировать двумя отдельными позициями значения бытийности и характеристики¹. В первой части всех таких формально сложных структур преобладает бытийная составляющая (C1), вторая часть характеризует первую в целом и выражается относительным придаточным (C2). В русском тексте при этом наблюдаются две частотные речевые стратегии.

2.1. Первая стратегия заключается в объединении двух позиций: бытийная составляющая отдельно не выделяется, совмещается с характеризующим признаком, в результате чего русское высказывание является синтаксически простым. Возможное выделение предмета речи происходит, как правило, с помощью инверсии ИГ:

¹ О различиях между бытийными и характеризующими/событийными предложениями см. [1; 2; 8]. Любопытно, что похожие на итальянские конструкции с бытийной составляющей распространены в русских северо-западных диалектах: *есть вернулись из плена, есть говорят по-вепски*. См. [7, 149 и след.]

E sul bordo di quella piscina c'era una ragazza pallida che lo aspettava con un asciugamano fra le braccia (Tabucchi, 108). На краю этого бассейна его ждала бледенькая девчушка с полотенцем в руках (Табукки, 92).

... Voglio andarmene a casa, dove c'è il mio babbo che m'aspetta (Collodi, 50) Я ... пойду домой, где меня ждет отец (Коллоди, 218)

Uexal один мужик в командировку на два месяца (Пелевин, 247). C'è uno che parte per lavoro e sta via due mesi (Pelevin, 183).

L'album delle fotografie arrivava fino al matrimonio della mamma e ce n'erano due che mi piacevano molto ... (Nanetti, 14). Альбом с фотографиями заканчивался маминой свадьбой. Особенно мне нравились две фотографии (Нанетти, 12).

Препозиция в русском тексте возможна в случае частичной активированности референта. Так, в следующем примере рассказчик не знаком с доктором, который в рамках ИГ в итальянском тексте получает неопределенную референцию. Ср.:

Pare che ci sia un dottore che mi aspetta (Tabucchi, 112). Должно быть, доктор уже ждет (Табукки, 95).

В то же время, о докторе есть упоминание несколькими строками выше («Кто там? — спросил Перейра. На прогулку! — ответил голос сестры за дверью. — Доктор Кардосу ожидает вас в холле»), что делает возможным употребление ИГ 'доктор' в позиции Темы. Ср. возможное употребление этой ИГ в Реме: *Должно быть, меня уже ждет доктор*.

В некоторых случаях препозиция в русском переводе заставляет интерпретировать ИГ как обладающую определенным референтным статусом, что может противоречить исходному смыслу оригинала. Так, в следующем примере тематизация ИГ 'могилы россиян' в русском тексте опирается на предтекст: на историческом кладбище Фоче в г. Санремо «не менее четверти могил принадлежит выходцам из самых разных уголков мира». В то же время в итальянском оригинале отдается предпочтение схеме Adv loc — c'è — SN che V. Ср.:

Alla Foce vi sono molte tombe di russi, che si riconoscono dalla croce a otto punte...
(Cazzola, 139). *Могилы россиян сразу узнаются по восьмиконечному «русскому» кресту*
(Каццола, 138).

Обратим внимание на то, что в итальянском тексте информация включает два элемента: 1) на кладбище Фоче есть много могил россиян 2) эти могилы можно узнать по восьмиконечному кресту. В русском тексте первый элемент смысла входит в пресуппозицию.

Препозиция подлежащего в русском тексте обязательна для кванторных слов, функция которых состоит в актуализации предложений, включающих ИГ с неопределенным денотативным статусом. Ср.:

C'è chi guarda la prima neve senza odio o timori dal limitare della casa (Orelli, 20).
Кто-то смотрит на первый снег без ненависти и опасений с порога дома (Орелли, 9).

Ci sono molti del resto che a quest'altezza non resistono ... (Buzzati 2, 24). *Многие ведь не выдерживают высокогорного климата...* (Буццати 2, 34).

Кто-нибудь обычно говорил ... (Гроссман, 386). *C'era sempre qualcuno che diceva ...* (Grossman, 40).

Некоторые вещи надо делать одному, без свидетелей (Хармс, 169). *Ci sono cose che bisogna fare da soli, senza testimoni* (Charms, 54).

Что-то в революции ему давно нравилось (Зайцев, 179). *C'era qualcosa nella rivoluzione che gli era sempre piaciuto* (Zajcev, 29).

Русским эквивалентом синтаксического выделения в итальянском тексте может стать просодическое выделение, например, попадание в фокус контраста. Ср.:

Но почти всегда одного человека собака себе выбирает, а остальных – любит тоже (Нусинова, 80). *Ma quasi sempre **c'è** una persona **che** il cane sceglie per sé, pur continuando ad amare gli altri* (Nussinova, 78).

Отметим, что в данном случае мы можем говорить лишь о тенденции речевого узуса, поскольку и русские и итальянские переводы могут быть близки к оригиналу. Это

в первую очередь касается тех случаев, когда замещена позиция локализатора. Ср. возможные альтернативные варианты приведённых выше примеров:

E sul bordo di quella piscina una ragazza lo aspettava con un asciugamano fra le braccia. / На краю бассейна сидела девушка и ждала его с полотенцем в руках.

Qualcosa nella rivoluzione gli era sempre piaciuto. / В революции было что-то, что ему всегда нравилось.

Esse вещи, которые надо делать одному, без свидетелей. / Alcune cose bisogna farle da soli, senza testimoni.

Molti del resto a quest'altezza non resistono. / Есть ведь многие, кто не выдерживает высокогорного климата.

Основные ограничения для русского текста касаются правил употребления бытийного глагола. Ср., например, невозможность выделения ИГ в приведенном выше примере в обобщенном значении: *Уезжает один мужик в командировку на два месяца. C'è uno che parte per lavoro e sta via due mesi*. Но: **Есть один мужик, который уезжает в командировку*. При этом вполне возможно конкретно-референтное употребление: *Есть один мужик, который уезжает и может сдать квартиру*.

В тех случаях, когда в итальянском тексте вторая часть бытийной конструкции представлена причастием, выполняющим функцию определения, в русском тексте, как правило, употребляется личная глагольная форма:

C'era il braciere acceso, in mezzo... (Vittorini, 298). Жаровня посредине уже пылала (Витторини, 103).

C'è un piccolo cartello appeso al muro (Диалоги «Punti di vista»). У вас на стене висит маленький плакат (перевод наш — РГ.).

2.2. Вторая стратегия построения фразы в русском тексте предполагает эксплицитное выражение бытийной составляющей. Эта стратегия реализуется прежде всего при переводе конструкций аппозитивного типа, когда главная часть С1 ассертивна, между главной и придаточной частью присутствует пауза (в письменном тексте часто она пере-

дается запятой). Можно выделить два частотных способа реализации данной речевой стратегии.

2.2.1. Бытийное значение выражено в чистом виде: с помощью глагола *быть* и его синонимов. Это наблюдается в тех случаях, когда на бытийную конструкцию падает логическое ударение, она получает дополнительное коммуникативное выделение. Цель подобных высказываний – сообщить адресату о существовании объекта, который станет темой последующего фрагмента текста:

In queste famiglie c'è qualcosa di eroico che mi ha sempre affascinato ... (Veronesi, 31). *В этих семьях есть что-то героическое, и это всегда меня в них умиляло ...* (Веронези, 33).

Был там парень, имя, разумеется, исчезло, он больше не появлялся на сцене ... (Трифонов, 61). *C'era un giovanotto il cui nome, naturalmente, era svanito, e che non sarebbe più comparso in scena ...* (Trifonov, 57).

В русском языке в прошедшем и будущем времени замещение позиции сказуемого обязательно, в настоящем же возможны два типа конструкций: с формой бытийного глагола *есть* и без нее. Ср.:

Con noi c'è la suora, che segna in un registro le prescrizioni nuove o la ripetizione delle vecchie (D'Agata, 30). *С нами Ø сестра, она заносит в книгу новые назначения или делает пометки о продолжении прежних.* (Д'Агата, 51).

При наличии нескольких ИГ с неопределенной референцией итальянский текст предпочитает открывать фразу бытийной конструкцией, тогда как для русского текста характерно отнесение данного фрагмента смысла к пресуппозиции. Ср.:

C'è un romanzo di Bohumil Hrabal dove un bambino ha l'ossessione dei chiodi (Scarpa, 8-9). *В одном романе Богумила Грабала есть мальчик, одержимый страстью к гвоздям.* (Скарпа, 14).

Nel parco ci sono molti alberi ... Ce n'era uno coperto di fiori rosa e sotto c'era della gente che guardava in alto.... (Nanetti, 96). *В парке было множество деревьев ... Около од-*

ного покрытого розовыми цветами дерева собралось много людей. Все смотрели вверх ... (Нанетти, 88).

В отдельных случаях экспликация бытийной составляющей в русском тексте может сопровождаться её редукцией в итальянском. Ср. пример, где презентация дополнения как новой информации осуществляется в итальянском переводе лишь в пределах синтаксической группы имени, с помощью неопределенного артикля, а не в конструкции предложения:

У нас был знакомый большевик Вуль, мы тоже его ругали как хотели. (Зайцев, 198). *Anche noi insultavamo a nostro piacimento un nostro conoscente bolscevico, un certo Vul* (Zajcev, 56).

Показателем интродуктивного характера бытийного предложения может выступать детерминатив *один* при имени бытующего предмета. Бытийный глагол в русском примере выделяется особым ударением, а при одушевленном денотате он приобретает значение ‘жить’:

При Екатерине Великой был один Фандорин, любопытнейшие записки оставил (Акунин 2, 130). *Al tempo di Caterina la Grande c’era un Fandorin che ha lasciato delle memorie interessantissime* (Akunin 2, 105).

Сама лексема *жить* также является в русском тексте вариантом экзистенциальной конструкции. Ср.:

На маяке жил только сторож — старый глухой швед, бывший шкипер. Весь день он что-то сердито бормотал, жевал сухими желтыми губами (Паустовский, 280). *Al faro c’era solo un guardiano, un vecchio svedese sordo, ex skipper, che passava tutto il giorno borbottando e bascicando con le sue labbra secche e gialle* (Paustovskij, 13).

В итальянском языке модификацией базовой модели с экзистенциальным глаголом является конструкция обладания (приобретения, утраты). Ср:

E abbiamo un giovane che in fatto di esplosivi è un padreterno... (Sciascia, 88). У нас есть парень — *Ø* работает со взрывчаткой как бог... (Шаша, 35).

Неоднократно отмечалось, что локальные и посессивные отношения сводимы к определительным отношениям в широком смысле [4, 301]. В случае совмещения отношений экзистенции и номинации [1, 18—19] в итальянском тексте в ассерции, как правило, находится бытийная составляющая, тогда как в русском варианте она, наоборот, попадает в пресуппозицию, и на первый план выносится отношение именованности. Ср.:

[... *La nonna aveva una passione per le oche*] ... *Ce n'era una, Alfonsina, che era la sua preferita* (Nanetti, 19). [*Но еще больше ... бабушка любила гусей*] ... *Бабушкину любимицу звали Альфонсина*. (Нанетти, 16).

Prima di me c'era mia sorella Azalea, che era sposata e abitava in città (Ginzburg, 3). *Мою старшую сестру звали Азалия, она была замужем и жила в городе* (Гинзбург, 146).

Ср.: у меня была старшая сестра Азалия = мою старшую сестру звали Азалия.

2.2.2. Во второй группе примеров с эксплицитной бытийной составляющей в русских текстах место абстрактного *tour de presentation* *c'è / ci sono* занимают глаголы более конкретного значения, среди которых выделяются:

а) предикаты пространственного положения: *сидеть, стоять, лежать* и пр. Ср:

На перроне стояла девочка и поднимала к нашему окну кулек с печеньем (Толстая, 14). *Sulla banchina c'era una ragazza che sollevava verso il nostro finestrino un cartoccio di biscotti* (Tolstaja, 15).

Pereira si accomodò in uno scompartimento dove c'era una signora che leggeva un libro (Tabucchi, 70). *Переира вошел в купе, где уже сидела дама и читала книгу* (Табукки, 58).

На дворе стоит старуха и держит в руках стенные часы (Хармс, 161). *Nel cortile c'è una vecchia che tiene in mano un orologio a pendolo* (Charms, 47).

Такие наблюдаемые в русском тексте глаголы называют переходными к делексистическим [2, 107 и след.], поскольку они отчасти сохраняют свое лексическое значение, то есть указание на характеризующий признак. В итальянском тексте предикаты типа *essere seduto, essere sdraiato* реже употребляются в подобных контекстах. Появление в

переводе итальянского глагола более конкретного значения может быть связано с семантикой исходного предиката, который, например, имеет зависимое наречие. Ср:

На облучке вполоборота сидел Мыльников, О показывал, как и что (Акунин 1, 68). *In serpa, sedeva Myl'nikov, che mostrava e spiegava* (Akunin 1, 75).

Хотя предикаты в главной клаузе C1 по сути дела лишь указывают на бытие объекта, частичное сохранение лексического значения этих глаголов дает возможность увидеть в них одну из характеристик объекта и включить их в ряд однородных сказуемых. Соответственно, во всех подобных контекстах возможно появление сочинительного союза. Ср.: *стоит старуха и держит, сидела дама и читала, сидел Мыльников и показывал*.

Следующий пример интересен тем, что в лишь в одном из пяти вариантов перевода на итальянский сочинительной конструкции *стоит и кланяется* в главной клаузе выбрана конструкция местоположения *essere in piedi*. Ср.:

За пледом стоит Варя и кланяется (Чехов 3, 231).

Dietro di esso è in piedi Varja che saluta (Cechov 13, 638).

В трех других вариантах предсказуемо употреблен бытийный глагол *esserci*:

Dietro (il plaid) c'è Varja che fa un inchino (si inchina) (Cechov 9, 102), (Cechov 10, 86), (Cechov 11, 217).

Наконец, в одном переводе в бытийную конструкцию включен глагол *apparire* ‘появляться’, представляющий ситуацию презентации в динамическом аспекте:

Dietro il plaid appare Varja che si inchina (Cechov 12, 490).

б) Вторую группу, близкую по значению к бытийным глаголам, образуют как раз предикаты со значением ‘появления / исчезновения’ предмета. Ср.:

Una volta, dietro al secondo larice c'era un lupo fermo sulle gambe divaricate, che guardava la neve e il paese (Orelli, 19). *Как-то раз за второй лиственницей появился волк, он стоял, широко расставив ноги, и смотрел на снег и на поселок* (Орелли, 8).

На льду появилось темное пятно. Оно медленно двигалось к берегу (Паустовский, 282). *Sul ghiaccio apparve una macchia oscura, che si spostava lentamente verso riva*. (Paustovskij, 15).

Однако сквозь непохожие и порою враждебные друг другу тексты проступает любопытный архитектур. Он не просто даёт представление о том, что делается сейчас в русской литературе ... (Цветы зла, 6). *Tuttavia, attraverso testi dissimili e a volte ostili gli uni agli altri, affiora un curioso metatesto che non si limita a fornire uno spaccato della letteratura russa contemporanea ...* (Fiori del male, 9).

Но вдруг где-то вдали возник жалобный звук ц, постепенно усиливаясь и приближаясь, зазвенел человеческим голосом ... (Тургенев, 212). *Ma d'improvviso, in qualche lido lontano, si levò un suono lamentoso, che rafforzandosi e via via avvicinandosi risuonò come voce umana ...* (Turgenev, 213).

Обладая выраженным лексическим значением, эти глаголы могут свободно устанавливать с другими предикатами сочинительные связи, как с помощью союзов, так и бессоюзно. В итальянском тексте при этом существуют ограничения грамматического характера: предикаты в C1 и C2 при сочинении не могут иметь разную аспектуальную природу. Ср.:

**Sul ghiaccio apparve una macchia e si spostava lentamente verso riva.*

Но: *Sul ghiaccio apparve una macchia e si spostò lentamente verso riva.*

... Si levò un suono lamentoso e rafforzandosi risuonò come voce umana.

Заканчивая краткий обзор конструкций презентации с бытийной составляющей, приведем характерный фрагмент русского текста, где она эксплицитно выражена отдельным предложением:

На столе в номере был арбуз. Гуров отрезал себе ломоть Ø и стал есть Ø не спеша (Чехов 1, 132).

Подобное развитие текста вполне характерно и для итальянского языка, и потому в двух переводах из трех структура оригинала сохраняется, а связь кодируется с помощью анафорических местоимений. Ср.:

Sulla tavola era posata (c'era) un'anguria. Gurov ne tagliò una fetta e cominciò lentamente a mangiarla (con calma) (Cechov 1, 1018), (Cechov 2, 285).

Характерно, однако, что в третьем переводе связность итальянского текста усиливается преимущественно синтаксическими средствами, за счет иерархизации элементов смысла.

Gurov si tagliò una fetta di anguria che stava sul tavolo e cominciò lentamente a mangiarla (Cechov 3, 65).

В русском тексте указание на местоположение предмета и на действия Агенса синтаксически независимы и коммуникативно равнозначны, Слушающий сам должен установить смысловую связь между ними. В итальянском варианте (Cechov 3) на первом плане (foreground) — действия Агенса, а указание на положение предмета — лишь Фон (background) для этих действий.

3. Роль Наблюдателя в конструкциях с бытийной составляющей

Конструкции презентации маркированы относительно текста: занимая в его структуре определенное место, они начинают некоторую «предметную» тему [24, 7]. Наличие в высказывании обстоятельств времени и места предполагает присутствие семантического актанта Наблюдателя, который может занимать различные позиции в структуре дискурса. В этой связи можно говорить об эгоцентричности предложений с бытийной составляющей, то есть одним из элементов их структуры является рассказчик или протагонист, через отношение к которому конкретизируется предмет повествования. Состав типичного бытийного предложения определяется как сочетание «бытийного» глагола, «имени бытующего предмета» и «локализатора», ср. [2]. В работе [3] для двух последних понятий предлагаются термины 'ВЕЩЬ' и 'МЕСТО' (СЦЕНА). По мнению авторов, бытийные предложения отличаются от декларативных (в другой терминологии — «предложений характеристики», «событийных») выбором перспективы. «Выделяя ВЕЩЬ, мы описываем ситуацию декларативным предложением», тогда как при выборе бытийного предложения для описания ситуации маркированным участником ситуации (фокусом перспективы) является МЕСТО [3, 70]. Ср.:

Uscirono. Sulla piazzetta davanti al palazzo c'era un militare che dormiva steso su una panchina (Tabucchi, 88).

Они вышли на улицу. **На тесной площади перед домом** дремал какой-то солдат, растянувшись на скамейке (Табукки, 74).

У наружной двери играл прекрасную музыку скрипач ... (Платонов, 28).

Accanto al portone c'era addirittura un violinista che suonava una musica meravigliosa (Platonov, 33).

В свете работ [8; 9] разновидностью МЕСТА/СЦЕНЫ можно считать «перцептивное пространство субъекта сознания», то есть Наблюдателя. В бытийных контекстах, рассмотренных выше, это пространство совпадает с МИРОМ в целом. Во многих случаях субъект сознания или восприятия может быть выражен. Ср.:

La porta ci veniva aperta come per incantesimo. C'era una piccola rampa di scale che ammetteva alla cucina (Pratolini, 8—9). Дверь открывалась **перед нами**, словно по волшебству. Лестница в несколько ступенек вела на кухню (Пратолини, 115).

Ma non posso mica urlare. C'è di là Ada che dorme e poi ... (Buzzati 2, 276). Но не могу же я кричать — **там** Ада спит, и вообще... (Буццати 2, 188).

В первом примере Наблюдатель представлен падежными формами личного местоимения *мы / noi*. Во втором присутствие в тексте наречия дальнего дейксиса *di là / там* задает бытийный характер ситуации и указывает на фигуру Наблюдателя. Интересно в этой связи сравнить два соседних фрагмента из пьесы «Вишневый сад», в первом из которых ситуация описывается декларативным предложением. Ср.:

Варя (тихо). Аня спит (*Тихо открывает окно.*) (Чехов 3, 209).

(...) **Anja dorme. (Apre piano la finestra)** (Cechov 9, 59), (Cechov 12, 464), (Cechov 11, 197), (Cechov 13, 638).

(...) **C'è Anja che dorme. (Apre adagio la finestra.)** (Cechov 10, 59).

Четыре перевода повторяют оригинал, в пятом использована бытийная конструкция. Во втором фрагменте в фокусе находится денотативное пространство, обозначенное наречием *там*, контрастно противопоставляемое пространству Говорящего-Наблюдателя. Ср.:

Любовь Андреевна (Тише). **Там** Аня спит, а я громко говорю ... (Чехов 3, 211).

(Di) *Là c'è Anja che dorme e io parlo forte ...* (Cechov 9, 61), (Cechov 11, 198), (Cechov 12, 466), (Cechov 13, 639).

C'è Anja che dorme e io parlo ad alta voce ... (Cechov 10, 61).

Второй фрагмент во всех пяти переводах передан бытийной конструкцией, а наличие её в одном из переводов первого фрагмента говорит о близости высказываний бытийного и декларативного типа, различающихся лишь смещением коммуникативного фокуса. В русском тексте именно наречие места указывает на бытийный характер конструкции. Ср.:

Там *ест* *больше всех товарищ Селин* (Платонов, 46). *C'è il compagno Selin che mangia più di tutti...* (Platonov, 56).

C'è mio fratello che mi aspetta (Pratolini, 45). Меня *тут* *ждёт брат* (Пратолини, 150).

4. Конструкции презентации с глаголами перцепции

Среди предикативных относительных конструкций выделяется тип, называемый «ситуационным» [23] или «перцептивным» [21, 53], поскольку в главной клаузе C1 присутствует глагол перцепции или контакта. В русском тексте, как правило, такие отношения кодируются конструкцией с изъяснительным придаточным. Ср.:

[Я ... *радовался за него,*] *когда случалось подслушать, как слуги обсуждают его разнообразных любовниц...* (НКРЯ Набоков). *Io ... ero felice per lui] quando sentivo la servitù che chiacchierava delle sue varie amiche ...*

Дрозд *видит* – *едет мужик, везет бочку пива* (Сказки, 34) *Qui il tordo vide un contadino che trasportava sul carro una botte di birra* (Fiabe, 75).

*... Io mi misi a guardare Alfonsina e Oreste **che** mangiavano insieme nel cortile* (Nanetti, 111). Я стал *наблюдать, как* Альфонсина и Оресте *вместе едят во дворе* (Нанетти, 104).

В русском языке существует различие между изъяснительными «как-предложениями», указывающими на процессуальный характер восприятия, и «что-предложениями», описывающими наблюдаемый процесс как факт. При переходе от вос-

приятия к знанию воспринимаемый субъектом — Экспериенсером — процесс превращается в факт, который кодируется уже не *как*-предложениями, а *что*-предложениями. Ср.:

Sentii papà che le diceva ... (Nanetti, 76). *Потом я услышал, как papà ей сказал ...* (Нанетти, 73).

Venni a sapere che papà le aveva detto... Я узнал, что papà ей сказал [...].

Отметим, что в русском тексте *что*-предложения могут описывать как факты, так и процессы, тогда как итальянские предикативные относительные конструкции возможны только в последнем случае. Ср.:

Una volta la trovai che guardava l'albero di Natale che stava davanti all'albergo, con gli occhi pieni di lacrime (Nanetti, 123). *Однажды я увидел, что она со слезами на глазах смотрит на елку, которая стояла перед отелем...* (Нанетти, 113).

Приведенный итальянский пример указывает на формальную особенность предикативных относительных конструкций, отличающую их от прочих относительных придаточных, а именно — возможность прономинализации антецедента. Ср.:

La vedi la mamma che porta da mangiare ai suoi piccoli? (Nanetti, 28). *Видишь, как мама приносит еду своим птенцам?* (Нанетти, 26).

Но: *No chiamato Mario che non era a casa — *L'ho chiamato che non era a casa.*

Еще одной важной формальной особенностью подобных предложений является возможность употребления в качестве знака подчинения исключительно местоимения *che* (а не относительных местоимений *il quale*, *cui* и пр.), которое при этом может занимать только позицию подлежащего. Кроме того, от ограничительных относительных конструкций данные структуры отличаются тем, что могут иметь в качестве антецедента определенную дескрипцию (часто — имя собственное), которая не нуждается в дальнейшей спецификации. Отсутствие паузы (графически — запятой) между главной и придаточной частями, указывает на то, что информация, передаваемая придаточным, является не дополнительной, а основной, и между элементами конструкции существуют не атрибутивные, а предикативные отношения.

В семантическом отношении условием бытования конструкций подобного типа является динамический характер процесса, описываемого в зависимой клаузе C2. Статические состояния в обоих языках описываются с помощью изъяснительных *что*-придаточных:

*Семён Семёнович, надев очки, смотрит на сосну и **видит**: на сосне сидит мужик и показывает ему кулак. Семён Семёнович, сняв очки, смотрит на сосну и **видит, что** на сосне никто не сидит* (Хармс, 332). *Semen Semenovici, inforcati gli occhiali, guarda un pino e vede **che** sul pino sta seduto un tipo **che** gli mostra il pugno. Semen Semenovici, toltisi gli occhiali, guarda il pino e vede **che** sul pino non c'è seduto nessuno* (Charms, 14).

Данный текст состоит из двух «сцен» с общим Наблюдателем. Денотативная ситуация первой сцены включает два предиката: пространственного положения и действия (*сидит и показывает*). Наличие предиката действия делает возможным употребление в русском тексте не только союза *что*, но и союза *как*, тогда как в итальянском второй предикат вводится относительной предикативной конструкцией, а не сочинительным союзом. Стативная ситуация второй сцены ‘на сосне никто не сидит’ передана в обоих языках стандартным придаточным изъяснительным.

Отметим, что динамичный характер предиктируемого в C2 признака является общим у относительных конструкций «непосредственного восприятия» и предложений аппозитивного типа. Однако лишь в контекстах первого типа он легко может быть выражен причастием. Ср.: *Ho visto Mario che fumava* = Я видел курящего Марио. Но: *Ho visto Mario, che mi ha raccontato tutto* = Я видел Марио. Он мне всё рассказал.

Другой особенностью семантики данных конструкций, является симультанный характер действий в C1 и C2. В конструкции V персер — SN che P, актант, кодируемый именной группой SN, является одновременно объектом перцепции в C1 и субъектом предикации в C2. Ср.:

*E adesso ascolta il ciliegio **che** respira* (Nanetti, 29). *A те́перь слушай, **как** дышит вишня* (Нанетти, 27).

*... Я сидел на этом окне и смотрел, **как** мой отец шел в церковь* (Чехов 3, 252).

... *Stavo seduto a questa finestra e guardavo mio padre che andava in chiesa ...*
(Cechov 9, 147), (Cechov 11, 236), (Cechov 12, 512), (Cechov 13, 682).

[...] *e ho visto mio padre che usciva per andare in chiesa ...* (Cechov 10, 110).

В отличие от конструкций презентации с глаголом *esserci*, конструкции с перцептивными глаголами не открывают текст, они, как правило, являются реакцией на определенную ситуацию. Часто они следуют за конструкциями бытийной семантики. Ср. в последнем примере введение перцептивного глагола после глагола местоположения: сидел и смотрел. В следующем описании сцены действия перцептивная информация дана после указания места и времени действия:

Столовая в доме Серебрякова. Ночь. Слышно, как в саду стучит сторож (Чехов 2, 75).

Пять вариантов перевода иллюстрируют различные способы кодирования данной ситуации в итальянском языке. Прежде всего отметим отсутствие изъяснительной конструкции с перцептивной модальной рамкой типа '*si sente che P...*'. В трех случаях мы предсказуемо находим модель относительного придаточного предикативного типа с разными вариантами лексического наполнения. Ср.:

Si sente, in giardino, il guardiano che batte (Cechov 7, 323).

Dal giardino si sente il rumore di un guardiano che batte (Cechov 5, 65).

Si sente il guardiano che batte col bastone passeggiando in giardino (Cechov 8, 501).

В варианте (Cechov 6) представлена инфинитивная конструкция *accusativus cum infinitivo*, которая в грамматике Сенсини отнесена к «имплицитным относительным» структурам [22, 115].

Si sente il guardiano battere in giardino (Cechov 6, 75).

Не останавливаясь здесь на различиях между двумя типами конструкций, отметим лишь, что имплицитный вариант единственно возможен при неопределенном antecedente. Ср.:

Alle sei e mezzo Pereira senti bussare alla porta... (Tabucchi, 111) *В половине седьмого он услышал, что в дверь стучат...* (Табукки, 94).

В пятом варианте перевода чеховского текста субъект перцепции Наблюдатель остается за кадром:

In giardino un guardiano batte. (Cechov 4, 31).

Тривиальный Наблюдатель всегда входит в состав участников ситуации, описываемой глаголами издавания звука, а потому — указание на его присутствие не является обязательным. Вместе с тем, такая стратегия языкового кодирования не является частотной, поскольку противоречит общей тенденции большей эксплицитности перцептивного модуса в итальянском тексте по сравнению с русским.

Проиллюстрируем эту особенность на примерах, когда Наблюдатель не присутствует в тексте прямо, в качестве субъекта конструкции эксплицитной модальности. Так, в следующем итальянском фрагменте перцептивная рамка присутствует в первой фразе, а затем остается лишь в виде относительной предикативной конструкции. Ср.:

*Mi sembra di riuscire a **vedere** il modo silenzioso in cui lei e Marianne competono ... per l'attenzione di Vittorio <...> Nina **che** sta zitta e non mangia <...> Marianne **che** parla parla <...> Vittorio **che** fa finta di non accorgersi della competizione <...>* (De Carlo, 112). **По-моему**, они с Марианной всё время тайно соревнуются, борясь за внимание Витторио <...>. Нина - молчит, не ест <...>, Марианна – говорит и говорит <...>, Витторио делает вид, что не замечает их соперничества <...> (Де Карло, 70).

В русском тексте присутствие субъекта перцепции редуцируется до наречного выражения *по-моему*, выражающего эпистемическую оценку. Следующий пример представляет собой нарратив от третьего лица, фокус эмпатии в котором совпадает с субъектом действия и восприятия. В итальянском переводе помимо лексического выражения присутствует относительная предикативная конструкция. Ср.:

*Tolknud наружную дверь, [он] очутился на тротуаре. <...> Глазам открылся Политехнический музей ... Вправо по спуску к Китайскому проезду **мчались**, обгоняя друг друга, **машины** (Дружников) [НКРЯ]. Spinse la porta esterna e si ritrovò sul marciapiede. <...> **Davanti agli occhi aveva il Museo Politecnico** ... Sulla destra, altre auto, **che** sfrecciavano e si superavano a vicenda sulla strada che portava a Kitajskij Proezd ...*

Указательная частица ближнего дейксиса *vor* также включает Наблюдателя, который ассоциируется с Говорящим. Описываемая ситуация совпадает или максимально приближена к моменту речи, что делает закономерным ее кодирование в итальянском тексте относительной конструкцией предикативного типа:

***Vor** pastux gонит стадо. Щелкает бичом. Солнце садится за лесом. Огород. Пу-
гало машет руками. Птицы летают. Яблони стоят в белом цвету. Река течёт ... Мель-
ница машет крыльями (Зощенко, 27). Ecco un pastore col suo gregge. Fa schioccare la
frusta. Il sole scende dietro il bosco. Un orto. Uno spaventapasseri, a braccia spalancate.
Uccelli che volano. I meli ricoperti di candidi fiori. Il fiume che scorre ... La ruota del mulino
che gira, gira... (Zoscenko, 30).*

В нарративе от первого лица часто присутствуют дополнительные ориентиры близости к субъекту восприятия, причем обращает на себя внимание бóльшая дейктичность русского текста, где выражение *sta ancora là* (она все еще там) передано как *vor она передо мной*.

*[Eppure, se chiudo gli occhi], Micòl Finzi-Contini sta ancora là ... che mi guarda e mi parla (Bassani, 40). [И все же я закрываю глаза], и Миколь Финци-Контини — **vor** она, передо мной, смотрит на меня, разговаривает со мной... (Бассани, 54).*

В следующих русских примерах на субъект перцепции указывают формы глаголов и местоимений, тогда как в итальянских по-прежнему присутствует относительная конструкция предикативного типа, фиксирующая непосредственный характер восприятия:

*И снова деревянный Исаакиевский мост, пылая, плывет к устью Невы, а я с моим спутником с ужасом **глядим** на это невиданное зрелище... (Ахматова, 194). ... E di nuovo il ponte di legno presso Sant'Isacco, che in fiamme scende per la Neva, verso la foce, ed io col mio compagno che guardiamo con spavento questo insolito spettacolo... (Achmatova, 57).*

*Solo il passero **ci** fa compagnia, che vola da un'ala all'altra delle **nostre** stalle (Orelli, 55). Лишь воробьи составляют **нам** компанию, летая из конца в конец **наших** хлебов. (Орелли, 69).*

Наконец, в русском тексте Экспериенсер часто может существовать в коммуникативном ранге Наблюдателя «за кадром», по-прежнему присутствуя в синтаксической структуре итальянского относительного предложения. Ср.:

... *La neve cresce, sono cristalli senza peso che si fondono e si alzano verso il davanzale delle finestre più basse* (Orelli, 21). ... *Снег растет, невесомые кристаллы перемешиваются и поднимаются к подоконникам самых низких окон* (Орелли, 10).

5. Выводы

В работе были рассмотрены итальянские относительные конструкции предикативного типа, вводимые глаголом *esserci*, а также глаголами со значением перцепции и контакта, описывающие ситуацию презентации типа «существует X, который» и «вижу X, который». В системе русского языка данный тип относительных предложений отсутствует. Бытийная составляющая в русском тексте может опускаться, либо — заменяется на сочинительную конструкцию с глаголом местоположения на первом месте. Ситуация перцепции и контакта кодируется в русском тексте изъяснительными предложениями с союзом *как*, а Экспериенсер часто представлен как закадровый Наблюдатель. Паратаксис русского текста контрастирует с поверхностным подчинением в итальянском, где преобладает тенденция к иерархизации элементов когнитивной структуры.

Источники примеров

НКРЯ — Национальный корпус русского языка // www.ruscorpora.ru.

Акунин 1 — Акунин Б. Статский советник. М.: Захаров, 2003.

Акунин 2 — Акунин Б. Азazelь. М.: Захаров, 2003.

Ахматова — Ахматова А. Соч.-я. Том второй. Мюнхен: Междунар. Литер. Сотрудничество, 1968.

Бассани — Бассани Дж. Сад Финци-Контини. М.: Текст, 2008 (пер. с ит. И. Соболевой).

Буццати 1 — Буццати Д. Семь гонцов. М.: Азбука-Классика, 2006 (пер. с ит. Ф. Двин).

- Буццати 2 — Буццати Д. Татарская пустыня. СПб.: Амфора, 1999 (пер. с ит. Ф. Двин).
- Веронези — Веронези С. Сила прошлого. М.: Астрель, 2012 (пер. с ит. В. Лукьянчука).
- Витторини — Витторини Э. Сицилийские беседы. М.: Иностранная литература, 1983 (пер. с ит. С. Ошерова).
- Гинзбург — Гинзбург Н. Дорога в город // Иностранная литература, №2, 2005. С. 145—182 (пер. с ит. А. Маркиной).
- Гроссман — Гроссман В. Повести и рассказы (Фосфор. Жилища. Мама.). М.: Современник, 1989.
- Д'Агата — Д'Агата Дж. Дети Гиппократы. М.: Прогресс, 1967 (пер. с ит. Е. Солоновича).
- Де Карло — Де Карло А. Уто. М.: Слово, 2004 (пер. с ит. Е. Дмитриевой и М. Архангельской).
- Зайцев — Зайцев Б. Мои современники. М.: Русская книга, 1999. С. 161—260.
- Зощенко — Зощенко М. Возвращенная молодость. Собрание соч. в 3 томах. Т. 3. Ленинград, Художественная литература, 1987.
- Нанетти — Нанетти А. Мой дедушка был вишней. М.: Самокат, 2011 (пер. с ит. А. Красильщик).
- Нусинова — Нусинова Н. Приключения Джерика. М.: Самокат, 2006.
- Орелли — Орелли Дж. Год лавины. М.: Текст, 2012 (пер. с ит. Л. Харитоновой).
- Паустовский — Паустовский К. Поэтическое излучение. Повести. Рассказы. Письма. М.: Молодая гвардия, 1976.
- Пелевин — Пелевин В. Желтая стрела. М.: Эксмо, 2009.
- Платонов — Платонов А. Счастливая Москва. М.: Азбука, 2012.

Пратолини — Пратолини В. Семейная хроника. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958 (пер. с ит. Л. Вершинина и З. Потаповой).

Цветы зла — Русские цветы зла: Сб. (Сост. В. Ерофеев). М.: Зебра Е, 2004.

Сказки — Русские народные сказки. М.: Детская литература, 1987.

Скарпа — Скарпа Т. Венеция - это рыба. М.: КоЛибри, 2010 (пер. с ит. Е. Киселева).

Табукки — Табукки. А. Утверждает Перейра. СПб.: Петрополис, 2000 (пер. с ит. Л. Степановой).

Толстая — Толстая Н. Полярные зори. Tolstaja N. Bagliori polari. На итал. и русск. яз. Disseuco, Università degli Studi di Roma “La Sapienza”, 2002 (trad. N. Malinin).

Трифонов — Трифонов Ю. Дом на набережной. М.: Астрель, 2004. С. 8—158.

Тургенев — Тургенев И.С. Turgenev I.S. Стихотворения в прозе. Senilia. На итал. и русск. яз. “Marsilio”, 1996 (trad. S. Garzonio).

Хармс — Хармс Д. Полное собрание сочинений, т. 2. Проза и сценки. Санкт-Петербург, Академический проект, 1997.

Чехов 1 — Чехов А.П. Дом с мезонином. Дама с собачкой. Рассказы. М.: Детская литература, 1973.

Чехов 2 — Чехов А.П. Дядя Ваня. // Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Сочинения тт. 12 — 13, М.: Наука, 1986. С. 61—188.

Чехов 3 — Чехов А.П. Вишневый сад // Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Сочинения тт. 12 — 13, М.: Наука, 1986. С. 195—254.

Шаша — Шаша Л. Винного цвета море: Романы, повести, рассказы. М.: Прогресс, 1982 (пер. с ит. Н. Живаго).

Achmatova — Achmatova A. Le rose di Modigliani. Milano: “il Saggiatore”, 1982 (trad. E. Bazzarelli).

Akunin 1 — Akunin B. Il consigliere di stato, Milano, Frassinelli, 2004 (trad. M. Gallenzi).

Akunin 2 — Akunin B. La regina d'inverno, Milano, Sperling, 2004 (trad. P. Pera).

Bassani — Bassani G. Il giardino dei Finzi-Contini. Mondadori, 1999.

Buzzati 1 — Buzzati D. Sessanta racconti. Mondadori, 1995.

Buzzati 2 — Buzzati D. Il deserto dei tartari. Mondadori, 1999.

Cazzola — Cazzola P. I Russi a Sanremo. Каццола П. Русские в Сан-Ремо. На итал. и рус. языках. Comune di Sanremo, 2005 (пер. с ит. Е. Филатовой).

Cechov 1 — Cechov Anton P. Racconti e novelle vol. 3, U. Mursia & C., Milano, 1963, pp. 1015—1028 (trad. E. Bazzarelli).

Cechov 2 — Cechov Anton P. Racconti, “La biblioteca di Repubblica”, 2004 (trad. F. Malcovati).

Cechov 3 — Cechov A.P. La casa con il mezzanino. La signora con il cagnolino. “Einaudi”, 2001 (trad. G. Gigante).

Cechov 4 — Cechov A.P. Zio Vania. Giulio Einaudi editore s.p.a., Torino, 1991 (trad. A.-M. Ripellino).

Cechov 5 — Cechov A.P. Zio Vania. “BUR”, 1991 (trad. L. Lunari).

Cechov 6 — Cechov A.P. Zio Vania. “Mondadori”, 1982 (trad. G. Guerrieri).

Cechov 7 — Cechov A.P. Zio Vania. “Garzanti”, 1989 (trad. L. Piretto).

Cechov 8 — Čechov A.P. Zio Vania. // Tutto il teatro, U. Mursia & C., Milano, 1962 (trad. G. De Dominicis Jorio).

Cechov 9 — Čechov A.P. Il giardino dei ciliegi, Marsilia, 1991 (trad. Strada Janovic).

Cechov 10 — Čechov A.P. Il giardino dei ciliegi. BUR, 1995 (trad. L. Lunari).

Cechov 11 — Čechov A.P. Il giardino dei ciliegi, Mondadori, 1982 (trad. G. Guerrieri).

Cechov 12 — Čechov A.P. Il giardino dei ciliegi. Garzanti, 1989 (trad. G.P. Piretto).

- Cechov 13 — Čechov A.P. Il giardino dei ciliegi. // Tutto il teatro, U. Mursia & C., Milano, 1962 (trad. G. De Dominicis Jorio).
- Charms — Charms D. Casi. Adelphi, 1990 (trad. R. Giaquinta).
- Collodi — Коллоди, К. Приключения Пиноккио. На итал. и русск. яз. М.: Прогресс, 2002 (пер. с ит. Э. Казакевича).
- D'Agata — D'Agata G. Il medico della mutua. Tascabili Economici Newton, 1993.
- De Carlo — De Carlo A. Uto. Torino, «Einaudi», 2002.
- Fiabe — Fiabe russe, Mosca, “Edizioni Progress”, 1972 (trad. A. Canestri).
- Fiori del male — Fiori del male russi. Antologia. (a cura di V. Erofeev). “Volland”, 2001 (trad. M. Dinelli).
- Ginzburg — Ginzburg N. La strada che va in città. Torino, Einaudi, 2000.
- Grossman — Grossman V. Fosforo. “Melangolo”, 1991 (trad. A. Curletto).
- Nanetti — Nanetti A. Mio nonno era un ciliegio. Einaudi Ragazzi, 2009.
- Nussinova — Nussinova N. Il diritto di amare un cane. Milano, “Rizzoli oltre”, 2008 (trad. C. Balistreri).
- Orelli — Orelli G. L'anno della valanga. Bellinzona, Edizioni Casagrande, 1991.
- Paustovskij — Paustovskij K. Romanzi e racconti 2. “Editori Riuniti”, 1984 (trad. L. Costantini, S. Prina, P. Zveteremich).
- Pelevin — Pelevin V. La lanterna blu. Mondadori, 2002 (trad. G. Perugini).
- Platonov — Platonov A. Mosca felice. Adelphi, Milano, 1996 (trad. O. Discacciati e S. Vitale).
- Pratolini — Pratolini V. Cronaca familiare. Milano, Mondadori, 1991.
- Scarpa — Scarpa T. Venezia è un pesce. Milano, Feltrinelli, 2000.
- Sciascia — Sciascia L. Il mare colore del vino. Adelphi, 1996.
- Tabucchi — Tabucchi A. Sostiene Pereira. Milano, Feltrinelli, 2000.

Trifonov — Trifonov Ju. La casa sul lungofiume. Editori riuniti, 1997 (trad. V. Constantini).

Veronesi — Veronesi S. La forza del passato. Milano, Bompiani, 2009.

Vittorini — Vittorini E. Conversazione in Sicilia, BUR, 1986.

Zajcev — Zajcev B. I miei amici scrittori. Venezia, “Cafoscarina”, 1992 (trad. R. Baffi).

Zoscenko — Zoscenko M. La gioventù ritrovata. Milano, Lucarini, 1989 (trad. G. Kraiski).

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М.: Наука, 1976.
2. Арутюнова Н.Д. Ширяев Е.Н. Русское предложение. Бытийный тип. М.: Русский язык, 1983.
3. Борщев В.Б. Парти Б.Х. О семантике бытийных предложений // Семиотика и информатика Вып. 37. М.: ВИНТИ, 2002. С. 59—77.
4. Гак В.Г. Беседы о французском слове. М.: УРСС, 2004.
5. Говоруха Р.А. Об одном случае семантического связывания в русском и итальянском языках // *Contrastes. Etudes de linguistique slavo-romane*. Edizioni dell’Orso, Alessandria, 2019, С.131—146.
6. Кибрик А.Е. Лингвистическая реконструкция когнитивной структуры // Вопросы языкознания, 4, Москва, 2008. С. 5—77.
7. Кузьмина И.Б., Немченко Е.В. К вопросу об употреблении «есть» в русских говорах // Материалы и исследования по общеславянскому лингвистическому атласу. М., 1968. С. 144—170.
8. Падучева Е.В. О семантическом подходе к синтаксису и генитивном субъекте глагола БЫТЬ // *Russian Linguistics* 16, 1992. С. 53—63.
9. Падучева Е.В. Наблюдатель как Эксперимент «за кадром» // Слово в тексте и в словаре. Сборник статей к семидесятилетию академика Ю.Д. Апресяна. М.: Языки

русской культуры, 2000. С. 175—201.

10. Холодилова М.А. Относительные придаточные. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. На правах рукописи. 2014 // <http://rusgram.ru>.
11. Andrews A. Relative clauses // T. Shopen (ed.) *Language typology and syntactic description*. 2nd ed. V. 2: Complex constructions. Cambridge, 2007. P. 206—236.
12. Berretta M. Ordini marcati dei costituenti di frase in italiano. La frase scissa // «*Vox romanica*», 53, 1994. P. 79—105.
13. Berruto G. Un tratto sintattico dell'italiano parlato: il c'è presentativo. // *Parallela 2. Aspetti della sintassi dell'italiano contemporaneo*, Tübingen, Narr, 1984. P. 61—73.
14. Keenan E. Relative clauses // Shopen T. (ed.). *Language typology and syntactic Description*, V. 2: Complex constructions. Cambridge, 1985. P. 141—170.
15. Cinque G. La frase relativa // Renzi, L. (a cura di), *Grande grammatica italiana di consultazione*. Vol. I, il Mulino, Bologna, 1988. P. 443—503.
16. De Cesare A.-M. Sul cosiddetto 'c'è presentativo'. Forme e funzioni // *Lessico, grammatica, testualità*, «*Acta Romanica Basiliensia*» № 18, 2007. P. 127—153.
17. De Roberto E. *Le relative con antecedente in italiano antico*. Aracne, Roma, 2010.
18. De Vries M. *The Syntax of Relative Clauses*. Ph.D. Thesis. MIT. 2002.
19. Govorukho R. La coesione in italiano e in russo: alcune tendenze nell'espressione dei rapporti di caratterizzazione // *Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis. Studia de Cultura* 9 (1), Krakow, 2017. P. 59—71.
20. Graffi G. Su alcune costruzioni pseudorelative // «*Rivista di Grammatica Generativa*», V 2, 1980. P. 117—139.
21. Lambrecht K. *Prédication seconde et structure informationnelle: la relative de perception comme construction présentative* // «*Langue française*», CXXVII, 2000. P. 49—66.
22. Sensini M. *Grammatica della lingua italiana*. Milano: Mondadori, 1999.
23. Strudsholm E. La «relativa situazionale» tra testo e contesto. Una reinterpretazione della cosiddetta pseudorelativa // *Relative e pseudorelative tra grammatica e testo*, Edizioni dell'Orso, Alessandria, 2007. P. 117—132.

24. Venier F. La presentatività. Sulle tracce di una nozione. Edizioni dell'Orso, Alessandria, 2002.

Relative presentative constructions in Italian text and their Russian equivalents

R.A. Govorukho (Russian State University for the Humanities)

In this article, the author uses the corpus of parallel texts to study Italian relative predicative constructions introduced by the verb *esserci* or verbs with meanings of perception and contact. In the Russian text such constructions are expressed by syntactically simple sentences with an implicit existential aspect or by parataxic constructions with coordinating conjunctions or asyndetic coordination. In contrast, Italian tends to hierarchize elements of cognitive constructions and employ a higher level of textual cohesion. Russian text prefers to code fragments of meaning in the form of implications.

Keywords: Translation, contrastive analysis, relative predicative clause, text cohesion, subordination / coordination, Russian, Italian.

Новые типы прагматических жестов головы —

Pragmatic center и Pragmatic away

А.А. Евдокимова (Институт языкознания РАН)

Аннотация

На материале русскоязычного мультимедийного корпуса RUPEX («Рассказы и разговоры о грушах»)¹ при аннотации цефалического канала² в программе ELAN³ в #22 записи (в трех видеофайлах испытуемых — рассказчика, пересказчика, комментатора; общей длительностью около 54 с половиной минут) нами были выявлены два новых типа прагматических жеста — Pragmatic center и Pragmatic away. Особенность этих типов жестов в том, что они представляют собой две разные стратегии переключения внимания слушающего на другой кинетический канал говорящего, например мануальный.

Ключевые слова

Мультимедийная лингвистика, устная коммуникация, жестикация, жесты головы, прагматические жесты.

Анализ мультимедийной или мультимедийной коммуникации в последнее время привлекает все больше исследователей [2; 6; 8; 21; 30; 32]. В центре внимания данной статьи оказывается цефалический канал, в который входят все движения и перемещения головы, в том числе эхового характера и связанные с перемещением других частей тела. Анализ цефалического канала был осуществлен на базе разметки записей русскоязычного мультимедийного корпуса RUPEX («Рассказы и разговоры о грушах»), производившегося нами в программе ELAN по принципам, описанным в мануале (см. подробнее [25]). Для типологии жестов головы при разметке мы использовали функциональные типы,

¹ Подробнее см. сайт проекта www.multidiscourse.ru и [24].

² Производилась по принципам, изложенным в мануале [25].

³ См.: tla.mpi.nl/tools/tla-tools/elan.

описанные для других кинетических каналов, в частности мануального, и представленные в работах [16; 28; 30; 1; 3]. Для определения прагматических жестов и их анализа мы опирались на положения, изложенные в их описаниях как pragmatic [24], interactive y [11], recurrent [31], performative or discursive [7] и собственно, прагматических [1, 18—19] и [33, 7].

Статья построена следующим образом. В первом разделе рассматривается вопрос о невербальном проявлении внимания слушающего и влиянии его на кинетические действия говорящего. Во втором разделе разбираются особенности прагматических жестов головы. В третьем описываются два новых подтипа прагматических жестов, характерных для цефалического канала, которые мы выявили в процессе аннотирования #22 записи корпуса (в трех видеофайлах испытуемых — рассказчика, пересказчика, комментатора; общей длительностью около 54 с половиной минут).

1. Проблема невербального выражения внимания слушающего и вопрос о его влиянии на действия говорящего

При анализе литературы Е.А. Гришина [1, 486] выделила на основе описанного в работах коллег и собственных наблюдений две стратегии поведения слушающего и его отношения к жестам говорящего: «1. Слушающий в ходе диалога смотрит, в основном, на говорящего <...>⁴; исследования с помощью трекеров показали, что порядка 90—95% времени слушающий смотрит говорящему в лицо <...>⁵. 2. Слушающий часто следует за направлением взгляда говорящего, если говорящий осуществляет референтный (фиксированный) взгляд за пределы коммуникативного пространства диалога <...>⁶».

Как мы видим из описания поведения слушающего, большую часть времени он внимательно следит за говорящим. На это влияют и другие аспекты коммуникации, не только сама речь говорящего и его невербальные компоненты. Как пишет Е.А. Гришина [1, 487], вслед за С. Дункан [15], рассматривая поведение говорящего и его стратегии использования взгляда в разговоре, изменение направления взгляда говорящего может вы-

⁴ Далее Е.А. Гришина ссылается на [9; 10; 12; 17; 22; 23; 26].

⁵ Далее Е.А. Гришина ссылается на [18; 19]

⁶ Далее Е.А. Гришина ссылается на [14; 20].

ступать сигналом для слушающего в передаче ему реплики. Влияние этого фактора на поведение слушающего и говорящего зависит также от степени их знакомства, о чем подробнее написано в работе Дж. Битти [13]. Д. Новик в своей статье с соавторами [34] привел наиболее распространенные модели поведения движения взглядов на границе реплик, а именно: 1) взаимный разрыв (*mutual-break*) и 2) взаимное удержание (*mutual-hold*).

Совокупность этих фактов не может не сказаться на поведении самого говорящего и стратегиях, которые он выбирает при жестикуляции и при желании акцентировать внимание слушающего на том или ином кинетическом канале. Как показало окуломоторное исследование О.В. Федоровой других записей RUPEX корпуса и той же #22 записи [5, 637—645; 4, 98—118] в большинстве случаев слушающие смотрят на говорящего и только иногда на комментатора и окружение. Однако в указанных данных не учитываются материалы по комментатору, так как на нем не было надето айтрекера, чтобы произвести соответствующие подсчеты.

О.В. Федорова и И.Ю. Жердев в результате своих исследований нашего мультисканального корпуса выявили следующие закономерности, характерные для окуломоторного поведения участников в зависимости от их ролей: «I. Общие закономерности: а) Рассказчик чаще смотрит на собеседника, когда слушает его, чем когда сам говорит; б) независимо от степени вовлеченности Комментатора в процесс обсуждения, фиксации на его лице короче, чем фиксации на лице Пересказчика. II. Контекстно-зависимые закономерности: а) Рассказчик смотрит на Комментатора только на этапе разговора; б) на этапе пересказа Рассказчик большую часть времени смотрит на Пересказчика. III. Индивидуальные закономерности: а) когда Рассказчик молчит, его фиксации на собеседнике длиннее, чем когда он говорит» [4, 102].

Как мы видим из этих выявленных коллегами закономерностей, часть из них обусловлена ролями испытуемых. В то же время независимо от ролей, большая часть фиксаций взгляда происходит на лицах других участников разговора. Таким образом, представляется, что такая традиционная в русской культуре фиксация взгляда на лице собе-

седника учитывается говорящим в процессе его речи и влияет на его невербальное поведение.

2. Прагматические жесты в цефалическом канале и их особенности

Е.А. Гришина в своей книге [1, 136], описывая необходимые условия для понимания указательных жестов головы, указывает на понятия *зона коммуникации*, *зона видимости* и *зона невидимости* и предлагает все жесты головы анализировать с учетом этих зон. Если мы рассмотрим расположение участников друг относительно друга в #22 записи (Рис.1), то нужно отметить, что у каждого из них есть две зоны коммуникации до появления слушателя, а с его появлением возникает третья.

Рис. 1. Расположение участников друг по отношению к другу в #22 записи. Пересказчик сидит напротив комментатора и нарратора, комментатор ближе к зрителю.

Эти две зоны частично пересекаются только у пересказчика, поэтому жесты-регуляторы головы этого испытуемого имеют меньшую амплитуду, чем у рассказчика и комментатора. У них же они чаще представлены поворотами головы большей амплитуды, поскольку они сидят рядом друг с другом, в отличие от пересказчика, который сидит напротив них. Другая важная особенность #22 записи заключается в том, что все три участника очень хорошо знакомы друг с другом. Этот факт позволяет выделить данную запись среди прочих и говорить о представленных в ней тенденциях кинетического поведения, которые возникают под влиянием близкого знакомства испытуемых.

При анализе и типологизации жестов в цефалическом канале мы пользуемся пониманием прагматических жестов, которое приведено в работах Ю.В. Николаевой для мануального канала [3, 6—12] и Е.А. Гришиной для жестов головы [1, 18—19]. При анализе жестов головы, произведенном для #22 записи, было выявлено, что большая часть жестов в этом канале являются прагматическими. Такое распределение жестовых типов отчасти обусловлено положением головы по отношению к другим кинетическим каналам. При этом для головы, в отличие от рук, возможен переход функционального типа внутри фаз одного жеста, так мах может быть указательным, а подготовка или ретракция прагматической. Сочетание функциональных типов может быть и в любой другой последовательности внутри одного жеста. В то же время некоторые из жестов головы часто соединяют в себе несколько функций и могут быть одновременно и прагматическими, и указательными, или прагматическими с побудительным смыслом и регуляторами. Поэтому при анализе движений головы для классификации и категоризации жестов можно опираться на предложение Д. Мак-Нилла [30, 41] различать характеристики жестов вместо типов. На данном этапе исследования мы предпочитаем при аннотировании выделять основной тип жеста, указывая его первым в классификации, и добавочную характеристику писать через знак +. В случае затруднений с определением ведущего типа жеста, оба типа указываются через «/».

Таким образом, можно сказать, что прагматические жесты головы имеют свои особенности, которые требуют отдельного и более детального изучения, так как часто их функционал обусловлен более тесным, чем у мануального канала взаимодействием с другими каналами, вербальными и кинетическими.

3. Новые подтипы прагматических жестов головы

При аннотировании корпуса мы столкнулись с жестами, которые нельзя классифицировать как указательные или как прагматические в побудительном значении, как предлагает Е.А. Гришина [1, 138]. По всем признакам это оказалась отдельная группа прагматических жестов, связанных с положением головы среди других кинетических каналов в коммуникации и ее ролью как медиатора коммуникации. Особенность этих же-

стов в том, что они представляют собой две возможные и отчасти противоположные стратегии говорящего привлечь, в том числе и зрительное внимание слушающего к тем жестам, которые в этот момент осуществляются говорящим в других каналах, например, в мануальном. Мы условно назвали их **Pragmatic center** и **Pragmatic away** по направлению движения головы относительно центральной оси корпуса говорящего, а также центра зоны коммуникации и жестикуляционного пространства [29, 86].

Pragmatic center — полное наложение зоны видимости на зону коммуникации и выстраивание головы и тела по центральной оси так, чтобы ничто не отвлекало слушающего и смотрящего от рук говорящего. Иногда входящие в этот жест движения бывают малой амплитуды, и могут быть представлены серией жестов, которые также можно было бы назвать аккомодаторами, если бы не нарочитый характер этого выравнивания.

Pragmatic away — изменение зоны видимости, как бы выведение головы из зоны коммуникации, чтобы голова не отвлекала слушающего от рук говорящего, которые жестикулируют в зоне коммуникации. Часто это не просто изолированный поворот средней или большой амплитуды, но он может быть соединен с поднятием головы вверх или другими движениями, осуществленными для смены направления. При этом, поскольку не происходит изменения зоны коммуникации, этот жест нельзя назвать регулятором. Также он отличается и от указательных жестов со сложной траекторией. После него возврат в исходное положение головы либо не происходит до конца жестовой реплики рук, либо происходит через несколько серий других жестов.

При этом оба подтипа жестов могут выступать как независимо, так и объединяться и использоваться говорящим в паре, получая при таком объединении дополнительную указательную функцию. Каждый из жестов может состоять из одного движения или из серии движений, которые могут быть повторяющимися малоамплитудными или разнонаправленными, создающими сложную траекторию.

Рассмотрим на примерах:

Рис. 2. Pragmatic center у нарратора, состоит из двух движений (TurnLeft и TurnRight) на словах *багажник и*. В начале жеста руки в состоянии покоя, потом голова сопровождает жест правой руки и в конце центрируется, а рука продолжает жестикулировать.

Рис. 3. Pragmatic away у нарратора. Голова сдвигается влево (SlideLeft) на словах *что он просто*, освобождая руке пространство, в начале жеста руки в состоянии покоя, с середины правая рука начинает движение.

Рис. 4. Pragmatic center + Pragmatic away у нарратора на словах *другие два еще*. Голова поворачивается вправо и центрируется по отношению к корпусу (TurnRight), а потом продолжает движение (TurnLeft) и как бы «убирает себя» из фокуса слушающего. Правая рука жестикулирует все время этого маневра головы.

Рис. 5. Pragmatic center у комментатора на словах *у него* состоит из двух движений (Down и TurnRight). Голова оказывается ровно между двумя жестикулирующими руками.

Рис. 6. Pragmatic away у комментатора на словах *который сидит* (TiltLeft и Down), голова убирается, освобождая левой руке место для жестикуляции.

Рис. 7. Pragmatic center у пересказчика. Состоящий из двух движений (Down и TiltLeft), приходится на слова *девочка которая*. В начале жеста руки в состоянии покоя, с середины руки начинают движение.

Рис. 8. Pragmatic away у пересказчика. Голова наклоняется налево (TiltLeft), в сторону от жестикулирующей руки, на словах *на лестницу*.

В дальнейшей работе предполагается проверить, насколько часто появляются выделенные два новых подтипа прагматических жестов в других записях мультимедийного корпуса RUPEX, и описать все особенности их функционирования и взаимодействия с другими каналами.

Источники:

Мультимедийный корпус // www.multidiscourse.ru

Литература:

1. Гришина Е.А. Русская жестикация с лингвистической точки зрения. М: Издательский дом ЯСК: Языки славянской культуры, 2017.
2. Кибрик А.А. Русский мультимедийный дискурс. Часть II. Разработка корпуса и направления исследований // Психологический Журнал, № 39 (2), 2018. Р. 78—89.
3. Николаева Ю.В. Иллюстративные жесты в русском дискурсе. Дисс. на соискание степени кандидата филол. наук. М., 2013.
4. Федорова О.В., Жердев И.Ю. Следи за руками собеседника! (о стратегиях распределения зрительного внимания) // Экспериментальная психология, № 12 (1), 2019. С. 98—118. doi:10.17759/exppsy.2019120108.
5. Федорова О.В., Кибрик А.А. Общее, индивидуальное и контекст в мультимедийной коммуникации // Когнитивные исследования языка, № 33, 2018. С. 637—645.
6. Abuczki Á., Ghazaleh E. B. An overview of multimodal corpora, annotation tools and schemes // Argumentum № 9, 2013. P. 86—98.
7. Alamillo R.A., Colletta, J.-M., & Guidetti, M. Gesture and language in narratives and explanations: The effects of age and communicative activity on late multimodal discourse development // Journal of Child Language, № 40(3), 2013. P. 511—538. doi:10.1017/s0305000912000062.
8. Allwood J. Multimodal Corpora // Lüdeling A., Kytö M. (eds). Corpus Linguistics. An International Handbook. Berlin, 2008. P. 207—225.
9. Argyle M., Cook M. Gaze and Mutual Gaze. Cambridge et al.: Cambridge University Press, 1976.

10. Argyle M., Graham J.A. The Central Europe experiment: Looking at persons and looking at things // *Journal of Environmental Psychology and Nonverbal Behavior*. No 1. 1976. P. 6—16.
11. Bavelas, J.B., Chovil, N., Lawrie, D., & Wade, A. Inter-active gestures // *Discourse Processes*, № 15(4), 1992. P. 469—489. doi:10.1080/01638539209544823.
12. Bavelas J.B., Coates L., Johnson T. Listener responses as a collaborative process: The role of gaze // *Journal of Communication*. № 52. 2002. P. 566—580.
13. Beattie G. The role of language production processes in the organization of behavior in face-to-face interaction // Butterworth B. (ed.). *Language Production*. London, 1980. P. 69—107.
14. Driver J., Davis G., Ricciardelli P., Kidd P., Maxwell E., Baron-Cohen S. Gaze perception triggers reflexive visuospatial orienting // *Visual Cognition*, № 6, 1999. P. 509—540.
15. Duncan S. Some signals and rules for taking speaking turns in conversations // *Journal of Personality and Social Psychology*, № 23, 1972. P. 283—292.
16. Ekman P., Friesen W.V. The repertoire of nonverbal behavior: categories, origins, usage and coding. // *Semiotica*, №1, 1969. P. 49—98.
17. Fehr B. J., Exline R. V. Social visual interaction: A conceptual and literature review // Siegman A. W., Feldstein S. (eds.). *Nonverbal behavior and communication*. New York, 1987. P. 225—326.
18. Gullberg M., Holmqvist K. Keeping an eye on gestures: Visual perception of gestures in face-to-face communication // *Pragmatics and Cognition*, № 7, 1999. P. 35—63.
19. Gullberg M., Holmqvist K. What speakers do and what listeners look at. Visual attention to gestures in human interaction live and on video // *Pragmatics and Cognition*, № 14, 2006. P. 53—82.
20. Gullberg M., Kita S. Attention to Speech-Accompanying Gestures: Eye Movements and Information Uptake // *Journal of nonverbal behavior*, № 33(4), 2009. P. 251—277.

21. Karpiński M., Jarmołowicz-Nowikow E., Czoska A. Gesture annotation scheme development and application for entrainment analysis in task-oriented dialogues in diverse cultures // Proceedings of GESPIN 2015 Conference, Nantes, France, 2015. P. 161—166.
22. Kendon A. Some context for context analysis: A view of the origin of structural studies of face-to-face interaction // Kendon A. Conducting interaction: Patterns of behavior in focused encounters. Cambridge: 1990. P.15—49.
23. Kendon A. Conducting Interaction. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
24. Kendon A. Gesture: Visible Action as Utterance. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
25. Kibrik A. A., Fedorova O. V. (eds.) The MCD handbook: A practical guide to annotating multichannel discourse. Moscow, 2020.
26. Kleinke C. L. Gaze and eye contact: A research review // Psychological Bulletin, № 100. 1986. P. 78—100.
27. Knight D. A multimodal corpus approach to the analysis of backchanneling behavior. PhD thesis, The University of Nottingham, June 2009.
28. McClave E.Z. Linguistic functions of head movements in the context of speech // Journal of Pragmatics, № 32, 2000. P. 855—878.
29. McNeill D. Hand and Mind: What Gestures Reveal about Thought. Chicago: University of Chicago Press, 1992.
30. McNeill D. Gesture and thought. Chicago: University of Chicago Press, 2005.
31. Müller C., Bressemer J., Ladewig S. Towards a grammar of gestures: A form-based view. // Müller C., Cienki A., Fricke E., Ladewig S. H., McNeill D., Bressemer J. (Eds.). Body – Language – Communication: An international Handbook on Multimodality in Human Interaction. (Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft (HSK); Vol. 38, No. 1). Berlin: De Gruyter Mouton, 2013. P. 707—733
32. Müller C., Cienki A. J., Fricke E., Ladewig S., McNeill D., Bressemer J. (Eds.) Body – Language – Communication: An International Handbook on Multimodality in Human

Interaction. (Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft (HSK); Vol. 38, No. 2). Berlin: De Gruyter Mouton. 2014.

33. Nikolaeva Julia V. Pragmatic Gestures in Russian Retellings of “The Pear Stories”// The Russian Journal of Cognitive Science, № 4 (2–3), 2017. P. 6—12.

34. Novick D. G., Hansen B., Ward K. Coordinating turn-taking with gaze // Proceeding of Fourth International Conference on Spoken Language Processing. ICSLP’96, Philadelphia, PA, USA, 1996. Vol. 3. Pp. 1888—1891. doi: 10.1109/ICSLP.1996.608001.

Pragmatic center and Pragmatic away: new types

of pragmatic head gestures

A.A. Evdokimova (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

The paper deals with the Russian multichannel discourse and is based on the data of the Russian multichannel corpus RUPEX. During the annotation of the cephalic channel in the #22 recording (three video files featuring a narrator, a reteller and a commentator and lasting approximately 54.5 minutes) two new types of pragmatic head gestures were revealed and dubbed *Pragmatic center* and *Pragmatic away*. These types of gestures differ from the other types by the fact that they are two different strategies for switching the listener's attention to another speaker's kinetic channel, for example, manual.

Keywords: Multichannel linguistics, oral communication, gesticulation, head gestures, pragmatic gestures.

**Принцип визуализации в сфере специализированного терминообразования
(на материале русско-английских переводных эквивалентов)**

А.К. Зотова (Институт языкознания РАН)

Аннотация

В статье рассматриваются примеры специальной терминологии ряда естественно-научных и гуманитарных дисциплин. Основное внимание уделяется моделям, созданным на основе принципа визуализации, их синонимам и русско-английским эквивалентам. Работа основана на современном фактическом материале и может представлять интерес для специалистов в области прикладной лексикографии, а также использоваться в лингводидактических целях.

Ключевые слова

Визуализация, специализированная терминология, терминообразование, языки мира.

Термин *визуализация* все чаще появляется в научных публикациях в самом разном контекстном окружении. Нас будут интересовать два из них. Первый — это визуализация в значении английского термина *imaging*. Одним из наиболее характерных научных контекстов, в которых этот термин функционирует, является сфера современных медицинских технологий — *medical imaging* ‘медицинская визуализация’, в частности *magnetic resonance imaging*, *nuclear medicine functional imaging* и др. Не вдаваясь в детали огромного разнообразия и специфики отдельных дисциплин, выделим главное: с помощью этого термина описываются технические приемы, процесс или результат операций и процедур. Это создает удобные для зрительного наблюдения и анализа формы представления происходящего внутри организма человека, например, в процессе эндоскопии. В первую очередь речь идет об использовании рентгенографии, радиографии, инфракрасного, теп-

лового излучения, ультразвуковых, магнитно-резонансных и целого ряда других медицинских технологий получения изображений для диагностики патологий. В последнее время развивающейся областью неинвазивной противоопухолевой нанотерапии становится *тераностика*, объединяющая диагностику и терапию с помощью новых фармацевтических препаратов или процедур с целью уменьшения травмирующего воздействия на организм больного (от греческого *therapeia*, прошедшего стадию новолатинского *therapia* ‘терапия’ и греческого *diagnostics* ‘диагностика’). Одним из наиболее ярких примеров медицинской визуализации является телекоммуникационная медицина, позволяющая проводить диагностические исследования, искать коллегиальные решения и осуществлять сложнейшие хирургические манипуляции дистанционно.

Другим примером функционирования термина *визуализация* является сфера психологии, когнитивных дисциплин, а также естественные, математические и многие другие области знаний. В данном случае речь идет об английском термине *visualization*. В самой широкой трактовке — это привлечение образности в качестве самостоятельного или дополнительного инструмента при взаимодействии с ментальной или интеллектуальной сферами деятельности человека, например, *creative visualization* ‘созидающая/управляемая визуализация’, *graphic data visualization* ‘инфографика’, *interactive visualization* ‘интерактивная визуализация’ и др.

В настоящей статье мы сосредоточимся на анализе одного из типов терминологии — терминов, созданных на основе принципа визуализации. В этом смысле имеет место синтез обеих приведенных выше трактовок термина *визуализация*. С одной стороны, с помощью терминов этого типа специалисты стремятся представить в наглядной форме исследуемые ими сложные и ненаблюдаемые микро-, нано- и гораздо менее размерные объекты или явления. С другой стороны, им приходится апеллировать к воображению и использовать оптические образы, которые могли бы характеризовать особенности этих объектов и явлений. Одновременно статья продолжает серию исследований особенностей и современных тенденций в области научной и научно-технической терминологии, начатых в предшествующих публикациях автора [3; 4; 5].

В настоящей работе мы хотим расширить круг примеров и более внимательно присмотреться к лексическим компонентам и морфолого-синтаксическим типам терминологических моделей. Главным критерием выбора материала является оптическая образность, составляющая основу термина, определяющая его специфику и проблемы, связанные с подбором переводного эквивалента. Особый интерес представляет вопрос о причинах все более активного использования принципа визуализации в специализированной научной лексике и о связях с аналогичными тенденциями в других областях, в частности в медийной и информационной сферах, таких как компьютерная графика или интерактивные телекоммуникация.

В подавляющем большинстве случаев приведенные примеры взяты из современных публикаций на английском языке, в которых описываются исследования, проводимые в крупнейших научных центрах с привлечением специалистов из разных стран. В одном из типичных примеров соавторства можно встретить до 20 имен исследователей из 8—12 университетов США, Китая, Швейцарии, Индии, Японии и других стран.

Тематический диапазон включает в себя исследования в таких областях как химическая медицина, биохимия, молекулярная биология, биофизика, химия полимеров, физика полимеров, квантовая, статистическая физика, термодинамика, теория вероятностей и случайные процессы, топология и др. Иногда тематика бывает настолько узкоспециализированной, что трудно найти текст, который был бы написан носителями эталонного британского стандарта английского языка. В целом, языковой материал этих публикаций представляет собой классический образец *international* или *global English* то есть ‘международного английского’, в котором закрепляются и получают дальнейшее развитие тенденции к унификации и универсализации терминологических моделей. Одной из этих тенденций является использование специальной терминологии, создаваемой на основе принципа визуализации, то есть не путем вербального описания отдельных признаков и свойств, а с помощью графического или образного представления исследуемых объектов с привлечением общеупотребительной лексики.

В предыдущих публикациях мы уже отмечали частотность использования бытовой лексики в составе многокомпонентных терминологических сочетаний в английском языке: *jacketed reactor* т.е. ‘реактор с рубашкой’ в сфере промышленных химических технологий, *riding atom*, переводимый на русский язык как ‘атом-наездник’, *apronectomy* — ‘апронэктомия’ (от английского *apron* — ‘фартук’ и *ectomy* — ‘удаление’, восходящего к греческому этнониму) и его профессиональный синоним ‘удаление фартука’ в пластической хирургии [4, 141—142]. Но в данном случае нас интересует не сам по себе факт использования общезыковой или бытовой лексики, а содержание и характер создаваемых с ее помощью образов, то есть собственно изобразительный потенциал этих терминов. Описываемые ими объекты сложны, многоаспектны и многомерны, поэтому их визуальное представление выходит за рамки возможностей обычной, например, акустической метафоры типа *шипящая* = *первая* или *свистящая* = *вторая аккомодация* с их более сдержанными устойчивыми английскими эквивалентами ‘Slavic I Palatalization’ и ‘Slavic II Palatalization’ в палеославистике [10, 109]. Простота и степень наглядности терминов, создаваемых на основе принципа визуализации, делает их емкими, однозначно понимаемым и универсальными.

Из ряда характерных терминологических словосочетаний с использованием бытовой лексики — *DNA hairpin* ‘шпилька ДНК’, *Mexican hat* ‘мексиканская шляпа’, *braid group* ‘группа кос’, *bottle-brush polymer* ‘полимерная щетка’ *bamboo-type nanotube* ‘нанотрубка бамбукового типа’, *China-lantern complex* или его денотатный синоним *paddle-wheel* ‘комплекс в виде китайского фонарика/гребного колеса’ и т.п. — выберем термин *two-legged piano-stool geometry* ‘геометрия «стул для пианино»’. С точки зрения структуры мы имеем дело с терминологическим словосочетанием, состоящим из трех компонентов — сложного прилагательного и двух существительных, первое из которых в свою очередь двусоставно. Функционально компоненты этого словосочетания образуют атрибутивный комплекс, который называется *noun chain* — ‘определятельная цепочка существительных’ или ‘определятельный ряд существительных’ и в котором каждый член характеризует признак соседнего, в данном случае последующего, компонента. Особый ин-

терес представляет лексический состав и потенциальные средства его передачи с помощью русского эквивалента. Существительное *geometry* ‘геометрия’ представляет собой термин с вполне устоявшимся набором значений, основным из которых является общенаучный термин — название науки. Высокочастотным можно считать использование этого термина в составе словосочетаний, построенных на основе метонимии, с переносом значения родового понятия на видовое. В таких случаях при переводе можно конкретизировать значение термина с помощью выбора соответствующего эквивалента из иерархического ряда по шкале общее — частное, что в принципе вполне типично для практики перевода с английского языка на русский. Следует отметить, однако, что в последнее время такие замены происходят все реже и реже, и в научных текстах закрепляется тенденция передачи общенаучных терминов с сохранением соответствующих однотипно структурированных метонимических моделей. В большинстве случаев специалисты скорее всего сохранят более общий термин, и в качестве его русского эквивалента будет фигурировать слово *геометрия*, а не *структура*, например. Вернемся к атрибутивной части этого сложного термина — *a two-legged piano-stool* ‘стул для пианино’. В данном случае перевод не вполне корректен, поскольку английское существительное *stool* означает ‘табурет(ка)’, ‘скамья’ или ‘подставка’, ‘столбик’ ‘опора’ [B; LS; LU], а не только ‘стул’, что в данном случае имеет принципиальное значение для адекватной передачи создаваемого зрительного образа. Кроме того, исходный термин сокращен за счет удаления громоздкого прилагательного. Такая вынужденная мера упрощения бывает необходима и часто используется при переводе многокомпонентных терминов. Например, конструкция *twisted-boat molecule conformation* приобретает вид *twist-boat conformation*, а затем еще более компактный вариант *twist-boat*, которому в русскоязычной литературе соответствуют термины ‘изогнутая лодка’ или ‘твист-форма’. Если первый из них — просто калька, то во втором мы имеем образец сразу нескольких преобразований при переводе: 1) транслитерация *twist* → твист, 2) метонимическое расширение *лодка* → *форма*’, которое сопровождается заменой бытовой лексики на общенаучную, и 3) агглютинативное соединение основ, написанное через дефис.

Во многих других случаях термины, включающие в себя метафоризированные элементы на базе английской общеупотребительной лексики, не имеют лаконичных терминологических соответствий в русском языке и могут быть переведены только с помощью интерпретирующих описательных эквивалентов, например, *nutshell graph* — ‘ненаправленный/неориентированный (квантовый) граф’ или *неорграф* в профессиональном подязыке (теория графов). Принятый в настоящее время в химии термин *one-pot protocol* может выглядеть как ‘однореакторный синтез’ или ‘метод синтеза без выделения промежуточных продуктов’, *click-chemistry* ‘клик-химия’ — концепция надёжных и простых модульных химических реакций.

Во избежание перегруженности текста, создаваемой такими конструкциями, специалисты стремятся упростить и унифицировать научную терминологию, в частности, с помощью синтаксического калькирования иноязычных, преимущественно английских и немецких, конструкций. При переводе английской атрибутивной структуры *прилагательное + существительное* предпочтение отдается однотипной синтаксической структурной модели, которая начинает преобладать над парой *существительное + существительное в родительном падеже*, например: *reactional conditions* в значении ‘условия реакции’ в химии или *nominal and verbal morphology* в значении ‘морфология имени и глагола’ в языкознании [4, 189; 5, 142]. Еще один пример структурной кальки можно привести из области медицины — термин *coronavirus* ‘коронавирус’ и возникающие на его основе и сходные с ним по форме квазитермины типа *coronacrisis* ‘коронакризис’ и др. Первое, что бросается в глаза, это словообразовательная модель, основанная на принципе морфолого-синтаксического калькирования, а именно сложения основ по агглютинативному типу вопреки правилам словосложения в русском языке с помощью соединительных гласных, в данном случае гласной *-o-*. Примеры такого типа множатся постоянно, не только в сфере фармацевтики, например в названиях лекарственных препаратов типа *Фибрапласт*, но и в специальной терминологии экономических, социетальных исследований и естественнонаучных дисциплин.

Унификация может осуществляться путем замены отдельных аффиксальных элементов на более общие и универсальные. Так в составе сложного английского термина на основе современной общенаучной лексики *non-network polymer* ‘неразветвленный полимер’ функцию отрицания берет на себя префиксальная частица *non-* при наличии устоявшихся синонимов прилагательного *unbranched* или *unramified* ‘неразветвленный’, закрепленных в специальных словарях [LU; LS; BD].

При подборе русского переводного эквивалента наблюдаются ослабление доминанты терминообразовательных моделей на базе греко-латинских элементов, более частые замены переводов специальных научных терминов на калькированные, образные многокомпонентные и разнородные по морфологической структуре эквиваленты.

В случае терминологических лакун, то есть при отсутствии терминов, морфологически и структурно близких и регулярно употребляющихся в профессиональном узусе, поиски продолжаются вплоть до полного отказа от русскоязычного эквивалента, например как в случае словосочетаний с участием компонента *push-pull* ‘двухтактный’ [LHD; LU]. Только в английском толковании этого словосочетания говорится о том, что это: 1) прилагательное, 2) относящееся к электронике и 3) описывающее что-либо не только как двухфазное, но разнонаправленное, т.е. ‘*противофазное*’ (*adjective, Electronics, operated by pushing and pulling ■ having or involving two matched valves or transistors that operate 180 degrees out of phase...*) [OD]. К сожалению, ни один из двуязычных англо-русских словарей не содержит близкого варианта, что ставит этот случай в ряд других безэквивалентных терминоэлементов, при переводе которых каждый раз необходим специальный контекстный перевод. В нашем случае словосочетанию *push-pull nature* соответствует русский аналог ‘противофазная природа’, но в других текстах можно обнаружить ‘пушпульный’ или воспроизведенный в оригинальном виде *push-pull* в препозиции к определяемому существительному. Если первый из этих вариантов представляет собой образец ‘профессионального просторечия’ [11, 71], то второй иллюстрирует новый тип комбинированной двуязычной терминообразовательной модели в русском языке.

Еще одна универсальная модель, которая все чаще проникает в научный обиход из сферы рекламы и массовой коммуникации и используется в технической или естественнонаучной сфере, это так называемые термины-цифrogramмы и типограммы, включающие в свой состав числовые или буквенные символы в качестве самостоятельной или дополнительной атрибутики на основании сходства графических, зрительных или акустических характеристик [5, 142—143].

В ряде случаев, однако, при переводе встречаются стилистические расхождения, которые влекут за собой изменения не только на уровне морфологии отдельных терминологических моделей, но и в научном тексте в целом. В одной из программ по изучению социально-экономических проблем народонаселения обнаруживаются предложения типа *We need ... to revise this roadmap in the light of EU-Russia S&T cooperation*. При передаче английской аббревиатуры *S&T = scientific and technological* в научном тексте на русском языке используется преимущественно полная форма словосочетания ‘научно-технический’. Цепное нанизывание разнотипных аббревиатур создает ощущение совершенно нехарактерной для русского языка стилистики нерегламентированного научного текста. В последнее время скопление акронимов и сокращений становится типичным для устной и письменной речи в средствах массовой информации, в титрах новостных телевизионных программ и электронных публикациях. В этом смысле английский пример интересен еще и тем, что в нем присутствует знак конъюнкции — символ *амперсанд*, который характерен в первую очередь для рекламы, названий брендов или медийной графической стилистики.

Интересно отметить специфику терминообразовательных моделей в британском (BE), американском (AE) и международном (International/World/Global English) вариантах английского языка. С одной стороны, типичным для всех трех является наличие большого разнообразия синонимов типа *disposable = one-off = single-use* в значении ‘одноразовый’ или *superluminal, superluminic, hyperlight, hyperlightspeed* или его американский и международный аналог *faster-than-light* в значении ‘сверхсветовой’, которому в русском языке также соответствует интерпретирующий перевод ‘превышающий скорость распро-

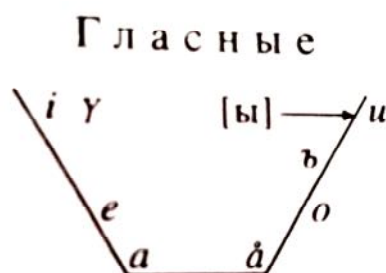
странения света'. При этом последние адъективированные термины (*single-use* и *faster-than-light* соответственно) можно отнести к числу созданных на основе упрощенной унифицированной модели, которая делает их менее терминологизированными с точки зрения лексического состава и структуры, но более терминологичными, то есть однозначными, непротиворечивыми и универсальными по содержанию. На практике возможно и часто наблюдается параллельное и одновременное (симметричное, а иногда и асимметричное) использование терминов-синонимов, относящихся к разным типам. Одним из последних бросающихся в глаза примеров синонимов такого рода можно считать параллельное функционирование терминов *confinement* в значении 'ограничение' [LU], *quarantine/quarantining*, *lockdown* 'изоляция (инфекционного больного)' *isolation* и их русских эквивалентов 'карантин/карантинизация/карантинная изоляция'. Стремительное развитие пандемии COVID-19 и нарастающая лавина связанных с ней публикаций дают возможность отчетливо проследить динамику в использовании этих терминов в связи с их принадлежностью к вариантам английского языка. Самым привычным и устоявшимся из этого ряда является *quarantine* 'карантин', который появился в середине XVII в. и по горькой иронии восходит к итальянскому *quarantina* 'сорок дней' [CC]. Он легко конвертируется в глагол и включается в словоизменение *quarantined*, *quarantining*. В средствах массовой информации менее употребительное существительное *confinement* 'ограничение (в передвижении)' и даже 'заключение под стражу' довольно быстро было замещено более прозрачным американским *lockdown* 'локдаун; строгая изоляция в целях безопасности' [OD]. По мере расширения географии инфекции и необходимости разъяснения ситуации, соблюдения профилактики и призывов к методам борьбы с пандемией в документах ВОЗ [12] сразу же появился и закрепился самый доступный для понимания и универсальный по внешней и внутренней структуре *self-isolation*, производный от в равной степени общенаучного и бытового *isolate* 'выделять; изолировать; разобщать' [CC; LS; LU] со всем спектром возможностей его формоизменения и словообразования [13].

Хотелось бы привести особый случай неупотребления специальной терминологии и замены ее невербальными средствами представления данных в тексте научного описа-

ния. Этот неожиданный пример был обнаружен нами в ходе создания лингвистического контента обновленной версии базы данных «Языки мира» Института языкознания РАН, а именно при анализе описаний фонетического состава языков в статьях энциклопедии «Языки мира».

В ряде статей, посвященных описанию германских, кельтских и иранских языков, используются особые схемы, которые отражают попытки авторов в той или иной степени адекватно представить качественный диапазон гласных фонем. Эти схемы имеют вид симметричных или асимметричных геометрических форм различной конфигурации с разным количеством вершин, пунктирных линий и стрелок. В текстах статей они могут использоваться самостоятельно и не сопровождаться терминологической интерпретацией качественных признаков фонем — ряд, подъем, огубленность и др. В комментарии (если он есть) может содержаться информация о количественных признаках гласных — оппозиции по долготе/краткости, наличии сверхкратких или редуцированных звуков и др.

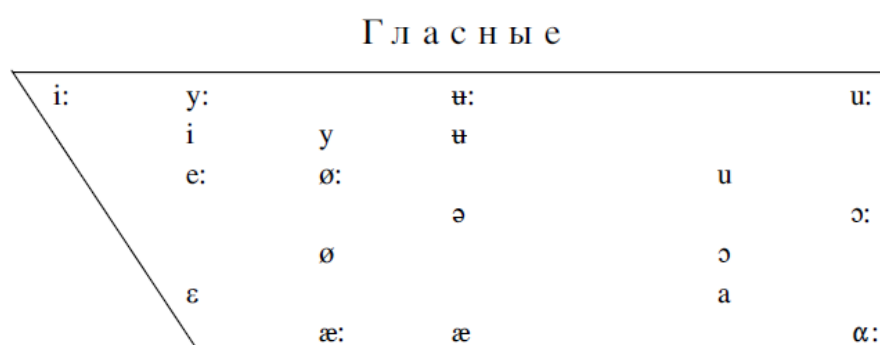
Потребность в визуализации данных с помощью графики в тексте лингвистического описания обусловлена несколькими причинами. В первую очередь, системы вокализма в этих языках крайне сложны, динамичны не только в диахронном, но и синхронном состоянии [9, 15]. Например, особенностью вокализма иранских языков является система качественно-количественных оппозиций, не только бинарных, но и трихотомических. Сложность этой системы частично описывается с помощью терминов, но в большинстве статей авторы используют графические схемы, что отличает их тексты от традиционных описаний языков других семей — славянских или романских. Например, в статье «Талышский язык» [2, 91]:

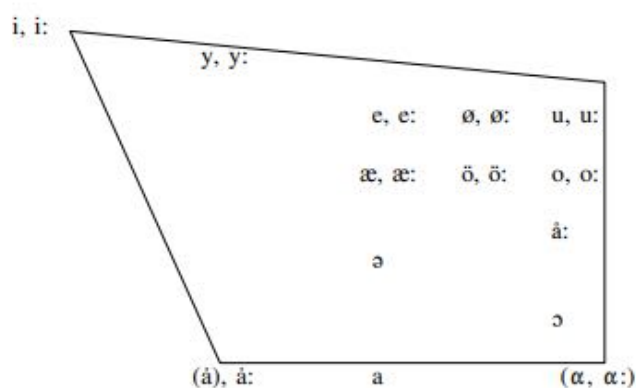
В статье «Белуджский язык» стрелками и пунктирными линиями показан качественный диапазон кратких гласных. Речь идет о том, что противопоставление по признаку долгота/краткость коррелирует с противопоставлением по признаку устойчивость/неустойчивость [8, 32]:

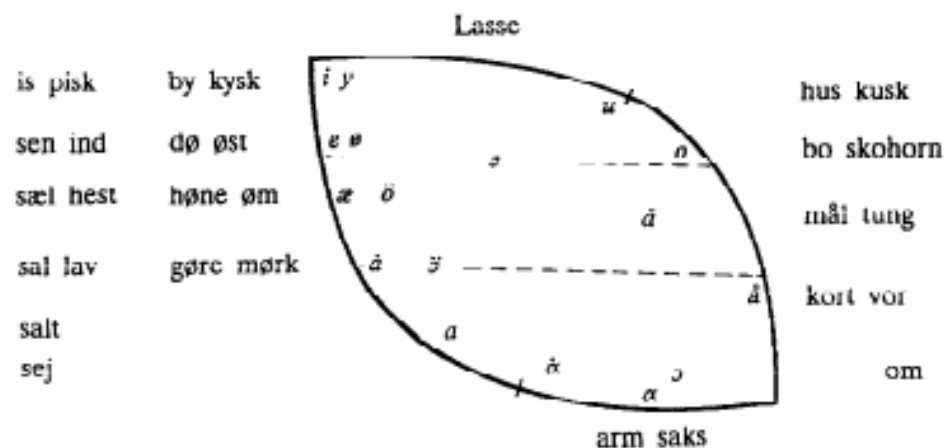
Во-вторых, могут иметь место несколько вариантов, как территориальных диалектов, так и социолектов, собственно дифтонгов и дифтонгоидов и др. Например, в норвежском языке [1, 305]:

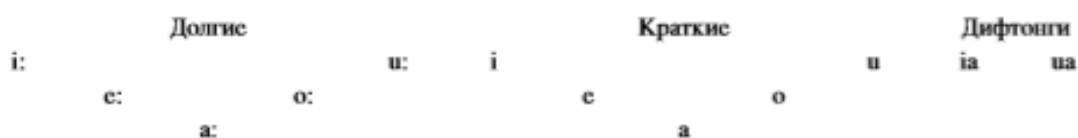
При отсутствии однозначной трактовки специалистами могут приводиться несколько изображений, например в случае с датским языком [7, 131—132]:

или

Поиски оптимальной формы представления данных о вокализме языка при сложности системы и различиях в традициях можно проиллюстрировать на примере особой графической схемы гласных и дифтонгов в статье об ирландском языке [6, 430]:

Подводя итоги можно сказать, что природа принципа визуализации в области специального терминообразования, как минимум, двойка. С одной стороны, этот принцип отражает потребность выхода за пределы непространственного (линейного или двухмерного) представления знаний, замены характеристики (транслитерированный английский термин *characterization*, получивший широкое распространение в сфере естественнонаучных дисциплин) статических свойств на описание многомерных объектов и сложных динамических процессов (биоинженерия, химическая медицина и др.). В этом случае принцип визуализации представляет собой поиск средств представления понятий высокого уровня абстракции, нематериальных, невидимых и ненаблюдаемых макро-, микро- или еще менее размерных структур и понятий (гуманитарные науки, теория информации, математическое моделирование и др.). К данному типу объектов можно отнести и приведенные выше примеры лингвистических описаний, а также иллюстраций при реконструкции вымерших или бесписьменных языков с помощью глоттохронологии, палеолингвистики и других методов сравнительно-исторического языкознания на основании

ограниченного числа эпиграфических источников или когда точная фонетическая транскрипция затруднена графикой (руническое, консонантное письмо, иероглифика и др.).

В то же время многообразие и стремительная динамика роста числа терминов-неологизмов на основе однозначно понимаемых зрительных образов отражает стремление упростить средства терминообразования, найти универсальные терминообразовательные модели в условиях взаимопроникновения областей знания, сближения науки и технологий, развития междисциплинарных исследований и интернационализации научного обмена.

Список сокращений

B — Building (En-Ru) (к версии ABBYY Lingvo x6). Быков В.В., Поздняков А.А. Англо-русский словарь по строительству и новым строительным технологиям. 65 тыс. слов и словосочетаний. М.: Русский язык-Медиа, 2003//ABBYY\Lingvo\16.0\Dic\System\BuildingEnRu.lsd.

BD — Biology (En-Ru) (к версии ABBYY Lingvo x6). Чибисова О.И., Смирнов Н.Н. и др. Новый англо-русский биологический словарь. 72 тыс. статей. М.: РУССО, 2003 // ABBYY\Lingvo\16.0\Dic\System\BiologyEnRu.lsd.

CC — Collins Cobuild (En-En) (к версии ABBYY Lingvo x6). Collins Cobuild. Advanced Learner's English Dictionary. New Digital Edition. HarperCollins Publishers, 2008 // ABBYY\Lingvo\16.0\Dic\System\CollinsCobuildEnEn.lsd.

CED — Collins English Dictionary // <http://www.collinsdictionary.com>.

LHD — Abbyy Lingvo Hover Dictionary (En-Ru) (к версии ABBYY Lingvo x6) // ABBYY\Lingvo\16.0\Dic\System\HoverDictionaryEnRu.lsd.

LS — LingvoScience (En-Ru) (к версии ABBYY Lingvo x6) Англо-русский научно-технический словарь (The English-Russian Scientific Dictionary): около 140 тыс. статей. - 7-е изд., испр. и доп. ABBYY //ABBYY\Lingvo\16.0\Dic\System\LingvoScienceEnRu.lsd.

LU — LingvoUniversal (En-Ru) (к версии ABBYY Lingvo x6) Англо-русский словарь общей лексики. 100 тыс. статей. ABBYY, 2014. // ABBYY\Lingvo\16.0\Dic\System\LingvoUniversalEnRu.lsd

MD — Medical (En-Ru) (к версии ABBYY Lingvo x6) Ривкин В.Л. Новый англо-русский медицинский словарь. 75 тыс. слов и словосочетаний. М.: Руссо, 2004
//ABBYY\Lingvo\16.0\Dic\System\MedicalEnRu.lsd.

OD — Oxford Dictionary (En-En) (для ABBYY Lingvo x6) Oxford Dictionary of English. Oxford University Press, 2010 // ABBYY\Lingvo\16.0\Dic\System\OxfordDictionaryEnEn.lsd.

Литература

1. Берков В.П. Норвежский язык // Языки мира. Германские языки. Кельтские языки. М.: ACADEMIA, 2000.

2. Виноградова С.П. Талышский язык // Языки мира. Иранские языки. Иранские языки. II Северо-западные иранские языки. М.: Индрик, 1999.

3. Зотова А.К. Специализированные электронные ресурсы: терминосистема базы данных «Языки мира» и проблемы разработки русско-английского синонимического терминологического указателя // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Периодический сборник научных статей. Электронное научное издание. М.: ИЯз РАН, 2017. Выпуск № 9. С. 180—191 // http://www.iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2017_09/7.pdf.

4. Зотова А.К. Некоторые особенности современной лингвистической терминологии (на материале базы данных «Языки мира» Института языкознания РАН) // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Периодический сборник научных статей Электронное научное издание. М.: ИЯз РАН, 2018. Выпуск № 10. С. 128—139 // https://iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2018_10/7.pdf.

5. Зотова А.К. Терминосистема базы данных «Языки мира»: полисемия и синонимия сквозь призму перевода (на материале проекта синонимического терминологического русско-английского указателя к базе данных «Языки мира» ИЯз РАН) // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Периодический сборник научных статей. Электронное научное издание. М.: ИЯз РАН, 2019. Выпуск № 11. С. 133—145 // https://iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2019_11/7.pdf.

6. Королев А.А., Калыгин В.П. Ирландский язык // Языки мира. Германские языки. Кельтские языки, М.: Academia, 2000.
7. Кузнецов С.Н., Никуличева Д.Б. Датский язык // Языки мира. Германские языки. Кельтские языки. М.: Academia, 2000.
8. Мошкало В.В. Белуджский язык // Языки мира. Иранские языки. II Северо-западные иранские языки. М.: Индрик, 1999.
9. Расторгуева В.С. Иранские языки // Языки мира. Иранские языки. I Юго-западные иранские языки. М.: Индрик, 1997.
10. Реформатский А. А. Введение в языковедение // http://www.bsu.ru/content/page/1415/hecadem/reformatsky_aa/reformatsky.pdf.
11. Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология: Вопросы теории. Изд. 5-е. М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2009.
12. BBC // <https://www.bbc.com/news/uk-51506729>.
13. BBC — “Coronavirus: What are social distancing and self-isolation?” <https://www.bbc.com/news/health-51048366>.

Visualisation principle in specialised terminology:

English-Russian translation patterns

**A.K. Zotova (Institute of Linguistics,
Russian Academy of Sciences)**

The paper outlines the ways of specialised terminology formation based on visualisation principle. Special attention is paid to the English and Russian terminological pattern specifics. The analysis is supported by up-to-date scientific disciplines' terminology and could be of interest for those dealing with applied lexicography and foreign language pedagogy.

Keywords: Visualization, specialised terminology, terminological patterns, world languages.

Семантика молчания и тишины

Е.Р. Иоанесян (Институт языкознания РАН)

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы, связанные с функционированием слов, обозначающих молчание и тишину, проводится сопоставительный анализ русских слов *молчание* и *тишина* и французского существительного *silence*, отмечаются случаи их семиотического употребления.

Ключевые слова

Семантика, полисемия, презумпция и ассерция, семиотическое значение, коммуникативные стратегии.

I. Молчание VS тишина

Семантика русских слов *молчание* и *тишина*, как нам представляется, еще недостаточно изучена. Наиболее интересным, на наш взгляд, является описание указанных единиц, сделанное А.В. Птенцовой в издании [5]. У слова *молчание* выделяется два значения: *молчание 1* — ‘ситуация, когда никто не говорит’; *молчание 2* — ‘отсутствие сообщения’; ср. *Он не звонит и не пишет, и это молчание длится уже год*. Кроме того, отмечается переносное значение, когда «в качестве субъекта выступают животные (преимущественно птицы), а также неодушевленные предметы» [там же, с. 197—198]. У слова *тишина* выделяются два значения: *тишина 1* — ‘отсутствие звуков’; [6, 337]; *тишина 2* — ‘отсутствие звуков человеческой речи’ [синоним *молчание 1*] [там же, с. 339].

Наше представление о семантике русских слов *молчание* и *тишина* в некоторых аспектах значительно отличается от описания, предложенного в работе А.В. Птенцовой. Ниже мы приводим результаты нашего анализа указанных русских единиц, а также французского слова *silence*.

1. Мы выделяем три основных значения слова *молчания* — *молчание 1*, *молчание 2*, *молчание 3*, а также семиотическое употребление этой единицы¹. У слова *тишина*, как и в работах А.В. Птенцовой [5; 6], выделяется два значения — *тишина 1* и *тишина 2*.

1.1. Молчание 1, тишина 1

В русском языке слово *молчание* имеет несколько значений, причем не все из них имеют отношение к описанию коммуникативного поведения людей.

В первом значении *молчание* выступает синонимом лексемы *тишина*, а именно: *тишина 1* — ‘отсутствие звуков в пространстве X’.

У слова *молчание* это значение представляется несколько устаревшим и довольно редко встречается в современной литературе, тогда как у писателей 19 в. и начала 20 в. мы находим много примеров именно такого употребления рассматриваемой лексической единицы:

(1) *Шел Серая Сова по дороге, пока позволяло направление, и затем свернул на краж, поросший лиственным лесом. Отмечая, насколько возможно при лунном свете, удобный путь, он поднялся на вершину холма над той самой равниной, где находился лагерь. Тут он остановился, чтобы чуть-чуть отдохнуть. Вокруг царило белое молчание. Дурные предчувствия угнетали душу искателя страны непуганых зверей* (М.М. Пришвин. *Серая сова* (1938)) [НКРЯ].

(2) *Они наливали жизнь до краев; не затихая и ночью, мешали прислушиваться к тишине, нарушали то мудрое молчание, которым полны бывают степь и лес под осень* (М.А. Шолохов. *Поднятая целина. Книга 1* (1958)) [НКРЯ].

(3) *С такими мыслями подъехал он к роще, привязал лошадь к дереву и пошел пешком в ту сторону, которая прилежала к могилковскому полю. Глубокое молчание царствовало в лесу, только шум его шагов да по временам взмах поднявшейся из—под куста тетерева нарушал тишину* (А.Ф. Писемский. *Боярщина* (1858)) [НКРЯ].

¹ Значение ‘отсутствие сообщения’ нами не рассматривалось, поскольку, на наш взгляд, оно не представляет особенного интереса.

(4) *Каждый шаг моей некованой лошади глухо раздавался в молчании ущелий; у водопада я напоил коня, жадно вдохнул в себя раза два свежий воздух южной ночи и пустился в обратный путь* (М.Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839—1841)) [НКРЯ].

(5) *Даже в молчании храма, даже в молчании леса, даже в молчании убогой своей комнаты человек может предстоять перед Богом безмерным, глубины неопишуемой* (митрополит Антоний (Блум). «Я хочу поделиться с вами всем, что накопилось...» (1998—1999)) [НКРЯ].

Поскольку в этом значении лексема *молчание* относится к ситуациям полного отсутствия звуков, т.е. к тишине, то нарушить или прервать такое молчание-тишину может звук любой природы² — вой ветра, стук копыт, шелест листьев, крики животных и птиц и т.д.:

(6) *Толстые пни лежат под мохом и травой, как трупы великанов, и мертвое молчание нарушается только стуком дятла по дуплистому дубу или гробовым карканьем ворона, которого тень налетает на вас и наводит невольный трепет* (А.А. Бестужев-Марлинский. Вечер на кавказских водах в 1824 году (1830)) [НКРЯ].

(7) *Там, в окрестностях Мертвого моря, среди голых безжизненных холмов, где молчание нарушалось лишь плачем шакалов и криками хищных птиц, Он провел в посте более месяца* (Александр Мень. Сын Человеческий (1969)) [НКРЯ].

(8) *Там еще кое-где пробивается жизнь, самобытность, мерцает минутами луч какой-то надежды, здесь — тишь невозмутимая, мрак непроглядный, здесь перед вами стоит мертвая красавица в безлюдной степи, и общее гробовое молчание нарушается лишь движением степного кориуна, терзающего в воздухе добычу* (Н.А. Добролюбов. Темное царство (1859)) [НКРЯ].

1.1.1. Условно первое значение слова *молчание* мы запишем следующим образом:

Молчание 1:

Отсутствие каких-либо звуков в пространстве X

² Другие виды молчания «нарушаются» по-другому.

Нарушение молчания: любые звуки

Аналогично для первого значения слова *тишина* имеем:

Тишина 1:

Отсутствие каких-либо звуков в пространстве X

Нарушение тишины: любые звуки

NB: Необходимо отметить, что в [5] у слова *молчание* это значение не выделяется.

1.1.2. Следует оговорить, что рассмотренное значение лексемы *молчание* не следует путать с метафорическим употреблением этого слова в его основном коммуникативном значении, когда в качестве «молчащего» субъекта выступает не-лицо. Имеется в виду использование слова *молчание* в примерах, подобных (1) — (4):

(1) *Луна показалась на небе; не было ни одного облака на синем горизонте; ветерок едва шевелил древесными листьями; молчание природы изредка прерывалось перепархиванием испуганных пернатых и жужжаньем майских жуков, кружившихся около вершин кудрявых берез* (Н. Мамышев. Злосчастный (1807)) [НКРЯ].

(2) *Но зной был нестерпим по-прежнему. Он как будто висел над самой землёй густым тяжёлым слоем; на тёмно-синем небе, казалось, крутились какие-то мелкие, светлые огоньки сквозь тончайшую, почти чёрную пыль. Всё молчало; было что-то безнадёжное, придавленное в этом глубоком молчании обессиленной природы* (И.С. Тургенев. Певцы (1850)) [НКРЯ].

(3) *Он не мог еще окончательно сформулировать для себя это новое чувство, однако молчание сосен, облаков, могил и песка в овраге каким-то необъяснимым образом подсказывали ему, что он прав* (Андрей Геласимов. Степные боги (2008)) [НКРЯ].

(4) *Молчание неодушевленного мира Бродский понимал как метафизический вызов* (Александр Генис. Бродский в Нью-Йорке (1996)) [НКРЯ].

1.1.3. Функционирование лексемы *тишина 1* имеет несколько интересных особенностей.

1.1.3.1. Первую особенность отметила А.В. Птенцова в словарной статье «ТИШИНА 1, ТИШЬ 2, БЕЗМОЛВИЕ 2, ЗАТИШЬЕ 2: «Наиболее близкими синонимами в

этом ряду являются **тишина** и **тишь**. Чаще всего они употребляются применительно к ситуации, которая в целом осмысливается как отсутствие звуков. <...> Однако оба синонима допускают наличие отдельных звуков, для которых **тишина** и **тишь** служат фоном; ср. *В тишине <тиши> отчетливо звучала капель*» [6, 338]. Действительно примеров такого рода довольно много, например:

(1) *В тишине было слышно, как внизу шумит океан* (Виталий Губарев. Трое на острове (1950—1960)) [НКРЯ].

(2) *Где-то далеко на горной дороге шла машина — в тишине отчётливо слышалось, как шофёр сбавлял газ на поворотах* (Юрий Трифонов. Предварительные итоги (1970)) [НКРЯ].

Однако как показывает материал, все примеры, в которых лексема *тишина* I может соотноситься с ситуациями неполного отсутствия звуков, привязаны к определенной форме лексемы *тишина*, а именно к форме предложного падежа с предлогом *в*. Ср.: *В тишине <тиши> отчетливо звучала капель* и, например, **Стояла тишина, отчетливо звучала капель*.

1.1.3.2. Вторая особенность функционирования слова *тишина* I видна из таких примеров, как *Наконец отбойный молоток под окном замолчал, наступила тишина и стали слышны крики детей, играющих на детской площадке*.

В подобных случаях, в отличие от случаев, рассматриваемых в п. 1.1.3.1., вряд ли можно говорить, что при общем отсутствии звуков наличествуют «какие-то иные не слишком громкие з в у к и» (см. [5, 197]). По-видимому, здесь наступление тишины означает не исчезновение звуков вообще, а исчезновение звуков, которые заглушали другие звуки, причем последние могут быть довольно громкими. Таким образом, *Наступила /повисла тишина*, а также выражение *стало тихо*, могут вводить следующую ситуацию: имели место звуки X и Y; наличие звука X лишало воспринимающего субъекта возможности слышать звук Y; звук X прекращается; субъект слышит звук Y. Приведем несколько примеров:

(1) *И как на море, в середине стоянки наступала вдруг необъяснимая тишина. Становились слышны торопливые шаги по платформе вдоль всего поезда, беготня и спор у багажного вагона, отдельные слова провожающих вдалеке, тихое квохтанье кур и шелестение деревьев в станционном палисаднике* (Б.Л. Пастернак. Доктор Живаго (1945-1955)) [НКРЯ].

(2) *Нюра уже заканчивала постирушку. На табурете в тазу лежали тяжелые жгуты выжатого белья. Нюра вытерла мокрые руки, смахнула пот со лба, разогнулась, осторожненько придерживаясь за трубу отопления, и завернула краны. В ванной повисла тишина. И стали слышны голоса на кухне. Старательно беспечный голос Лины и нервный, срывающийся — Галины Николаевны* (Дина Рубина. День уборки (1980)) [НКРЯ].

(3) *Сделалось очень тихо, и стало слышно, как неподалеку, в подвале, кто—то тихонько плакал — короткие всхлипывания, паузы, — наверно, ребенок или, возможно, женщина* (Василь Быков. Сотников (1982)) [НКРЯ].

Заметим, что слова *тишина* и *тихо* в предложении могут отсутствовать:

(4) *Наконец музыка смолкла и стало слышно, как площадно и истерично ругается девица* (Сергей Осипов. Страсти по Фоме. Книга первая. Изгой (1998)) [НКРЯ].

Рассмотренный тип функционирования слова *тишина* 1, представленный предложениями (1) — (4), следует отличать от использования этого слова во внешне похожих примерах (5) — (7):

(5) *Гири́н кончил играть, и в наступившей тишине послышался глубокий вздох больного* (И.А. Ефремов. Лезвие бритвы (1959—1963)) [НКРЯ].

(6) *В наступившей тишине, которо́ю сопровождалась эта сцена, ясно было слышно, как щелкнули на двух взводах курки под его пальцами* (В.В. Крестовский. Петербургские трущобы. Книга о сытых и голодных. Роман в шести частях. Части 1—3 (1864)) [НКРЯ].

(7) *В наступившей тишине, как удар грома, прозвучал ору́дийный выстрел* (А.Р. Беляев. Остров погибших кораблей (1926)) [НКРЯ].

Презумпцией предложений типа *Наконец отбойный молоток под окном замолчал, наступила тишина и стали слышны крики детей, играющих на детской площадке* является следующее: в некоторый предшествующий тишине момент одновременно имели место и звук X — стук отбойного молотка, и звук У — крики детей, но восприятие звука У (крики детей) было невозможно из-за звука X (стука отбойного молотка): стук молотка заглушал крики детей. Причем эта презумпция может получить эксплицитное выражение, как, например, в следующем предложении:

(8) *Потом гармошка смолкла, и стали слышны другие звуки, до этого неразличимые* (Владимир Войнович. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина (1969—1975)) [НКРЯ].

Предложения вида (5) *Гири́н кончил играть, и в наступившей тишине слышался глубокий вздох больного* сообщают лишь о том, что один звук сменился другим: в тишине, наступившей после окончания игры Гирина, прозвучал вздох больного.

1.2. Тишина 2, молчание 2

Второе значение слов *тишина* и *молчание*, а также третье значение слова *молчание* (см. ниже п. 1.3.), которые мы называем коммуникативными, относятся к ситуациям отсутствия речевых звуков. Следовательно, такое молчание и такая тишина обязательно предполагают наличие, по крайней мере, одного субъекта³, способного говорить.

Таким образом *тишина 2*, *молчание 2* и *молчание 3* отличаются от *молчания 1* и от *тишины 1* наличием презумпции ‘В пространстве X есть / может быть’⁴ субъект, способный издавать речевые звуки’.

³ Помимо самого рассказчика (говорящего) или его функционального аналога — носителя авторской точки зрения в плане психологии в случае повествования со ссылкой на сознание некоторого персонажа. См. об этом подробнее ниже.

⁴ Рассказчик или персонаж, с точки зрения которого ведется рассказ, может не *знать*, а лишь **предполагать** возможность нахождения людей в пространстве X. См. пример отражающий подобную презумпцию: *Он решительным шагом вошел на крыльцо, заскрипевшее под ногами, и постучал в дверь один раз и другой. За дверью царствовало молчание...* Владимир Иванович постучал еще и еще изо всей силы и почти обрадовался, услышав за дверью шаги своего Паши (М.П. Арцыбашев. Подпрапорщик Гололобов (1912)) [НКРЯ]. Радость героя при звуке шагов в доме объясняется именно тем, что он надеялся, но не был уверен, что там кто-то есть.

NB: Отметим, что у *молчания 1* и *тишины 1*, *тишины 2*, *молчания 2*, в отличие от *молчания 3*, наличествует семантический актант⁵ — место.

Приведем несколько простых примеров:

(1) — *Ты же знаешь, что они без тебя...* — *недоговорила Тата и погасла, не подымая глаз. Раиф строго посмотрел на жену. За столом воцарилось молчание* (Фазиль Искандер. Сандро из Чегема (Книга 3) (1989)) [НКРЯ].

(2) — *Ребята, а кто такой Ленин? — не отчаивались мы. Опять воцарилось молчание, но вдруг тишину нарушила Лиза СИГАРЕВА* (Светлана Савельева. «Белые» и «красные»? Это... фломастеры (2004) // «Вечерний Екатеринбург», 2004.11.06) [НКРЯ].

Ср. (3) и (4):

(3) — *А ваш гений—потребитель! Воцарилось зловещее молчание* (Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Понедельник начинается в субботу (1964)) [НКРЯ].

(4) *Пока Ельцин говорил в лицо недоброжелательно настроенному залу о своем решении расстаться с коммунизмом, воцарилась мертвая зловещая тишина* (Марк Захаров. Суперпрофессия (1988—2000)) [НКРЯ].

Ср. также, возможность замены в примере (5) слова *тишина* на слово *молчание* (6) без ущерба для смысла:

(5) *Кто-то из них работает на нашего мистификатора — ведь не сама же собой пулька попала под подкладку пиджака! Минуты две после этого заявления в кабинете царила тишина. Наконец Валентина сказала: — Уйду-ка я сегодня с работы пораньше* (Максим Милованов. Рынок тщеславия (2000)) [НКРЯ].

(6) *Кто-то из них работает на нашего мистификатора — ведь не сама же собой пулька попала под подкладку пиджака! Минуты две после этого заявления в кабинете царило молчание. Наконец Валентина сказала: — Уйду-ка я сегодня с работы пораньше.*

1.2.1. Следует отметить один признак, по которому отличаются *тишина 1* и *молчание 1*, с одной стороны, и *тишина 2* и *молчание 2*, с другой. А.В. Птенцова, исследуя

⁵ Семантический актант лексемы — это обязательный участник ситуации, обозначаемой этой лексемой

сочетаемость слов *молчание* и *тишина* в коммуникативном значении (в нашей классификации это — *тишина 2* и *молчание 2*), указывает на то, что в отличие от употребления их в других значениях, они могут присоединять к себе прилагательные, «описывающие ощущения воспринимающего субъекта или субъекта молчания» [5, 198]. Имеются в виду выражения типа *недоуменное молчание*, *недоуменная тишина* — ощущения субъекта молчания, *гнетущее молчание*, *гнетущая тишина* — ощущения воспринимающего человека. Утверждение А.В. Птенцовой, как представляется, требует корректировки. В частности, при слове *тишина 1* ('отсутствие звуков в пространстве') тоже употребляются прилагательные, указывающие на эмоции субъекта восприятия, см. ниже.

Ощущения субъекта молчания

Утверждение А.В. Птенцовой о том, что слова *молчание* и *тишина* в коммуникативном употреблении (в нашей классификации — *молчание 2* и *тишина 2*) могут сочетаться с прилагательными, обозначающими ощущения субъекта молчания, верно лишь с определенными оговорками. Нам представляется, что наличие таких прилагательных при словах *молчание 2* и *тишина 2* возможно лишь при описании перехода от разговора, речей к молчанию. И в этом случае подобные прилагательные указывают на причину прекращения разговоров: люди замолкают под действием изумления, тревоги, недоумения, испуга и т.п. Приведем несколько примеров:

(1) *За столом наступило короткое тревожное молчание. Гарднер обернулся и посмотрел на молочницу* (Ю.О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом, часть 1 (1943—1958)) [НКРЯ].

(2) *В лаборатории воцарилась тревожная тишина; акушер повернулся к Пирсону. — Скажите, Джо, в исследовании крови миссис Александер не могло произойти ошибки* (Артур Хейли. Окончательный диагноз (Н. Кузнецова, Д. Мишне, Т. Николаева, Т. Пельц, 1980)) [НКРЯ]⁶.

⁶ Прилагательное *тревожный* может употребляться и при *тишине 1*: *Ни малейшего дуновения ветра не проносилось в поле: было тихо, как в могиле... Но тишина эта казалась какою-то тревожною тишиною: так и думалось, что вот еще мгновение — и разразится буря, хлынет ливень, раздастся страшный гул громовых ударов...* (А.И. Эртель. Записки Степняка (1883)) [НКРЯ].

(3) После речи Лантуха в зале заседаний думы повисло недоуменное молчание (Итоговый выпуск (вечерний) — 13.09.05 19:30 — Екатеринбург // Новый регион 2, 2005.09.14) [НКРЯ].

(4) Моисеев прервал речь, прислушался, подошел к краю сцены и угрожающе произнес: — Вот этот свисток я бы засунул кому-то в одно место и спел «Голубую луну»! В зале повисла недоуменная тишина (Марина БАРКОВА. Борис Моисеев в Самаре поругался с сигнализацией // Комсомольская правда, 2010.10.24) [НКРЯ].

(5) И так как слава этого произведения, которое почему-то называли поэмой, очень быстро сделалась вполне неоспоримой, то, когда чтец кончил, воцарилось сперва благоговейное молчание, потом послышались негромкие восклицания: «Изумительно!» (И.А. Бунин. Третий Толстой (1949)) [НКРЯ].

(6) — Ну-с, приступим, — сказал Иван Васильевич. В партере наступила благоговейная тишина (М.А. Булгаков. Театральный роман (1936—1937)) [НКРЯ].

(7) Я за предложение Гессена! После некоторого изумленного молчания посыпались возражения (Борис Ефимов. Десять десятилетий (2000)) [НКРЯ].

(8) Она размахнулась и изо всей своей богатырской силы двинула по скуле одну из девок. Та рухнула, и в трюме на секунду воцарилась изумленная тишина (Е.С. Гинзбург. Крутой маршрут: Часть 2 (1975—1977)) [НКРЯ].

(9) На мгновение за столом воцарилось почтительное молчание; вслед за тем все кругом заговорило еще оживленнее прежнего (В.П. Авенариус. Гоголь—гимназист (1897)) [НКРЯ].

(10) Легкий шепоток пробежал вдоль стола, и наступила почтительная тишина (Даниил Гранин. Искатели (1954)) [НКРЯ].

(11) До оставшихся на лужайке долетел его раздражающе саркастический смех. На мгновение наступило растерянное молчание, а затем голоса загудели вновь (Маргарет Митчелл. Унесённые ветром, ч. 1 (Т. Озерская, 1982)) [НКРЯ].

(12) — *И совсем это ни к чему! — вырвалось у Ларочки. Наступила растерянная тишина* (Виталий Василевский. Скучное лето // «Огонек». № 50, 1956, 1956) [НКРЯ].

Ощущения воспринимающего субъекта

А. Молчание 2, тишина 2

Необходимо оговорить, что «воспринимающий субъект» в нашем понимании — это говорящий (рассказчик), или его функциональный аналог. В частности, рассказчиком может являться и одно из действующих лиц: в этом случае «субъект молчания» (один из субъектов молчания) и «воспринимающий субъект» совпадают.

(1) *В лицах гостей — напряжение, глаза озлоблялись. Наступило гнетущее молчание. Но чувствовалось, что тишина вот—вот взорвется* (В.Я. Шишков. Емельян Пугачев. Книга первая. Ч. 1—2 (1934—1939)) [НКРЯ].

(2) *Встретила меня гнетущая тишина, какой и положено быть в доме покойника* (Виктор Астафьев. Зрячий посох (1978—1982) [НКРЯ].

(3) *Несколько раз Поль собирался с духом, чтобы сказать ей хоть слово, нарушить насадное удушливое молчание* (Екатерина Маркова. Каприз фаворита (1990—2000) [НКРЯ].

(4) *В итоге москвичи оплачивают их прибыль из своего кармана. В зале заседаний нависла удушливая тишина. Выдержав паузу, Лужков предложил создать комиссию для разборок с обвинениями в адрес строителей* (Светлана ОЛИФИРОВА. Прокурор вступился за «ракушки» // Комсомольская правда, 2003.02.05) [НКРЯ].

Б. Выше мы отмечали, что *тишина I* тоже может присоединять прилагательные, указывающие на ощущения, вызываемые такой тишиной у субъекта восприятия, например:

(1) *Над селом стлалась тревожная тишина* (Артем Веселый. Россия, кровью умытая (1924—1932)) [НКРЯ].

(2) *На подворье стояла густая влажная темень, и каждая травина, жесткая и безгласная в полдневную жару, сейчас оживала, испуская терпкий дух; ни один звук не*

нарушал настороженной гнетущей тишины монастыря, одиноко, заброшенно стоящего на горушке (Владимир Личутин. Любостай (1987)) [НКРЯ].

(3) И внезапно среди бури они увидели Господа Иисуса Христа; Он шел по бушующим волнам, среди разъяренного ветра и вместе с этим в какой-то пугающей тишине (митрополит Антоний (Блум). Буря (1986)) [НКРЯ].

1.2.2. Молчание 2 (как, естественно и тишина 2) могут быть нарушены звуками самой разной природы, в том числе — неречевыми звуками⁷, например:

(1) С жадностью всматривался я в лица, стараясь прочесть в них, как встречается москвичами полученное известие. Замечалось лишь скрытое волнение. Обычно столь легко выявляющие свои чувства — москвичи на этот раз как бы боялись выказать то или иное отношение к случившемуся. В вагоне царило молчание, нарушаемое лишь шелестом перелистываемых газет (С.Я. Эфрон. Записки добровольца (1917-1925)) [НКРЯ].

(2) Как только чай, также приготовленный по сверхсекретному бабушкиному рецепту, был разлит, за столом воцарилось молчание, прерываемое только звоном чашек и восхищенными междометиями (Максим Милованов. Кафе «Зоопарк» (2000)) [НКРЯ].

(3) Посмеемся же и мы в свою очередь, когда пустые головы моих обидчиков падают на эшафот, — сказал граф, скрежеща зубами и садясь к письменному столу. Воцарилось глубокое молчание, нарушаемое только скрипом пера, которым Грейфенфельд писал какую-то бумагу коменданту копенгагенской цитадели (П.П. Каратыгин. Временщики и фаворитки 16, 17 и 18 столетий. Книга первая (1870)) [НКРЯ].

(4) — Я не знаю, милая маменька, что я такое сделал, чем я мог вас огорчить? Молчание... — Я благодарием своим заслужил любовь всех моих начальников, ныне назначен уже вице-директором и лью себя надеждою, что карьера моя далеко не кончена... То же молчание, нарушаемое только шлепаньем карт (М.Е. Салтыков-Щедрин. Благонамеренные речи (1872—1876)) [НКРЯ].

⁷ См. об этом подробнее п. 3. Это свойство отличает молчание 2 от молчания 3, см. ниже.

1.3. Молчание 3.

Лексема *молчание 3* описывает состояние человека, который не издает никаких звуков голосом, т.е. молчит. При этом чаще всего такое состояние является результатом сознательного выбора говорящего. Приведем несколько примеров:

(1) Долго хранила она глубокое молчание и глядела на образа, всплеснув руками (А.Е. Измайлов. Бедная Маша (1801)) [НКРЯ].

(2) Машина стояла с включенным мотором, а мы застыли в молчании (Сергей Юрский. Любимец публики (1998)) [НКРЯ].

(3) И коли меня вывело на эту тему обращение к далеким воронежским дням, я решил нарушить невесть когда, кому, кем и зачем данный обет молчания (Юрий Нагибин. Война с черного хода (1990—1995)) [НКРЯ].

(4) И, раз начавши говорить, уже он не мог остановиться и все на разные лады пересказывал одно и то же, пока его не перебил кто-то, заговорив о другом. Тогда он опять погрузился в молчание. Грушина перевела разговор на эротические темы (Ф.К. Сологуб. Мелкий бес (1902)) [НКРЯ].

Если лексемы *молчание 1* и *молчание 2*, как и *тишина 1* и *тишина 2*, являются характеристиками пространства (*тишина/молчание в доме* и т.п.), то *молчание 3* характеризует состояние субъекта. Это обстоятельство определяет два существенных свойства молчания этого типа.

Первое отличительное свойство этого вида молчания заключается в том, что оно не сопряжено ни с какими ограничениями, касающимися того, в каких условиях оно может иметь место — окружают ли молчащего человека какие-то звуки или нет: человек может молчать и тогда, когда вокруг тишина, и тогда, когда вокруг грохочет гром, орет музыка, и тогда, когда вокруг говорят другие, и т.д.:

(1) В полном молчании под тарахтенье катера, не замечая усиливающегося ветра, мы добрались до середины озера (Ольга Новикова. Мужской роман (1999)) [НКРЯ].

(2) *Среди следовавшего засим общего говора и смеха пребывал в полном молчании лишь один маленький человек с одутловатой физиономией* (Чарльз Диккенс. По-
смертные записки Пиквикского клуба (А.В. Кривцова, Е.Л. Ланн, 1933)) [НКРЯ].

(3) *Посмотрели бы вы, как шли колонны зека на работу. В гробовом молчании. Над головой зелёное и синее северное сияние, кругом лёд и снег, а чёрный океан ревёт* (Василий Гроссман. Жизнь и судьба, часть 3 (1960)) [НКРЯ].

Второй отличительный признак этого вида молчания состоит в том, что такое молчание может быть нарушено только самим субъектом Х. Если *молчание 1* и *молчание 2* могут быть нарушены звуками разной природы (см. выше), то *молчание 3* может быть нарушено только звуками трех типов:

1) речевыми звуками;

2) неречевыми звуками, производимые языком, губами, носом и т.п. — такими, как сопение, сипение, визг, кряхтение, пыхтение, всхлипывание, чмоканье, чавканье и т.д.

3) негромкими неречевыми звуками, сопровождающими движение рук или ног субъекта, например, шарканьем.

Примеры:

(1) *Лица у всех серьезные, и общее молчание лишь изредка прерывается одобрительными восклицаниями по поводу удачно сделанного хода и смехом при оплошности игрока* (Запорожье (1911.10.14) // «Богородская речь», 1911) [НКРЯ].

(2) *Молчание умирающего Христа прерывается только несколькими возгласами* (митрополит Антоний (Блум). Размышления на пути к Пасхе (1991); НКРЯ).

(3) *Страх правоверных выражался теперь в медленном, неохотном движении, и в молчании, прерываемом изредка восклицаниями — Алла—Экбер!* (Н.Т. Муравьев. Письма русского из Персии (1844)) [НКРЯ].

(4) Среди собравшихся царило молчание, прерываемое лишь астматическим дыханием какого-то толстяка (Стефан Жеромский. Бездомные (Е.Ф. Усиевич, 1958)) [НКРЯ].

(5) ... и погрузился в созерцательное молчание, прерываемое лишь подозрительным причмокиванием, с которым старики возвращают языком на место отошедшую вставную челюсть (Дмитрий Емец. Таня Гроттер и колодец Посейдона (2004)) [НКРЯ].

(6) При глубоком молчании ошарашенцев, прерывавшемся визгом женщин, одного за другим могила глотала покойников (И.Е. Вольнов (И.Е. Владимиров). Повесть о днях моей жизни (1912)) [НКРЯ].

(7) В молчании, нарушаемом только шарканьем ног, процессия двинулась к яркому и далекому прямоугольнику двери (Урсула Ле Гуин. Гробницы Атуана (И. Тогоева, 1991)) [НКРЯ].

До сих пор мы рассматривали глагол *молчать* и лексему *молчание* 3 в одном ряду. Однако, как это ни парадоксально, ситуации, описываемые этими единицами, различаются по одному существенному признаку.

Молчание, о котором идет речь, соответствует ситуации, в которой субъект не производит не только речевых, но и никаких других звуков, исходящих из ротоносовой полости (ни покашливания, ни вздохов, ни причмокиваний и т.п.). См., например:

(8) Они хранили молчание, нарушаемое только редким покашливанием больного ребенка.

Иными словами, *молчание* 3 несовместимо с покашливанием, вздохами, причмокиванием и т.п. звуками — эти звуки нарушают, прерывают молчание. А человек, который *молчит*, может производить подобные неречевые звуки. Ср.: (1) и (2), (3) и (4), (5) и (6):

(1) ... и погрузился в созерцательное молчание, прерываемое лишь подозрительным причмокиванием, с которым старики возвращают языком на место отошедшую вставную челюсть (Дмитрий Емец. Таня Гроттер и колодец Посейдона (2004); НКРЯ).

(2) *Егор Михайлович, как и всегда в таких случаях, глубокомысленно и молча чмокал долго губами и, обсудив дело, написал две записки и рассказал, что и как надобно делать в городе* (Л.Н. Толстой. Поликушка (1863)) [НКРЯ].

(3) *Все прельстились услужливостью угостителя и принялись за работу с такою ревностью, что около получаса общее молчание нарушаемо было только чавканьем и клокотаньем* (В.Т. Нарезный. Гаркуша, малороссийский разбойник (1825)) [НКРЯ].

(4) *Сидели у стола и долго молча чавкали* (Н.А. Тэффи. «Де» (1911)) [НКРЯ].

(5) *Когда по окончании всех обрядов следовало проводить гроб к последнему жилищу и печальный поезд тронулся вдоль главной улицы Мраморного Креста, — графиня шла за гробом, опираясь на руку Вейссе, и оба хранили набожное молчание, прерываемое только невольными вздохами и заглушёнными рыданиями* (Е.П. Ростопчина. Счастливая женщина (1851)) [НКРЯ].

(6) *Кожемякин молча вздохнул, он ждал каких—то иных слов* (Максим Горький. Жизнь Матвея Кожемякина (1910)) [НКРЯ].

См. также другие примеры употребления глагола *молчать*:

(7) *Все разглядывали палочку с нулями и молча сопели* (Анатолий Приставкин. Кукушата или жалобная песнь для успокоения сердца (1992)) [НКРЯ].

(8) *Надо перекусить. Молча хрустим при свете свечи шоколадом Он замерз и колется, как стекло* (Константин Серафимов. Экспедиция во мрак (1978—1996) //, 1994)) [НКРЯ].

(9) *Иван копал землю молча, хекая и пыхтя и облизывая языком усы* (С.Н. Сергеев-Ценский. Бабаев (1906—1907)) [НКРЯ].

(10) — *Хороша идея! Завулонов молча побряхтывал* (Н.С. Лесков. Некуда (1864)) [НКРЯ].

1.4. Семиотическое молчание

Как мы отмечали, лексема *молчание 2* не является полным синонимом слова *тишина 2*, и сочетаемость лексем *тишина 2* и *молчание 2* с прилагательными различается.

Ср.: *демонстративное молчание* и **демонстративная тишина*, *нарочитое молчание* и **нарочитая тишина*, *мстительное молчание* и **мстительная тишина* и т.д.

Для ситуации, обозначаемой лексемой *молчание 2*, принципиально наличие в пространстве X^8 человека или людей, который/которые молчат. Молчание людей может быть вызвано разными причинами, например, следствием испуга, удивления, растерянности и т.п. (испуганное молчание, удивленное молчание, растерянное молчание). Но молчание может быть и волевым актом, отражающим особую коммуникативную стратегию: «В отличие от немоты — языкового бессилия, болезненного, аномального состояния, которое человек не выбирает, молчание является свободно избранным поведением. Человек бывает обречен немотствовать, но он осмысленно предпочитает молчать... Индивидуальные стратегии молчания (молчание сокрытия, молчание агрессии, молчание ускользания) показывают, что на уровне бытовой коммуникации молчание функционирует как минус-текст» [4]. Иными словами, молчание может иметь семиотическое значение⁹: демонстративное молчание и нарочитое молчание (молчание как, например, знак протеста), вежливое молчание (молчание из соображений вежливости), мстительное молчание (молчание как, например, «карательная» мера или как сознательное выражение отношения к другому человеку), угодливое молчание и раболепное молчание (молчание, продиктованное низменными намерениями и призванное продемонстрировать определенные чувства к кому-то) и т.п.¹⁰ Для описания таких ситуаций, как нам представляется и как показывает анализ материала, лексема *тишина* не используется. Приведем несколько примеров использования лексемы *молчание 2* для описания ситуаций сознательного выбора субъекта в пользу молчания:

⁸ В отличие от *молчания 3* место является семантическим актантом лексем *тишина 2* и *молчание 2* (см. о понятии семантического актанта в [1, 488]).

⁹ См. в связи с этим рассуждения о семиотическом значении лексем *говорить 4.1* и *говорить 4.3* в [2, 182—189]. Для демонстрации возможности использования в качестве означающего объекта не семиотической природы, приводится следующий пример: *Что ты хочешь сказать своим молчанием?* См. также многочисленные афоризмы, связанные с семиотическим значением молчания: «Молчание — самое совершенное выражение презрения» (Б. Шоу); «Молчание может быть самым тяжким обвинением» (Менандр); *Молчанию трудно остаться тишиной. Оно в любом случае говорит. Вызывающее молчание громче крика* (В.В. Биbihин. Язык философии (1993)) [НКРЯ] и т.д.

¹⁰ Заметим, что, как справедливо указывается в работе М.В. Михайловой, семиотическое молчание в большинстве случаев «негативно заряжено» [4].

(1) *Мы все молча расходимся. Так же прошли подобные собрания и в других лучших театрах Москвы. Нигде не находились желающие выступить, везде царило молчание, многозначительное и демонстративное* (Юрий Елагин. Укрощение искусств (1952)) [НКРЯ]; ср.: * *где царила демонстративная тишина.*

(2) *Ораторствовать на митингах и превозносить мудрость властей выпало секретарям партийных организаций и председателям месткомов. Даже среди коллектива Театра им. Вахтангова, в свое время так несправедливо обиженного Мейерхольдом, не нашлось никого, кто бы захотел бросить в него камень. На собраниях царило многозначительное и демонстративное молчание* (Юрий Елагин. Темный гений (1998)) [НКРЯ].

(3) *Питательные пункты были редки. Вокруг Сердюка возникла зона мстительного молчания. Он стал задумчив* (Давид Самойлов. Общий дневник (1977—1989)) [НКРЯ]; ср.: * *возникла зона мстительной тишины.*

(4) *Тьма, вой, озверение с раннего детства неотрывны для меня от шествия Союза Михаила Архангела, черносотенных банд с портретами «государя императора» на вышитых полотенцах, от харь карателей—белогвардейцев. А рядом — угодливое молчание: меня же не трогают...* (Григорий Козинцев. «Тут начинается уже не хронология, но эпоха...» (1940—1973)) [НКРЯ]; ср.: * *А рядом — угодливая тишина.*

II. Французское существительное *silence* отличается и от русского слова *тишина*, и от русского слова *молчание*.

1. В отличие от *тишины* *silence*, может обозначать не только отсутствие каких-либо звуков (*тишина I*), но и пребывание человека в состоянии «неговорения», в состоянии, когда человек молчит. (рус. *тишина*, как мы отмечали выше, в таком значении не используется): «Silence. 1. (fait de se taire) молчание; *garder le silence* — хранить молчание; *rompre le silence* — нарушить <прервать> pf. молчание, заговорить pf.; *imposer le silence* — заставлять замолчать <...> 2. (absence de bruit) тишина, ↑тишь * f; *un silence de mort* — мёртвая тишина» [ГТ].

Причем именно это значение является исходным значением французского слова: «Silence n.m. 1190; lat. *silentium*. I ♦ 1 ♦ Fait de ne pas parler; attitude de qqn qui reste sans

parler. <...> **II ♦ 1 ♦** (fin XIVE) Absence de bruit, d'agitation, état d'un lieu où aucun son n'est perceptible» [PR, 1650], ≈ **Silence** n.m. '1190; лат. *silentium*. **I ♦ 1 ♦** Не говорить; положение человека, который не говорит **II ♦ 1 ♦** (конец XIV в.) Отсутствие шума, состояние места, где не слышен ни один звук'.

Приведем несколько примеров из [НКРЯ] на *silence I* — 'молчание':

(1) *Когда Крымов окликнул его, он неохотно повернул лицо и лукаво, предостерегающе приложил палец к губам, снова взялся за бинокль* (В.С. Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 2 (1960)). — *Quand Krymov l'interpella, il tourna lentement la tête, mit le doigt sur ses lèvres en signe de silence et reprit ses jumelles* [приложить палец к губам — жест, призывающий к молчанию] [НКРЯ].

(2) *Почему тревожно, болезненно он относился к покаравшему его молчанием меньшевику Дрелингу?* (В.С. Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 3 (1960)). — *Comment pouvait-il s'angoisser, souffrir du silence par lequel Dreling le punissait?* [НКРЯ].

(3) *Нado опасаться не вопросов следователя, а молчания, того, о чем молчит, — Каценеленбоген прав* (Василий Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 3 (1960)). — *Katzenelenbogen avait raison: les questions du juge d'instruction étaient moins redoutables que son silence, ce qu'il taisait* [НКРЯ].

2. В отличие от рус. *молчания I* значение 'отсутствие каких-либо звуков в пространстве X' для франц. *silence* не является устаревшим и широко используется в указанном значении: «2. (absence de bruit) тишина, ↑тишь* f; *un silence de mort* — мёртвая тишина» [ГТ]. Например:

(1) *J'ai éteint la lampe et je me suis couché sur le canapé du salon. De temps en temps, une voiture freinait brutalement au feu rouge de la rue de Courcelles, puis repartait en trombe. Et tout retombait dans le silence* (Patrick Modiano. Quartier perdu (1985)). — *Я погасил лампы и вытянулся на диване в гостиной. Время от времени какая-нибудь машина на улице Курсель резко тормозила у светофора, потом рывком брала с места. И снова все погружалось в тишину* [НКРЯ].

(2) *J'écoute aussi le silence de l'édifice* (Jean Cocteau. Difficulté d'être (1947)). — Кроме того, я прислушиваюсь к тишине здания [НКРЯ].

(3) *Le silence était profond sur la terre; il n'y avait de bruit que dans le ciel.* [Victor Hugo. Les Misérables. Deuxième partie. Cosette (1862)). — На земле царила глубокая тишина, гул стоял лишь в небесах [НКРЯ].

3. Французское *silence* имеет значение, которого нет у русских слов *молчание* и *тишина*. Выражения *en silence, dans le silence* помимо значений 'в тишине' и 'молча, не разговаривая', используются в значении 'тайно, втайне, тайком'¹¹: «*Faire une chose dans le silence, La faire secrètement, avec mystère. Les conjurés concertèrent dans le silence la perte du tyran*» [AD 1935], '*Faire une chose dans le silence* — делать что-л. тайком. ≈ Заговорщики тайком планировали совместные действия, чтобы уничтожить тирана'. Например:

(1) *Всё было уже тихо, или казалось таковым; начальство слишком легко поверило мнимому раскаянию лукавых мятежников, которые злобствовали в тайне и выжидали удобного случая для возобновления беспорядков* (Пушкин, Александр / Капитанская дочка). — *Alors tout était ou paraissait tranquille. Mais l'autorité avait trop facilement prêté foi au feint repentir des révoltés, qui couvaient leur haine en silence, et n'attendaient qu'une occasion propice pour recommencer la lutte* [НКРЯ].

(2) *Затем мы тихо, чуть ли не украдкой или по коридору* (Сергей Довлатов. Заповедник (1983)). — *Nous avons remonté le couloir en silence, presque sur la pointe des pieds* [НКРЯ].

(3) *Images terribles que le principe du mal, existant chez l'homme, éternise, et dont quelques copies se retrouvent de siècle en siècle: soit que ce type entre en pourparler avec les hommes en s'incarnant dans Mirabeau; soit qu'il se contente d'agir en silence, comme Bonaparte; ou de presser l'univers dans une ironie, comme le divin Rabelais* (Honoré de Balzac. L'Élixir de longue vie (1830)). — Эти грозные образы, увековеченные существующим в человеке злым началом, переходят в копиях из века в век: то этот тип становится по-

¹¹ См. о значении русских *тайно, втайне, тайком* в работе И.Б. Левонтиной [3].

средником между людьми, воплотившись в Мирабо, то действует исподволь по способу Бонапарта, то преследует вселенную иронией, как божественный Рабле [НКРЯ].

4. Подобно русскому молчанию 3, *silence* выступает в семиотическом значении, например: Братья вежливо промолчали, стараясь не поднимать бровей (Михаил Булгаков. Белая гвардия (1924)). — *Les frères observèrent un silence poli, en s'efforçant de ne pas hausser les sourcils* [НКРЯ].

III. Итак, мы попытались описать в этой статье специфику русских слов *молчание* и *тишина*, их сходства и их различия, особенности их функционирования, а также использование указанных единиц в семиотическом значении. Мы выделили два значения слова *тишина* и четыре значения слова *молчание*:

1. *Молчание 1, тишина 1* относятся к ситуациям отсутствия каких-либо звуков в некотором пространстве X. Подобные молчание и тишина могут быть нарушены звуками любой природы.

2. *Молчание 2, тишина 2*. Второе значение слов *тишина* и *молчание* (а также третье значение слова *молчание*) является коммуникативным — оно относится к ситуациям отсутствия речевых звуков в некотором пространстве X.

3. *Молчание 3*. В этом значении *молчание* обозначает состояние человека, который не издает никаких звуков голосом, т.е. молчит.

4. *Молчание 4*. Это семиотическое значение слова, отражающее особую коммуникативную стратегию говорящего.

В статье также представлен сопоставительный анализ русских единиц *молчание* и *тишина* и французского существительного *silence*.

Список сокращений

ГТ — Французско-русский словарь активного типа /В.Г. Гак, Ж. Триомф, Г.Г. Соколова и др.: Под ред. В.Г. Гака и Ж. Триомфа. 2-е изд., испр. Москва: Русский язык, 1998.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка // <http://www.ruscorpora.ru>.

AD 1935 — Dictionnaire de l'Académie française. La 8e édition (1932-1935) // http://french_academie.fr/academic.com.

PR — Le Petit Robert. Dictionnaire alphabétique & analogique de la langue française / P. Robert, J. Rey-Debov, A. Rey. — Paris: Dictionnaire LE ROBERT, 1970.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Исследования по семантике и лексикографии. Т. I: Парадигматика. М.: Языки славянских культур, 2009.

2. Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления. М.: Языки славянских культур, 2006.

3. Левонтина И.Б. ТАЙНО, ВТАЙНЕ, ТАЙКОМ, ИСПОДТИШКА, (уходящ.) ВТИХОМОЛКУ, НЕЗАМЕТНО 1, разг. ПОТИХОНЬКУ 2, УКРАДКОЙ // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 2. Под общим руководством Ю.Д. Апресяна. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 328—334.

4. Михайлова М.В. Молчание как форма духовного опыта: Эстетико-культурологический аспект). Дисс. канд. филос. наук. СПб, 1999 // www.dissercat.com/content/molchanie-kak-forma-dukhovnogo-opyta-estetiko-kulturologiches-kii-aspekt#ixzz3.

5. Птенцова А.В. МОЛЧАНИЕ 1, БЕЗМОЛВИЕ 1, ТИШИНА 2 // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 2. Под общим руководством Ю.Д. Апресяна. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 197—199.

6. Птенцова А.В. ТИШИНА 1, необходим. ТИШЬ 2, книжн. БЕЗМОЛВИЕ 2, ЗАТИШЬЕ 2 // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 2. Под общим руководством Ю.Д. Апресяна. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 337—340.

Semantics of silence

E.R. Ioanesjan (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Being a case study of the Russian words *molčanie* and *tišina*, and the French *silence*, the paper deals with the properties of words denoting silence. Their contrastive analysis includes contexts of semiotic usage.

Keywords: Semantics, polysemy, presupposition, assertion, semiotic meaning, communicative strategies.

Актуальные проблемы билингвизма и полилингвизма

в Республике Саха (Якутия)

В.А. Кожемякина (Институт языкознания РАН)

Аннотация

Статья посвящена анализу функционирования языков в социально-коммуникативных сферах в Республике Саха (Якутия). В работе представлены характеристики этнодемографического состава населения, определены особенности использования языков во всех сферах общения на современном этапе, при этом основное внимание уделяется системе образования как наиболее важной области для сохранения и развития национальных языков. Определены параметры использования якутского языка как языка обучения, что особенно важно в настоящее время, когда в российском обществе постоянно обсуждается вопрос обязательности или добровольности изучения государственных национальных языков в условиях их конкуренции с первым государственным языком — русским.

Ключевые слова

Языковое законодательство, языковая ситуация, государственный язык, официальный язык, языковая идентичность, билингвизм, полилингвизм, система образования, коммуникативные сферы, билингвальное образование.

Билингвизм — это многоаспектный феномен, привлекающий внимание ученых в силу большой распространенности этого явления, особенно в наше время, когда языковые контакты приобрели всеобъемлющий характер на фоне глобализации мирового сообщества. Согласно «Словарю социолингвистических терминов», билингвизм определяется как «владение, наряду со своим родным языком, еще одним языком в пределах, обеспечивающих общение с представителями другого этноса в одной или более сферах коммуникации, а также практика использования двух языков в одном языковом сообще-

стве. <...> Билингвизм может быть присущ как индивиду, так и коллективу. Билингвизм возникает в условиях полиэтнического общества и в условиях языковых контактов» [14, 31].

Феномен билингвизма является объектом исследования различных наук, он может рассматриваться с точки зрения психолингвистики (например, исследуются механизмы порождения речи), с позиции лингводидактики (при организации билингвального обучения). Лингвисты исследуют билингвизм с точки зрения теории языковых контактов, где одним из основных предметов изучения является процесс интерференции. Социолингвистика исследует языковое поведение билингва в обществе. С точки зрения социолингвистики билингвизм — это сосуществование двух языков в рамках одного языкового (речевого) коллектива, использующего эти языки в различных коммуникативных сферах. В данной статье будет проведен социолингвистический анализ функционирования языков в Республики Саха (Якутия).

Предполагается, что на земном шаре существует от 6000 до 7000 языков, на которых говорят жители примерно 200 стран. Следовательно, теоретически на каждую страну приходится около 30 языков (в каких-то странах их намного меньше, но в некоторых гораздо больше). Так, например, в Российской Федерации проживают более 100 коренных народов и этнических групп и активно функционируют более 150 языков. Поскольку любое федеративное государство объединяет разные этносы, их сосуществование в границах одной страны предполагает наличие постоянных языковых контактов, что неизбежно приводит всех жителей к владению языком межнационального общения. В Российской Федерации эту роль выполняет русский язык — государственный язык страны. На русском языке говорят 98,2% населения страны, 23% населения владеют еще 38 языками, а остальные 114 языков распространены среди всего 1% населения [2, 5]. Большой интерес для комплексного социолингвистического исследования представляет языковая ситуация в Республике Саха (Якутия), где проживают представители более ста национальностей и где, несмотря на небольшую долю представителей титульной нации (менее половины населения республики), сохраняется и активно развивается якутский язык. Ситуация, ко-

гда носители национальных языков, проживающие в многонациональном государстве, стремятся сохранить свою языковую и этническую идентичность, приобретает особую важность, так как наряду со стремлением сохранить и развивать родной язык, наблюдается и языковой нигилизм, когда народы, проживающие в федеративном государстве, отказываются от своего родного языка, переходя на государственный язык страны.

Целью исследования является изучение статуса и функционирования государственных и официальных языков в республике, определение их роли в якутском обществе. В работе анализируется использование языков во всех сферах общения в республике, где за последние десятилетия наблюдается возрастание коммуникативной мощности якутского языка.

В Республике Саха (Якутия) для якутов их родной язык является не только инструментом общения, но и средством связи со своим этническим коллективом, обеспечивая ощущение этнокультурной идентичности. У якутов важным этноразличительным признаком всегда был и остается язык. «В целом у 87% якутов национальная принадлежность и родной язык совпадают, 3% признали родным русский язык; 10% — оба языка» [15, 21].

Население Якутии по данным Всероссийской переписи населения 2010 г. составило 958 528 человек, из них якутов насчитывалось 466 492 человека. Этнический состав Республики Саха (Якутия) очень разнообразен. Здесь проживают представители более 120 национальностей. Удельный вес якутов в национальном составе населения — 48,6%, русских — 36,9%, чувашей — 2,2%, украинцев — 2,1%, эвенков — 2,1%, эвенов — 1,6%, татар — 0,9%. Особенностью языковой ситуации является тот факт, что, несмотря на свою малочисленность, якуты прекрасно владеют своим этническим языком и активно используют его [4].

В республике функционируют два государственных языка: русский и якутский и пять официальных языков: эвенский, эвенкийский, юкагирский, чукотский и долганский.

Конституция Республики Саха (Якутия) в 1992 г. утвердила, что «государственными языками Республики Саха (Якутия) являются язык саха и русский язык» (ст. 46). При этом в Законе республики «О языках в Республики Саха (Якутия)» (1992 г.) признаётся «неотъемлемое право граждан любой национальности на свободное развитие их родного языка и культуры, равенство всех граждан перед законом, независимо от их родного языка» (ст. 3). «Язык саха как язык коренной нации, давшей название республике, является государственным языком Республики Саха (Якутия)», «Республика Саха (Якутия) осуществляет государственную защиту языка саха и проявляет заботу о расширении его общественных и культурных функций» (Статья 4). «Русский язык на территории Республики Саха (Якутия) является государственным языком и используется как средство межнационального общения» (Статья 5) [5].

Республика Саха (Якутия) осуществляет государственную защиту и проявляет заботу о сохранении и свободном развитии языков народов, населяющих республику: «Эвенкийский, эвенский, юкагирский, долганский, чукотский языки признаются местными официальными языками в местах проживания этих народов и используются наравне с государственными языками» (Статья 6) [5].

Языком титульной нации республики является якутский язык, который относится к якутской подгруппе уйгуро-огузской группы восточнохуннской ветви тюркской семьи языков. Якутский язык имеет три группы диалектов, но между носителями всех диалектов имеется полное взаимопонимание. Диалектные различия проявляются преимущественно в области фонетики и интонации, отчасти — в лексике [18, 593].

Якутский язык — это агглютинативный язык с широким использованием аналитизма. Его особенностью является тот факт, что он находится на географической периферии тюркоязычного мира и поэтому значительно отличается от других тюркских языков. Его родственным языком является долганский, который сформировался в результате взаимовлияния якутского, эвенкийского и русского языков.

История якутского литературного языка делится на два периода: дореволюционный — период формирования донационального литературного языка (первый алфавит

для него был создан в 1819 г. [18, 593]), и послереволюционный — период формирования и развития литературного языка национального типа. Второй период делится на ряд этапов: I этап (1917—1929 гг.) — распространение массовой письменности, расширение общественных функций якутского языка; II этап (1930—1940 гг.) — распространение якутской письменности, развёртывание терминологической работы, издание нормативных словарей, учебников, рост художественной и иной литературы, периодической печати, что повлекло за собой дальнейшую дифференциацию стилей; III этап (1940—1960 гг.) — переход якутской письменности на новую систему на основе кириллицы, дальнейшая кодификация языковых норм; IV этап (с 1960 г. до конца 1980-х гг.) — усиление и новое качественное развитие процесса нормализации якутского языка, обновление учебников, грамматик, издание академических нормативных словарей, укрепление функциональных стилей. С конца 1980-х гг. начинается V этап — широкое движение за возрождение языка как государственного. Была создана законодательная база, был разработан проект обширной Государственной программы по возрождению языка Саха как государственного.

Поскольку литературный якутский язык сформировался только во второй половине XIX — начале XX вв., стили литературного якутского языка находятся еще в процессе формирования. Более развитыми являются художественный, общественно-публицистический, учебно-педагогический, официально-деловой стили. Слабо выражены научно-педагогический и собственно научный стили. Также недостаточно развиты терминологические системы. В конце XX в. в связи с возрождением языковой и этнической идентификации народов, населяющих Российскую Федерацию, начался новый этап в развитии и нормализации якутского языка, активно разрабатываются и создаются терминологические системы, издаются словари, создаются и обновляются учебники.

Владение якутами своим этническим языком всегда было довольно высоким. Языковая ситуация в республике всегда характеризовалась и характеризуется двуязычием коренного населения, в то время как некоренное население, за редким исключением, обычно одноязычно. В республике распространено национально-русское двуязычие сре-

ди якутов и национально-русско-якутское триязычие малочисленных коренных народов. Русский и якутский языки софункционируют практически во всех сферах коммуникации, но во всех сферах по-прежнему доминирует использование русского языка. Следует отметить, что преобладание русского языка характерно для всех субъектов Российской Федерации в силу необходимости владения им всеми группами населения, а также из-за его объективного превосходства, однако в республике якутский язык используется практически во всех сферах, хотя и в разной степени.

Исходя из данных переписи можно определить демографическую мощь якутского языка, т.е. количество носителей данного языка, как 42,8%, демографическая мощь русского языка равна 93,2%.

Основная масса якутов проживает в своей республике, тем не менее, по переписи 2010 г. наиболее крупные якутские диаспоры сосредоточены в Хабаровском крае — 1 417 чел., г. Москве — 1508 чел., Красноярском крае — 1 468 чел., Иркутской области — 858 чел., Приморском крае — 766 чел., Новосибирской области — 629 чел., Магаданской области — 407 чел., Амурской области — 449 чел., Республике Бурятия — 272 чел., Томской области — 285 чел., Свердловской области — 284 чел. [4].

Плотность населения в республике — 0,3 чел./км², одна из самых низких среди субъектов Российской Федерации. Удельный вес городского населения республики в 2010 г. — 64,1%, сельского — 35,9%. Согласно данным переписей 2002 г. и 2010 г. больших изменений в численности городского и сельского населения в Якутии не произошло: в 2002 г. городское население насчитывало 609 999 чел. (64,3%), сельское — 339 281 чел. (35,7%); в 2010 г. городское население составляло 614 383 чел. (64,1%) и сельское население — 344 057 чел. (35,9%) [3; 4].

Анализ функционирования языков в коммуникативных сферах дал следующие результаты.

Сфера массовой коммуникации. По данным Российской книжной палаты в 2018 г., в республике выходили 92 газеты и 34 журнала, из них 44 газеты и 10 журналов изда-

вались на якутском языке. Помимо общереспубликанских изданий в каждом из 34 улусов (районов) республики выходят районные (городские) газеты, которые издаются или на русском, или на якутском языке, 14 газет издаются на двух языках — русском и якутском, две газеты — на трёх языках: русском, якутском, эвенкийском [11].

Радиовещание. В республике с 1935 г. радио вещает на русском, якутском, эвенком, эвенкийском, юкагирском языках. Половина передач выходят на русском языке, 45% — на якутском и 5% — на языке малочисленных коренных народов Севера [13].

Телевещание. На республиканском телевидении среднесуточный объем вещания составляет около 3 часов, среднегодовой общий объем — 1000 часов. Из них передачи на русском языке составляют 62%, на якутском — 33% и 5% — на языках малочисленных народов Севера. С 2002 г. вещает канал «Саха» три раза в неделю на русском языке и два дня — на якутском. В каждом из 34 улусов есть своя телерадиостудия. Передачи на якутском языке ведутся в 8 улусах, на русском — в 11, на русском и якутском — в 15 [13].

Что касается интернета, то в настоящее время официальные сайты Республики Саха (Якутия) работают только на русском языке.

Сфера художественной литературы. На якутском языке издано около тысячи лирических стихотворений, 140 пьес, несколько сотен повестей и рассказов, несколько десятков романов. Существует переводная литература. Издается большое количество произведений фольклора. Издание фольклора началось после второй мировой войны и не прерывается до настоящего времени. Особенно широкий размах оно приобрело в связи с возрождением национальной духовной культуры. Фольклор широко изучается в школах и других учебных учреждениях. В 2018 г. в Якутии было выпущено 331 наименование книг общим тиражом 4845, 25 тыс. экз. Из них на якутском языке — 148 книг и брошюр, общим тиражом 437,8 тыс. экз. В 2018 г. было издано 17 переводных книг, общим тиражом 280 тыс. экз. [11]. Но так как в настоящее время художественная литература часто издается на средства самих авторов, спонсоров, различных фондов, то крайне трудно определить их точное количество.

Театральное искусство и кинематография. На территории республики в театрах используются русский и якутский языки. Традиционно успешно работают на родном языке профессиональные и десятки народных театров, множество самодеятельных коллективов. В последнее время быстрыми темпами развивается кинематография. Государственная национальная кинокомпания «Сахафильм» создает кинофильмы различных жанров. Всего в Республике Саха (Якутия) снято 20 фильмов (8 художественных и 12 документальных) [19].

Заметную роль в современном культурном пространстве республики занимают музеи, которые являются одновременно уникальными научными центрами, такие как Музей Мамонта Академии наук Республики Саха (Якутия) (г. Якутск), центр по изучению мамонтовой фауны и среды её обитания в ледниковый период. В коллекции музея имеется более 2000 костных остатков крупных животных мамонтовой фауны [12]. Он является единственным в мире специализированным музеем уникальных палеонтологических экспонатов, а также Музей Мерзлотоведения Сибирского Отделения РАН — в нем имеется единственная в мире подземная лаборатория в толще вечной мерзлоты [7].

В сфере государственного управления и делового общения якутский язык широко используется при публикации законодательных актов, указов и распоряжений. Все законы Республики Саха (Якутия) публикуются на двух государственных языках — русском и якутском.

Использование якутского языка *в сфере официального делопроизводства* в настоящее время пока ограничено.

В правительстве Республики Саха (Якутия) якутский язык в письменной форме употребляется редко, но довольно активно используется якутоязычными работниками при устном общении. *В местных администрациях* якутский язык используется активно в письменной и устной формах, особенно в сельской местности.

В сфере науки во всех областях знания функционирует русский язык; якутский язык используется в науках гуманитарного цикла: лингвистика, педагогика, литературоведение, культурология. На якутском языке издано много словарей — терминологиче-

ских (по разным отраслям знания), орфографических, двуязычных и многих других. В октябре 2019 г. вышел из печати 15-томный «Большой толковый словарь якутского языка». Особенность проживания тюркоязычного народа на Крайнем Севере всегда привлекала многочисленные научные экспедиции, что привело к тому, что якутский язык с XVII в. был постоянным объектом исследований и в настоящее время считается одним из основательно изученных тюркских языков.

В сфере судопроизводства якутский язык функционирует довольно активно: он используется в письменных и устных решениях суда, в свидетельских показаниях, в защите, в процедуре и в отправлении судебной процедуры клерками, так как в соответствии с Конституцией РФ участники процесса имеют право пользоваться родным языком, при этом государство обязано предоставить им переводчика; любой из участников процесса имеет право ознакомиться с материалами дела на родном языке.

В силу особенностей *сферы сельскохозяйственного производства*, где доля неформального общения значительно выше, в ней используются языки проживающих здесь народов: якутский, русский, эвенкийский, эвенский, юкагирский, долганский и чукотский языки.

В сфере промышленности в официальных ситуациях общения чаще всего функционирует русский язык. Двадцать лет тому назад П.А. Слепцов отмечал, что «в сферах промышленного производства, обслуживания и торговли якутский язык практически не используется ввиду малой занятости в них якутского населения, 75% которого расселено в сельской местности» [18, 594]. В настоящее время занятость якутов в промышленности увеличилась, но на постоянно расширяющемся освоении месторождений полезных ископаемых работает в основном русскоязычное население, активно приезжающее в этот регион.

В сферах обслуживания и торговли в официальных ситуациях общения функционирует русский язык, якутский язык употребляется очень ограниченно — чаще всего в письменной и устной рекламе.

В сфере транспорта в официальных ситуациях общения используется русский язык, якутский язык употребляется ограниченно при устном общении. Но звуковая информация на транспорте (в аэропортах, автобусах и т.п.) предоставляется на двух государственных языках — русском и якутском.

В сфере религии в Республике Саха (Якутия) наблюдается религиозное многообразие, так как здесь сосуществуют представители более 15 различных религиозных течений, представляющих не только три мировые религии (христианство, ислам и буддизм), но и традиционные религии саха и других коренных народов Севера (такие, как шаманизм, тотемизм, культ медведя, промысловый культ — почитание покровителей охотничьего, рыболовного и прочих промыслов, почитание высших божеств, почитание священного огня, солнца, луны, деревьев, птиц, зверей и животных, магию и др.), иудаизм, а также некоторые нетрадиционные для республики религиозные движения [12]. В религиозных службах, ритуалах и обрядах традиционных религий саха используется якутский язык. В православной церкви используется русский и церковно-славянский языки, но существует около ста переводов на якутский язык священных книг и книг по православию.

Весьма интенсивно якутский язык функционирует *в нерегламентируемых сферах общения*: межличностное общение якутов (в семье, быту, при дружеском общении) происходит, как правило, на якутском языке (при условии, что все собеседники — якуты). При общении с лицами другой национальности чаще всего используется русский язык.

Одной из основных сфер функционирования языка, несомненно, является *сфера образования*. Граждане, проживающие на территории Республики Саха (Якутия), имеют право на получение образования на государственных языках Республики Саха (Якутия), а также на выбор языка обучения в рамках возможностей и условий, предоставляемых системой образования. Государство также оказывает содействие в подготовке специалистов для осуществления образовательного процесса на языках коренных народов Республики Саха (Якутия), не имеющих своей государственности в Российской Федерации [5].

По Закону Республики Саха (Якутия) «О языках в Республике Саха (Якутия)» «Гражданам Республики Саха (Якутия) гарантируется свободный выбор языка воспита-

ния и обучения. Языком воспитания в дошкольных учреждениях и обучения в общеобразовательных средних национальных школах, а также в классах и группах, являются саха, эвенкийский, эвенский, юкагирский, долганский, чукотский языки, а в русскоязычных школах — русский язык. В национальных школах русский язык изучается как предмет. В русскоязычных школах, классах и группах, в местах смешанного или компактного проживания якутского населения язык Саха изучается как предмет, а в других местах — исходя из потребностей населения. Местные официальные языки изучаются как предмет в русскоязычных школах в местах компактного проживания малочисленных народов Севера» (гл. III, ст.27) [5].

Если говорить о дошкольном воспитании, то по данным Министерства образования и науки в 2017 г. функционировало 647 дошкольных образовательных организаций и 107 общеобразовательных учреждений, осуществляющих дошкольное воспитание и образование [10]. В дошкольных учреждениях воспитание и обучение на якутском языке ведётся в 451 дошкольном образовательном учреждении (т.е. 58,7%), на русском — в 306 ДООУ (40,3%), на эвенском — в 6 ДООУ, на эвенкийском — 3 ДООУ, на юкагирском — в 1 дошкольном образовательном учреждении [19].

Обучение разговорному якутскому языку организовано в 94 русскоязычных дошкольных образовательных учреждениях, а обучение русскому языку организовано в 302 якутскоязычных дошкольных учреждениях [19].

Особенностью организации системы образования в республике является то, что в силу низкой плотности населения и высокой миграции жителей, 40% дошкольных образовательных учреждений в труднодоступных поселениях состоят из одной-двух разновозрастных групп, более 70% школ находятся в сельской местности, около 30% школ являются малочисленными и малокомплектными [15, 114].

Официально признано, что в системе общего образования в Республике Саха (Якутия) языком обучения являются русский и якутский языки. Якутский язык представлен в системе образования и как язык обучения, и как предмет обучения. Эвенкийский, эвенский, чукотский и юкагирский языки преподаются как предмет.

В настоящее время, когда активно обсуждается проблема сохранения и развития языков титульных наций субъектов Российской Федерации, особое внимание уделяется использованию этих языков как языков обучения.

Анализ различных отчетов Министерства образования и результатов исследований выявил, что в Республике Саха (Якутия), как и во всех других республиках Федерации, якутский язык не является языком обучения, хотя это всегда признается как данность. В школах республики «в случае выбора родного языка ребенок будет обучаться на этом языке, но только до 4-го класса включительно. Причем и в этом случае в начальной школе русский язык обязательно изучается в качестве предмета. Далее с 5-го класса он будет обучаться только на русском языке по русскоязычным учебникам. Исключение делается только для предметов «родная литература» и «родной язык», если эти предметы изучаются в той школе» [17]. Министерство образования и науки Республики Саха (Якутия) в 2017 г. подтвердило, что система общего образования включает три действующие модели языка обучения: 1) обучение ведется на родном (русском) языке учащихся во время всего периода школьного образования; 2) обучение проходит на родном (нерусском) языке с последующим переходом на русский язык; 3) язык обучения — русский, а изучение родного языка организуется как предмет [8]. Тем не менее следует рассмотреть статистические данные по школам республики за 2016/2017 учебный год, которые представляет Министерство образования и науки Республики Саха.

Использование языков как средства обучения. В 2016/2017 учебном году в республике было 652 общеобразовательных организаций, в 280 из этих школ основные образовательные программы начального, основного и среднего общего образования полностью реализуются на русском языке (42,9% от общего количества школ, в которых обучается более 60% от общего количества обучающихся), школ с родным (саха) языком обучения — 368 (56,4% от общего количества школ с охватом около 40% от общего количества обучающихся) [10].

Язык саха как государственный изучается как учебный предмет на добровольной основе в 121 школе (19900 учащихся). Что касается родных языков коренных малочис-

ленных народов Севера, то они изучаются по выбору. Эвенский язык преподается в 24 школах (1189 учеников). Эвенкийский язык изучается в 18 школах (1574 чел.). Юкагирский — в 6 школах (129 учеников). Чукотский язык — в трёх школах (73 чел.). Изучение долганского языка проводится факультативно в 1 школе, где обучается 117 учащихся [10].

В средних специальных учреждениях обучение проводится на русском языке, якутский язык, при необходимости, изучается как предмет.

В университете и в вузах республики преподавание ведётся на русском языке, только в Северо-Восточном федеральном университете имени М.К. Аммосова якутский язык является языком преподавания якутской и тюркской филологии и национальной культуры.

Что касается учебной и методической литературы, то она издаётся в большом количестве и довольно большими тиражами. Так, например, существует более 200 учебников для дошкольных учреждений, начальной и средней школы, более 10 учебников — для высшей школы, которые постоянно переиздаются. Издаётся также неповествовательная проза для разных уровней — существует примерно 800 книг.

Следует еще раз констатировать, что нельзя охарактеризовать образование в школах с якутским языком обучения действительно билингвальным, несмотря на то, что и в официальных документах, и в научных трудах образование в Республике Саха (Якутия) называется часто именно билингвальным [1; 6; 9; 15]. «Билингвальное образование — это система обучения на двух языках одновременно», при которой содержание обучения характеризуется совмещением языкового и предметного компонентов [9, 26]. Школьное билингвальное образование подготавливает детей к жизни в бикультурном или мультикультурном обществе. К сожалению, в Якутии, как и в других субъектах РФ, имеется только тенденция к получению билингвального образования, т.к. до настоящего времени в школах с так называемым якутским языком обучения на национальном языке изучаются родной язык и литература (иногда курс «Культура народов Республики Саха (Якутия)»), а другие дисциплины преподаются на русском языке, что, несомненно, вызвано

необходимостью сдавать выпускные экзамены по государственным программам на русском языке, а также иногда это связано с недостаточной разработанностью терминологических и стилистических систем национальных языков, отсутствием методической базы и учебных пособий для их преподавания. Следует охарактеризовать школы, заявленные как учреждения с якутским языком обучения, школами со смешанным обучением, так как большая часть учебных дисциплин в этих школах преподается на русском языке.

Отмечая нарастающую в Республике Саха тенденцию к билингвизму с увеличением компонента родного языка во многих сферах и, в том числе, в сфере воспитания и образования молодого поколения, следует признать наличие таких сдерживающих факторов, как государственные выпускные экзамены по государственным программам на русском языке, так как только успешная сдача этих экзаменов открывает учащимся доступ к высшему образованию; а также нехватку преподавательских кадров высокой квалификации и, как следствие, нехватку школ с преподаванием национального языка обучения. Следует также отметить, что специалисты мало уделяют внимания проблемам билингвального образования в республике, так как многие исследования, посвященные задачам билингвального образования в республике Саха, ограничиваются сравнением количества учебных часов, отведенных на изучение русского и якутского языков и литературы на этих языках, не анализируя особенности преподавания других предметов [1; 6]. К этому стоит добавить еще то, что у части городской якутской молодежи в последнее время наблюдается языковой сдвиг в сторону русского языка [17, 152], что объясняется доминирующим положением русского языка в обществе и более широкими перспективами карьерного роста при получении образования на русском языке.

В целом, исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что языковая ситуация Республики Саха (Якутия) характеризуется двуязычием (русский и якутский языки) и многоязычием разных сочетаний.

Интерес вызывает тот факт, что на якутском языке говорят не только этнические якуты, но и представители других народов, населяющих республику, поскольку ранее

якутский язык выполнял роль регионального языка межнационального общения на северо-востоке Сибири и на нем общались представители разных северных народов.

В республике уровень сохранности этнического языка титульной нации остается довольно высоким, он используется практически во всех сферах общения, а также наблюдаемое за последние десятилетия увеличение коммуникативной мощности якутского языка свидетельствует о том, что якутский язык имеет высокую степень витальности и хорошие перспективы его дальнейшего развития. В Якутии существуют все необходимые условия для сохранения и развития якутского языка, что нельзя сказать о языках малочисленных коренных народов Сибири.

Современная языковая ситуация в республике показывает, что эвенкийский и эвенский относятся к тем языкам, которые имеют неутешительные прогнозы об их сохранении и развитии, а юкагирский является исчезающим.

Языковую ситуацию в Республике Саха (Якутия) можно охарактеризовать как двухкомпонентную, экзогlossную и несбалансированную.

Литература

1. Аргунова Т.В. Лингвистическая образовательная политика в РС (Я): языковая ситуация и функциональное соотношение языков в сфере образования // Современные языковые процессы в Республике Саха (Якутия). Новосибирск: Наука, 2013. С. 67—87.
2. Введение. Языковая ситуация и языковая политика в современной России // Язык и общество. Энциклопедия. М.: Азбуковник, 2016. С. 5—16.
3. Всероссийская перепись населения 2002 года // <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17>.
4. Всероссийская перепись населения 2010 года // https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm.
5. Закон «О языках в Республике Саха (Якутия)» (с изменениями на: 30.05.2017) // <http://docs.cntd.ru/document/804911252>.

6. Иванова Н.И. Языковые установки Саха в сфере образования в контексте современных экстралингвистических реалий (по материалам опросов в г. Якутске) // Новые исследования Тувы (The new research of Tuva), 2018. № 1. С. 153—167.
7. Музей истории изучения вечной мерзлоты. Институт мерзлотоведения СО РАН // <http://arran.ru/?q=ru/node/716>.
8. О вопросе языка обучения в школах Республики Саха (Якутия). 30 сентября 2017. Министерство образования и науки Республики Саха (Якутия) // <https://minobrnauki.sakha.gov.ru/news/front/view/id/2815353>.
9. Позднякова А.А. Билингвизм и билингвальное образование // Наука и школа. 2012. № 4. С. 25—27.
10. Публичный отчет Министерства образования и науки Республики Саха (Якутия) за 2017 год // <https://minobrnauki.sakha.gov.ru/files/front/download/id/1781211>.
11. Российская книжная палата. Статистика // <http://www.bookchamber.ru/statistics.html>.
12. Сайт «Якутскъ» // <https://www.yakutskhistory.net>.
13. Самсонов Н.Г. Доклад, прочитанный на Совете по русскому языку при Правительстве РФ 5 января 2003 года // http://gramota.ru/biblio/magazines/mrs/28_496.
14. Словарь социолингвистических терминов /отв. ред. Михальченко В.Ю. М: Российская академия наук, Институт языкознания РАН, 2006.
15. Современная этноязыковая ситуация в Республике Саха (Якутия). Социопсихолингвистический аспект /отв. ред. Слепцов П.А. / Новосибирск: Наука, 2013.
16. Социолингвистические аспекты функционирования якутского языка в г. Якутске: цифры и факты. М.: Языки народов мира, 2017.
17. Чеповская А. Как соседствуют два государственных языка в якутских школах // <https://iz.ru/842116/anastasiia-chepovskaia/za-rodnoi-partoi-v-natcshkole-iakutska-naidut-mesto-dlia-russkikh-detei>.

18. Якутский язык // Письменные языки мира. Языки Российской Федерации. Социолингвистическая энциклопедия. Книга 1. М.: Институт языкознания РАН. 2000. С. 575—594.

19. SakhaNews. Информационно-аналитический портал // <http://www.lsn.ru/11116.html>.

**Current issues of bilingualism and polylingualism
in the Republic of Sakha (Yakutia)**

**V.A. Kozhemyakina (Institute of linguistics,
Russian Academy of Sciences)**

The article analyses functioning of the languages in communicative spheres in the Republic of Sakha (Yakutia). The work presents the characteristics of the ethnodemographic composition of the population, defines the peculiarities of languages' actual usage in all spheres of communication at the present stage, and focuses on the education system as the most important area for preservation and development of languages. Parameters are defined for the use of Yakut as a language of education, which is particularly important now when the Russian society is constantly discussing the obligatory or voluntary study of State national languages in the context of their competition with the first State language, that is Russian.

Keywords: Language legislation, language situation, state language, official language, language identity, bilingualism, polylingualism, education system, communicative spheres, bilingual education.

**Общенаучные понятия в названиях научных публикаций на русском языке и
их перевод на английский язык: контрастивный анализ**

Н.К. Рябцева (Институт языкознания РАН)

Аннотация

В статье показаны отличия в использовании общенаучных понятий в названиях научных публикаций на русском и на английском языке, указаны условия их опущения при переводе на английский язык, принципы их перевода с русского языка на английский и случаи их замены служебными элементами. Особое внимание уделяется соответствующим когнитивным и коммуникативным доминантам, характерным для аутентичной научной речи на русском и на английском языках.

Ключевые слова

Общенаучные понятия, названия научных публикаций, перевод, аутентичность.

1. Постановка проблемы

Общенаучные понятия типа *проблема, сущность, исследование, закономерность, анализ, метод, процесс, механизм, изучение, исследование, возможность* и др. активно используются в названиях научных публикаций на русском языке, где они играют важную роль — организуют название, придают ему связность и законченность, отражают особенности научного стиля речи на русском языке и др. [5; 6, 69; 10; 37], например: «Метод моделирования в философии научного познания и трансдисциплинарной науке о переводе»; «Возможности изучения процесса перевода специального текста на неродной язык студентами нелингвистами с помощью протоколов мышления вслух» (КИЯ № 34).

Большинство общенаучных понятий, характерных для названий научных публикаций на русском языке, в аутентичных названиях научных публикаций на английском языке не используется (по целому ряду причин). Там они оказываются слишком общими и потому плеонастическими элементами (подробнее см. [13; 16; 22; WGRPT-TA] и др.).

Исключение составляют, в первую очередь, некоторые классы устойчивых выражений, которые содержат в своем составе общенаучные понятия, и которые сложились и «устоялись» в качестве терминологических понятий в научном стиле на английском языке в процессе развития научной коммуникации.

В этом отношении можно выделить два предельно показательных явления в научной речи на английском языке: использование общенаучных понятий в составе номинативных конструкций (НК) вида «существительное + существительное» (N + N (+ N + N), etc.) и их производных, и терминологизация общенаучных понятий в составе устойчивых «дисциплинарно-ориентированных» оборотов и выражений. Чаще всего эти две тенденции «сливаются» воедино, в частности, в виде развернутых и распространенных номинативных конструкций, и оказываются чрезвычайно эффективно совместимыми: устойчивыми (и потому общепонятными и общепринятыми), компактными, «компрессированными» и семантически насыщенными, ср. *исследования в области теории (и практики) перевода* vs. *translation studies*.

Таким образом, целью данной статьи является показать, что активно практикуемый дословный перевод на английский язык названий научных публикаций на русском языке (в отечественных научных журналах, материалах международных конференций, сборниках трудов и др.) с точки зрения перевода общенаучных понятий часто оказывается «плеонастичным» и неаутентичным: не соответствует нормам научной речи на английском языке. При этом в данной статье особое внимание уделяется переводу общенаучной лексики с русского языка на английский, особенностям употребления номинативных конструкций в названиях научных публикаций на английском языке и терминологизации общенаучных понятий в составе устойчивых, общепринятых, общепонятных и аутентичных терминологизированных выражений, оборотов и номинативных конструкций в научной речи на английском языке.

2. Материал и принципы исследования

В качестве материала исследования был использован специально созданный корпус аутентичных названий научных публикаций на русском языке из следующих источ-

ников: оглавление журнала «Вопросы когнитивной лингвистики» (ВКЛ) за 2018—2019 гг., и выпуски издания «Когнитивные исследования языка» (КИЯ № 34, 35), которые являются высокорейтинговыми отечественными периодическими изданиями, а также весьма содержательными и качественными собраниями перспективных лингвистических исследований. Аутентичные названия на английском языке представляют собой преимущественно оглавления за 2018—2020 г. ведущих англоязычных лингвистических журналов, индексируемых в международной базе Скопус: *Journal of Pragmatics* (JP), *Journal of English for Academic Purposes* (JEAP), *International Journal of Lexicography* (IJL), *Cognitive Linguistics* (CL), *Discourse and Communication* (DC), *Communication Theory* (CT) и др. В корпус были также включены переводы с русского языка на английский названий научных публикаций, вошедших в указанные источники на русском языке. Полученный таким образом корпус «Russian vs. English Titles vs Russian–English Title Translations», («RETT»), включает 1400 аутентичных названий на русском и на английском языке (по 700 на каждом из языков), а также 700 переводов названий с русского языка на английский, содержащихся в указанных русскоязычных источниках. Общий объем корпуса составляет 2100 единиц. В ряде случаев привлекается дополнительный иллюстративный лингвистический материал из других источников, в частности, из различных корпусов научных издательств ведущих британских университетов (см. рубрику «Сокращения и источники» в конце статьи).

Исследование заключается в сопоставлении использования общенаучных понятий в аутентичных названиях научных публикаций на русском и на английском языке, в изучении особенностей функционирования номинативных конструкций (НК) в научной речи на английском языке, роли общенаучных понятий в их образовании и употреблении, и особенностей терминологизации общенаучных понятий в английском языке, в первую очередь, в составе НК, а также в экспликации особенностей функционирования общенаучных понятий в названиях научных публикаций на русском языке, особенно с точки зрения их перевода на английский язык.

3. Сравнение использования общенаучных понятий в аутентичных названиях научных публикаций на русском и на английском языке

В названиях научных публикаций на русском языке, как уже отмечалось, общенаучные понятия, в отличие от названий на английском языке, используются легко, свободно, естественно, в неограниченном количестве (в некотором смысле) и, в принципе, независимо от области знания. Ср. выделенные *курсивом* понятия в названиях публикаций по лингвистике и по микробиологии: «Когнитивные *механизмы* как *основа* структурно-семантического *моделирования* *процесса* фразеологической деривации»; «Структурно-динамические *исследования* внутри- и межмолекулярных *взаимодействий* амилоидогенных пептидов и их предшественников для *установления* молекулярных *механизмов* патогенеза и *разработки* таргетных *методов* терапии нейродегенеративных заболеваний». При этом словоупотребления и словосочетания типа *механизм, основа, моделирование процесса, исследование взаимодействия, установление механизмов, разработка методов* и т.п. нельзя назвать терминологическими.

Как показывают подсчеты, в подавляющем большинстве названий научных публикаций на русском языке (до 95% от общего объема корпуса) содержится от одного до четырех общенаучных понятий, которые выполняют эксплицирующую, связующую, интерпретирующую и т.п. функцию, как выделенные *курсивом* понятия в следующих примерах: «*Проблема определения* когнитивных составляющих *модели* перцептивного *опыта*», «*Особенности объективации категории* общей оценки ментефактов (на материале английского языка)» (КИЯ № 34); «*К вопросу о соотношении* когниции и эмоции в *процессе* концептуализации: междисциплинарный *подход*», «*К вопросу об истории и некоторых перспективах* исследования когниции», «*Актуальные вопросы* когнитивного терминоведения: терминологическая компетенция», «*К уточнению понятия* «медиасобытие»» (КИЯ № 35). В корпусе на английском языке, напротив, подавляющее большинство общенаучных понятий (до 80%) входит в состав терминологических групп.

Таким образом, принципы использования общенаучных понятий в научной речи на русском и на английском языке существенно отличаются вообще, а в названиях науч-

ных публикаций в особенности, поскольку именно название играет особую информативную, коммуникативную, прагматическую, «компрессирующую» (содержание), «выделительную», «конституирующую», метатекстовую, референциальную, «аттрактивную» и др. функции в научной коммуникации [22; 28; 31; 32; 33; 34; 35; 39 и др.] (а также во всех других видах коммуникации; см., например, [3; 7; 9; 19] и др.). При этом можно добавить, что исследователи названий произведений в других видах творчества особо отмечают, что названия произведений живописи, драматургии, киноискусства и других сходных жанров почти никогда не переводятся дословно и даже редко — близко по смыслу (см. [24] с последующей литературой).

4. Общенаучные понятия в номинативных конструкциях английского языка и в аутентичных названиях научных публикаций

Как отмечается в [4, 3—14], «Важнейшей грамматической характеристикой английского языка является синтаксизация имени и связанная с ней номинативность английского языка. Под номинативностью понимается склонность современного английского языка к особому способу системного выражения лексических и грамматических значений, при котором основным средством оказывается имя существительное. Наиболее наглядно процесс именной синтаксизации иллюстрируют многокомпонентные именные сочетания. Так, современный английский язык, значительно изменив свой характер в ходе своего развития, предстает на современном этапе как язык аналитического типа с относительно слабо представленной морфологией и сильно развитым синтаксисом. Слабо развитая морфология современного английского языка создает особые условия для роли лексики как «носителя» синтаксической структуры при формировании речи. Таким образом, в современном английском языке именно лексика и синтаксис оказываются двумя основными механизмами для речеобразования. Хорошо развитая синтаксическая система, характеризующая современный английский язык, достигается особым устройством его грамматического строя. Слово и его морфологические корреляты — части речи — не обладают разветвленной формальной парадигмой, что обусловлено особенностями исторического развития английской грамматики. В силу этого удельный вес синтаксиса в

грамматической системе этого языка превалирует над морфологией, и первый берет на себя способы выражения целого ряда грамматических отношений, в том числе атрибутивные. Не имея при этом формальных показателей связи, таких, как падежные и другие окончания, или весьма скудно представляя их, слово чаще всего соединяется с другими словами лишь самым фактом соположения последних. Таким образом, английское словосочетание формируется как особо тесное единство в структурном отношении, и чаще всего единственным формальным показателем синтаксической связи между компонентами словосочетания оказывается синтаксическое средство — порядок слов. При этом широчайший слой в общей массе именных словосочетаний в английском языке составляют сочетания двух существительных, соединенных без помощи каких-либо морфологических показателей, где синтаксическая взаиморасположенность часто становится ведущим признаком в определении значения всего словосочетания. Широкая представленность сочетаний последнего типа в общей массе атрибутивных групп, число которых постоянно растет, в значительной степени определяет общую картину функционирования именного словосочетания в современном английском языке. В результате английское именное словосочетание имеет особый характер по сравнению с соответствующими ему единицами в остальных языках. Тесная спаянность компонентов в английском именном словосочетании обуславливается, в первую очередь, самим строем современного английского языка, в котором соединение элементов в словосочетании происходит посредством их соположения... Беря свои истоки в грамматическом потенциале английского имени существительного, номинативность формируется на уровне синтаксиса в виде многокомпонентных именных цепочек, возможность распространения которых в линейной цепи теоретически безгранична» [4, 3—14].

Такое функционирование существительного в английской речи говорит об имеющей в ней место синтаксизации имени. Являясь значимой речевой характеристикой английского синтаксиса, она приводит к формированию языковых особенностей, создавая своеобразный номинативный характер современного английского языка. Являясь первоначально присущей лишь отдельным функциональным стилям, номинативность расши-

ряет свою репрезентативную сферу и становится общезыковой характеристикой, первоначально предельно характерной для письменной речи. Особо важное место номинативные конструкции занимают в научной речи на английском языке вообще, и в названиях научных публикаций в особенности.

В результате в типичных аутентичных названиях научных публикаций на английском языке одной из наиболее часто используемых конструкций являются характерные для него семантико-синтаксические средства «свертывания» информации — номинативные конструкции (НК) — *nominal groups / phrases, noun-noun phrases*, отсутствующие в грамматике русского языка (и других языков). («The major findings show the prevalence of nominal-group titles as a linguistic strategy of scientific discourse rather than as a disciplinary, generic or language characteristic» [39, 90]). Номинативные конструкции являются одним из наиболее показательных, эффективных и уникальных именно для английского семантического синтаксиса конструкционных средств, обладающих целым комплексом свойств: это компактность формы, компрессия содержания, смысловая емкость и т.д. («Noun groups are foundational to scientific English» [29, 162]). Так, среди наиболее характерных для научной речи на английском языке черт М. Халлидей, помимо особой «лексической плотности» научного текста на английском языке и ведущей роли в нем номинативных конструкций, особо отмечает в нем такое (соответствующее «контекстуальным» номинативным конструкциям) явление, как «грамматическая метафора» («grammatical metaphor») [29, 162], которая представляет собой «контекстно-обусловленную» форму НК.

Это синтактико-семантическая конструкция, которая часто носит терминологический характер или предполагает номинализацию предшествующего (терминологического) контекста в виде компактной и семантически насыщенной номинативной конструкции. («This category of semantic construction nominalizes previously-described processes, forming lexically dense blocks that are, in more accessible terms, ‘verbs-turned-nouns describing other nouns’» [30, 128]). Например, НК «glass crack *growth* rate» в свернутом виде содержит следующую информацию: «the rate at which a crack in glass will *grow*» (заметим,

что последний компонент в этой конструкции, выделенный *курсивом*, не носит терминологического характера). Благодаря такому мощному средству сворачивания информации, как НК, повышается информативность текста и его названия, их «дискурсивная насыщенность» (discursive power: «Moving from the clausal mode of grammar to the nominal mode, one tends to gain in discursive power» [29, 197]), а также и при этом понижается его «доступность»: адресатом такого текста становится специалист (expert reader) [30, 129]. Более того, в настоящее время наблюдается более активное использование номинативных групп в научном тексте по сравнению с предшествующими периодами [22], а благодаря происходящей при этом «компрессии» информации соответственно возрастает ее имплицитность и информационная емкость («Noun-noun phrases make the expression of logical relation among elements implicit rather than explicit in academic writing» [21, 12]; «Nominalizations... make the writing compact by reducing redundancy» [40, 3]).

Не случайно два выдающихся специалиста в области когнитивной лингвистики, являющиеся авторами широко известной теории интегральных пространств, Ж. Фоконье и М. Тернер, уделили именным группам в английском языке особое внимание. Так, они отмечают, что «Мысленное связывание двух ментальных пространств компонентов N1 и N2 в единую номинативную конструкцию осуществляется с помощью восстановления (или сворачивания) предиката, не отраженного в поверхностной структуре конструкции N + N, и выявления их трехчленной структуры. Предикат является центральным звеном (компонентом) пропозиции, на когнитивном уровне — концептуальным элементом, связывающим два ментальных пространства N1 и N2, а на языковом уровне — словом, семантика которого латентно присутствует в конструкции и организует ее компоненты, что позволяет связать (или восстановить) смысловые отношения между существительными» [26; 8, 173].

«Обратной стороной» данной ситуации выступает необходимость использования номинативных конструкций в научных текстах, переведенных на английский язык с языков, в которых подобных конструкций и средств заведомо нет. («Noun groups are especially problematic for non-native speakers» [30, 135]). Поэтому считается, что использование

НК в переводах научных статей на английский язык, их названий и аннотаций к ним требует особых навыков, знаний и экспертного уровня подготовки, которые обязательно учитываются при принятии к публикации в международном журнале конкретной научной статьи. Так, специальное корпусное исследование бразильских международных медико-биологических журналов [30] показало, что наиболее частотными и характерными случаями интерференции при переводе с португальского языка на английский выступает нарушение сочетаемости (*awkward collocation*) — 25,5% случаев, а также неправильные формы номинативных конструкций (*nominal group error: subset of awkward collocation*) — 15,2% случаев. К этому следует добавить, что в переводах научных публикаций с русского языка на английский количество НК значительно меньше, чем в текстах носителей языка.

Так, специально проведенное нами корпусное исследование показало, что в четырех последних номерах журнала (ВЛК, 2019), содержится 63 статьи, в переводах названий которых на английский язык употреблено 30 номинативных конструкций (причем некоторые из них нельзя назвать аутентичными: *language individual*, *language realization*, *culture-related character*, *(based on the Russian verb material)* и др. [11; 15]). Тогда как в четырех последних номерах журнала (IJL, 2019) и в шести последних номерах журнала (CL), содержащих в общей сложности 56 статей, употреблено 57 номинативных конструкций, в первую очередь, специального или терминологического свойства, которые чрезвычайно характерны не только для научной речи на английском языке, но и для названий научных публикаций и аннотаций к ним — в особенности, например: *language acquisition*, *language processing*, *sign language*, *language shift*, *discourse features*, *case study*, *construction grammar*, *metaphor construal*, *dialect area*, *particle verbs*, *participle clause*, *address inversion*, *event integration*, *noun phrase structures*, *noun phrase alternation*, *verb constructions*, *concept characteristics*, *modification patterns*, *perception verbs*, *connector usage*, *usage patterns*, *dictionary use*, *research quality*, *pronunciation dictionary*, *electronic dictionary use*, *dictionary presentation*, *cognitive load theory*, *involvement load hypothesis*, *a collocation retrieval tool*, *open-access articles*; *a user-generated dictionary*, *bilingual dictionary synonyms*

etc. (IJL, 2019, 2020), (CL, 2019) и др. Из сказанного следует, что при переводе на английский язык названий на русском языке (и аннотаций к ним) следует активно использовать номинативные конструкции, особенно терминологического характера, см., например, аутентичные названия: «The Image of the Monolingual Dictionary Across Europe: Results of the European Survey of Dictionary Use and Culture» (IJL, 2019); «Towards a Discourse Approach to Critical Lexicography» (IJL, 2019, Sept.); «The Visual Citizen in a *Digital News Landscape*» (CT, 2019, Nov.).

Таким образом, типологические особенности языка, тенденция к экономии языковых средств, аналитическая деятельность человеческого мышления, особенности исторического развития языка и др. приводит, в частности (и в особенности) в английском языке, к широкому распространению номинативных конструкций вида N+N (+N и т.д.), которые в компактной и свернутой форме несут большую информационную нагрузку, что обеспечивает их широкое использование в разного рода заголовках во всех стилях и жанрах речи, особенно в прессе ([2; 20] и др.), а также в названиях научных публикаций на английском языке, в их подзаголовках, аннотациях и т.п. [29; 38, 136—146]. Так, в аутентичных названиях научных публикаций на английском языке номинативные конструкции образуют самую распространенную конструкцию, которая используется в большинстве названий публикаций минимум один раз (максимум — до пяти раз), и может включать в свой состав до пяти (в принципе и более) компонентов; см. выделенные *курсивом* номинативные конструкции и связанные с ними активные словообразовательные модели в названиях: ««*Topic chains* in dialogues», «Towards a process view of adherence» (JP, 2019, v. 154), «*Surprise routines* in scientific writing» (CL, 2015, № 13), «Discourses around *climate change* in Brazilian newspapers: 2003–2013» (DC, 2019, №13 (2)), «Effects of notetaking instruction on intermediate and advanced L2 English learners: A quasi-experimental study», «Aspect in Mandarin Chinese: A corpus-based study»; «Single author self-reference: Identity construction and pragmatic competence», «Mapping English language proficiency cut-off scores and pre-sessional EAP programmes in UK higher education» (JEAP, 2020, Jan.–June).

Дисциплинарные термины в форме номинативных конструкций часто включают в свой состав общенаучную лексику и приобретают свойство идиоматичности, которое считается в (любом) языке (по целому ряду причин) весьма продуктивным, хорошо структурированным и заслуживающим серьезного грамматического анализа явлением, которое, в частности, характеризуется такими свойствами, как «композиционная семантика», «фамильное сходство» и др. («the realm of idiomaticity in a language includes a great deal that is productive, highly structured, and worthy of serious grammatical investigation... into the principles of compositional semantics, family resemblance etc» [27, 501, 504, 507]. Возникающие в процессе терминологизации номинативных конструкций и их идиоматизации (узко-) дисциплинарные понятия в большинстве случаев не допускают свободной замены компонентов, которая влечет потерю и идиоматичности, и терминологичности устойчивого словосочетания, ср. устойчивые (идиоматичные) «экстенсивные» номинативные терминологичные конструкции, в которых общенаучные понятия выделены курсивом: *speech-accompanying gesture, language and communication difficulties, a process view of adherence, multilingual computer assisted language learning.*

Так, в результате дословного перевода с русского языка на английский названий научных публикаций широко распространенного в отечественной лингвистике термина «речевая деятельность» получается неупотребительное в английском языке словосочетание **speech activity*, которое в нем оказывается плеонастичным, поскольку *speech* в английском языке уже включает в свое значение компонент «activity», в отличие от других явлений, понятий и терминов: *a speech act, a speech event, a speech situation*, ср. *research activities*. См. пример из (КИЯ № 34): «Когнитивное моделирование *речемышлительной деятельности* (на материале лингвосемантических полей предельных категорий)» — «Cognitive modelling of *speech and thought activity* (based on linguistic semantic fields of finite categories)»; «Перевод как *речевая деятельность*: когнитивнопсихолингвистический подход» — «Psycholinguistic paradigms of studying translation as bilingual *speech activity*». (Справедливости ради следует сказать, что в общеупотребительном английском языке используются выражения *speech activities, speaking activities*).

Таким образом, в научной речи на английском языке наиболее существенной чертой общенаучной лексики является ее использование в составе номинативных конструкций, которые чаще всего приобретают терминологический и идиоматический характер, и компоненты которых не могут быть свободным образом заменены произвольно на их синонимы или аналоги, ср. «Категоризация действительности в специальной картине мира» — «*Categorization of reality in specialist worldview*» (КИЯ № 34) vs. *Reality categorization in professional worldview*».

5. Принципы терминологизации номинативных конструкций, роль общенаучных понятий в их организации и их перевод с русского языка на английский

Ниже приводятся активно и широко употребляемые в различных лингвистических дисциплинах, в названиях организаций на английском языке, а также в названиях аутентичных публикаций развернутые, устойчивые и общепринятые терминологические номинативные конструкции с ключевым компонентом *-based*: evidence-based dialectics, case-based strategy, theory-based benchmarking, team-based empirical studies, knowledge-based asset management, web-based software, web-based systems; Centre for East European Language Based Area Studies и т.д.; ср. названия научных публикаций: «Conceptual and methodological advances in practice-based studies», «A knowledge-based solution for automatic mapping in component based automation systems».

Приведенные примеры показывают, что в английском языке терминологизация номинативных конструкций, включающих общенаучные понятия, часто происходит по аналогии, на основе «фамильного сходства», в результате использования активных коммуникативных моделей и т.д. Так, одним из типичных способов обозначения исследований в какой-то конкретной области выступает модель с указанием объекта исследования и общенаучного (компактного, объемного, общепонятного и традиционного для научной речи на английском языке) понятия *Studies*: *Discourse Studies*, *Speech Studies*, *Cognitive Studies*, *Translation Studies* и др., см. «Когнитивный подход в изучении метафорической концептуализации» — «*Cognitive approach to the study of metaphorical conceptualization*» (КИЯ № 34) vs. «*Cognitive studies in metaphorical conceptualization*». Факт терминологиза-

ции и потому идиоматизации подобных конструкций нередко игнорируется при переводе с русского языка на английский, ср. устойчивое терминологическое понятие *Translation Studies* и примеры дословного перевода названий научных публикаций с русского языка на английский: «Реперные точки как инструмент экспериментального *исследования* и оценки качества *перевода*» — «Markers in empirical *translation research* and translation quality assessment»; «Метод моделирования в философии научного познания и трансдисциплинарной *науке о переводе*» — «Modeling method in philosophy of science and transdisciplinary *science of translation*» (КИЯ № 34); ср. также устойчивые номинативные конструкции: *translation difficulties, translation problems, translation purposes, business translation, machine / computer translation, translation services / agency, translation purposes* и др.

Таким образом, важнейшим принципом в переводе общенаучных понятий с русского языка на английский, в частности, в составе названий научных публикаций, является их использование в составе устойчивых терминологических номинативных конструкций, характерных для научной речи на английском языке, ср. «заголовкам, несущим термины, может быть присвоена общая позитивная прагматика» [3, 14].

Вторым важным принципом в переводе общенаучных понятий в составе названий научных публикаций с русского языка на английский является следующий: если общенаучное понятие стоит в начале названия, то его при переводе можно (а часто — лучше) опустить, ср. «Метод когнитивного моделирования в обучении словарному составу английского языка делового общения» — «*The method of cognitive modelling in Business English vocabulary acquisition*» (КИЯ № 34) vs. «Cognitive modelling in Business English vocabulary acquisition» (подробнее см. [16]).

Третьим важным принципом в переводе общенаучных понятий с русского языка на английский в составе названий научных публикаций в первую очередь в случае, если они употребляются в качестве «связующе-интерпретирующих» конструкций внутри названия научной публикации на русском языке в виде таких выражений, как *через призму, в свете, в контексте, на основе, на примере (анализа), на базе* и др. [15], является их замена на служебные части речи или знаки препинания — предлоги, союзы, двоеточие,

тире и др. Так, дословный перевод названия «Когнитивные механизмы как основа структурно-семантического моделирования процесса фразеологической деривации» — «Cognitive mechanisms as a base of a structure and semantic modeling process of the phraseological derivation» (КИЯ № 34) может быть выражен более компактно и потому аутентично, например: «Cognitive mechanisms in the phraseological derivation semantic modeling»; ср. «“The Guardian” и футуризм: медиадискурс как средство формирования футуристической картины мира» — «“The Guardian” and futurism: Media discourse as a means for futuristic world view» (КИЯ № 34) vs. «“The Guardian” and futurism. Media discourse in futuristic world view». Ср. аутентичный пример названия научной публикации, содержащего несколько терминологических номинативных конструкций с общенаучной лексикой и использование предлога (вместо традиционных для названий на русском языке связующе-интерпретационных конструкций вида «в свете», «через призму», «в контексте» и др.): «Bilingual and multilingual online environmental knowledge resources: A comparative study for translation purposes» (IJL, 2020, March) (подробнее см. [17]).

Игнорирование использования номинативных конструкций при переводе общенаучных понятий в названиях научных публикаций с русского языка на английский порождает, в частности, несвойственные для последнего цепочки из стилистически маркированного повтора предлога *of*; ср. естественное и вполне качественное название научной публикации на русском языке «Значение лингвистики цвета в экспликации когнитивных механизмов этноменталитета» и стилистически не совсем удачное «The value of linguistics of color in explication of cognitive mechanisms of ethnic mentality» (КИЯ № 34) vs. более аутентичное «Color terms and / in explicating ethnic mentality cognitive mechanisms».

6. Особенности перевода с русского языка на английский названий научных публикаций, содержащих общенаучные понятия

Как справедливо отмечается ведущим специалистом в области отечественной когнитивной лингвистики, «переводчики часто выбирают в качестве основных доминант перевода собственно лингвистические данные и не учитывают его когнитивные и культурные аспекты, учет которых во многих случаях оказывается не менее значимым и по-

могает избежать разного рода казусов, не говоря уже о случаях дословного перевода, типа: *military officers* «военные офицеры» вместо «военнослужащие»» [1, 36].

В теории перевода подобный подход принято называть дословным/пословным переводом (a word-for-word/literal translation), который выступает главной причиной некачественного перевода и которым страдают студенты или недостаточно подготовленные специалисты. Чаще всего объектом дословного перевода становятся устойчивые словосочетания, выражения и обороты, которые в каждом языке имеют свои лингвоспецифические особенности (при том, что специальной литературы — учебной, научной, научно-популярной, на эту тему великое множество). Так, в словаре «Oxford Learner's Dictionary of Academic English» [36] отмечается, что студенты испытывают самые большие трудности, когда словосочетание их родного языка не переводится дословно на английский («Many of the difficulties learners encounter seem to arise when collocations do not have a word-for-word equivalent in their L1. For example, investigations show that around half the inappropriate verb-noun combinations by German learners of English could be traced back to German phraseology. Similarly, it was found that the majority of English miscollocations by Hebrew learners of English were a result of literal translations from Hebrew» [36, 8].

Таким образом, в общем случае самым важным принципом перевода общенаучной лексики с русского языка на английский, в частности в названиях и аннотациях научных публикаций, выступает их использование в составе терминологизированных (устоявшихся, общепринятых и потому идиоматичных) номинативных конструкций, их опущение в начале названия и в их замене на вспомогательные грамматические элементы — предлоги, союзы и др. в «соединительно-интерпретативной» функции, ср. «Writing the titles to scientific articles is a challenging exercise that demands the use of various skills» [39, 90].

В довольно большом количестве случаев общенаучную лексику в переводе названий научных публикаций с русского языка на английский можно опускать. Вместо нее лучше давать какие-то содержательные, выраженные дисциплинарными терминами, в том числе в форме прилагательных, понятия. Так, чрезвычайно естественное, характер-

ное, типичное и развернутое название научной публикации на русском языке, при его типичном, характерном и естественном (для неискушенных в тонкостях перевода на иностранный язык авторов публикаций на русском языке) дает в результате дословного перевода название, нарушающее нормы научной речи на английском языке, ср. выделенные *курсивом* элементы в аутентичных названиях научных публикаций на русском языке и в их дословных переводах на английский язык, содержащих нетипичные для научной речи на английском языке выражения: «*К вопросу о механизмах реализации интерактивности виртуального дискурса*» — «*To a question of mechanisms of interactivity's realization in virtual discourse*» (КИЯ № 34) и более аутентичный вариант перевода «*Interactivity in virtual discourse*».

К слову сказать, ни одно из выражений типа *К вопросу о, К проблеме о, О проблеме* и т.п., переведенные дословно, в аутентичных названиях научных публикаций на английском языке не используются [15], см. следующие примеры — названия научных (в основном, лингвистических) публикаций в корпусах ведущих британских университетов (см. рубрику «Источники и сокращения»), в которых употребляется существительное *question*: «Questions of Competence», «Questions and Politeness», «The French State in Question», «A Question of Syllables», «A Question of Trust», «Kant and the Question of Theology», «Questioning Collapse», «The question of being: Heidegger and beyond», «The English question, or academic freedoms», «The question of structural form: educational aspects» и т.д.

Так, если в составе устойчивого и общепринятого терминологического выражения общенаучное понятие составляет его неотъемлемую часть и функционирует естественно и органично, то в начале названия научной публикации, без каких бы то ни было атрибутов, оно может представлять собой малоинформативную абстрактную лексику, перегружающую название на английском языке ненужными деталями и излишними подробностями, ср. дословный перевод естественно звучащего по-русски названия на английский язык, где оно становится стилистически неудачным: «*Роль корпусной лингвистики в семантических исследованиях*» — «*On the role of corpus linguistics in semantic studies*» (КИЯ № 34). Это объясняется тем, что в научной речи на английском языке сло-

жились свои типичные модели названий научных публикаций, причем одной из наиболее характерных из них выступает требование не использовать в начале названия отвлекающую лексику (подробнее см. [12; 13; 16]. Соответственно, типичными моделями названий научных публикаций на английском языке будут следующие [15]: «Corpus linguistics in semantic studies» или «Corpus linguistics and its role in semantic studies», а также «Corpus linguistics: its role in semantic studies». Ср. в этой связи дословные переводы с русского языка названий (совершенно не употребительные носителями английского языка): «*Типы межъязыковых соответствий в контрастивном сопоставлении (в аспекте когнитивно-дискурсивного исследования)*» — «*Types of cross-linguistic correspondences in a contrastive analysis (with reference to the cognitive-discursive aspect)*» (КИЯ № 34).

В качестве важного принципа перевода названий научных публикаций с русского языка на английский может служить следующий пример, в котором демонстрируется одна из весьма активных моделей построения названия научной публикации на английском языке. В ней простая и компактная конструкция «*Studying (translation)*» заменяет дословную — развернутую и громоздкую: «*The possibilities of studying the process of (text translation)*», ср. названия «*Возможности изучения процесса перевода специального текста на неродной язык студентами нелингвистами с помощью протоколов мышления вслух*» — «*The possibilities of studying the process of technical text translation into a foreign language by non-linguistic students using think-aloud protocols*» (КИЯ № 34) vs. «*Studying technical translation into a foreign language by non-linguistic students using think-aloud protocols*».

7. Выводы и заключение

В заключение приведем примеры удачного перевода с русского языка на английский названий научных публикаций, содержащих выделенные *курсивом* общенаучную лексику, именные группы, предлоги и союзы вместо громоздких с точки зрения английского языка «связующе-интерпретирующих» оборотов и т.п., а также «образцово-показательные» эквиваленты выражений в скобках (которые сейчас почти совсем не используются в аутентичных названиях научных публикаций на английском языке): Дворжец О.С. «*Анализ и интерпретация аутентичных мультимедийных материалов в контек-*

те учебного курса «иностранный язык» — «*Authentic multimedia analysis and interpretation in the ELT classroom*» [18]; Sheveleva E.O. «О фреймовом методе в контексте изучения смысловых пространств» — «*Frame method in analyzing mental spaces*»; Опарина О.И. «Метафоры в тексте Ч. Дарвина и их роль в модификации знаний» — «*Metaphors in Ch. Darwin's texts and their role in knowledge modification*»; Джабер М.Х. «О прототипическом наполнении вербализованного концепта ЗАПАД (на материале русского и английского языков)» — «*On prototypical content of verbalized concept WEST: a case study of Russian and English languages*»; Хрисонопуло Е.Ю. «Когнитивные факторы выбора конструкции со вспомогательным глаголом в диалогическом высказывании (на материале английского языка)» — Khrisonopulo E. Yu. «*The cognitive factors for choosing the construction with an auxiliary in a dialogue utterance: a case study of English*» (КИЯ № 35).

В целом, вслед за исследованием [23, 20—27], можно сказать, что в процессе межкультурной коммуникации, в том числе научной, ее участники активируют «когнитивно-коммуникативный контекст», который носит интерпретативный характер. С его помощью они отбирают, квалифицируют и оценивают свои знания о мире, а также свой лингвокультурный опыт, и представляют их в вербальной форме. Поскольку знания и опыт любого человека носят уникальный характер, хотя и представимы в виде общепринятых в данном языке лингвистических средств, то в межкультурной коммуникации при этом могут возникнуть проблемы, связанные с расхождением в знаниях и в способах структурирования мира и языка, в их отношении к нормам, ценностным ориентирам и преобладающему стилю мышления и коммуникации. Они считаются само собой разумеющимися носителями данного языка и представляют собой когнитивные и коммуникативные доминанты именно в данной лингвокультуре, но часто они существенно отличаются от таковых в чужой лингвокультуре.

Сокращения и источники

ВКЛ — Вопросы когнитивной лингвистики, 2018—2020.

КИЯ — Когнитивные исследования языка, 2018, № 34; 2019, № 35.

НК — номинативные конструкции.

BAWE — British Academic Written English // <http://www2.warwick.ac.uk/fac/soc/al/research/collect/bawe>.

CIC — Cambridge International Corpus // http://www.cambridge.org/elt/corpus/international_corpus.htm.

DC — Discourse and Communication, 2018—2020.

CT — Communication Theory, 2018—2020.

IJL — International Journal of Lexicography, 2018—2020 // <https://academic.oup.com/ijl>.

CL — Cognitive Linguistics, 2018–2019. Vol. 29—30.

EUPJC—Edinburgh University Press Journals Corpus // <https://www.eupublishing.com/action/doSearch?AllField=>.

JEAP — *Journal of English for Academic Purposes*. 2018–2020 // <https://www.sciencedirect.com/science>.

JP — *Journal of Pragmatics*. 2018–2020 // <https://www.journals.elsevier.com/journal-of-pragmatics/recent-articles>.

WGRPT-TA — Writing a Good Research Title: Things to Avoid // <https://www.enago.com/academy/writing-a-good-research-title-things-to-avoid>.

Литература

1. Болдырев Н.Н. Перевод как проблема выбора когнитивных доминант // Когнитивные исследования языка, 2018, вып. XXXIV. С. 33—37.

2. Вейхман Г.А. Некоторые стилистические (грамматические и лексические) особенности языка современной английской и американской прессы: на материале газетных заголовков. М., 1995.

3. Гаврилова И.А. Прагматический потенциал заголовков в правовой периодике // «Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах». Материалы IX Междунаро. науч. конф., Челябинск, 18–20 апр. 2018 г. В 2 т. Т. 2. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2018. С. 13—16.

4. Джигоева А. А. Английская номинативность и картина мира. Москва: МГУ, 2016.
5. Дроздова Т. В. Инновационная метафора в научном дискурсе: субъектность и интенциональность // Когнитивные исследования языка, 2019, вып. XXXVIII. С. 478—485.
6. Котюрова М.П., Соловьева Н.В. Современный научный текст (сквозь призму дискурсивных изменений). Пермь: Пермский гос. национальный исследовательский ун-т, 2017.
7. Лазарева Э.А. Заголовок в газете. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004.
8. Лопатина Т.Ю. Композиционная семантика конструкций N + N как результат интеграции ментальных пространств // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2006, т. 4, вып. 2. С. 170—176.
9. Пешкова Н.П. Конституирующая функция заглавия // Лингвистический анализ текста. Иркутск, 1985. С. 9—13.
10. Рябцева Н.К. Иностранный язык для академических целей: Интегральное представление лингвистической информации // Новиков Д.Н. (отв. ред.) Магия ИННО: новые измерения в лингвистике и лингводидактике. Сб. науч. трудов. Т. 2. Москва: МГИМО, 2017. С. 243—250.
11. Рябцева Н.К. Название как доминантный компонент научного текста: русско-английские межъязыковые «несоответствия» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание, 2018, Т.17, № 2. С. 33—43. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.2.4> <https://elibrary.ru/item.asp?id=35222488>.
12. Рябцева Н.К. Стил мышления и коммуникации в межъязыковом и когнитивном аспекте // Когнитивные исследования языка. Вып. 34. Cognitio и communicatio в современном глобальном мире. Материалы VIII Международного конгресса по когнитивной лингвистике. 10—12 октября 2018 г. Москва — Тамбов, 2018. С. 830—833.
13. Рябцева Н.К. Функциональные аспекты грамматики и языковое мышление: перспективы межъязыковых исследований и возможности их практического использова-

ния // Когнитивные исследования языка. Вып. 35. Взгляд в будущее: новые перспективы когнитивных исследований языка. Материалы Круглого стола. Московский государственный лингвистический университет, 2 ноября 2018 года. Москва — Тамбов, 2018. С. 458—465.

14. Рябцева Н.К. Особенности названий научных статей на русском и английском языке: контрастивный аспект // Научный диалог, 2018, № 6. С. 32—42. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-6-32-42.

15. Рябцева Н.К. «Конструкционная грамматика» и научная коммуникация: межъязыковой аспект // Научный диалог, 2019, № 6. С. 50—71. DOI: 10.24224/22271295-2019-6-50-71.

16. Рябцева Н.К. Названия научных публикаций на английском языке: Дидактический и методологический аспект // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Периодический сборник научных статей. Электронное научное издание. Вып. 11 (2019). Москва: ИЯз РАН, 2019. С. 191—202.

17. Рябцева Н.К. Асимметрия межкультурной коммуникации и проблемы аутентичности // Научный диалог, 2020, № 4. С. 130—150.

18. Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: материалы IX Международной научной конференции. Челябинск, 18—20 апреля 2018 г. Том 2. Челябинск, 2018.

19. Сыров И.А. Функционально-семантическая классификация заглавий и их роль в организации текста // Филологические науки, 2002, № 3. С. 59—68.

20. Швейцер А.Д. Контрастивная стилистика: Газетно-публицистический стиль в английском и русском языке. М.: ИЯз РАН, 1993.

21. Biber D., Gray B. Challenging stereotypes about academic writing: Complexity, elaboration, explicitness // Journal of English for Academic Purposes, 2010, № 9 (1). P. 2—20.

22. Biber D., Gray B. Grammatical complexity in academic English. Linguistic change in writing. Cambridge: Cambridge University Press, 2016.

23. Boldyrev N.N., Dubrovskaya O.G. Challenges of intercultural communication from the perspective of linguistic interpretation theory // Вопросы когнитивной лингвистики, 2019, № 4. P. 20—27.
24. Boyko L. On translating titles in artistic discourse // http://www.vertimostudijos.flf.vu.lt/wp-content/uploads/2015/01/Vertimo_studijos_4.36-46.pdf.
25. Busch-Lauer I. Titles in English and German research papers in medicine and linguistics // A. Tros Borg (ed.). *Analysing Professional Genres*. Amsterdam: John Benjamins, 2000. P. 77—97.
26. Fauconnier G., Turner M. *The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities*. N. Y., 2002.
27. Fillmore Ch. J., Kay P., Connor M. C. Regularity and idiomaticity in grammatical constructions: The case of «let alone» // *Language* 1988, № 64.3. P. 501—538.
28. Goodman N. W. Fashion in medicine and language: Inferences from titles and abstracts of articles listed in PubMed // *The Write Stuff*, 2011, № 20 (1). P. 39—42.
29. Halliday M. A. K. *The Language of Science*. London, New York: Continuum, 2004.
30. Hanes W. F. Nominal groups as an indicator of non-native English communication problems in top-ranked Brazilian science journals // *Belas Infieis*, 2014, V. 2, №. 2. C. 127—139.
31. Hartley J. To attract or to inform: What are titles for? // *Journal of Technical Writing and Communication*, 2005, № 35 (2). P. 203—213 // <http://dx.doi.org/10.2190/NV6E-FN3N-7NGN-TWQT>.
32. Hartley J. Planning that title: Practices and preferences for titles with colons in academic articles // *Library and Information Science Research*, 2007, № 29. P. 553—568 // <http://dx.doi.org/10.1016/j.lisr.2007.05.002>.
33. Hartley J. *Academic Writing and Publishing: A Practical Handbook*. Abingdon, Routledge, 2008.

34. Lewinson G., Hartley J. What's in a title? Number of words and the presence of colons // *Scientometrics*, 2005, № 63 (2). P. 341–356 // <http://dx.doi.org/10.1007/s11192-005-0216-0>.
35. Nair L. B., Gibbert M. What makes a 'good' title and (how) does it matter for citations? A review and general model of article title attributes in management science // *Scientometrics*, 2016, № 107(3). P. 1331—1359.
36. Oxford Learner's Dictionary of Academic English. Oxford: Oxford University Press, 2014.
37. Riabtseva N.K. Across Languages and Academic Cultures // *Crossing Boundaries: Intercultural Communication in a Global Context*. Proc. 1st Intern. Conf. Moscow, Pushkin Russian Language University. Febr. 14–16, 2018. P. 246—248.
38. Salager-Meyer F. Compound nominal phrases in scientific technical writings: Proportion and rationale // A.K. Pugh and J. M. Ulijn (Eds.). *Reading in a Foreign Language: Studies in Native and Foreign Languages*. London: Heinemann, 1984. P. 136—146.
39. Soler V. Writing titles in science: An exploratory study // *English for Specific Purposes*, 2007, № 26 (1). P. 90—102 // <http://dx.doi.org/10.1016/j.esp.2006.08.001>.
40. Wua Xue, Mauranen A. Syntactic complexity in English as a lingua franca academic writing // *Journal of English for Academic Purposes*, 2020, Volume 43. P. 3—17.

**General notions in scientific paper titles in Russian and their translation
into English: A Contrastive Comparison**

**N.K. Riabtseva (Institute of Linguistics,
Russian Academy of Sciences)**

The article demonstrates the differences in using general notions in Russian and in English scientific paper titles, pointing out the cases when they can be omitted in their translation from Russian into English, as well as the conditions under which they can be rendered with the help of notional or auxiliary linguistic means. Special attention is focused on corresponding cognitive and communicative dominants characteristic to authentic scientific communication in Russian and in English.

Keywords: General notions, scientific paper titles, translation, authenticity.

Рекуррентные конструкции. Лингвопереводческие аспекты

Е.В. Терехова (Национальный научный центр морской биологии

им. А.В. Жирмунского, Дальневосточное отделение РАН)

Аннотация

В статье освещаются вопросы, связанные с конкретными случаями функционирования рекуррентных конструкций. Предлагается определение этих устойчивых словосочетаний и уточняются их существенные характеристики. В статье анализируются лингвопереводческие и смысловые, иными словами, коммуникативные и функциональные аспекты перевода этих конструкций на отдельных примерах их употребления в процессе письменного перевода. Базой для анализа послужили рекуррентные конструкции (РК), заимствованные из разножанровых текстов английской научной прозы.

Ключевые слова

Рекуррентные конструкции (РК), устойчивые словосочетания, коммуникативно-функциональный подход (КФП), письменный перевод, сущностные характеристики, разножанровые тексты, научная проза.

Введение

Прежде всего, в работе делается попытка провести разграничительную черту между сочетаниями слов, которые мы назвали и определили как **рекуррентные конструкции**, с одной стороны, и **идиомами** или **фразеологизмами** (иногда их также называют идиоматическими или фразеологическими словосочетаниями), с другой. Далее предлагаются определения и авторский перевод с английского языка на русский и русского языка на английский как первых, так и вторых словосочетаний.

Наша задача заключалась в выявлении как сходных черт, так и существенных различий между этими внешне похожими друг на друга устойчивыми словосочетаниями

в процессе их функционирования и перевода. О.С. Ахманова неоднократно подчёркивала, что термины «устойчивое словосочетание» и «связанное словосочетание» являются синонимами термина «фразеологизм» (или «фразеологическое словосочетание», в котором, по её определению, ядерный термин «словосочетание» — это «соединение двух или более знаменательных слов (вместе с относящимися к ним служебными словами или без них), служащее для выражения единого, но расчленённого понятия или представление» [СЛТ-1, 426]. Ниже нам хотелось бы конкретизировать, как это определение можно адаптировать применительно к рекуррентным конструкциям.

1. Рекуррентные конструкции

Определённая часть устойчивых сочетаний слов, которые наряду с идиомами анализируются далее в этой статье, получила в наших ранних трудах название **рекуррентные конструкции** в силу специфических условий своего функционирования как в интересующих нас текстах английской научной прозы, так и в текстах других стилистических жанров. Здесь нам, прежде всего, хотелось бы попытаться не только, и не столько описать изучаемые словосочетания, хотя мы и поставили перед собой такую задачу, но и внести определённые уточнения в их функционирование относительно фразеологизмов.

Научная коммуникация (связь, общение, сообщение, обмен или циркуляция идеями между людьми и пр.) имеет свои характерные особенности, отличающие или сближающие её с коммуникацией в других сферах жизни и общественной деятельности человека. Научная коммуникация может быть односторонней и двусторонней, в форме монолога и диалога, может иметь обратную связь и не иметь её. Аудитория, участвующая в процессе научной коммуникации, имеет ограниченный (не массовый) характер. В связи с этим фактором её классифицируют как частную классификацию в противоположность коммуникации общественной, направленную на аудиторию общественную.

Наиболее наглядно влияние языка науки на общелитературный язык проявляется в области научной терминологии. В наши дни научная терминология — важный источник пополнения лексики английского языка. Это влияние сказывается на общей культуре речи, как устной, так и письменной: слова-термины проникают в общенациональный

язык в виде особых форм, свойственных языку науки, начиная со специфических слов-терминов, кончая специфическими приёмами построения речи, композиции, синтаксиса и фразеологии научного изложения [6, 29]. Проиллюстрируем это утверждение на примерах:

(1) *go into a tailspin* — техническое значение: а) войти в штопор; б) паника на бирже / резкий спад в экономике — экономический термин; в) обвальное падение — банковский термин; г) потеря контроля — общий и политический термин.

European relations with Moscow, which went into a tailspin over Ukraine in 2014, are deteriorating anew as Russian bombing of the Syrian city of Aleppo sweeps aside moves to ease tensions (The Wall Street Journal // www.wsj.com (URL: <https://www.wsj.com/articles/europes-ties-with-russia-fray-in-face-of-moscows-role-in-aleppo-bombing-1476290744>)). Европейские отношения с Москвой, *рухнувшие (упавшие ниже некуда / испортившиеся — хуже не бывает)* из-за Украины в 2014 году, снова ухудшаются по мере того, как российские бомбардировки сирийского города Алеппо сметаю́т все попытки ослабить напряженность.

❖ *to rig* — техническое значение термина в широких областях применения, включая морскую, геологическую, транспортную и др.: а) такелажить, оснащать, монтировать; оборудовать; снаряжать; вооружать, бурить; б) *to rig* — политические сферы, включая выборы: подтасовывать; мошенничать; искусственно изменять; фальсифицировать и прочее.; в) *a rift* — научное терминологическое значение слова из области геологии: щель, трещина, ущелье, расселина; раскол; г) *a rift* — социально-политические области применения: размолвка, охлаждение / разрыв отношений, разногласия; глагол *to rift* социально-политические, межличностные области использования — вбить клин, посеять разногласия и др.; д) *to level the playing field* — уравнивать правила игры/сыграть на равных.

(2) *Putin has made very clear that he wants to change the whole international political system. His view is that the current one is **rigged by the US**, and he wants to level the playing field. This conflict offers the opportunity **to cause some rift** between the US and China.* Владимир Путин недвусмысленно дал понять, что он хочет изменить всю политическую систе-

му в мире. Он исходит из того, что существующая сегодня система работает на руку (сфальсифицирована) США, а он хочет уравнивать правила игры (играть на равных с оппонентом). Этот конфликт даёт возможность **вбить клин** (посеять разногласия) между США и Китаем (Eurasia Strategic Consulting, Chris Weafer, Senior Partner, Macro-Advisory Ltd, Dec. 2014 // <https://macro-advisory.com>).

Мы сегодня очень охотно пользуемся этими терминами, которые стали активно функционировать в иных самых широких и различных по охвату применения сферах. Однако в основе указанной рекуррентности лежит один подход: во всех указанных выше значениях рассмотренные нами конструкции были растиражированы пластами общенациональной лексики. Таким образом, как отмечает выше Н.М. Разинкина, в прошлом научные термины, заимствованные по самому широкому спектру иных отраслей применения, в своём новом качестве рекуррентных конструкций могут попадать и тиражироваться в них также и в виде устойчивых словосочетаний или идиом.

Знакомство с научными текстами различной жанровой принадлежности позволяет также выделять и анализировать такое понятие как тип адресата, на который «заточены» конкретные научные тексты. В своей статье мы ограничимся анализом функционирования рекуррентных конструкций и фразеологизмов в двух стилистических жанрах: узкопредметной области знаний для экспертов и специалистов, с одной стороны. А с другой, в самой широкой сфере, рассчитанной на массового читателя, к который мы относим область массмедийных, прежде всего политических и научно-популярных текстов.

Особо выделяемые нами конструкции, состоящие из двух и более слов, которые становятся рекуррентными в силу своего активного тиражирования массмедийными изданиями или разноплановыми по жанру текстами научной речи, могут получать различное толкование, функционируя в более широком контексте межъязыковой и межкультурной коммуникации, участниками которой выступают и автор оригинального текста, и адресат перевода, и переводчик. И, наконец, эти особые *инновационно* употребляемые и специфически названные нами устойчивые словосочетания, которые ещё недавно употреблялись не связанно, а раздельно, вдруг появляются, привлекают к себе внимание и

начинают «раскрутку» новой конструкции в несвободном связанном сочетании. Постольку поскольку словари ничего не могли предложить для обозначения (называния) нового понятия, передающего конкретные специфические события или ситуации, терминосистема узуса пополнилась ещё одним термином, рекуррентные конструкции [10, 25—26].

Рассмотрим ещё примеры:

(3) *'A gas station masquerading as a country!' Senator McCain demands sanctions of Russia as he calls out Obama's weak response to Crimea crisis* (<https://www.dailymail.co.uk/news/article-2582235/A-gas-station-masquerading-country-Senator-McCain-demands-sanctions-Russia-calls-Obamas-weak-response-Crimea-crisis.html>). **Автозаправка (АЗС), маскирующаяся под страну!** Сенатор Маккейн требует ввести санкции против России, считая, что Барак Обама очень невыразительно реагирует на крымский кризис.

(4) *One country is sure to have a big smile on its face: China, which if the "Holy Gas Grail" deal is any indication, will be buying at whatever terms Beijing chooses* (<https://mb50.wordpress.com/2014/09/27/russia-discovers-massive-arctic-oil-field-which-may-be-larger-than-gulf-of-mexico>). Одна страна, несомненно, будет широко улыбаться — это Китай. Он будет скупать газ только на устраивающих Пекин условиях, если сделка со «Святым, но Газовым Граалем» хотя бы как-то вам указывает на то, какими могут быть подобные сделки.

Анализ перевода двух примеров рекуррентных конструкций с английского на русский язык, *A Country Gas Station* и *Holy Gas Grail*, заслуживает внимания, поскольку они оба совсем недавно впервые были озвучены в гневных обличениях ныне ушедшего сенатора США Маккейна.

В обеих РК мы выделяем ядерное (или маркированное) словосочетание, поскольку именно они являются связанными, в то время как единый нерасчленённый смысл РК передаётся отдельными словами: *Gas Station* и *Holy Grail*. Однако перевод этих двух конструкций будет различаться. В первом примере слово *Gas* в словосочетании *Gas Station*, хотя и употребляется в прямом значении: 'топливо, горюче-смазочные масла, бензин', его аксиология — отрицательная, об этом позаботилось слово *country*. В результате была

получена конструкция с ярко отрицательным стилистическим регистром, поскольку обычная автозаправка, на которых заправляются топливом автомашины, в этой РК приравнена к территории всей страны: вся страна есть одна АЗС. Иными словами, Маккейн преднамеренно, оскорбительно, для создания вполне определённого аксиологического эффекта, придумал такую инновационную конструкцию, которая в силу указанных выше факторов широко и охотно тиражируется американскими СМИ.

При анализе второй РК с маркированным (ядерным) словосочетанием *Holy Grail*, можно заметить определённые различия между первой и второй конструкциями. Они проявляются в том, что значение второй РК почти всегда используется в связанном и/или переносном смысле: сегодня редко можно встретить романтиков-мечтателей или авантюристов, которые ищут Святой Грааль как добрые христиане. Данная РК передаёт связанный смысл исключительно таких ситуаций, при которых невозможное становится возможным. Несколько пояснений:

Во-первых, христиане считают, что Святой Грааль в соответствии со средневековыми кельтскими и нормандскими легендами — это чаша, из которой Иисус Христос вкушал на Тайной вечере, в которую впоследствии была собрана кровь из ран распятого на кресте Спасителя. С этой чашей также связаны легенды о рыцарях Круглого стола короля Артура, которые проводили свою жизнь в романтически-прекрасных приключениях и поисках этого Святого Грааля.

Во-вторых, как гласит эта красивая легенда, испивший из святой чаши получает прощение грехов, вечную жизнь, даже бессмертие, многие прочие блага. Это даёт нам основание полагать, что эта конструкция — устойчивое словосочетание, в основе которого лежит библейское выражение (библеизм) «Святой Грааль», часто используют в переносном смысле, как единое неразрывное понятие для обозначения какой-либо заветной цели, часто недостижимой или труднодостижимой.

Такой подход к разъяснению анализируемой ситуации невозможного, ставшего возможным, проливает некоторый свет на смыслы и последующее понимание каждого специфического случая, включая конкретно этот. Однако, использование немаркирован-

ного слова *gas* в библейском устойчивом словосочетании *Holy Grail* с его нейтрально-положительной аксиологией и высоким стилистическим регистром, сразу же низводит новую конструкцию в область отрицательной аксиологии. Сегодня эта конструкция может передавать два прямо противоположных смысла: Китай, конечно же, закроет сделку по купле-продаже газа с выгодой для себя. Страна-продавец, и нам нетрудно догадаться, какая это страна, много потеряет на этой транзакции. Трудно в данном случае не согласиться с А.Н. Барановым и Д.О. Добровольским, утверждающими, что в подобных случаях: «скорее, можно говорить о метафоре айсберга: верхушка айсберга — актуальное значение, а его подводная часть — внутренняя форма» [2, 23].

Таким образом, заимствуя приводимый выше образ айсберга с его видимой глазу вершиной и могущей быть непередаваемо огромной, скрытой и опасной подводной его частью, можно провести параллель между высокими и прекрасными устремлениями, найти, даже если это легенда, христианскую святыню (видимая и прекрасная вершина айсберга) и вырождением этого квеста в суету сует и погоню за покупкой газа одной страны у другой по сходной цене — это невидимая глазу подводная часть ледяной горы. Иными словами, потенциал, который несёт внутренний образ — возможность разнообразных интерпретаций ситуации, соответствующей образу — задает и возможности развития значений идиомы, то есть структуру ее полисемии в конкретной коммуникативной ситуации.

Далее, ведущим фактором в достижении прагматической эффективности научного текста, особенно при переводе его с одного языка на другой, выступает адекватность восприятия смыслового и предметно-логического содержания текста, глубина осмысления которого предопределяется, прежде всего, уровнем специальных фоновых знаний адресата, а также степенью его вербального опыта. Наибольшая степень идентичности восприятия, сводящей до минимума неадекватность или множественность интерпретаций, наблюдается в сфере узкоспециальной научной коммуникации, в значительно меньшей степени она обнаруживается в сфере научно-популярного общения [1, 13—14].

Приведём и проанализируем примеры рекуррентных конструкций и как они работают в текстах, чтобы показать, что подобные конструкции аналогичным образом могут возникать и тиражироваться не только в США, но и в России. Причём они не могут не переводиться с русского языка на английский, поскольку нашим англоязычным партнёрам также хотелось бы знать, что мы о них говорим и для них переводим. Трудно, пожалуй, будет ответить на вопрос, охотно или по необходимости осуществляется подобный перевод в обратном направлении, т.е. с русского на английский язык. Однако, если наши рекуррентные конструкции становятся неотъемлемой частью вокабуляра выступлений первого лица государства, то все вопросы уже снимаются. И, забегая вперёд, можно с полной уверенностью утверждать, что подобные устойчивые словосочетания, возникающие буквально на наших глазах, также приходятся по вкусу широкой аудитории, мгновенно подхватываются, охотно используются и тиражируются как нашими англоязычными коллегами, так и в стране нашего родного языка — России.

Не так давно в русском языке появился ряд выражений, мимо которых было трудно пройти. К таким рекуррентным конструкциям, поскольку они полностью укладываются в рамки описания подобных словосочетаний, которые мы рассматривали выше, мы относим следующие, например:

❖ **Недоговороспособные страны** — это такие страны, с которыми невозможно заключить, и которые затем неспособны соблюдать это соглашение. ***Not-agreement-capable countries*** — These are the countries unable to make and then abide by an agreement / negotiation / deal.

For example, the Russians often said that the Kiev regime is “not able to negotiate,” which makes sense, given that Nazi-occupied Ukraine is essentially a failed state. But to say that the world's nuclear superpower is “non-agreement-capable” is a terrible and extreme diagnosis. A government that breaks its promises or tries to cheat, but which, at least in theory, remains able to adhere to the agreement, cannot be described as “not able to agree”. This expression is only used to describe an entity that does not even have the skill set needed to negotiate and stick to an agreement in its political toolkit. This is an absolutely devastating diagnosis

tic. The Russians are quite literally right: the Obama Administration is truly “not-agreement-capable” (<http://gffreepages.blogspot.com/2016/09/the-saker-why-recent-developments-in.html>). Например, россияне часто говорили, что киевский режим «недоговороспособный», и это имеет смысл, учитывая, что оккупированная нацистами Украина является по сути несостоявшимся государством. Но сказать, что ядерная мировая сверхдержава «не способна к соглашению», — это страшная и крайняя диагностика. Правительство, которое нарушает свои обещания или пытается обмануть, но которое, по крайней мере теоретически, остается **способным придерживаться соглашения**, не может быть описано как «не способное к соглашению». Это выражение используется только для описания субъекта, который даже не имеет навыков, необходимых для ведения переговоров и соблюдения соглашения в своем политическом инструментарии. Это абсолютно разрушительная диагностика. Русские в буквальном смысле правы: администрация Обамы действительно «недоговороспособна».

❖ а) *Кухонная дипломатия — Kitchen diplomacy*; б) *a tit-for-tat response* — *принять зеркальные меры*.

(6) “Mr. Putin, betting on improved relations with the next American president, said he would not eject 35 diplomats or close any diplomatic facilities, rejecting **a tit-for-tat response** to the actions taken on Thursday by the Obama administration. “We’re not going to downgrade ourselves to the level of irresponsible ‘**kitchen**’ diplomacy,” Mr. Putin said, using a Russian idiom for quarrelsome and unseemly acts (<https://www.nytimes.com/2016/12/30/world/europe/russia-diplomats-us-hacking.html>). Господин Путин, делая ставку на улучшение отношений со следующим американским президентом, заявил, что не будет выдвигать 35 дипломатов или закрывать какие-либо дипломатические объекты, отвергая ответ реакцию «зуб за зуб» на действия, предпринятые в четверг администрацией Обамы. «Мы не собираемся опускаться до уровня безответственной «**кухонной**» дипломатии», — заявил г-н Путин, используя русскую идиому для обозначения скандальных и неприличных поступков.

В данном примере заслуживают интерес и внимание оба устойчивых выражения. Первое, *кухонная дипломатия*, в английском языке перевода используется имя существительное *kitchen*; слово *кухня* в функции определения уходит корнями во времена оттепели времён Н.С. Хрущёва. Тогда можно было собраться на кухне, в кругу родных, друзей и коллег, попеть под гитару, поспорить на многие закрытые темы, ну и, конечно, молодёжь не могла не запить все эти удовольствия белым или красным, уж кто чем — водкой, вином. Аксиология у этой уже достаточно раскрученной и растиражированной рекуррентной конструкции отрицательная. На это указывает и определение *irresponsible* ('безответственный') и немаркированное слово РК *дипломатия*, значение которого неуместно, диаметрально противоположно смыслу, которое передаётся маркированным ядерным словом *кухонная* / *кухня*. Причём стилистика не просто отрицательная; она едко, насмешливо, по гротесковому отрицательна: ни одной стране не хотелось бы, чтобы её политику сравнивали с тем, что делается обычно на кухне — это уже было упомянуто выше.

Второе выражение — это не просто идиоматическое, это библейское выражение. Причём пришло к нам из Ветхого Завета, в соответствии с которым назначалось наказание — возмездие за совершённое преступление. Согласно последнему мера наказания должна была не только точно, но и буквально соответствовать причинённому вреду. Отсюда Богом было предписано наказывать справедливо, что означало «око за око, зуб за зуб».

Мы полагаем, что очень часто нейтрализация этого древнего устойчивого и грозного библеизма, который зародился во времена Хаммурапи и сошел к нам со страниц Книги Книг, находит своё отражение в замене смысла оригинальной идиомы её смысловым синонимом — «зеркальное отражение». Иногда переводчик отдаёт предпочтение свободному сочетанию слов, например, *симметричные меры*. *Око за око, зуб за зуб* — один из немногих фразеологизмов с двойной аксиологией, который может быть как положительным, если занять сторону истца, так и отрицательным, если вы ответчик. Таким образом, можно предположить, что главным принципом как организации структуры мно-

гозначных слов, так и устойчивых словосочетаний и их функционирования в тексте, является перераспределение коммуникативной значимости элементов, составляющих общее значение этих слов. А.А. Зализняк утверждает, что «...значение слова в конкретном употреблении является результирующей двоякого рода операций над компонентами, составляющими его концептуальную схему: с одной стороны, это выбор наиболее существенных компонентов и их упорядочение по признаку коммуникативной значимости; а с другой — переосмысление выбранных компонентов. Взаимодействие этих операций обеспечивает многозначность» [4, 584].

2. Идиоматические словосочетания (идиомы)

Что такое идиома? **Идиомой** можно назвать синергически построенную фразу, которая в своей совокупности означает нечто отличающееся от значений отдельных слов, которые являются её частью. Во-первых, посредством буквального толкования слов, которые составляют выражение в целом, часто бывает невозможно понять смысл общей фразы. А во-вторых, используемые вместе слова могут передавать значение, которое может быть не связано с отдельными словами, составляющими конкретную идиому. Кстати, анализ библейского устойчивого словосочетания относится именно к этому типу, хотя мы и рассмотрели его вместе с РК выше, чтобы не дробить контекст.

Е.А. Дюжикова, например, утверждает, что «*идиома*, (в греческом языке этому слову соответствует сочетание двух слов: *своеобразное выражение*) представляет собой неразложимое словосочетание, свойственное только данному языку, значение которого не совпадает со значением составляющих его слов, взятых в отдельности. Значение идиом не зависит от лексического состава, от значений их компонентов, оно условно и произвольно» [СЛТ-2, 49].

Последние исследования в области коммуникативно-функционального подхода к переводу основываются на положении о «включенности переводческого акта в широкий контекст межъязыковой и межкультурной коммуникации, в процесс общения — непосредственный или опосредованный — между автором оригинала и получателями перевода. К числу компонентов коммуникативного акта, таким образом, следует относить, по-

мимо текстов оригинала и перевода, самих субъектов коммуникативной деятельности, т.е., автора исходного сообщения, получателя перевода, а также переводчика» [8, 50].

Есть и другое мнение, автор которого Н.К. Рябцева полагает, что научный стиль русского языка существенно отличается от английского, поскольку «...как правило, бывает более официальным, книжным, отстранённым, мало или вообще неэмоциональным и всегда перенасыщен отглагольно-именными оборотами (типа *написание, рассмотрение, обоснование, увеличение* и т.д.). Научная проза русского языка изобилует большим количеством оборотов, конструкций и выражений, которые, с точки зрения функционального стиля языка английской научной речи излишни, избыточны, искусственны, чужды или слишком громоздки и неуместны» [7, 588—589].

То, что для носителя русского языка считается нормой в плане объёма как письменного, так и устного текста, при переводе на английский язык можно легко подвергнуть компрессии, то есть «просто убавить или отжать воду», соблюдая при этом как дескриптивный, так и прескриптивный подходы [5, 43].

Приведём несколько примеры идиом, предлагая перевод с английского языка на русский и наоборот:

(7) *Something to crow about*. Прямой пословный перевод устойчивого словосочетания будет следующий: ‘*Что-то такое, о чём можно кукарекать’. Если сравнить перевод этой идиомы на русский язык в контексте коммуникативно-функционального подхода, можно получить следующую осмысленную фразу: *Исключительные достижения или завоевания, которыми можно похвастать*.

❖ *Political glass ceiling* — ‘невидимый барьер’. Это не только идиома, — это и метафора, используемая для представления невидимого барьера, который удерживает либо определённую демографическую (обычно применяемую к меньшинствам) или гендерную группу от выхода за ее пределы.

(8) *Still, early signs indicate that women will continue to seek higher office in the years ahead – and perhaps even finally break through the ultimate political glass ceiling into the White House* (<https://www.latimes.com/opinion/editorials/la-ed-women-congress-historic->

20190103-story.html)). Тем не менее, с самого начала все признаки указывают на то, что женщины будут продолжать стремиться к более высоким должностям в ближайшие годы – и, возможно, даже, наконец, прорвутся к своей заветной цели через политический невидимый потолок в Белый дом.

(а) Некоторые идиомы стали настолько изношенными, что их сегодня чаще называют **клише**, чрезмерно употребляемыми или банальными выражениями, например:

❖ *to wash one's hands of something/someone* — ‘умыть руки от чего-то или кого-то; иными словами, выбросить что-то из своей жизни и больше не иметь с этим никаких дел’.

❖ *yellow journalism/mass media* — ‘желтая журналистика’ / ‘СМИ’ или ‘журналистика или газеты, которые преувеличены или излишне сенсационны’.

(б) Другие идиомы относят к **сленгу**, поскольку они могут быть использованы, преднамеренно или непреднамеренно, для создания определённых эффектов, таких как:

1) **Шок**, e. g., *under someone's thumb*. Это выражение предполагает драматическое, даже шокирующее различие между человеком, который сам контролирует, и человеком, которого контролируют. Причём последний настолько слаб, мал или незначителен, что его можно «удержать одним большим пальцем». Сравните с русским переводом: *человек-подкаблучник*;

2) **Непочтительность, оскорбление**: *tin-pot dictator* — ‘мелкий, дешёвый, мелкотравчатый диктатор’, например:

(9) *Rep. Adam Schiff (D-Calif.) has slammed President Trump's claim that the news media is "the enemy of the American people. This is something that you hear tin-pot dictators say when they want to control all of the information* (<https://thehill.com/homenews/senate/320270-dem-representative-trumps-claim-that-media-is-the-enemy-is-what-tin-post>). Член палаты представителей Адам Шифф (Демократ, штат Калифорния) осудил утверждение президента Трампа о том, что СМИ в США являются «врагом американского народа. Это то, что вы можете услышать от **мелкотравчатых диктаторов**, когда они хотят контролировать всю информацию (а не от Президента США).

3) *Преувеличение*, e.g., *sweating blood*. Это, несомненно, преувеличение, поскольку выражение говорит о том, что человек так много работает, что потеет кровью, жизненно более важной жидкостью, чем пот. Такое явление редко, если вообще, можно увидеть в организме здорового человека. Сравните с русским переводом: *умываться / потеть кровью*.

Читающий текст не на языке оригинала воспринимает любой, от художественного до научно-технического текста, в контексте реальной действительности и совокупности всех его характеристик. Язык и, соответственно, перевод с одного языка на другой существуют в акте коммуникации, и любое значение может определяться относительно этой формы существования, поскольку при семантическом анализе исследователь всегда имеет дело с речью, выводя значения анализируемых словосочетаний при переводе здесь и сейчас, из наблюдаемых фактов их употребления. При этом мы не могли не учитывать указание О.Н. Селиверстовой на критерий сохранения в процессе перевода «коммуникативную осмысленность при опущении того или иного члена (или членов) предложения. Точнее, здесь, как представляется, следовало бы говорить о том, сохраняют ли остальные члены предложения исходные семантические отношения друг с другом и сохраняется ли общее содержание информации за вычетом вклада, вносимого опускаемым членом (или членами) предложения [9, 46—47] Приведём и рассмотрим пример:

(10) *In Philadelphia, it was striking how quickly the concerns of die-hard Sanders supporters were overshadowed in the media by the image of a malevolent Vladimir Putin* (<https://www.wilsoncenter.org/blog-post/dncs-russia-controversy-finger-pointing-trumps-analysis>). СМИ Филадельфии поразительно быстро прекратили писать об опасениях убеждённых сторонников кандидата Сандерса и переключились на кандидатуру «злодея» Владимира Путина.

❖ *Die-hard supporters* — убеждённые сторонники; чтобы сохранить общее содержание отрывка текста, пришлось прибегнуть к приёму декомпрессии, ввести дополнительные пояснения в тексте, в противном случае он был бы лишён общего смысла: «поверхностный» (дословный) перевод идиомы **сторонники умирают с трудом*.

Язык и, соответственно, перевод с одного языка на другой существуют в акте коммуникации, и любое значение может определяться относительно этой формы существования, поскольку при семантическом анализе исследователь всегда имеет дело с речью, выводя значения анализируемых словосочетаний при переводе здесь и сейчас, из наблюдаемых фактов их употребления, используя всю требуемую палитру переводческих приёмов, стратегий и тактик.

В этом случае такая характеристика словосочетания как идиоматичность делает его инновационным и соотнесённым, в иной терминологии, связанным с конкретными явлениями или вещами нового переводного текста (ПТ). Выделяемые рекуррентные конструкции, авторский перевод которых приводится в этой статье, несомненно, являются периферийными по отношению к основному ядру традиционно определяемых идиом и фразеологизмов. Однако сегодня они часто используются и многочисленными массмедийными изданиями, и журнальными научными статьями.

Заключение

Последние исследования в области коммуникативно-функционального подхода к переводу, основываются на положении о «включенности переводческого акта в широкий контекст межъязыковой и межкультурной коммуникации, в процесс общения — непосредственной или опосредованной — между автором оригинала и получателями перевода. К числу компонентов коммуникативного акта, таким образом, следует относить, помимо текстов оригинала и перевода, самих субъектов коммуникативной деятельности, т.е., автора исходного сообщения, получателя перевода, а также переводчика» [8, 50].

Успешное обучение переводу взрослой аудитории трудно представить без **концептуализации**, иными словами, без учёта концептов, а не отдельных слов, словосочетаний или даже предложений. Подчёркивая неразрывную связь между интеллектом человека и языком в целом, эту же мысль, но вполне понятными даже для начинающих переводчиков словами, основоположник психолингвистики в России Н.И. Жинкин передаёт следующим образом: «...мы переводим не то, что слышим или видим; мы переводим то, что понимаем» [3, 25]. С этим утверждением очень трудно не согласиться.

Список сокращений

БАРС — Большой англо-русский словарь

ИЯ — исходный язык (язык оригинала)

КПФ — коммуникативно-функциональный подход

ПТ — переводной текст

ПЯ — переводной язык

РК — рекуррентные конструкции

CFA — communicative and functional approach

RC — Recurrent constructions

Словари

СЛТ-1 — Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010.

СЛТ-2 — Дюжикова Е.А. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд. Одинцово: АНОО БПО «Одинцовский гуманитарный институт», 2012.

Источники текстов

Daily Mail — <https://www.dailymail.co.uk/> (URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-2582235/A-gas-station-masquerading-country-Senator-McCain-demands-sanctions-Russia-calls-Obamas-weak-response-Crimea-crisis.html>).

Los Angeles Times — <https://www.latimes.com/> (URL: <https://www.latimes.com/opinion/editorials/la-ed-women-congress-historic-20190103-story.html>).

Mb50'sWorld Press — <https://mb50.wordpress.com/> (URL: <https://mb50.wordpress.com/2014/09/27/russia-discovers-massive-arctic-oil-field-which-may-be-larger-than-gulf-of-mexico/>).

The Essential Saker: from the trenches of the emerging multipolar world // <http://gffreepages.blogspot.com/2016/09/the-saker-why-recent-developments-in.html>.

The Hill — thehill.com // <https://thehill.com/homenews/senate/320270-dem-representative-trumps-claim-that-media-is-the-enemy-is-what-tin-post>.

The New York Times — www.nytimes.com. // <https://www.nytimes.com/2016/12/30/world/europe/russia-diplomats-us-hacking.html>.

The Wall Street Journal // <https://www.wsj.com/articles/europes-ties-with-russia-fray-in-face-of-moscows-role-in-aleppo-bombing-1476290744>.

The Wilcon Center // <https://www.wilsoncenter.org/blog-post/dncs-russia-controversy-finger-pointing-trumps-analysis>.

Литература

1. Азнаурова Э.С. Прагматика текстов различных функциональных стилей. // Общественно-политический и научный текст как предмет обучения иностранным языкам. Сборник статей. М.: Наука, 1987.

2. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Принципы семантического описания фразеологии // Вопросы языкознания, № 6. 2009.

3. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М.: Наука, 1982.

4. Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы её представления. Языки славянских культур. М.: Studia philologica, 2006.

5. Зубанова И.В. Просто убавь воды. (О компрессии в синхронном переводе). Мосты, №2 (54), 2017. С. 43—53.

6. Разинкина Н.М. Стилистика английского научного текста. Изд. 2-е, доп. М.: 2009.

7. Рябцева Н.К. Научная речь на английском языке. Руководство по научному изложению. Словарь оборотов и сочетаемости общенаучной лексики. Новый словарь-справочник активного типа. Изд. 5-е. М.: Флинта/Наука, 2008.

8. Сдобников В.В. Перевод и коммуникативная ситуация. М.: Флинта/Наука, 2015.

9. Селиверстова О.Н. Контрастивная синтаксическая семантика: (Опыт описания). М.: Наука, 1990.

10. Терехова Е.В. Рекуррентные конструкции в современном английском политическом дискурсе. Статус и функционирование. М.: Флинта/Наука, 2010.

11. Чудинов А.П. Политическая лингвистика. М.: Флинта/Наука, 2008.

Recurrent constructions. Lingual translation aspects

E.V. Terekhova (A.V. Zhirmunsky National Scientific Center of Marine

Biology Far Eastern Branch, Russian Academy of Sciences)

The article highlights issues related to specific cases of recurrent construction functioning. The definition of these constructions is proposed, and their essential characteristics are specified. The article analyzes lingual translation and semantic, i.e. communicative and functional aspects of translating the constructions at hand by picking up separate examples of the use of these constructions in the process of translation. The analysis is based on recurrent constructions borrowed from various genre texts of English scientific prose.

Keywords: Recurrent constructions (RC), stable (fixed) collocations, communicative and functional approach (CFA), translation, essential characteristics, multi-genre texts, scientific prose.

**Стратегии перевода метафор гнева в русской и
итальянской художественной прозе**

**А.Л. Токарева (Российский государственный
гуманитарный университет,
Московский городской университет)**

Аннотация

В статье на материале русско-итальянского параллельного корпуса, входящего в Национальный корпус русского языка, с позиций когнитивного подхода рассматриваются стратегии, применяемые для перевода метафор гнева в русской и итальянской художественной прозе.

Ключевые слова

Метафоры гнева, перевод метафор, конвенциональная метафора, авторская метафора.

Перевод метафор в художественном тексте нередко связан со значительными трудностями, поскольку требует передачи не только смыслового, но и образного компонента высказывания. Особенно это касается метафор эмоций, поскольку «эмоции представляют собой одну из самых сложных систем внутреннего мира человека, отраженных в языковой картине мира» [1, 34]. Проблемы перевода метафор рассматриваются в трудах ряда отечественных и зарубежных ученых (В.Н. Комиссарова, П. Ньюмарка, Э.-Н. Курта, Г. Тури), в основном в рамках прескриптивного подхода.

Наиболее известная классификация стратегий перевода метафор принадлежит П. Ньюмарку. В работе «A textbook of translation» [7] предложены следующие семь способов перевода метафор в порядке от наиболее предпочтительного к наименее желательному: 1) воспроизведение образа из текста оригинала в тексте перевода; 2) замена образа из

текста оригинала стандартным образом языка перевода; 3) передача метафоры сравнением; 4) передача метафоры сравнением с добавлением поясняющей информации; 5) перевод метафоры неметафорическим выражением; 6) опущение метафоры; 7) воспроизведение образа из текста оригинала с введением неметафорического выражения, поясняющего смысл метафоры. Данные рекомендации во многом базируются на классификации метафор, предложенной П. Ньюмарком (стертые, клишированные, общие, адаптированные, недавние и оригинальные метафоры), которая в некоторых аспектах является проблематичной. Так, сам автор признает, что области клишированных и общих метафор часто пересекаются, и их различение в конкретном контексте является задачей переводчика. Некоторые из предложенных процедур (например, передача метафоры сравнением с добавлением поясняющей информации) не кажутся частотными, что, однако, можно доказать только при помощи дескриптивного корпусного исследования.

Значительный интерес представляет классификация Э.-Н. Курта [4]. Ученый предлагает девять возможных стратегий для перевода метафор: 1) опущение метафоры в тексте перевода; 2) демегафоризация; 3) частичное опущение метафоры (удаление одной или более метафор, входящих в более обширную метафору); 4) сглаживание метафоры (downtoning), например, передача авторской метафоры при помощи конвенциональной для языка перевода; 5) сохранение оригинальной метафоры в тексте перевода; 6) усиление метафоры (enhancement) — процесс, противоположный сглаживанию; 7) замена оригинального образа другим (shifted image); 8) метафоризация неметафорического выражения; 9) развитие метафоры (введение в переводе, в дополнение к основной метафоре текста оригинала, метафор с аналогичной образностью или схожей структурой). Заметим, что весьма ценным является замечание о возможности опущения части метафорического выражения, поскольку в текстах нередки сочетания, объединяющие несколько метафор (например, комбинации глагольной и адъективной метафор с различной образностью). Процессы сглаживания и усиления метафоры выходят на первый план в художественном дискурсе, где разграничение авторской и языковой метафоры особенно значимо в силу доминирования эстетической функции языка.

Г. Тури [9] критикует теории перевода метафоры, не основывающиеся на дескриптивном подходе. По мнению ученого, основными стратегиями перевода метафорических выражений являются: 1) передача метафоры из текста источника аналогичной (с той же образностью) метафорой в тексте перевода; 2) замена образа в тексте перевода; 3) передача метафоры неметафорическим выражением; 4) опущение метафоры в переводе. Отмечаются и такие важные явления, как перевод неметафорического выражения при помощи метафоры и создание метафоры при отсутствии соответствующих смысловых компонентов в тексте оригинала.

В настоящей работе мы хотим предложить анализ стратегий перевода метафорических выражений с позиций когнитивной лингвистики, а именно с точки зрения теории концептуальной метафоры, разработанной Дж. Лакоффом, М. Джонсоном и М. Тернером [5; 6]. Теория концептуальной метафоры предполагает, что метафора — это не столько поэтический троп, сколько базовый механизм человеческого мышления, поэтому при лингвистическом анализе устоявшиеся языковые метафоры не отходят на второй план и не противопоставляются авторским метафорам, но рассматриваются в одном ряду с ними. Нужно заметить, что авторских метафор гнева в художественной прозе сравнительно немного. Большая их часть — это трансформация уже существующих концептуальных метафор, поэтому мы будем равное внимание уделять авторским и языковым метафорическим выражениям. Кроме того, Э. Дейнан [3] справедливо указывает на важность учета лингвистической реализации концептуальных метафор в силу ограничений сочетаемости, которые могут действовать в отношении конкретных лексем или даже словоформ.

Объектом нашего исследования стали итальянские и русские метафорические выражения, содержащие слова, входящие в семантическое поле «гнев» / «*ira*», а именно: *гнев, бешенство, негодование, ярость, раздражение, досада, злость, злоба, ira, rabbia, collera, furia, furore, irritazione*. Задачей исследования является качественный и количественный анализ способов перевода метафорических выражений с этими лексемами, употребляющихся в русской и итальянской художественной прозе.

Проведя поиск в русско-итальянском параллельном подкорпусе Национального корпуса русского языка [НКРЯ], мы среди 1180 контекстов употребления этих лексем в произведениях русских и итальянских писателей обнаружили 231 метафорический контекст. При выявлении метафор мы руководствовались процедурой MIPVU (Metaphor Identification Procedure Vrije Universiteit), предложенной учеными Амстердамского университета под руководством Герарда Стена [8].

В ходе исследования были выделены семь основных стратегий перевода метафорических выражений с лексемами семантического поля «гнев» / «ira» в художественных текстах.

Наиболее распространенной в нашем подкорпусе оказалась стратегия метафоризации (65 контекстов из 231,28 %) — передача неметафорического слова или сочетания текста оригинала при помощи метафорического выражения в тексте перевода. Значительная доля таких замен приходится на ориентационную метафору ГНЕВ — ЭТО ОГРАНИЧЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО, особенно частотную в русском языке. Пример метафоризации в переводе с русского языка на итальянский представлен в следующем контексте:

*Когда он обругался, ему стало как-то легче: проклятая, непонятная грусть, одолевшая его с последней поездки в город, меньше давила его, когда он **сердил**ся, — а когда он **сердил**ся **сильно**, так и совсем пропадала...* (Максим Горький. Тоска). — *Lanciata questa bestemmia, si sentì, quasi, più tranquillo: la maledetta, incomprensibile tristezza che si era impadronita di lui dopo il suo ultimo viaggio in città, l'opprimeva meno quando **andava in collera**; e quando **usciva dalla grazia di Dio**, spariva quasi completamente* (Maxim Gorkij. L'Angoscia (tradotto da Eugenio Wenceslao Foulques)).

В оригинале дважды использован неметафорический глагол *сердиться*, один раз с обстоятельством образа действия *сильно*. Переводчик прибегает к стратегии метафоризации, используя различные метафорические сочетания с пространственной образностью: *andava in collera* и *usciva dalla grazia di Dio*, второе из которых является фразеологизмом с непрозрачной структурой. Таким образом, градация интенсивности эмоций передается

не при помощи наречия, как в оригинале, а через сопоставление выражений, объединенных пространственной образностью.

Второе место по частотности употребления (57 контекстов из 231, 24,7%) занимает перевод с достижением эквивалентности на уровне словесных знаков (по В.Н. Комиссарову [2]). В данном типе перевода достигается параллелизм в структурной организации текстов, максимальная соотнесенность лексического состава текста оригинала и текста перевода, а также сохранение в переводе всех основных смысловых аспектов оригинала:

Это — бунт черни, отравленной завистью и злобой, развращенной бессовестной демагогией, с реками крови и грязи (Сергей Булгаков. У стен Херсониса (1922)). — *È una rivolta di gentaglia avvelenata dall'invidia e dalla cattiveria, corrotta da una sfacciata demagogia, mentre scorrono fiumi di sangue e di fango* (Serghei Bulgakov. Presso le mura di Chersoneso (tradotto da Maria Campatelli)).

Стратегия демегафоризации — замены метафорического сочетания текста оригинала неметафорическим в тексте перевода — была применена переводчиками в 38 контекстах (16,5%). Нередко использование этого метода связано с расхождениями в частотности реализации метафоры ГНЕВ — ЭТО ОГРАНИЧЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО в русском и итальянском языках: если в русском языке эта метафора является одной из наиболее частотных для указания на переживание гнева, то в итальянском область ее речевых реализаций практически полностью ограничена сочетаниями с лексемами *collera* и *furia*:

У меня всегда развязываются ботинки, и женщин, которые идут рядом со мной, это постепенно приводит в бешенство (Виктор Ерофеев. Хороший Сталин). — *Mi si slacciano sempre, e questo fa via via infuriare le donne che mi camminano accanto* (Viktor Erofeev. Il buon Stalin (tradotto da Luciana Montagnini)).

Четвертое место по частотности занимает стратегия замены образа (29 контекстов из 231, 12,5%). В следующем примере в переводе сочетается метафорическое представление гнева как живого существа и как субстанции, тогда как в оригинале гнев представлен как взрывчатое вещество:

Il terrore, la rabbia infernale di Giuseppe Corte esplosero allora in lunghe, irose grida che si ripercossero per tutto il reparto (Dino Buzzati. Sette piani). — *Ужас и гнев, переполнявшие Джузеппе Кортэ, вырвались наружу. Весь этаж огласился яростным, несмолкающим криком* (Дино Буццати. Семь этажей (пер. Г. Киселева)).

Стратегия перевода с сохранением образности и лексической трансформацией (18 контекстов из 231, 8%) использована в следующем контексте:

И вдруг среди них вспыхивала зверская злоба, пробуждалось ожесточение людей загнанных, измученных своей суровой судьбой (Максим Горький. Бывшие люди). — *E, ad un tratto, sentivano accendersi nei loro cuori una rabbia da bestie feroci; un'esasperazione si svegliava in essi, come in animali perseguitati da cacciatori, ridotti agli estremi da una sorte implacabile* (Maxim Gorkij. Gli ex-uomini (tradotto da Eugenio Wenceslao Foulques)).

В переводе сохраняется основная метафора ГНЕВ — ЭТО ОГОНЬ, но происходит метафорическая интериоризация эмоции: если в оригинале гнев предстает как огонь, загорающийся среди людей, то в тексте перевода он помещается внутри их сердец. Таким образом, переводчик вводит фоновую метафору СЕРДЦЕ — ЭТО ВМЕСТИЛИЩЕ ЭМОЦИЙ. В данном контексте отмечается и еще одна выделенная нами стратегия - перевод с сохранением образности и введением лексем (11 контекстов из 231, 5%): однословный адъективный эпитет *зверская* заменяется выражением *da bestie feroci*, что может рассматриваться как пример усиления метафоры по Э.-Н. Курту [4]. Мы разграничиваем стратегии сохранения образа с лексическими трансформациями и с введением лексических единиц, поскольку они функционально различаются: если трансформации связаны с заменой имеющихся элементов смысла, то добавление лексических единиц подразумевает, в основном, превращение имплицитной метафоры в эксплицитную за счет использования лексем из кластера «iга» при переводе с русского языка на итальянский.

Частичное изменение образа (13 контекстов из 231, 5,6%) наблюдается в тех случаях, когда основная концептуальная метафора сохраняется, однако некоторые первостепенные компоненты образа подвергаются замене. Интересный пример частичного изме-

нения образности в переводе класса ориентационных метафор представляет следующий контекст:

<...> *gridò con voce repressa Planetta, finalmente andato in bestia* (Dino Buzzati. L'assalto al Grande Convoglio). <...> *приходя в ярость, прикрикнул на него Планетта* (Дино Буццати. Нападение на большой конвой (пер. Р. Хлодовского)).

Итальянское выражение *andare in bestia* характеризуется сложной структурой: 1) олицетворяющим представлением ярости как животного; ср. толкование лексемы *bestia* в данном значении в словаре F.Sabatini, V.Coletti: «In locuzioni fig. esprime l'immagine della forza bruta, spaventosa, che non si può capire né controllare» [SCD]; 2) включением этой лексемы с переносным значением в метафорическую конструкцию с пространственной семантикой. В русском языке подобные выражения отсутствуют, поэтому сохранение образности двух сфер-источников невозможно. Переводчик выбирает высокочастотную и лишённую «животных» коннотаций ориентационную метафору. Характерно, что переводчики в целом стремятся избегать выражений, включающих сопоставления с животными, что свидетельствует о сохранении языковой метафорой своего экспрессивного эффекта.

Таким образом, в результате анализа материалов русско-итальянского параллельного корпуса нами были выявлены такие способы перевода метафор гнева, как перевод с достижением эквивалентности на уровне словесных знаков, деметафоризация, замена образа, сохранение образности с лексическими трансформациями, сохранение образности с введением лексических единиц, частичное изменение образа, а также метафоризация как частый способ передачи неметафорических выражений.

Анализ стратегий перевода метафор, предложенных П. Ньюмарком, показал, что первые два метода (воспроизведение образа из текста оригинала в тексте перевода и замена образа из текста оригинала стандартным образом языка перевода), наряду с деметафоризацией, находят широкое применение, однако третий, четвертый, шестой и седьмой методы (перевод метафоры при помощи сравнения или сравнения с добавлением поясняющей информации, опущение метафоры и воспроизведение образа из текста оригинала

с пояснением смысла метафоры) в нашем случае полностью отсутствуют. Более реалистичной представляется классификация Э.-Н. Курта, которая не предполагает стратегий, поясняющих смысл метафоры наряду с воспроизведением ее образного компонента. В корпусе были обнаружены контексты переводов, которые могут рассматриваться как примеры сглаживания или усиления метафоры. Исследование показывает, что способы перевода метафор, отличные от точного перевода, объясняются влиянием совокупности факторов: не только узуальными ограничениями сочетаемости отдельных лексем, но и особенностями метафорических систем в языке оригинала и языке перевода, а также относительной частотностью речевых реализаций отдельных метафор в рамках этих систем.

Список сокращений

НКРЯ — Национальный корпус русского языка // <http://www.ruscorpora.ru/new/index.html>.

SCD — Sabatini F., Coletti V. Dizionario di italiano // https://dizionari.corriere.it/dizionario_italiano.

Литература

1. Иоанесян Е.Р. Симптоматическая лексика в функции Magn // Научный диалог, № 2, 2019. С. 34—48. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-2-34-48.
2. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учебник для институтов и факультетов иностранных языков. М.: Высшая школа, 1990.
3. Deignan A. Metaphor and corpus linguistics. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2005.
4. Kurth E.-N. Altered images: Cognitive and pragmatic aspects of metaphor translation. In Vandaele J. (Ed.), Translation and the (Re)Location of Meaning, pp. 97—116. Belgium: CETRA, 1999.
5. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago: University of Chicago Press, 1980.

6. Lakoff G., Turner M. More than Cool Reason: A Field Guide to Poetic Metaphor. University of Chicago Press, Chicago, 1989.
7. Newmark P. A textbook of translation. New York: Prentice-Hall International, 1988.
8. Steen G.J., Dorst A.G., Herrmann J.B., Kaal A.A., Krennmayr T., Pasma T. A method for linguistic metaphor identification: From MIP to MIPVU. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2010.
9. Toury G. Descriptive Translation Studies and Beyond. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1995.

Translating anger metaphors in Russian and Italian prose

**A.L. Tokareva (Russian State University for the Humanities,
Moscow City University)**

The article investigates strategies for translating anger metaphors in Russian and Italian literature. The research based on the Russian National Corpus offers an analysis of translation methods from a cognitive perspective.

Keywords: Anger metaphors, metaphor translation, conventional metaphor, novel metaphor.

О вкладе А.М. Шахнаровича в теорию речевого онтогенеза

Н.М. Юрьева (Институт языкознания РАН)

Аннотация

Статья посвящена 20-й годовщине со дня кончины известного ученого-лингвиста — А.М. Шахнаровича (3 ноября 1944 — 5 февраля 2001 гг.), стоявшего у истоков отечественной теории речевого онтогенеза. В статье предпринята попытка вычленить ключевые принципы, характеризующие подход А.М. Шахнаровича к изучению становления речевой деятельности в онтогенезе. Принципы, о которых идет речь, выстраивались при осмыслении различных аспектов формирования языковой способности и прослеживаются как в работах А.М. Шахнаровича, так и в исследованиях, проведенных под его руководством.

Ключевые слова

Концепция речевого онтогенеза, изучение общих закономерностей речевого онтогенеза, принцип развития и принцип предметной деятельности.

Несколько слов об ученом и основной области его исследований

Александр Маркович Шахнарович принадлежит к яркому созвездию ученых нашей страны, которые в начале 70-х годов прошлого века закладывали основы отечественной психолингвистики и теории речевого онтогенеза. А.М. Шахнарович родился в Москве в ноябре 1944 года. После учебы в Московском государственном педагогическом институте им. В.И. Ленина (филологический факультет), уже отслужив три года в армии в г. Златоусте, в 1969 г. он начал работать в только что созданной А.А. Леонтьевым группе психолингвистики Института языкознания АН СССР. С тех пор его жизненный и научный путь был тесно связан с Институтом языкознания. Он несколько лет был ученым секретарем института, который в те годы находился в небольшом стареньком особнячке на Волхонке, а в 90-е годы (к тому времени институт переехал в «новое» здание на

Кисловском переулке) до конца жизни был заместителем директора института по научной работе. Работал с тремя знаменитыми директорами и известными учеными — В.Н. Ярцевой, Г.В. Степановым, В.М. Солнцевым — разными по характеру и стилю руководства институтом, и для каждого был надежной опорой в решении самых разных проблем, возникающих в жизни академического института. Даже по прошествии стольких лет многие говорят о его доброжелательности, отзывчивости, общительности, об умении ценить людей, друзей, коллег. Интересно, что практически всех аспирантов института, которых в те годы было в разы больше, чем в наше время, он знал не только по имени, но был знаком с проблематикой, которой они занимались. Одной из характерных особенностей Александра Марковича было умение общаться с людьми: многие приходили за советом, помощью и находили у него поддержку и в научных, и в жизненных ситуациях.

Он был необычайно талантливым, ярким и жизнерадостным человеком, обладающим даром притягивать к себе людей своей деятельной энергией, творческим настроем, умением убеждать, излагая те или иные идеи. Что до сих пор остается в памяти, так это то, что он всегда был чем-то занят: масса бумаг и писем, на которые он без труда отвечал, бесконечные отчеты, организация конференций, диссертации для оппонирования, рецензии на книги. Именно его удивительное умение глубоко осмыслить и вместе с тем критически оценить сделанное коллегами было одной из ярких его сторон как ученого.

Его учитель, основатель российской психолингвистики, А.А. Леонтьев вспоминал, что «у него уже тогда было две особенности: во-первых, удивительная человеческая надежность и, во-вторых, умение быстро войти в любую новую для него проблему. И буквально с первых месяцев он гигантскими шагами начал становиться профессионалом-психолингвистом» [5, 9]. Очень быстро, всего за несколько лет, он пишет и защищает в 1974 г. кандидатскую диссертацию, посвященную психолингвистическому анализу детской речи, а в 1985 г. — докторскую диссертацию на тему «Семантика детской речи» [19; 22]. Именно в этих работах проявились его научные качества, позволяющие говорить о нем как о теоретике и экспериментаторе [14]. В этих исследованиях проявились его умение видеть проблему «вглубь», чему, безусловно, способствовали, во-первых, мето-

дологическая основа его исследований — теория речевой деятельности — и серьезное теоретическое осмысление и проработка экспериментального материала по речевой деятельности детей, позволившая ему поставить проблему психолингвистического подхода к анализу детской речи и проблему семантического аспекта онтогенеза речи. В тот период обе проблемы были не просто актуальными, но получили в исследованиях А.М. Шахнаровича новаторское решение в обращении автора к глубинным процессам речемышления и отражения системы языка в языковой способности человека. Во-вторых, в этих работах проявились такие качества ученого, как интеллект, образованность и исключительная работоспособность. Именно поэтому обе защиты явились неординарными научными событиями для отечественной науки. Не забудем, что все эти годы он занимал ответственную и серьезную должность, которая забирала не только его время, но и силы: ведь он долго и мучительно болел, эта болезнь была с ним до конца жизни.

Под его руководством написаны и защищены не один десяток кандидатских диссертаций, авторы которых приезжали на учебу из разных городов нашей страны и других стран, включая Вьетнам, Венгрию, Узбекистан. Интересно, что первые его аспиранты (военные переводчики В.Н. Гридин и В.Б. Апухтин) были с ним почти одного возраста и, возможно, даже старше. Наше личное общение началось в конце 70-х годов совершенно случайно («с легкой руки» Н.В. Уфимцевой), непредвиденным последствием которого стало то, что я стала аспиранткой Александра Марковича, хотя в те годы была совершенно далека от психолингвистики и вовсе не предполагала, что буду заниматься речевым онтогенезом. Пришлось начинать все с нуля: в первые годы работа в Научной педагогической библиотеке им. К.Д. Ушинского, в библиотеке иностранной литературы и, конечно, в Ленинке; необычайно интересные лекции таких именитых ученых, как Н.А. Слюсарева и Е.С. Кубрякова, семинары для аспирантов, которые проводили Александр Маркович и Е.Ф. Тарасов. На эти семинары приезжали из Германии известные немецкие исследователи, занимающиеся психолингвистикой и детской речью, Катарина Менг и Барбара Крафт, а также ученые из других московских институтов. На мой взгляд, именно его организаторские способности по научному руководству способствовали успешной научной

работе многих его аспирантов. Запомнился и его строгий контроль за ходом выполнения намеченного плана по работе над диссертацией: принести к конкретной дате текст очередной главы, отчет о проведении экспериментов и собранные экспериментальные материалы, обсуждение результатов. Эта последняя сторона работы была самой трудной, так как не сразу удавалось осмыслить ход его мысли и предлагаемые им идеи.

За свою короткую, но плодотворную научную деятельность им написано более 300 научных работ по разным проблемам лингвистики и психолингвистики, в которых заложено основание психолингвистического подхода в изучении становления речи в онтогенезе [22; 29]. Для его коллег, последователей и учеников ясно, что на сегодняшнем этапе развития лингвистической науки без сомнений можно сказать, что А.М. Шахнарович по праву относится к классикам российской психолингвистической науки. Его интересы затрагивали многие области традиционной теории языка, грамматики и текста, но основной и любимой областью для него всегда оставалась «детская речь» в ее различных проявлениях, которую он образно называл «полигоном» экспериментальных методов, и всегда радовался, когда молодые исследователи выбирали именно эту область для своих научных поисков. Е.С. Кубрякова отмечала: «Уже тогда он определил несколько главных тем в лингвистике, которые не могли быть решены без психологических поисков и психологических обоснований. Работая на стыке двух наук — лингвистики и психологии — он как бы предвидел, что дает их объединение и интеграция, и, что еще важнее, подготовил почву для широкого распространения всего когнитивного направления в современной лингвистике» [4, 12]. В одной из статей он подчеркивал, что «естественно протекающие процессы мыслеречедеятельности, результатом которых является «перевод» предметных или мыслимых содержаний в пропозициональные структуры, в онтогенезе представлены так, что можно не только их сравнительно свободно наблюдать, но и выявлять их истоки, природу, структуру» [23, 117].

Если определить главное, что характеризует вклад А.М. Шахнаровича в отечественную психолингвистику, то это, прежде всего, его участие в создании основ современной теории речевого онтогенеза. Научной платформой и, по его словам, «своего рода

концептуальной базой» проведенных исследований является концепция культурно-исторического развития Л.С. Выготского и теория деятельности А.Н. Леонтьева [29, 39–40]. Начав свою научную работу в первые годы возникновения отечественной психолингвистики, он опирался на новый, характерный в то время (в основном) для отечественной психолингвистики, деятельностный подход к изучению речевого онтогенеза с акцентом на экспериментальный метод получения фактического материала и его научного анализа, для которого свойственен переход от простого описания изучаемого феномена к объяснению особенностей его возникновения и развития в детской речи [14; 32]. Высказываемые им мысли по различным аспектам становления речи в детском возрасте, облеченные в лаконичные речевые фрагменты, зачастую воспринимавшиеся (и даже сейчас нередко воспринимающиеся) как догадки и гипотезы, нуждающиеся в дальнейшей разработке и конкретизации, удивляли и одновременно поражали умением схватывать суть изучаемого явления, «с ходу войти» в проблему, предложить неожиданную интерпретацию конкретных фактов и «поднять» их на уровень теоретического осмысления. Именно в этом, по моему мнению, заключена одна из ярких граней его таланта как ученого.

А.М. Шахнарович принадлежит к тем ученым, кому уже в самом начале своих научных поисков удалось определить центральную проблему для всей своей научной деятельности — языковая способность и ее формирование в онтогенезе речи — и наметить на долгие годы основной путь ее изучения в направлении конкретных аспектов становления речи в период детства. Е.С. Кубрякова отмечала, что «на протяжении всего творческого пути он возвращался к выбранной, любимой им теме, но всегда в каком-то новом ракурсе изучения и в новой сложности ее осмысления» [4, 12]. Необычайная работоспособность (но не отпущенное ему время — умер в 56 лет!), эрудированность, широта знаний во многих областях лингвистики, психологии и детской психологии дали ему возможность построить интереснейшую концепцию, вбирающую в себя общие закономерности речевого онтогенеза и особенности становления языковой способности в детском возрасте, основанную на реальных материалах речи детей и достоверных экспериментальных данных.

Важно отметить, что проникновение его мысли вглубь изучаемой проблемы позволяло ему видеть и далекую перспективу проводимых исследований в широком круге проблем, в наше время возникающих в контексте существенной переориентации современной лингвистики в понимании предмета исследования, изучения коммуникативной и дискурсивной способностей человека и формирования языковой личности. В одной из статей, написанных в середине 90-х годов прошлого века, подводя итог проведенному анализу структуры языковой способности, который основывался как на его экспериментальных данных, так и его учеников, он делает вывод о том, что «она представляет собой динамическое образование, механизм, обеспечивающий использование «психологических орудий»», подчеркивая, что сам «процесс использования этих орудий, культурные правила их выбора и ситуативная организация находятся вне собственно языковой способности. Они принадлежат коммуникативной компетенции, которая вместе с языковой способностью составляют языковую личность» [28, 223]. Именно эта проблематика стала актуальной много лет спустя не только для онтогенетической науки, практической и теоретической лингводидактики [1], но и для современного этапа общей теории языка, рассматривающей язык «как уникальное свойство человека» с присущими человеку социальными и даже биологическими особенностями (Т. Гивон, А.В. Кравченко и др.) и включающей онтогенез языка, наряду с диахронией и его эволюцией, в «пространство знаний о естественном языке», в котором предполагается найти точки соприкосновения различных направлений современной лингвистики и комплекса наук о человеке [15, 298—310].

Далее в статье выделяются некоторые идеи, высказанные А.М. Шахнаровичем в разные годы, относящиеся к представлениям ученого о процессах и механизмах, связанных с формированием языковой способности в онтогенезе речи, которые в своем большинстве осмысливаются современной онтолингвистикой в качестве основных теоретических предпосылок при изучении речевого развития в дошкольном детстве. Стоит заметить, что в те годы, когда А.М. Шахнарович высказывал эти идеи, не все их понимали даже в отечественной науке. Нужно было приложить немало усилий для их воплощения в

экспериментальной практике и затем при осмыслении полученных результатов. В этой статье выделены лишь некоторые из множества идей ученого.

Основные принципы деятельностного подхода

в изучении речевого онтогенеза

В современной лингвистике и других гуманитарных науках происходят заметные изменения в осмыслении многих традиционных проблем, которые предстают в новой исследовательской перспективе и получают новую трактовку. Подобные изменения отмечаются и в психолингвистике речевого онтогенеза, в настоящее время все более ориентированной на изучение коммуникативной компетенции, ее взаимосвязи с когнитивными процессами, на вхождение ребенка в дискурсивное пространство и, как писал А.М. Шахнарович, «освоение разнообразного репертуара коммуникативных возможностей речевой деятельности» [29].

Другая сторона изменений отмечена тем, что мы сталкиваемся со своего рода «революцией в когнитивной психологии развития, охватившей все представления об истоках психического в онтогенезе человека» [12, 44—60], и пересмотром «предпосылочного знания», т.е. устоявшихся основ концепции психического развития, на которые с 70-х годов прошлого века и последующие годы опиралась отечественная теория речевого онтогенеза. В литературе по когнитивной психологии и психологии развития все чаще звучит термин «новая теория развития», указывается на «ослабление и даже крушение» классической теории познавательного развития в раннем детстве, на «великое многообразие врожденных основ развития в раннем возрасте»: на самых первых этапах детского развития выявляется врожденная психологическая предрасположенность, формы перцептивной готовности и способы репрезентации, выходящие «за пределы того, что утверждает классическая теория» [7, 164—174].

Следует заметить, что основные усилия ученых направлены в большей мере на область раннего онтогенеза — на действие биологического (генетического) механизма, созревание мозговых структур, которые «связаны со специализированной, возможно, модульной нейронной системой», по мнению ученых, «запускающей языковое развитие»

[18, 153—154]. Не подвергая сомнению ценность исследований, проводимых «в русле новой теории развития», тем не менее хочется вспомнить слова известного отечественного психолога О.К. Тихомирова о том, что «история изучения психики характеризуется неоднократным переосмыслением сущности изучаемых явлений, которые в их эмпирической данности были известны уже древним мыслителям <...> Психология была и наукой о душе, и наукой о сознании и о поведении, и даже наукой об обработке информации <...> Но главное состоит в том, чтобы психика не отрывалась как от внешнего мира и активной жизнедеятельности субъекта, так и от реализующих ее анатомофизиологических структур» [16, 41]. В свою очередь, Д.Х. Флейвелл подчеркивает, что «главное в развитии — не прогресс каждой отдельной психической функции, а изменение связей между различными функциями, в формировании сложных функциональных систем, обусловленных особенностями когнитивного развития и переработки информации в разные периоды онтогенеза, которые «диктуют возможные формы познания, доступные ребенку» [18, 153]. Е.А. Сергиенко и В.И. Белопольский также подчеркивают «сложную детерминацию психического развития, в процессе которого и природа человека, и культура социума являются равноправными партнерами, но их роль на разных этапах становления человека может меняться» [13, 14].

В отечественной лингвистической науке изменения в осмыслении детского речевого развития и «преодоление одностороннего взгляда» на факты» детской речи, отклоняющиеся от «заданной», нормативной грамматики языка, как на неправильный или «отрицательный языковой материал»», связаны с деятельностным подходом к анализу речевой деятельности и, в первую очередь, с концепцией онтогенеза речи, развиваемой в ставших хрестоматийными работах А.М. Шахнаровича [22; 27; 29]. Вплоть до 70-х годов XX века «работы по детской речи были по преимуществу описательными и констатирующими те или иные особенности речи ребенка в определенные периоды его развития через анализ результатов — внешних проявлений этого процесса, — то для современных работ характерно стремление подойти к внутренним процессам и механизмам, приводящим к появлению определенных языковых фактов в речевой деятельности детей» [25].

Следует отметить, что сама «детская речь» стала рассматриваться в качестве необходимой составной части не только психологии развития (традиционно относящейся к возрастной или детской психологии), но и знаний о языке, его эволюции, о самом человеке и его языковой способности. Если еще раз вспомнить о разграничении между психолингвистическим и не психолингвистическими подходами к осмыслению речевой деятельности, предложенным Л.В. Сахарным, то среди основных факторов, определяющих психолингвистический подход, называется «фактор человека» [11, 7]. В этой связи можно согласиться с мнением, что «следствием когнитивного подхода к исследованию языковых процессов явилось разрушение и без того достаточно аморфной границы между собственно психолингвистическими и лингвистическими исследованиями» [8, 160].

Уже отмечалось, что важнейшую позицию в концепции А.М. Шахнаровича занимает «фактор ребенка», который им вводится при осмыслении явлений детской речи в качестве определяющего феноменальную динамику речевого развития ребенка. С «фактором ребенка» в теорию речевого онтогенеза входит *базовый принцип* деятельностного подхода к изучению онтогенеза речи (как, впрочем, и для множества психологических учений: Ч. Дарвин, Ж. Пиаже, И. Сеченов и др.) — принцип развития высших психических функций (Л.С. Выготский). Опора на принцип развития приводит исследователя к экспериментально-генетическому методу изучения различных составляющих формирования речи в детском возрасте как развивающихся во времени процессов во взаимосвязи с комплексом психических и социальных процессов и функций: с общим психическим развитием ребенка, развитием предметной, познавательной и когнитивной деятельности, развитием взаимодействия и общения с окружающими [32, 89].

Необходимо отметить, что А.М. Шахнарович вовсе не отрицал роли природных, биологических факторов в формировании языковой способности. Вслед за такими известными учеными, как А.В. Запорожец и Л.А. Венгер, он писал, что, являясь необходимым условием реализации специфически человеческих психических свойств и способностей, врожденная организация, в частности инстинктивные механизмы поведения, ни в коей мере не обеспечивают возникновения этих свойств и способностей. Физиологиче-

ским субстратом человеческих психических свойств являются не врожденные нервные механизмы, а прижизненно формирующиеся функциональные системы. По его мнению, «субстрат речевой деятельности, ее биологическая основа, о наличии которой говорят факты экспериментальной физиологии, не есть достаточное условие овладения языком, развития языковой способности <...> уже хорошо известно, что закрепление смыслов («глубинных структур») возможно только на основе предметной и орудийной (практической, социальной по характеру) деятельности ребенка <...> Вероятно, источником развития является не врожденная схема, а деятельность и правила деятельности» [27, 188].

Таким образом, можно сказать, что А.М. Шахнарович отчетливо осознавал, что в ситуации онтогенеза обе составляющие развития находятся в сложном взаимодействии, обе они в онтогенезе слиты и образуют единый, но сложный процесс. В конкретных же экспериментальных исследованиях он выделял лишь одну часть из этого сложного взаимодействующего комплекса, возникающего на ступени дошкольного детства и обеспечивающего речевой онтогенез — развитие речи и предметной деятельности ребенка.

Далее кратко прослеживаются основные методологические принципы, следование которым определило направление исследований в изучении речевого онтогенеза в работах А.М. Шахнаровича и некоторых его учеников.

Принцип предметной деятельности. В нескольких статьях А.М. Шахнарович, исходя из выдвинутого Л.С. Выготским и учеными его школы положения, что развитие речи в онтогенезе непосредственно зависит от становления и развития предметно-практической деятельности детей, высказал известную в наше время идею, в соответствии с которой «именно внеязыковой действительностью, а точнее — предметной деятельностью ребенка детерминирован весь ход развития языковой способности. Ребенок именно овладевает языком, присваивает его как часть объективной действительности <...>. Это активный процесс, который определяется потребностями в общении, специфической взаимодействия людей, особенностями их социальной жизни. С момента рождения ребенок попадает в такие социальные условия, которые предполагают взаимодействие,

совершение совместной деятельности. Все это обеспечивается речевым общением» [27, 189].

В то время перед исследователями встал вопрос о том, как этот принцип действует в конкретных областях речевого онтогенеза. Примером использования деятельностного принципа служат психолингвистические исследования, в которых процесс овладения языковыми средствами изучается в экспериментальных условиях в контексте общего психического развития ребенка, развития его предметно-практической деятельности и мышления. Как этот принцип проявляется, показано в работах [20; 21], в центре которых находится анализ взаимоотношений наглядного представления как ведущего способа психического отражения в детском возрасте и генерализации языковых средств при овладении ребенком морфологией родного языка. Показано, что отмеченная ранее в исследованиях «генерализация языковых явлений» — это часть сложнейшего процесса, характеризующего ход усвоения ребенком родного языка, в котором в качестве важнейшего механизма выступает психический процесс обобщения или «генерализация предметных отношений», отражающаяся «в генерализации языковых фактов, в том числе и грамматических средств». А.М. Шахнарович отмечал, что «наглядное представление (образ), будучи основной формой обобщения у детей в период дошкольного детства, служит основой, на которой в онтогенезе происходит овладение морфологическими средствами и языком в целом»; «на его основе происходит мотивированность морфемы, установление связи «форма – реальные отношения»» [21, 86]. Возникновение «генерализованного отношения» и «вычленение морфем ребенком как значимых элементов языка происходит не сразу и определяется не только языковыми моментами, но и опытом предметной деятельности и ее развития. По мере усложнения предметной деятельности ребенку становится доступно восприятие всех изменений, происходящих с предметами, связей и отношений между ними, восприятие отличительных признаков предмета, как таких, которые позволяют включить его в класс похожих предметов, так и таких, которые характерны для данного предмета» [25, 66].

Другим важным положением, которое раскрывается в работах А.М. Шахнаровича и его учеников, является положение, в соответствии с которым «от степени развития и психологической сложности предметных действий ребенка зависит развитие структуры и функций его высказываний» [9, 1]. В докторской работе он подчеркивал, что «по мере развития практических действий и тесно связанных с ними действий со знаками формируется относительно самостоятельное «языковое знание». Поскольку предметные и речевые действия в раннем онтогенезе слиты воедино в ситуации общения, проблема анализа <...> формирующихся синтаксических структур предстает как проблема целенаправленного изучения игровых и речевых действий и способов соотнесения речевой и неречевой деятельности при порождении высказываний в ситуации общения» [22, 19].

Эти рассуждения приводят к выделению *принципа развития предметно-игровой деятельности* — ведущей деятельности в дошкольном детстве — и формирования «психического» (когнитивных структур, представлений, образов, обобщений, различных «эталонов») в процессе деятельности. Именно принцип развития предметно-игровой деятельности конкретизирует в новом аспекте деятельностный подход отечественной психолингвистики к анализу многих явлений речевого онтогенеза на дошкольной ступени. Реальным основанием для выделения принципа предметной деятельности служит целый ряд фактов, выявленных в ходе изучения процесса овладения детьми грамматикой родного языка, развития семантики высказывания в детской речи, возникновения и развития синтаксической структуры и структурно-семантических особенностей высказывания в речи детей [23; 3; 9; 10 и др.].

На принципе развития предметной деятельности построено исследование Н.А. Краевской, посвященное внутреннему программированию высказывания в онтогенезе речи. Отталкиваясь от мысли А.М. Шахнаровича о том, что «умение строить программу действий находит выражение сначала в предметной деятельности, а затем — в речевой» [19; 22], Н.А. Краевская высказала предположение, что ««аналог внутренней программы высказывания находится вне речи ребенка, в ситуации», наглядные компоненты которой составляют «семантическое ядро этой программы», представляющей собой «структури-

рованное единство семантики и синтаксиса» [3]. В экспериментах, проведенных с детьми и взрослыми (переводчиками), удалось показать, что не только внутренняя программа высказывания имеет компонентную структуру, «но и ее семантический компонент имеет многоуровневое строение», внутри которого выделяются такие уровни, как «замысел — переход от задач предметной (неречевой) деятельности к речевой»; «смыслообразование — членение действительности на семантические опорные пункты (смыслы)»; «означивание — приписывание смыслам внутренней программы лексических значений». Показано, что «основная функция семантического компонента внутренней программы состоит в членении действительности на элементы, значимые для выражения» [3, 18—19].

Действие принципа предметной деятельности, взаимосвязи предметно-игровых действий и речевого развития раскрывается в кандидатской работе В.Н. Овчинникова, построенной на методике наблюдения за речью и предметными действиями детей в естественных игровых ситуациях. Автор исходил из предположения, что «развитие структурно-семантических особенностей высказывания определяется развитием навыков программирования деятельности вообще и речевых действий в частности. В свою очередь, этот процесс обусловлен усложнением функций речевых действий в обеспечении совместной предметно-практической деятельности детей» [9, 2]. В ходе анализа зависимости между «функциональной структурой ситуации предметной/игровой деятельности — функциональным типом высказывания — структурно-семантическими особенностями высказывания» выявлены пять «функциональных типов высказываний, имеющих взаимосвязь с типами игровых действий», в которые включены конкретные высказывания. Выявленные типы высказываний являются производными от типов ситуаций предметно-игровой деятельности детей [9, 7—14].

Следует сказать, что принцип развития, а вместе с ним принцип игровой деятельности, получили позднее дальнейшую разработку в области дискурсивного развития детей в исследованиях по диалогу детей трех-шести лет в игровой деятельности. Был проанализирован функционирующий в онтогенезе «сложный взаимодействующий комплекс

действия и речи», возникающий в совместных играх и диалогах детей-сверстников дошкольного возраста [32; 34: 60—77].

С самого начала научной работы в области речевого онтогенеза А.М. Шахнарович выстраивал концепцию вокруг изучения взаимосвязей языка как системы с языковой способностью человека, «обеспечивающей «жизнь» этой системы». Можно полагать, что общей целью своих исследований А.М. Шахнарович считал создание концепции, объединяющей генезис речи и языковой способности [23, 1; 28]. Следует подчеркнуть, что концепция строилась в основном на материале дошкольного периода онтогенеза.

Пытаясь найти содержательную специфику этого сложного онтогенетического процесса, вбирающего в себя огромный комплекс психологических, языковых, социальных и культурных явлений, в своих работах он обращается к экспериментальным материалам в области овладения детьми «знаком-словом» как наименованием, закономерностей овладения морфологией, словообразованием, синтаксисом и семантикой. Обобщив обширный материал и данные многочисленных экспериментальных исследований по изучению основных закономерностей формирования речевой деятельности в онтогенезе и методологию психологической школы Л.С. Выготского — А.Н. Леонтьева, А.М. Шахнарович сформулировал ставшее классическим определение языковой способности, вошедшее в «Лингвистический энциклопедический словарь» [6]. Он приходит к определению, что языковая способность — это «многоуровневая иерархически организованная функциональная система, формирующаяся в психике носителя языка в процессе онтогенетического развития»; «являющаяся следствием отражения и генерализации элементов системы родного языка, функционирующая по определенным (неосознаваемым) правилам и имеющая многокомпонентную организацию» [6, 617]. В другой работе (вслед за Л.В. Щербой и А.А. Леонтьевым) он разъясняет, что она есть «механизм, психофизиологический по природе, но формируемый прижизненно, под воздействием социальных явлений, организованный по принципам иерархии ...» [27, 186].

Предложенная А.М. Шахнаровичем концепция во многом опровергала ранее существовавшее представление о детской речи как о «примитивном слепке» языка взрос-

лых и позволяет представить, как проходит у ребенка процесс овладения родным языком. С раннего возраста ребенок «ищет и интуитивно открывает некие «скрытые правила»», лежащие в основе языка, окружающего его с первых дней жизни [33, 5—6]. По словам С.Н. Цейтлин, «эти первоначальные правила добываются им на основе переработки получаемого речевого инпута <...>, становятся достоянием формирующейся детской грамматики и представляют собой результат устанавливаемых ребенком аналогий» [30, 56].

Опираясь на важнейший принцип, выдвигаемый психолингвистикой, согласно которому при анализе различных явлений детской речи следует исходить из ее тесной связи с развитием предметной деятельности ребенка и его общепсихического развития, А.М. Шахнарович выявил одну из основных закономерностей формирования языковой способности в онтогенезе. Эта закономерность сформулирована в работе «Психолингвистические проблемы овладения общением в онтогенезе», в которой он подчеркивает, что «прежде чем овладеть социально закрепленной, условной связью денотата и знака, ребенок проходит ступень образной связи означаемого и означающего (денотата и знака)». На уровне слова как номинативной единицы — «это образная связь предмета и названия, на уровне морфологии (словообразования) — образная связь морфемы (звукокомплекса) с измененным означаемым. На уровне синтаксиса — связь ситуации и предложения (психологическая предикативность)» [21, 166].

Сформулированные А.М. Шахнаровичем в конце 90-х годов XX века положения о закономерностях процесса усвоения родного языка ребенком послужили ядром, вокруг которого продолжают развиваться многие исследования в области онтогенеза речи. Приведем некоторые из выдвинутых им положений, признанных в качестве важнейших закономерностей, характеризующих процесс усвоения родного языка ребенком, а именно:

— положение «об ориентировочной деятельности ребенка в мире звучащей речи, формировании языковых обобщений и генерализованных правил» [19; 21];

— положение «о динамике развития речевой деятельности ребенка», которая характеризуется «переходом от целостных, нерасчлененных, внешне простых языковых

форм к более аналитическим, к расчлененному и сложному высказыванию», в котором выражается сложное знание ребенка о действительности [21, 232];

— положение «о семиотико-ситуативном анализе ситуации как необходимом звене речемыслительной деятельности ребенка и порождения высказывания» [25].

В своей последней книге А.М. Шахнарович предложил новое содержательное понимание этапов развития языковой способности в онтогенезе, исходя из анализа развития познавательных процессов ребенка, соотношения коммуникативных (т.е. «содержательных языковых структур») и когнитивных структур («формирующихся только одним путем — путем познания окружающего мира») и формирующейся в ходе онтогенеза когнитивной «индивидуальной классифицирующей системы — системы эталонов». Выделенные А.М. Шахнаровичем этапы овладения языком и развития языковой способности отражают движение ребенка от речи ситуативной, привязанной к конкретной ситуации, к речи внеситуативной, контекстной, понятной слушателю независимо от непосредственной ситуации [29, 150—152].

За пределами последней книги осталось (как часто бывает) недосказанное: что-то осталось на будущее. Он сам говорил, что «многое остается неразработанным и поставлено в общей форме. И это моя последняя книга». Эти его слова запомнились, так как в них сконцентрирован весь смысл сказанного человеком, который осознавал сказанное и то, почему он это сказал!

Сформулированные А.М. Шахнаровичем в конце 90-х годов XX века положения о закономерностях процесса усвоения родного языка ребенком послужили ядром, вокруг которого продолжают развиваться научные поиски в области онтогенеза речи. Подводя общий итог и оценивая вклад научной деятельности А.М. Шахнаровича в разработку проблем речевого онтогенеза, можно сказать, что цикл его исследований пронизан принципом развития высших психических функций, предложенным Л.С. Выготским и примененным А.М. Шахнаровичем в исследованиях речевого развития.

Литература

1. Арушанова А.Г., Рычагова Е.С., Сигал К.Я., Юрьева Н.М. Проблемы развития речи в психолингвистическом и лингводидактическом освещении. М., 2014.
2. Гараева Л.И. Психолингвистический анализ семантической структуры производного слова: авторефер. дисс. канд. филол. наук. М., 1987.
3. Краевская Н.А. Семантический компонент внутренней программы речевого высказывания: авторефер. дисс. канд. филол. наук. М., 1981.
4. Кубрякова Е.С. Предисловие // Проблемы психолингвистики: теория и эксперимент. М.: ИЯЗ РАН, 2001. С. 11—12.
5. Леонтьев А.А. О Саше Шахнаровиче // Проблемы психолингвистики: теория и эксперимент. М.: ИЯЗ РАН, 2001. С. 9—10.
6. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990.
7. МельцOFF Э. Корни теории психического, познания и общения // Горизонты когнитивной психологии. Хрестоматия. М.: ЯСК, 2012. С. 163—174.
8. Методологические основы новых направлений в мировом языкознании. Киев: Наукова Думка, 1992.
9. Овчинников В.Н. Психолингвистический анализ функциональных типов высказываний: автореф. дисс. канд. филол. наук. М., 1983.
10. Протасова Е.Ю. Развитие семантики высказывания в детской речи (психолингвистический анализ): автореф. дисс. канд. филол. наук: М.: ИЯЗ АН СССР, 1987.
11. Сахарный Л.В. Введение в психолингвистику: курс лекций. Л.: издательство Ленинградского университета, 1989.
12. Сергиенко Е.А. Революция в когнитивной психологии развития // Российский психологический журнал. Т. 2 №2, 2005 // [https:// www.twirpx.com/file/1137792](https://www.twirpx.com/file/1137792).
13. Сергиенко Е.А., Белопольский В.И. Предисловие к русскому изданию // Баттерворт Дж., Харрис М. Принципы психологии развития. М.: Когито–Центр, 2000. С. 9—15.

14. Сигал К.Я., Юрьева Н.М. Метод эксперимента и его применение в речевых исследованиях. М.: ИЯЗ РАН, ИД «Ключ-С», 2009.
15. Скребцова Т.Г. Когнитивная лингвистика. Классические теории, новые подходы. М.: Издательский Дом ЯСК, 2018.
16. Тихомиров О.К. Вклад А.Н. Леонтьева в общую психологию // А.Н. Леонтьев и современная психология. М.: Изд. Московского университета, 1983. С. 40—53.
16. Черемухина Г.А. Лингвистическое и психолингвистическое исследование словообразования (на материале детской речи): автореф. дисс. канд. филол. наук. М., 1981.
17. Флейвелл Д.Х. Когнитивное развитие: прошлое, настоящее и будущее // Горизонты когнитивной психологии. Хрестоматия. М.: ЯСК, 2012. С. 151—161.
18. Шахнарович А.М. К проблеме психолингвистического анализа детской речи: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1974.
19. Шахнарович А.М. Роль наглядного представления в овладении средствами общения // Психолингвистические проблемы общения и обучения языку. М.: ИЯЗ АН СССР, 1976. С. 82—91.
20. Шахнарович А.М. Психолингвистические проблемы овладения общением в онтогенезе // Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Шахнарович А.М. Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. М.: Наука, 1979. С. 148—233.
21. Шахнарович А.М. Семантика детской речи. Психолингвистический анализ: автореф. дисс. докт. филол. наук. М., 1985.
22. Шахнарович А.М. Актуальные проблемы семантики речевой деятельности в онтогенезе // Семантика в речевой деятельности. М.: ИЯЗ АН СССР, 1988. С. 117—124.
23. Шахнарович А.М. Языковая способность человека: онтогенетический аспект // Шахнарович А.М., Юрьева Н.М. Психолингвистический анализ семантики и грамматики. М.: Наука, 1990. С. 19—58.
24. Шахнарович А.М., Юрьева Н.М. Психолингвистический анализ семантики и грамматики. М.: Наука, 1990.

25. Шахнарович А.М. Языковая способность // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990.
26. Шахнарович А.М. Проблемы формирования языковой способности // Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи. М.: Наука, 1991. С.185—218.
27. Шахнарович А.М. Языковая личность и языковая способность /Язык — система. Язык — текст. Язык — способность. М.: ИРЯ им. В.В. Виноградова, 1995. С. 213—223.
28. Шахнарович А.М. Детская речь в зеркале психолингвистики. М.: ИЯЗ РАН, 1999.
29. Цейтлин С.Н. К вопросу о психологической реальности языковых правил // Проблемы экспериментальных исследований речи. М.: ИД «Ключ-С», 2011. С. 51—60.
30. Юрьева Н.М. Функционирование производного слова в онтогенезе речи // Шахнарович А.М., Юрьева Н.М. Психолингвистический анализ семантики и грамматики. М.: Наука, 1990. С. 59—140.
31. Юрьева Н.М. Проблемы речевого онтогенеза: Производное слово. Диалог. М.: Академия гуманитарных исследований, 2006.
32. Юрьева Н.М. Предисловие // Проблемы экспериментальных исследований речи. М.: ИД «Ключ-С», 2011. С. 3—9.
33. Юрьева Н.М. Соотношение игры и диалога в совместных играх детей- сверстников дошкольного возраста // Вопросы психолингвистики, 2014, № 3(21). С. 60—77.

**On the contribution of A.M. Shakhnarovich to the theory
of speech ontogenesis**

**N.M. Yurieva (Institute of Linguistics,
Russian Academy of Sciences)**

The article is dedicated to the 20th anniversary of the death of the famous scientist who was at the origins of the Russian theory of speech ontogenesis – Alexander Markovich Shakhnarovich. The article attempts to identify the key principles that characterize

A.M. Shakhnarovich's approach to the study of the development of speech activity in ontogenesis. The principles in question stem from analysis and comprehension of various aspects of development of language faculty in ontogenesis. They are traced both in the works of A.M. Shakhnarovich and in the studies conducted under his leadership and supervision.

Keywords: Conception of speech ontogenesis, general regularities of speech ontogenesis, principle of development, principle of object's activity.

Проблемы преподавания языка

Language Education

DOI: 10.37892/2218-1393-2020-12-1-275-307

Из опыта проведения практических занятий по анализу
художественного текста: стилистический прием аллегории

Н.М. Разинкина (Институт языкознания РАН)

Аннотация

В предлагаемой статье основное внимание сосредоточено на следующих вопросах: (а) жанровое своеобразие художественного текста, который целиком строится на стилистическом приеме аллегории; (б) языковые средства персонификации абстрактных понятий с целью создания приема аллегории; (в) выделение слов, которые являются ключевыми для осознания смысла аллегории; (г) смысловая сочетаемость ключевых слов с другими словами текста (они могут принадлежать различным частям речи), имеющими оценочное значение; (д) прямая речь действующего лица как одно из средств создания аллегорического смысла.

Ключевые слова

Ирония, сарказм, оценочное значение слова, контекстуальная оценочная синонимия.

Слово *аллегория* пришло из греческого языка. Оно означает ‘говорить в переносном смысле’, т.е. метафорически, образно, фигурально.

Аллегория — это изображение отвлеченной идеи посредством конкретного, отчетливо представляемого образа. Общеизвестны старинные аллегории: весы — правосудие, крест — вера, якорь — надежда, сердце — любовь.

Аллегоричны персонажи «Божественной комедии» Данте, где звери (пантера, лев, волчица) — это страсти человека; Вергилий, спасающийся от зверей, — разум; Беатриче — божественная наука. На аллегорический характер персонажей указывают фамилии в произведениях русских писателей, например, Простакова и Правдин у Д. Фонвизина, Скалозуб и Молчалин у А. Грибоедова, ряд фамилий в произведениях М. Салтыкова-Щедрина, Чехова [ПС, 16—17].

Иными словами, аллегория — это условное, иносказательное выражение отвлеченных понятий с помощью конкретного, наглядного образа. Так, например, в баснях И.А. Крылова аллегорическое изображение лисы имеет значение не само по себе, а только как изображение чего-то такого, что свидетельствует о хитрости, пронырливости и т.д.

Поскольку аллегория является условным знаком (символом) изображаемого, постольку воспринимается она не непосредственно, а лишь в результате соответствующей абстрагирующей деятельности мозга человека [ЛС].

Приведем два определения аллегии, сформулированных по-английски:

“**Allegory** is a stylistic device consisting in a figurative treatment of a subject under the guise of another having analogous properties or circumstances. Thus, the allegory of **peace** is a **white dove**; the allegory of **freedom** are **broken chains**, etc.” [Collins, 40].

“**Allegory** (in literature) is the description or illustration of one thing in terms of another, or personification of abstract ideas. The term is also used for a work of poetry or prose in the form of an extended metaphor or parable that makes use of symbolic fictional characters. Allegory is often used for moral purposes. Medieval allegory often used animals as characters; this tradition survives in such works as *Animal Farm* 1945 by George Orwell” [HE, 27].

Аллегория, как форма представления действительности, используется не только в литературе, но также в живописи и скульптуре. У читателя/зрителя она всегда вызывает двойной интерес — интерес к какой-либо конкретной истории, сцене, персонажу и, с

другой стороны, интерес к *значимости* мыслей, которые эти персонажи, сцены и т.д. передают. Поэтому аллегория всегда связана не только с эстетическим переживанием, но также неизбежно и с интерпретацией увиденного или прочитанного, т.е. требует от читателя/зрителя известных интеллектуальных усилий (см. выше об абстрагирующей деятельности мозга необходимой для восприятия аллегории).

Выше мы столкнулись с такими определениями аллегории, которые включали слова *условный знак*, *символ*, изображение посредством *символических*, *выдуманых персонажей*. В словарях и справочниках настойчиво повторяется мысль о том, что *аллегория* и *символизм* являются синонимами, что не всегда удастся безоговорочно и точно отделить аллереорию от символизма.

Подобно аллереории символизм используется не только в литературе, но также в живописи, скульптуре, музыке, архитектуре. Он большей частью связан с попыткой показать то, что по самой своей природе с трудом поддается (или же вообще не поддается) привычному, реалистичному изображению по причине нематериального, идеального или духовного характера изображаемого.

Анализ языковых признаков аллереории, проводимый в рамках практического за-
нятия, оказался связанным со следующими вопросами:

1. Выделение лексических единиц, способных по своему смыслу создать персонафикацию той или иной абстрактной идеи.
2. Выделение слов, которые являются ключевыми для создания какой-либо одной определенной аллереории, и принцип сочетаемости этих слов с другими словами в пределах одной и той же или разных частей речи.
3. Анализ синонимичных средств (если таковые имеются в тексте) того или иного ключевого слова.
4. Диапазон оценочных возможностей слова в рамках аллереории (нейтральная оценка, а также положительная и отрицательная оценки различной интенсивности).
5. Отбор лексических средств, уточняющих оценочное значение слова.

6. Введение в нарратив прямой речи персонажа и разговорных лексических средств как средство создания аллегорического образа.

7. Переход от общей констатации факта к его частному проявлению как один из способов создания аллегории.

Говоря об аллегории и о тех жанрах, в которых она находит свое наиболее частое воплощение, следует упомянуть басню, сказку, притчу, а также гротеск и произведения сатирического плана. Богатый материал для изучения стилистического приема аллегории даёт жанр *литературной* сказки. В качестве примера, представляющего собой яркую социальную и политическую сатиру, приведем отрывок из сказки М.Е. Салтыкова-Щедрина «Вяленая вобла» (здесь и ниже для удобства выполнения заданий текст отрывка разделен на пронумерованные фрагменты):

1. «Воблу поймали, вычистили внутренности (только молоки для приплоду оставили) и вывесили на веревочке на солнце: пускай проявится. Повисела вобла денек-другой, а на третий у ней и кожа на брюхе сморщилась, и голова подсохла, и мозг, какой в голове был, выветрился, дряблый сделался.

2. И стала вобла жить да поживать.

— Как это хорошо, говорила вяленая вобла, — что со мной эту процедуру проделали! Теперь у меня ни лишних мыслей, ни лишних чувств, ни лишней совести — ничего такого не будет! Всё у меня лишнее выветрили, вычистили и вывялили, и буду я свою линию полегоньку да потихоньку вести!

3. Что бывают на свете лишние мысли, лишняя совесть, лишние чувства — об этом, еще живучи на воле, вобла слышала. И никогда, признаться, не завидовала тем, которые такими излишками обладали. От рождения она была вобла степенная, не в свое дело носа не совала, за «лишним» не гналась, в эмпиреях не витала и неблагонадежных компаний удалялась. Еще где, бывало, слышит, что пескари об конституциях болтают — сейчас налево кругом и под лопух схоронится.

4. Однако же, и за всем тем, не без страху жила, потому что не ровен час, вдруг... «Мудреное нынче время! — думала она, — такое мудреное, что и невинный за виновато-

го как раз сойдет! Начнут, это, шарить, а ты *около* где-нибудь спряталась, — ан и *около* пошарят! Где была? По какому случаю? Каким манером? — Господи, спаси и помилуй!»

5. Стало быть, можете себе представить, как она была рада, когда ее изловили и все мысли и чувства у ней выхолостили! «Теперь милости просим! — торжествовала она, — когда угодно и кто угодно приходи! Теперь у меня все доказательства налицо!»... Что именно разумела вобла под названием «лишних» мыслей и чувств — неизвестно, но что, действительно, на наших глазах много лишнего завелось — с этим и я не согласиться не могу...

6. И только тогда, когда ее на солнце хорошенько провялило и выветрило, когда она убедилась, что внутри у нее ничего, кроме молока, не осталось, — только тогда она ободрилась и сказала себе: «Ну, теперь мне на все наплевать»!

И точно: теперь она, даже против прежнего, сделалась солиднее и благонадежнее. Мысли у ней — резонные, чувства — никого не задевающие, совести — на медный пятак. Сидит себе с краю и говорит, как пишет.

7. Нищий к ней подойдет — она оглянется, коли есть посторонние — сунет нищему в руку грошик; коли нет никого — кивнет головой: Бог подаст! Встретится с кем-нибудь — непременно в разговор вступит; откровенно мнение свое выскажет и всех основательностью восхитит. Не рвется, не мечется, не протестует, не клянет, а резонно об резонных делах калякает. О том, что тише едешь, дальше будешь, что маленькая рыбка лучше, чем большой таракан, что поспешишь — людей насмешишь и т.п. А всего больше о том, что уши выше лба не растут.

8. — Ах, воблушка! Как ты скучно на бобах разводишь! Точно тебя тошнит! — воскликнет собеседник, ежели он из свеженьких.

— И всем скучно сначала, — стыдливо ответит воблушка. — Сначала — скучно, а потом — хорошо. Вот как поживешь на свете, да пошарят *около* тебя вдоволь — тогда и об воблушке вспомнишь, скажешь: «Спасибо, что уму-разуму учила!»

9. Да нельзя и не сказать спасибо, потому что, ежели по правде рассудить, так именно только одна воблушка в настоящую центру попала. Бывают такие обстановочки,

когда подлинного ума-разума и слыхом не слыхать, а есть только воблушкин ум-разум. Люди ходят, как сонные, ни к чему приступить не умеют, ничему не радуются, ничем не печалятся. И вдруг в ушах раздается успокоительно-соблазнительный шепот: «Потихоньку да полегоньку, двух смертей не бывает, одной не миновать...» Это она, это воблушка шепчет! Спасибо тебе, воблушка!» (М. Салтыков-Щедрин. Сказки. Изд-во «Художественная литература». Москва, 1975, с. 480—483).

Вопросы и задания:

1. Прежде всего, обратите внимание на прилагательное *лишний* и существительные *излишки* и *лишнее*: лишние мысли, лишние чувства, лишняя совесть, все у меня лишнее выветрило (2, 3, 5); обладать излишками (3); за «лишним» не гналась (3); много лишнего завелось (5).

Лишний, по определению толковых словарей, имеет значение ‘ненужный, бесполезный’ (2-е значение [Ожегов, Шведова, 330]). Как вы считаете, можно ли считать данное значение ключевым для осознания аллегорического смысла приведенного выше фрагмента? Каким образом вы можете сформулировать этот смысл?

Помимо значения ‘ненужный, бесполезный’, прилагательное *лишний* имеет также значение ‘избыточный, остающийся сверх известного количества’ [там же]. В примере «И если отзовешься — *лишний труд*, Не будет отзвука на отзвук» (И.В. Чиннов) [НКРЯ] реализуется первое значение из двух, указанных выше.

В рассматриваемом нами фрагменте из Салтыкова-Щедрина оба значения реализуются одновременно: по мнению вяленой воблы, всякая мысль не только бесполезна, но опасным образом далеко выходит за рамки чего-то нужного.

В поэтических текстах, напротив, как правило, преобладает одно значение — ‘ненужный’:

Когда вы садитесь рядом,
Я чувствую, что меж вами
Я скучный, *немножко лишний*,
Педант в роговых очках.

(Д.Б. Кедрин) [НКРЯ].

И в утешение сказать могу тебе:

Ты лишний, ты ненужный человек, -

Для некоторых быть лишним утешенье.

(С.Е. Нельдихен) [НКРЯ].

Салтыков-Щедрин ставит прилагательное *лишний* в один ряд с существительными *мысли, совесть, чувства*. Какое из этих трех существительных представляется вам наиболее выразительным (экспрессивным) в том случае, когда речь идет о ненужности и бесполезности? Или же, в данном контексте, все три слова следует рассматривать как единое целое? Изложите свой ответ в письменном виде.

В толковых словарях найдите определения существительных *ирония* и *сарказм*. Иронично или саркастично словосочетание *лишние мысли (совесть, чувства)*? На этот вопрос также желательно ответить в письменном виде.

2. В первом фрагменте находим: «... и мозг, какой в голове был, выветрился, дряблый сделался». В толковых словарях прилагательное *дряблый* определяется как ‘лишенный упругости, крепости, вялый’ [Ожегов, Шведова, 181], а в переносном значении как ‘лишённый энергии, способности к действию; безвольный, бесхарактерный (о человеке, его характере)’ [БТС].

В современном употреблении наблюдается тенденция к усилению этого переносного значения путём использования таких словосочетаний, как *дряблый и бескостный, дряблый и трусливый, слабый и дряблый, дряблый застой и бессилье (людей)*. Например:

а) «Чтобы преодолеть это состояние, он считал необходимым объединить 400-миллионный *дряблый и бескостный народ* в нацию» (А. Москалёв. Доктрина китайской нации).

б) «Да ведь ничего подобного! *Я человек слабый, я дряблый человек*. Бороться, ходить около опасности, рисковать собой — своей свободой, жизнью — я на это совершенно не способен» (Д.Я. Айзман).

в) «Но, как только обнаружится малейшая слабость, мягкость, непрямолинейность признанного героя, так он мгновенно сшибается с пьедестала пинком и обливается презрением — он обманщик, *дряблый и трусливый негодяй*, не лучше всего прочего презренного стада человечишек, подлых и корыстных» (П.А. Флоренский).

г) «Страна, как *дряблый, изношенный организм*, распадается, разлезается на части, и чем дальше, тем сильнее» (П.А. Сорокин).

д) «Наконец, на исходе второго дня, он очнулся, и потягивался, и расправлял затекшие члены, и долго и ломко хрустел каждым хрящиком, разгоняя по телу бодрость, гнал прочь *дряблый застой и бессилие*» (Петр Алешковский) [НКРЯ].

Задание:

По аналогии с примерами из [НКРЯ], приведенными выше, придумайте и опишите ситуацию, в которой прилагательное *дряблый* будет употреблено (в рамках одной и той же синтаксической конструкции) наряду с каким-либо другим словом отрицательной оценки.

3. Во втором фрагменте находим три глагола с одной и той же приставкой *вы*— (всё у меня лишнее **выветрили**, **вычистили**, **вываляли**), которая, в данном случае, имеет значение исчерпанности, окончательности (или предела) действия.

Задание:

Рассмотрите приводимый ниже ряд слов (он выделен курсивом), использованных сатириком, и подумайте над тем, случаен ли тот факт, что все эти слова начинаются с одного и того же звука [в]. Иными словами, наблюдаем ли мы здесь явление аллитерации (использование автором особого фонетического стилистического приема) или же имеет место случайное совпадение: *вобла, вяленая вобла, вычистили внутренности, вывесили на веревочке, выветрили, вывялили, выхолостили*.

4. В третьем фрагменте использовано прилагательное *степенная* (от рождения она была *вобла степенная*). Словарное значение прилагательного *степенный* формулируется как ‘рассудительно-серьезный, важный, солидный’.

Особенностью этого слова является возможность его употребления в широком диапазоне оценочных характеристик. Так, мы находим данное прилагательное в примерах, лишенных какой-либо оценочности. В этом случае имеет место *нейтральная* констатация факта. Например:

«Это был старый, величественно-угрюмый сад, на самую сильную бурю отвечавший только сдержанным гулом, внизу его было темно и мертвенно-тихо, как на дне пропасти, а вверху стоял неясный шорох и шум, похожий на далекий *степенный говор*» (Л. Андреев).

«Сегодня шахтёра на улицах Кемерово узнать несложно: *степенный человек средних лет* с въевшейся вокруг глаз угольной пылью» (К. Анохин).

«Шабашьте, ребята, — сказал *степенный грузчик Николаев*, — Всё равно всех денег не заработаете» (Василий Аксенов).

Положительная оценочная характеристика отчетливо видна в следующих примерах:

«Это я — вольный ветер, море по колено, даже если горько — смеюсь, а не плачу. А ты человек *степенный, семейный, обязательный*. Ты похож на всех героев русской литературы одновременно» (А. Кириллин).

Они — втроем, и с той поры
Нам дорог каждый Кукрыникса.

Степенный КУ,

Лукавый КРЫ,

И, как всегда, веселый НИКС

(Борис Ефимов)

«Конечно, — заметил Гаврила Афанасьевич, — человек он *степенный и порядочный*, не чета ветрогону (А.С. Пушкин).

Иронично-насмешливая экспрессивная окрашенность использована в следующем примере:

«Толпа бесновалась: вот визжат какие-то дамочки, вот *степенный* дяденька тербит в руках четки и истово молится, вот две бабульки размахивают портретом своего кумира» (П. Волошина, Е. Кульков).

«Тихий, лысоватый, *степенно-скорбный* исследователь кладбища удовлетворенно кивнул мне в прихожей хрущевки в Сокольниках и замер: он вдруг понял, что этим не кончится» (А. Терехов) [НКРЯ].

Способность прилагательного *степенный* варьировать в широком диапазоне оценочных возможностей связана с необходимостью использования (в ситуативном контексте) тех или иных уточняющих лексических средств.

Так (см. примеры, приведенные выше), положительная оценка уточняется прилагательными *семейный, обязательный, дорогой* (в краткой форме *дорог*), *порядочный*, а также указанием на сходство с героями русской литературы. Иронично-насмешливая экспрессивность уточняется с помощью морфологических средств (*дяденька*) и прилагательных *лысоватый, степенно-скорбный*.

Задание:

Придумайте и опишите (в письменном виде) две ситуации, в одной из которых прилагательное *степенный* будет нести положительную оценочную характеристику, в другой — отрицательную характеристику. Особое внимание обратите на отбор лексических средств, уточняющих оценочное значение слова *степенный*. Имея в виду различие в значении слов *ирония* и *сарказм*, определите придуманную вами ситуацию как ироничную или саркастичную.

5. В четвертом фрагменте сатирик знакомит нас с «мыслями» воблы, тем самым давая персонажу четкую речевую характеристику: *невинный за виноватого как раз сойдёт; начнут, это, шарить; ан и около пошарят; теперь мне на всё наплевать* (пятый, шестой фрагменты).

Вопрос:

Какой образ (в социальном плане) возникает перед вами?

6. Как вы думаете, почему чувство покорности и страха передано писателем с помощью следующих вопросов: «Где была? По какому случаю? Каким манером?»

Где и при каких обстоятельствах подобные вопросы звучат особенно часто?

7. Как вы понимаете слова сатирика «... ежели по правде рассудить, так именно только одна воблушка в настоящую центру попала» (девятый фрагмент)? Как вы думаете, почему мало симпатичный (мягко выражаясь) «персонаж» назван, казалось бы, ласкательным словом *воблушка*? Действительно ли суффикс *-ушк* имеет здесь значение ласкательности? И если «не имеет», то как вы сформулируете его контекстуальное значение?

Проанализируйте слова «... в настоящую центру попала». Внешне это речь самого автора. Так ли это на самом деле?

8. Выше был приведен только небольшой отрывок из сказки М.Е. Салтыкова-Щедрина «Вяленая вобла». Прочтите сказку целиком и ответьте (желательно в письменной форме) на следующие вопросы:

а. Аллегория, на которой построена сказка, использована сатириком для беспощадного осуждения социального зла. Какого? Суммируйте языковые средства, которые используются писателем для формирования *эмоционально-оценочного* отношения читателя (гнев, негодование, возмущение, презрение) к «мыслям» и поведению воблы.

б. С помощью каких языковых средств сатирик показывает пассивность, неверие в свои силы, которые, по мнению писателя, были характерны для большей части русского общества того времени?

Обратимся к аллегории иного рода. Для этого приведем выдержки из сказки Андерсена «Гадкий утенок».

1. «... еще одно яйцо остается! — сказала молодая утка. — Сижу, сижу, а все толку нет...

— Постой-ка, я взгляну на яйцо! — сказала старая утка, — Может статься, это индюшачье яйцо! Меня тоже надули раз!.. Дай мне взглянуть на яйцо! Ну, так и есть! Индюшачье! Брось-ка его да ступай учи других плавать!

2. Наконец затрещала скорлупа и самого большого яйца. «Пи! Пи-и!» — и оттуда вывалился огромный некрасивый птенец. Утка оглядела его.

— Ужасно велик! — сказала она. — И совсем непохож на остальных!...

3. — Шевелите лапками! Сказала она (утка-мать) утятам. — Крякните и поклонитесь вон той старой утке! Она здесь знатнее всех... Утята так и сделали; но другие утки оглядывали их и громко говорили:

— Ну вот, еще целая орава! Точно нас мало было! А этот-то какой безобразный! Его уж мы не потерпим!

4. И сейчас же одна утка подскочила и клюнула его в шею.

— Оставьте его! — сказала утка-мать. — Он ведь вам ничего не сделал!

— Это верно, но он такой большой и странный! — отвечала забияка. — Ему надо задать хорошую трепку!

— Славные у тебя детки! — сказала старая утка с красным лоскутком на лапке. — Все очень милы, кроме вот этого... Этот не удался! Хорошо бы его переделать!

5. — Никак нельзя, ваша милость! — ответила утка-мать. — Он некрасив, но у него доброе сердце, и плавает он не хуже, смею даже сказать — лучше других. Я думаю, что он вырастет, похорошеет или станет со временем поменьше. Он залежался в яйце, оттого и не совсем удался. — И она провела носиком по перышкам большого утенка. — Кроме того, он селезень, а селезню красота не так ведь нужна. Я думаю, он возмужает и пробьет себе дорогу!

— Остальные утята очень-очень милы! — повторила старая утка. — Ну, будьте же как дома...

6. Вот они и стали вести себя как дома. Только бедного утенка, который вылупился позже всех и был такой безобразный, клевали, толкали и осыпали насмешками решительно все — и утки, и куры.

7. Он больно велик! — говорили все, а индейский петух, который родился со шпорами на ногах и потому воображал себя императором, надулся, словно корабль на всех парусах, подлетел к утенку, поглядел на него и пресердито залопотал; гребешок у

него так весь и налился кровью. Бедный утенок просто не знал, что ему делать, как быть. И надо же ему было уродиться таким безобразным, чтобы сделаться посмешищем для всего птичьего двора!

8. Так прошел первый день, затем стало еще хуже. Все гнали бедняжку, даже братья и сестры сердито говорили ему:

— Хоть бы кошка утащила тебя, несносного урода!..

Утки клевали его, куры щипали, а девушка, которая давала птицам корм, толкала ногою.

9. Не выдержал утенок, перебежал двор и — через изгородь!

Маленькие птички испуганно вспорхнули из кустов.

«Они испугались меня, такой я безобразный!» — подумал утенок и пустился наутек, сам не зная куда. Бежал-бежал, пока не очутился в болоте, где жили дикие утки. Усталый и печальный, он просидел тут всю ночь.

10. Утром утки вылетели из гнезда и увидели нового товарища.

— Ты кто такой? — спросили они, а утенок вертелся, раскланиваясь на все стороны, как умел.

— Ты пребезобразный! — сказали дикие утки. — Но нам до этого нет дела, только не думай породниться с нами!

Бедняжка! Где уж ему было думать об этом! Лишь бы позволили ему посидеть в камышах да попить болотной водицы.

11. Два дня провел он в болоте, на третий день явились два диких гусака. Они недавно вылупились из яиц и потому выступали очень гордо.

— Слушай, дружище! — сказали они. — Ты такой урод, что, право, нравишься нам! Хочешь летать с нами и быть вольной птицей? Недалеко отсюда, в другом болоте, живут премиленькие дикие гусыни-барышни. Они умеют говорить: «Рап, рап!» Ты такой урод, чего доброго, будешь иметь у них большой успех!

12. «Пиф! паф!» раздалось вдруг над болотом, и оба гусака упали в камыши мертвыми; вода окрасилась кровью... Бедный утенок от страха хотел было спрятать го-

лову под крыло, как глядь — перед ним охотничья собака с высунутым языком и сверкающими злыми глазами. Она приблизила к утенку свою пасть, оскалила зубы и — шлеп, шлеп — побежала дальше.

— Слава Богу! — перевел дух утенок. — Слава Богу! Я так безобразен, что даже собаке противно укунить меня!..

13. К ночи он добежал до бедной избушки... Господином в доме был кот, а госпожою курица, и оба всегда говорили: «Мы и весь свет!» Они считали самих себя половиной всего света, причем — лучшею его половиной. Утенку же казалось, что можно на этот счет быть и другого мнения. Курица, однако, этого не потерпела.

— Умеешь ты нести яйца? — спросила она утенка.

— Нет!

— Так и держи язык на привязи!

А кот спросил:

— Умеешь ты выгибать спинку, мурлыкать и испускать искры?

— Нет!

— Так и не суйся с своим мнением, когда говорят умные люди!

14. И утенок сидел в углу нахохлившись. Вдруг вспомнились ему свежий воздух и солнышко, и ему страшно захотелось поплавать. Он не выдержал и сказал об этом курице.

— Да что с тобой?! — спросила она. — Бездельничаешь, вот тебе блажь в голову и лезет! Неси-ка яйца или мурлычь, дурь-то и пройдет!

— Ах, плавать по воде так приятно! — сказал утенок. — А что за наслаждение нырять в самую глубь с головой!

15. — Хорошо наслаждение! — сказала курица. — Ты совсем рехнулся? Спроси у кота, он умнее всех, кого я знаю, нравится ли ему плавать или нырять! О себе самой я уж не говорю! Спроси, наконец, у нашей старушки хозяйки, умнее ее нет никого на свете! По-твоему, и ей хочется плавать или нырять?

— Вы меня не понимаете! — сказал утенок.

16. Если уж мы не понимаем, так кто тебя поймет! Что ж, ты хочешь быть умнее кота и хозяйки, не говоря уже обо мне? Не дури, а благодари-ка лучше Создателя за все, что для тебя сделали! Тебя приютили, пригрели, тебя окружает такое общество, в котором ты можешь чему-нибудь научиться, но ты пустая голова, и говорить-то с тобой не стоит!.. Старайся же нести яйца или выучись мурлыкать да пускать искры!

— Я думаю, мне лучше уйти отсюда куда глаза глядят! — сказал утенок.

— Скатертью дорога! — отвечала курица.

И утенок ушел. Он плавал и нырял, но все животные по-прежнему презирали его за уродство.

17. Раз вечером, когда солнце так красиво садилось, из-за кустов поднялась целая стая чудных, больших птиц: утенок сроду не видел таких красавцев...

«Полечу-ка я к этим царственным птицам; они, наверное, убьют меня за то, что я, такой безобразный, осмелился приблизиться к ним, но пусть! Лучше пусть они меня убьют, чем сносить щипки уток и кур, толчки птичницы да терпеть голод и холод зимою!»

18. И он слетел на воду и поплыл навстречу красавцам лебедям, которые, завидя его, тоже устремились к нему.

— Убейте меня! — сказал бедняжка и опустил голову, ожидая смерти, но что же увидел он в чистой, как зеркало, воде? Свое собственное отражение, но он был уже не безобразною темно-серою птицей, а — лебедем!

Не беда появиться на свет в утином гнезде, если ты вылупился из лебединого яйца!

19. Теперь он был рад, что перенес столько горя и бедствий, — он мог лучше оценить свое счастье и все окружавшее его великолепие. Большие лебеди плавали вокруг него и ласкали его, гладили клювами.

В сад прибежали маленькие дети... Все говорили, что новый красивее всех. Такой молоденький, прелестный!

И старые лебеди склонили перед ним головы.

20. А он совсем смутился и спрятал голову под крыло, сам не зная зачем. Он был чересчур счастлив, но нисколько не возгордился — доброе сердце не знает гордости, — он помнил то время, когда все его презирали и гнали. А теперь все говорили, что он прекраснейший между прекрасными птицами!.. И вот крылья его зашумели, стройная шея выпрямилась, а из груди вырвался ликующий крик:

— Мог ли я мечтать о таком счастье, когда был еще гадким утенком!»

(Ханс Кристиан Андерсен. Сказки. Гадкий утенок. Перевод А. Ганзен. Издательство «Художественная литература», Москва, 1973, с. 153—160).

Вопросы и задания:

1. В самом начале сказки Андерсен говорит читателю о том, что несчастья Утенка начались с того самого момента, когда он вылупился из яйца, и причина всех этих несчастий была одна: он был непохож на остальных птенцов (см. 2-ой фрагмент). Всё дальнейшее повествование есть, по сути дела, описание этой непохожести и, главное, отношение действующих лиц сказки к существу отличному от них самих.

Просмотрите приведенный выше фрагмент сказки и выпишите слова, словосочетания и отдельные предложения, с помощью которых писатель рисует внешний образ Гадкого Утенка. Была ли эта непохожесть только внешней или по своей внутренней сути Утенок с самого начала отличался от всех тех, с кем ему пришлось столкнуться в его несчастной жизни?

2. С помощью каких языковых средств Андерсен рисует среду, в которую попадает Утенок? Учтите, что писатель показывает *все* (без преувеличения) слои общества, нетерпимого к тому, что отличается от обычного, стандартного, привычного и понятного.

Так обратите внимание на третий фрагмент. Кого следует почитать?

Да, конечно, тех, кто знатен: «поклонитесь вон той старой утке! Она здесь знатнее всех». А каково отношение к незнатным? Их называют оравой и явно не хотят видеть: «ну вот, еще целая орава!» К каким стилистическим пластам лексики принадлежит, с одной стороны, глагол *кланяться* и, с другой стороны, существительное *орава*? Почему эти два слова создают яркий оценочный контраст?

3. Отношение к Утенку проявляется не только в словах. За словами следуют действия, и весьма агрессивные: одна утка подскочила и клюнула его в шею, «ему надо задать хорошую трепку; его уж мы не потерпим». И, в более мягком варианте, «хорошо бы его переделать!» Сетования матери-утки (он ведь вам ничего не сделал) остаются без внимания (4-ый фрагмент).

Большой, странный, не удался — какое из этих слов вы считаете ключевым для понимания причины, лежащей в основе неприятия Утенка его якобы сородичами? Обоснуйте свой ответ в письменной форме.

4. Смысловое развертывание текста сказки происходит следующим образом: от слов и угроз («ему надо задать хорошую трепку», см. 4-й фрагмент) птичий двор переходит к действиям: «бедного утенка клевали, толкали и осыпали насмешками решительно все». Далее, после обобщающего *все* следует конкретизация «в лице» индейского петуха (см. 7-й фрагмент), который воображал себя императором и, как видно, испытывал твердую решимость задать Утенку хорошую трепку. В данном фрагменте реализуется стилистический прием иронии. С помощью каких языковых средств это делается?

5. Весь двор ополчился на Утенка: утки клевали его, куры щипали, братья и сестры называли несносным уродом, и все его гнали. До сих пор Утенок как-то терпел это обращение, но вот на сцене появляется человек — девушка, которая дает птицам корм, но и она толкала его ногой. И Утенок не выдержал. Как вы думаете, случайно ли появление человека среди аллегорических фигур птичьего характера? Объясните свою точку зрения.

6. Отношение нетерпимости имеет одно, пожалуй, самое серьезное, последствие: человек и сам начинает верить в свою непригодность для жизни в обществе, свою ущербность. Просмотрите фрагменты 9-й и следующие; выпишите слова, словосочетания и отдельные предложения, которые показывают, каким образом человек (аллегорический Гадкий Утенок) смиряется с оценкой, даваемой ему обществом, и не только смиряется, но и признает ее справедливой.

7. Фрагменты 9-й и следующие вводят новый «пласт общества». На сей раз это дикие утки. Они не гонят от себя Утенка, но без стеснения говорят ему в глаза, что он *пребезобразный*. Их главная забота — сохранить «чистоту» своих рядов: «только не думай породниться с нами!» Открытая высокомерная снисходительность диких гусей (*ты такой урод, что, право, нравишься нам; ты такой урод, чего доброго, будешь иметь у диких гусынь-барышень большой успех*) — не лучше прямых оскорблений. Вскоре надменные гусаки падают в камыши мертвыми. Как вы думаете, почему Андерсену понадобился эпизод со стрельбой? Какой цели служат слова *и оба гусака упали в камыши мертвыми*?

8. Мы можем предположить, что дикие гусаки — это, по-видимому, представители «аристократического общества»: это они нередко проявляют оскорбительную снисходительность и небрежное покровительство по отношению к тем, кто стоит на низкой ступени общественного устройства.

Однако и бедные люди не лучше (см. фрагменты 13—16). В бедной избушке живут кот и курица, которые считают себя самыми важными в доме. Более того, они смотрят на себя как на благородное общество и как на лучшую, умнейшую половину всего света. Утенок с этим не согласен и выражает свое мнение (конечно, не вслух) в очень деликатной форме. Какие слова он для этого использует? Какой при этом возникает стилистический контраст, создаваемый такими словами кота и курицы, как *держи язык на привязи; не суйся со своим мнением; бездельничаешь, вот тебе блажь в голову и лезет; ты совсем рехнулся; не дури; ты — пустая голова*.

9. Кот и курица советуют Утенку нести яйца или мурлыкать и выгибать спинку.

На какие черты характера, присущие людям определенного склада, указывает Андерсен с помощью этих «советов»? Кот и курица это, конечно, аллегорические символы. Какой тип человека стоит за этой аллегорией?

10. Слова из сказки «Не беда появиться на свет в утином гнезде, если ты вылупился из лебединого яйца» стали пословицей еще при жизни писателя. Раскройте смысл этой аллегорической сентенции в отдельном эссе.

Обратимся к английскому материалу. Говоря об аллегории и, в частности, аллегории политической и социальной, редкий автор не упомянет имя английского писателя Джорджа Оруэлла.

Примечание: George Orwell is the pen name of Eric Arthur Blair (1903–1950). Among his books is the satirical fable *Animal Farm* 1945, which included such slogans as All animals are equal, but some are more equal than others, and the prophetic *Nineteen Eighty-Four* 1949, which portrays the catastrophic excesses of state control over the individual.

In *Animal Farm* some animals start a revolution but are betrayed by their leaders, the pigs, and suffer even more than before. The book is a satire on revolutions and the struggle for power (по материалам [HE, 797; OGBAC, 346]).

Ниже приводится отрывок из первых страниц книги Оруэлла *Animal Farm*:

1. “All the animals were now present except Moses, the tame raven, who slept on a perch behind the back door. When Major saw that they had all made themselves comfortable and were waiting attentively, he cleared his throat and began:

“Comrades, you have heard already about the strange dream that I had last night. But I will come to the dream later. I have something else to say first. I do not think, comrades, that I shall be with you for many months longer, and before I die, I feel it my duty to pass on to you such wisdom as I have acquired. I have had a long life, I have had much time for thought as I lay alone in my stall, and I think I may say that I understand the nature of life on this earth as well as any animal now living. It is about this that I wish to speak to you.

2. Now, comrades, what is the nature of this life of ours? Let us face it: our lives are miserable, laborious, and short. We are born, we are given so much food as will keep the breath in our bodies, and those of us who are capable of it are forced to work to the last atom of our strength; and the very instant that our usefulness has come to an end we are slaughtered with hideous cruelty. No animal in England knows the meaning of happiness or leisure after he is a year old. No animal in England is free. The life of an animal is misery and slavery: that is the plain truth.

3. But is this simply part of the order of nature? Is it because this land of ours is so poor that it cannot afford a decent life to those who dwell upon it? No, comrades, a thousand times no! The soil of England is fertile, its climate is good, it is capable of affording food in abundance to an enormously greater number of animals than now inhabit it. This single farm of ours would support a dozen horses, twenty cows, hundreds of sheep – and all of them living in a comfort and dignity that are now almost beyond our imagining.

4. Why then do we continue in this miserable condition? Because nearly the whole of the produce of our labour is stolen from us by human beings. There, comrades, is the answer to all our problems. It is summed up in a single word – Man. Man is the only real enemy we have. Remove Man from the scene, and the root cause of hunger and overwork is abolished for ever.

5. Man is the only creature that consumes without producing. He does not give milk, he does not lay eggs, he is too weak to pull the plough, he cannot run fast enough to catch rabbits. Yet he is lord of all the animals. He sets them to work, he gives back to them the bare minimum that will prevent them from starving, and the rest he keeps for himself.

6. Our labour tills the soil, our dung fertilizes it, and yet there is not one of us that owns more than his bare skin. You cows that I see before me, how many thousands of gallons of milk have you given during this last year? And what has happened to that milk which should have been breeding up sturdy calves? Every drop of it has gone down the throats of our enemies. And you hens, how many eggs have you laid in this last year, and how many of those eggs ever hatched into chickens? The rest have all gone to market to bring in money for Jones and his men.

7. And you, Clover, where are those four foals you bore who should have been the support and pleasure of your old age? Each was sold at a year old and you will never see one of them again. In return for your four confinements and all your labour in the fields, what have you ever had except your bare rations and a stall?

8. And even the miserable lives we lead are not allowed to reach their natural span. For myself I do not grumble, for I am one of the lucky ones. I am twelve years old and have had over four hundred children. Such is the natural life of a pig. But no animal escapes the cruel life

in the end. You young porkers who are sitting in front of me, every one of you will scream your lives out at the block within a year.

To that horror we all must come — cows, pigs, hens, sheep. Even the horses and the dogs have no better fate.

9. You, Boxer, the very day that those great muscles of yours lose their power, Jones will sell you to the knacker who will cut your throat and boil you down for the foxhounds. As for the dogs, when they grow old and toothless, Jones ties a brick round their necks and drowns them in the nearest pond.

10. Is it not crystal clear, then, comrades, that all the evils of this life of ours spring from the tyranny of human beings?

Вопросы и задания:

Острота социального анализа, которую мы находим в приведенном выше отрывке, передана в аллегорической форме с помощью целого ряда языковых средств. Первое, на что читатель обратит внимание, это резкое неприятие существующего положения вещей, сформулированное в форме монолога — такого, который представляет собой выступление на собрании, выдвигающем политические требования.

«Население» фермы готовится к революционному восстанию против своего хозяина (его имя *Jones*). Для того, чтобы убедить собравшихся в необходимости восстания, оратор, прежде всего, изображает жизнь обитателей фермы с помощью следующих прилагательных: *our lives are miserable, laborious, and short* (2). Действительно, такова жизнь животных на ферме. Однако, можно ли использовать эти прилагательные для описания жизни не животных, а людей, например, шахтеров? Этот вопрос можно сформулировать по-другому: находим ли мы здесь некий, довольно прозрачный, аллегорический намек? И каков, в таком случае, смысл существительного *farm*?

1. Как вы думаете, случаен ли выбор фамилии хозяина фермы (6, 9)? Является ли эта фамилия распространенной?

2. Во втором фрагменте оратор конкретизирует значение прилагательного *miserable*, которое является словом обобщенной отрицательно-оценочной характеристики.

Конкретизация этого слова осуществляется следующим образом:

- a) we are given so much food as will keep the breath in our bodies;
- b) those of us... are forced to work to the last atom of our strength;
- c) we are slaughtered with hideous cruelty.

Какой из этих трех этапов жизни животного на ферме может быть аллегорическим образом соотнесен с этапами жизни шахтера (или любого другого человека, занятого тяжелым, часто непосильным, трудом)?

Является ли глагол в пассивной форме *are slaughtered* эмоциональной вершиной приведенного выше перечислительного ряда (a, b, c)? Почему, по вашему мнению, все члены этого ряда имеют одну и ту же форму пассива: *are given, are forced, are slaughtered*?

3. Во втором фрагменте находим прилагательное *hideous*, которое имеет значение 'extremely ugly or bad' (*We are slaughtered with hideous cruelty*). Подобно упомянутому выше прилагательному *miserable*, оно также имеет обобщенное эмоционально-оценочное значение и поэтому может сочетаться с неопределенно большим количеством существительных. Данные существительные тоже, подобно прилагательному *hideous*, имеют интенсивное отрицательно-оценочное значение. Имеются в виду, например, такие слова, как *atrocity, nightmare, crime, barbarities, cruelty*:

He had committed *a hideous crime*.

The whole experience had been like *some hideous nightmare*.

The negotiations dragged on without result; the war continued with *hideous barbarities* on both sides.

In August the Spaniards took Prato and committed *hideous atrocities* on the inhabitants.

Прилагательное *hideous* обладает способностью создавать отрицательно-оценочные экспрессивные смысловые блоки не только с такими существительными, как *atrocities*, но также и с отрицательно-оценочными синонимичными прилагательными, такими, например, как *loathsome, mean, degraded, revolting*:

Among the lowest tribes of Africa and America we hardly find *anything more hideous and revolting*.

Nature had made him *mean*, the smallpox had made him *hideous*, and his *degraded* habits made him *loathsome*.

Задание:

По аналогии с примерами, приведенными выше, придумайте 10-12 словосочетаний прилагательного *hideous* + существительное или какое-либо другое прилагательное отрицательной оценочной характеристики, например, *hideous and revolting*. Поскольку в анализируемом нами фрагменте речь идет о публичном выступлении, придуманные вами словосочетания должны быть уместны в ораторской речи.

4. Ораторское выступление использует форму вопроса (см. фрагмент 3), являющегося, по сути, риторическим. Как сами вопросы, так и ответы на них, строятся в форме синтаксически параллельных конструкций: *is this simply part of...? is it because ...?*

Как вы думаете, почему ритмически организованный синтаксический параллелизм способен внести в речь оратора элемент драматического напряжения?

5. Одно из основных качеств публичной речи состоит в умении оратора убедить аудиторию в правоте излагаемых им мыслей. Обратите внимание на то, каким образом обобщенное высказывание *Man is the only real enemy we have* затем конкретизируется с помощью, казалось бы, простых, но очень доходчивых аллегорических примеров (4, 5):

Man is the only creature that consumes without producing; He does not give milk; he does not lay eggs; he is too weak to pull the plough; he cannot run fast enough to catch rabbits.

Как вы думаете, почему убеждающим примерам придана форма синтаксического параллелизма?

6. Сказав, *there is not one of us that owns more than his bare skin* (6), оратор переходит к конкретным примерам, обращаясь к каждому из присутствующих в отдельности: *you cows* (6); *you hens* (6); *you, Clover, where are those four foals* (7); *you, young porkers* (8); *you, Boxer* (9). Кроме того, оратор упоминает других животных: *pigs, sheep, dogs*, не оставляя, как отмечалось выше, без своего внимания кого-либо из присутствующих.

Как вы думаете, какой ораторский прием производит на слушателей большее впечатление — от общей констатации к частным, конкретным подтверждениям высказанной

ранее мысли (см. выше) или же, наоборот, от отдельных примеров — к обобщению? Возможно, вы сочтете, что в ораторской речи эти два приема должны сочетаться.

Напишите о своей точке зрения несколько слов.

Рассмотрим еще одну аллегорию, которая является философской притчей. Её тема — неистребимое стремление человека к совершенству и та цена, которую человеку приходится платить за это стремление.

Впервые притча Ричарда Баха “Jonathan Livingston Seagull” (Richard Bach. Jonathan Livingston Seagull. St. Petersburg. Azbooka-classic Publishing House. 2003) была опубликована в 1970 г. К 1972 г. она была переведена на множество языков и достигла тиража в один миллион экземпляров, получив, таким образом, всемирную известность. Притча справедливо считается шедевром мировой литературы XX века.

Как это было сделано выше, для удобства анализа приводимый ниже отрывок разделен на пронумерованные фрагменты.

1. “A mile from shore a fishing boat chummed the water, and the word for Breakfast Flock flashed through the air, till a crowd of a thousand seagulls came to dodge and fight for bits of food. It was another busy day beginning.

But way off alone, out by himself beyond boat and shore, Jonathan Livingston Seagull was practicing. A hundred feet in the sky he lowered his webbed feet, lifted his beak, and strained to hold a painful hard twisting curve through his wings... He narrowed his eyes in fierce concentration, held his breath, forced one... single... more... inch... of...curve... Then his feathers ruffled, he stalled and fell...

But Jonathan Livingston Seagull, unashamed, stretching his wings again in that trembling hard curve — slowing, slowing, and stalling once more — was no ordinary bird.

2. Most gulls don't bother to learn more than the simplest facts of flight — how to get from shore to food and back again. For most gulls, it is not flying that matters, but eating. For this gull, though, it was not eating that mattered, but flight. More than anything else, Jonathan Livingston Seagull loved to fly.

3. This kind of thinking, he found, is not the way to make one's self popular with other birds. Even his parents were dismayed as Jonathan spent whole days alone, making hundreds of low-level glides, experimenting.

4. "See here, Jonathan," said his father, not unkindly, "Winter isn't far away. Boats will be few, and the surface fish will be swimming deep. If you must study, then study food, and how to get it. This flying business is all very well, but you can't eat a glide, you know. Don't you forget that the reason you fly is to eat."

5. For the next few days he tried to behave like the other gulls; he really tried, screeching and fighting with the flock around the piers and fishing boats, diving on scraps of fish and bread. But he couldn't make it work.

6. It's all so pointless, he thought, deliberately dropping a hard-won anchovy to a hungry old gull chasing him. I could be spending all this time learning to fly. There's so much to learn!

It wasn't long before Jonathan Gull was off by himself again, far out at sea, hungry, happy, learning...

7. By the time he had pulled his beak straight up into the sky he was still scorching along at a hundred and sixty miles per hour. When he had slowed to twenty and stretched his wings again at last, the boat was a crumb on the sea, four thousand feet below.

8. His thought was triumph. Terminal velocity! A seagull at *two hundred fourteen miles per hour!* It was a breakthrough, the greatest single moment in the history of the Flock, and in that moment a new age opened for Jonathan Gull ...He spared no time that day for talk with other gulls, but flew on past sunset...

9. When Jonathan Seagull joined the Flock on the beach, it was full night. He was dizzy and terribly tired. Yet in delight he flew a loop to landing, with a snap roll just before touch-down. When they hear of it, he thought, of the Breakthrough, they'll be wild with joy. How much more there is now to living! Instead of our drab slogging forth and back to the fishing boats, there is a reason to life! We can lift ourselves out of ignorance, we can find ourselves as

creatures of excellence and intelligence and skill. We can be free! *We can learn to fly!* The years ahead hummed and glowed with promise.

10. The gulls were flocked into the Council Gathering when he landed, and apparently had been so flocked for some time. They were, in fact, waiting.

11. “Jonathan Livingston Seagull! Stand to Center!” The Elder’s words sounded in a voice of highest ceremony. Stand to Center meant only great shame or great honor... But I want no honors. I have no wish to be leader. I want only to share what I’ve found, to show those horizons out ahead for us all. He stepped forward.

12. “Jonathan Livingston Seagull,” said the Elder, “stand to Center for Shame in the sight of your fellow gulls!” It felt like being hit with a board...Centered for shame? Impossible! The Breakthrough! They can’t understand! They’re wrong, they’re wrong!

13. “... for his reckless irresponsibility,” the solemn voice intoned, “violating the dignity and tradition of the Gull Family...” To be centered for shame meant that he would be cast out of the gull society, banished for a solitary life on the Far Cliffs.

“...one day, Jonathan Livingston Seagull, you shall learn that irresponsibility does not pay. Life is the unknown and the unknowable, except that we are put into this world to eat, to stay alive as long as we possibly can.”

14. A seagull never speaks back to the Council Flock, but it was Jonathan’s voice raised. “Irresponsibility? My brothers!” he cried. “Who is more responsible than a gull who finds and follows a meaning, a higher purpose for life? For a thousand years we have scrabbled after fish heads, but now we have a reason to live — to learn, to discover, to be free! Give me one chance, let me show you what I’ve found...”

15. The Flock might as well have been stone. “The Brotherhood is broken,” the gulls intoned together, and with one accord they solemnly closed their ears and turned their backs upon him.

Этот отрывок примечателен тем, что он целиком построен на стилистическом приеме антитезы. Так, в первом фрагменте находим *to dodge and fight for bits of food*. Данному занятию стаи резко противопоставлено благородное увлечение Джонатана. Для

этого автор использует глаголы *to strain, to force, to hold (one's breath)*, прилагательные *painful, hard, fierce*, существительное *concentration (fierce concentration)*.

Что касается самой стаи, то, как было сказано выше, для описания её действий и отношения чает друг к другу использованы два глагола: *to dodge* и *to fight (for bits of food)*. Напомним значение глагола *to dodge*: 'to avoid being hit by somebody by moving quickly to one side'.

Задание:

Определите общее значение, которое в данном контексте объединяет прилагательные *painful* и *hard*. Аналогичное задание касается глаголов *to strain, to force, to hold one's breath*. Для выполнения этого задания, возможно, вам понадобятся данные толковых словарей.

Вопрос:

Какую роль играет существительное *bits* и глагол *to fight (fighting for bits of food)* в создании немногословной, но, тем не менее, четкой оценочной экспрессии, связанной с целью и образом жизни стаи?

Можно ли считать, что в данном случае словосочетания *to fight for bits of food* и *to scrabble after fish heads* являются контекстуальными синонимами (14-ый фрагмент)?

Обратите внимание на то, как толковые словари объясняют значение глагола *to scrabble*: 'to try to get something quickly that is not easily available' [Cambridge]; 'If you say that someone is scrabbling to do something, you mean that they are having difficulty because they are too much of a hurry' [Collins Online].

Как вы думаете, почему глагол *to scrabble* нередко оказывается связанным с эмоционально напряженными лексическими единицами, например, с наречием *frantically* и прилагательным *desperate*:

They began frantically to scrabble in the stone and dust;

He saw Mariana scrabble at the grass, desperate for purchase.

Итак, первая антитеза, на которую мы обратили внимание, может быть сформулирована следующим образом:

to dodge, to fight for bits of food vs. to practice, to strain, to hold a painful hard curve.

Примечательно, что в переводе экспрессивность этой глагольной антитезы удачно передана с помощью слов иной части речи, в данном случае с помощью существительных: «В миле от берега с рыболовного судна забросили сети с приманкой, весть об этом мгновенно донеслась до Стаи, ожидавшей завтрака, и вот уже тысяча чаек слетелась к судну, чтобы *хитростью* или *силой* добыть крохи пищи» (в указанном выше издании перевод с английского сделан Юни Родман).

Следующая антитеза имеет ‘количественный’ характер:

a crowd of a thousand seagulls vs. (Jonathan was) out by himself.

В этом противопоставлении существенную экспрессивную роль играет существительное *crowd*. Согласно толковым словарям *crowd*, в данном случае, имеет значение, которое подчеркивает ординарность, заурядность собравшихся вместе чаек. В результате, помимо исходного экспрессивно нейтрального значения ‘a close gathering and pressing together’, ‘a group of people having something (such as a habit, interest or occupation) in common’ [Merriam-Webster], существительное *crowd* реализует также еще одно, в данном случае оценочное, значение, которое формулируется как ‘people who are not special or unusual, ordinary people’.

Задание:

В приводимых ниже примерах выделите случаи использования существительного *crowd* в значении, которое можно обозначить как экспрессивно нейтральное, и случаи, в которых отчетливо формулируется оценочное значение:

- 1) She prefers to be one of the crowd;
- 2) As a teacher, he always stood out from the crowd;
- 3) He was never one to follow the crowd, so we weren’t surprised when he dropped out of college to start his own business;
- 4) ... kids trying to distinguish themselves from the crowd;
- 5) With long strides, he started toward her, pushing his way through the crowd;
- 6) The crowd had dispersed, so they turned toward the only hotel in town.

Антитеза, реализуемая в следующем (втором) фрагменте, может быть представлена как *eating* vs. *flying*. Примечательно, что в рамках стилистической фигуры антитезы оценочно нейтральное отглагольное существительное *eating* (в значении ‘taking food or a meal’) приобретает отчетливую отрицательную коннотацию. Это достигается несколькими способами: во-первых, указанием на то, что для Стаи *единственное*, что имеет значение, это еда (“For most gulls, it is not flying that matters, but eating”); во-вторых, развернутым (см. 4-ый фрагмент) объяснением смысла жизни, в котором отец Джонатана без тени недоброжелательности поучает сына следующим образом: “If you must study, then study food, and how to get it... You can’t eat a glide, you know. Don’t you forget that *the reason to fly is to eat*”.

Та же мысль, но высказанная с помощью иных лексических средств, сформулирована в словах Старейшего, который собрал Совет для того, чтобы всем вместе решить судьбу Джонатана. Попутно отметим наличие в рассматриваемом нами фрагменте не только содержательной антитезы, но также антитезы стилистической: так, *разговорное* в словах отца *see here; this flying business is all very well but...; you know, you can’t eat a glide* (в удачном переводе «одними полётами сыт не будешь») противопоставлено *литературно-книжным* лексическим единицам в словах Старейшего: *reckless irresponsibility; to violate the dignity of...; tradition of the Family*.

Две сентенции, сформулированные Старейшим, входят в состав антитезы, которую можно сформулировать следующим образом (фрагменты 13 и 14):

Life is the unknown and the unknowable, we are put into this world to eat vs. to have a reason to live, to learn, to discover, to be free.

Сентенция представляет собой краткое изречение нравоучительного характера, как правило, близкое к афоризму, к максиме. Существенный признак сентенции состоит в том, что она может цитироваться вне контекста.

Особая экспрессивность двух сентенций, изреченных Старейшим, объясняется тем, что, будучи облаченными в традиционную грамматическую и лексическую форму нравственных изречений, они, по своему смыслу, лишают человека права быть человеком.

И если слова отца (см. 4-ый фрагмент) это просто банальность, сформулированная заурядным человеком, то сентенции Старейшего (для Стаи его мнение окончательно и не подлежит обсуждению) формулируют кредо власти относительно смысла жизни или, вернее, отсутствия этого смысла.

Задание:

Сочините (по-английски или по-русски) две сентенции. Одна из них будет иметь положительный нравственно-поучительный характер; другая, сочиненная вами в духе Старейшего, будет иметь саркастический характер. Ниже приводятся несколько разнородных сентенций:

Правдивость — долг каждого порядочного человека (В.О. Ключевский).

Талантливый человек талантлив во всем.

История не учит, она только наказывает тех, кто не хочет учиться (Заимствовано из: М.Л. Гаспаров. Записки и выписки, 2001).

Епископ Сенезский, из его надгробного слова Людовику XV: «Народ не имеет права говорить, но, без сомнения, имеет право молчать!.. И тогда его молчание является уроком для королей» (заимствовано из НКРЯ).

Сентенция «У нас незаменимых нет», широко использовавшаяся в советские времена, в наше время звучит саркастически.

Рассмотрим еще одну антитезу:

to be centered for shame vs. *to feel triumph* (13-й и 8-й фрагменты):

His thought was triumph. Terminal velocity, it was a breakthrough, the greatest single moment in the history of the Flock, and in that moment a new age opened for Jonathan Gull.

Эмоциональная напряженность данной антитезы объясняется значением слов *shame* и *triumph*. Толковые словари объясняют значение существительного *shame* следующим образом: ‘a painful emotion caused by the belief that one is, or is perceived by others to be, inferior or unworthy of affection or respect because of one’s actions, thoughts or experiences’ (1-е значение в [АН]).

В этом толковании обратим внимание на слова *inferior*, *unworthy*, которые входят в число так называемых эмоционально напряженных лексических единиц. Приведем пример еще одной антитезы, использующей существительное *shame*: “Jonathan Livingston Seagull! Stand to Center!” The Elder’s words sounded in a voice of *highest ceremony*. Stand to Center meant only *great shame* or *great honor*” (11-й фрагмент).

В свою очередь, существительное *triumph*, толкуемое как: (a) ‘a great victory or achievement’; (b) ‘the joy or exultation of victory or success’, — реализует данные значения с помощью оценочных лексических средств, таких, как *a breakthrough* (a sudden *dramatic and important discovery*), *the greatest single moment*, *a new age opened for...*).

Задание:

Попробуйте сочинить (на английском или русском языке) эмоционально напряженную ситуацию, в которой будут использованы существительные *shame* и *triumph*. Особое внимание обратите на упомянутые выше два значения существительного *триумф*: (1) ‘огромная победа, огромное достижение’ и (2) ‘переживание, эмоции, вызванные этим достижением’.

В заключение отметим следующее: сравнение аллегорий в текстах различных жанров (социально-политическая сказка Салтыкова-Щедрина, сказка Андерсена, политическая сатира Оруэлла, философская притча Ричарда Баха о смысле жизни) говорит о том, что анализ аллегории, как приема персонификации той или иной абстрактной идеи, может начинаться с выделения морфологических, лексико-синтаксических и стилистических средств, имеющих оценочное значение. При этом последнее должно являться ключевым для осознания смысла аллегории.

Смысловая близость ключевых лексических элементов к другим оценочным словам наблюдается в рамках отдельного словосочетания, отдельного предложения или группы предложений, образующих сверхфразовое смысловое единство (так называемое СФЕ).

Список сокращений

БТС — Большой толковый словарь русского языка. Гл. ред. С.А. Кузнецов. Первое издание: СПб.: Норинт, 1998. Публикуется в авторской редакции 2014 года // <http://gramota.ru/slovari/dic>.

ЛС — Кондаков Н.И. Логический словарь. М.: Наука, 1971.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка // <http://ruscorpora.ru/new>.

Ожегов, Шведова — Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: ООО «А Темп», 2006.

ПС — Квятковский А.П. Поэтический словарь. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1966.

АН — American Heritage® Dictionary of the English Language, Fifth Edition. Copyright © 2016 by Houghton Mifflin Harcourt Publishing Company // <https://thefreedictionary.com>.

Cambridge — Cambridge Dictionary // <https://dictionary.cambridge.org/>.

Collins — Collins English Dictionary – 3rd ed. HarperCollinsPublishers, 1994.

Collins Online — Collins COBUILD Dictionary // <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english>.

HE — The Hutchinson Encyclopedia. Helicon, 2001.

MW — Merriam-Webster Dictionary // <https://www.merriam-webster.com/dictionary>.

OGBAC — Oxford Guide to British and American Culture. Oxford University Press, 2007.

Teaching materials for fiction texts analysis:

allegory as a stylistic device

**N.M. Razinkina (Institute of Linguistics,
Russian Academy of Sciences)**

The paper is focused on the following issues: specificity of fiction texts which are entirely an allegory; words capable of personification of abstract ideas; words playing a key role in describing symbolic fictional characters and their figurative meaning; combinatory power of

key words in their relation to those having, in the text under study, emotional or evaluative connotations; direct speech of a character as a special means for describing one thing in terms of another.

Keywords: Irony, sarcasm, word's evaluative meaning, contextual evaluative synonymy.

Обзоры. Рецензии

Book Reviews and Common References

DOI: 10.37892/2218-1393-2020-12-1-308-319

Рецензия на монографию профессора кафедры китайского языка и литературы Ташкентского государственного института востоковедения А.А. Каримова «Счетные слова в китайском языке: лексико-семантический, структуральный и функциональный анализ». Ташкент, 2003, 120 с.

Н.Н. Воропаев (Институт языкознания РАН)

Прежде чем перейти к собственно рецензии, дадим краткую вводную информацию о счетных словах китайского языка.

В китайском, как и в европейских языках, существительные разделяются на исчисляемые и неисчисляемые. Однако в отличие от европейских языков, где при подсчете исчисляемых предметов не требуются специальные слова типа единицы измерения, в китайском языке существительные исчисляются с помощью специальных служебных слов, называемых счетными словами. Вся масса исчисляемых существительных подразделяется на классы — отчасти по внешнему виду предметов, а в основном просто по языковой традиции, причем все существительные данного класса употребляются с одним и тем же счетным словом. Так, одни предметы считаются на «струи», другие — на «листы», третьи — на «ветки», так как счетные слова, как правило, обладают и конкретными значениями. Счетные слова выражают единичность предметов или действий и подразделяются на два больших вида: именные и глагольные. Приведем примеры:

这	是	一	张	书桌。
zhe	shi	yi	zhang	shu zhuo
это	связка есть	один	счетное слово	письменный стол

‘Это письменный стол’.

张 *zhang* — ‘лист [бумаги] (также счетное слово для предметов с широкой открытой поверхностью, а также раскрывающихся или растягивающихся предметов)’.

吹来 了 一 股 烟味。

chui lai *le* *yi* *gu* *yanwei*

надувать (ветром) суффикс один счетное слово запах табака

‘Пахнуло сигаретным дымом’.

股 *gu* — ‘поток, струя (воздуха, пара, воды); столб (дыма); также счетное слово’

那里 发现 了 两 具 尸体。

nali *faxian* *le* *liang* *ju* *shiti*.

там обнаружить суффикс два счетное слово труп

‘Там обнаружено два трупа’.

具 *ju* — 7-е значение этой морфемы — счетное слово для мертвых тел

那 艘 船 被 卡

na *sou* *chuan* *bei* *ka*

тот счетное слово корабль показатель пассива зажать

在 两 块 暗礁 之间。

zai *liang* *kuai* *anjiao* *zhijian*

предлог в два счетное слово риф между

‘Тот корабль был зажат между двумя рифами’.

艘 *sou* — ‘судно’; также счетное слово для судов и кораблей; ср. русск. *вымпел*.

块 *kuai* — ‘ком [земли]; кусок, глыба; кусковой, глыбовый’ (также счетное слово для предметов соответствующей формы)

破获 一 起 刑事 案件。

pohuo *yi* *qi* *xingshi* *anjian*

раскрывать один счетное слово уголовный дело

‘Раскрыть уголовное дело’.

起 *qi* — ‘раз, штука; случай, дело’; счетное слово для происшествий, несчастных случаев, дел (напр. судебных), сообщений.

我们 设立 了 第 一 支

women sheli le di yi zhi

мы учреждать суффикс префикс числительного один счетное слово

俄 中 风险 投资 基金。

e zhong fengxian touzi jijin

российский китайский венчурный инвестиция фонд

‘Мы учредили первый российско-китайский фонд венчурных инвестиций’.

支 *zhi* — 7-е значение этой морфемы — счетное слово: а) для небольших продолговатых предметов; б) для воинских частей и групп людей в) для мелодий.

经过 一 番 努力。

jingguo yi fan nuli

путем/посредством один счетное слово прилагать усилия; усилия

‘Приложив определенные усилия’.

番 *fan* — счетное слово, которое чаще всего употребляется при описании действий, требующих приложения определенных усилий и затрат времени

踢 了 一 脚。

ti le yi jiao

пинать суффикс один счетное слово (нога)

‘Пнул ногой’.

脚 *jiao* — ‘нога, ступня’; также счетное слово для действий, производимых ногой (пинать, ударять, топать, топтать и т.п.).

Счетные слова являются специфической особенностью сино-тибетской семьи языков. Долгое время счетные слова китайского языка не исследовались должным образом даже в самом Китае. Процесс их вхождения в поле зрения лингвистов был длитель-

ным и сложным. Часто используемых счетных слов в китайском языке более 600, а общее их количество составляет 789. Среди одиннадцати частей речи китайского языка счетные слова в количественном отношении занимают пятое место. Умение правильно использовать в своей речи разнообразные счетные слова является в Китае признаком хорошего тона, высокой образованности и культуры. Специфика счетных слов китайского языка заключается не только в их своеобразной грамматической функции, но и в том, что они обладают образной коннотацией и эмоциональностью. Выбор того или иного счетного слова иногда зависит от субъективного эмоционально-оценочного отношения к тому, о ком или о чем ведется речь. Сравните следующие примеры:

他 看 自己 好像 看 一 位 神人。

ta kan ziji haoxiang kan yi wei shenren

он смотреть сам как смотреть один счетное слово святой

‘Он смотрел на себя как на святого’.

这 位 老师 教 我们 汉语。

zhe wei laoshi jiao women hanyu

этот счетное слово учитель учить мы китайский язык

‘Этот учитель учит нас китайскому’.

Здесь счетное слово 位 *wei* — ‘персона’ (счетное слово для уважаемых лиц) вместе с существительным 老师 *laoshi* ‘учитель’ (или в другом примере с существительным 神人 *shenren* ‘святой’) выражает уважительное отношение говорящего к данной особе. Однако это счетное слово нельзя употребить, например, со словами 小偷 *xiaotou* ‘вор’ или 酒鬼 *jiugui* ‘пьяница’, так как воры и пьяницы не являются уважаемыми в обществе людьми, и, например, нельзя сказать или написать по-китайски следующим образом:

*那 位 小偷。

na wei xiaotou

тот счетное слово вор

‘Тот вор’.

С этими словами можно употребить только нейтральное универсальное счетное слово 个 *ge* ‘штука’:

那 个 小偷。

na ge xiaotou

тот счетное слово вор

‘Тот вор’.

Также, как и в этом примере:

我 有 两 个 朋友。

wo you liang ge pengyou

я иметь два счетное слово друг

‘У меня есть два друга’.

Универсальное счетное слово 个 *ge* ‘штука’ с существительным 朋友 *pengyou* ‘друг’ выражает нейтральное отношение.

А в примере

一 名 外国人 到 我们 的

yi ming waiguoren dao women de

один счетное слово иностранец прибывать наш частица

城市 来 了。

chengshi lai le

город приезжать суффикс

‘Иностранец прибыл в наш город’.

Счетное слово 名 *ming* ‘человек’ (счетное слово людей по спискам или ранжиру) с существительным 外国人 *waiguoren* ‘иностранец’ придает сообщению оттенок официальности.

Таким образом, становится понятно, что тема эта достаточно интересная, важная и сложная.

Монография А.А. Каримова состоит из введения, четырех глав и заключения. Книгу завершают список использованных работ и краткий список часто употребляемых счетных слов с переводом на узбекский язык.

Монография в основном исследует счетные слова на лексико-семантическом уровне. Автор рассматривает диахроническое развитие использования счетных слов в китайском языке. На основе устойчивых оборотов автор объясняет некоторые нестандартные с точки зрения современного языка варианты использования счетных слов.

А.А. Каримов составил хронологию изучения счетных слов в Китае и предлагает новые данные о частоте использования счетных слов в современном китайском языке. Проведен комплексный анализ наиболее часто используемого счетного слова 个 *ge*.

На основе лексико-семантического анализа автор предлагает новую лексико-семантическую классификацию китайских счетных слов. Также в монографии предлагается классификация счетных слов китайского языка в соответствии с их структурой. Установлена связь структуры и функции китайских счетных слов с их значением.

Автор монографии сообщает, что основную массу китайских счетных слов составляют односложные слова. Среди односложных слов китайского языка счетные слова в количественном отношении занимают четвертое место. В художественной и популярной литературе употребление двусложных и многосложных счетных слов довольно редкое явление. Они больше встречаются в литературе по естественным наукам или в специальных отраслевых текстах.

Наиболее часто употребляемым является счетное слово 个 *ge*. Высокая частотность употребления счетного слова *ge* послужила поводом для его отдельного рассмотрения в третьем параграфе. Вначале представлена краткая история употребления счетного слова *ge* в древнекитайском языке, а также рассмотрен вопрос о выполнении счетным словом *ge* функций различных частей речи в древнекитайском языке. Первое употребление счетного слова *ge* отмечается при династии Тан (618 — 907 г. н. э.). Примеры древнекитайского языка показывают, что исходное древнее значение иероглифа 个 (традицион-

ное написание 箇 *ge* — ‘ствол бамбука’, но чаще всего как знаменательное слово он употребляется в значении ‘штука’. Основное назначение иероглифа 个 *ge* — выполнять функции счетного слова. В определенных условиях счетное слово *ge*, исходя из своего основного грамматического значения, может временно выполнять функции других частей речи. В монографии рассмотрены также особенности употребления счетного слова *ge* в современном китайском языке. В современном китайском языке счетное слово *ge* является наиболее часто употребляемым не только в литературном, но и в разговорном языках. На основе анализа примеров в монографии сделаны следующие выводы:

— основная функция счетного слова *ge* в современном китайском языке — функция штучных счетных слов в составе именных счетных слов (от термина «классификатор» вслед за В.М. Солнцевым автор монографии отказывается);

— кроме именных счетных слов, *ge* может выступать в качестве глагольных счетных слов;

— постглагольная позиция в предложении, возможность выражения определенных грамматических значений, то есть возможность выступать в функции служебного слова, а также аффиксообразное прилипание к предыдущему слову дает повод сравнивать счетное слово *ge* со штучным аффиксом *-ta* узбекского языка. На основе лексико-семантического анализа предлагается лексико-семантическая классификация счетных слов, которая учитывает предшествующие классификации других ученых.

Наибольшее влияние на автора монографии здесь оказали классификации Чжао Юаньжэна и Лю Юэхуа. По традиции счетные слова предлагается делить на именные и глагольные счетные слова. Вслед за Лю Юэхуа, именные и глагольные счетные слова, каждое в отдельности, в монографии подразделяются на два вида: специальные и временные (заимствованные). Как и в классификации Лю Юэхуа, в монографии специальные именные счетные слова делятся на несколько подвидов. Различие в том, что китайский лингвист выделяет и шестой подвид (сложные счетные слова), допуская смешение лексико-семантического и структурного подходов. В монографии выделяются специальные

именные счетные слова (条, 张, 瓢, 个 и др.), собирательные счетные слова (副, 双, 批, 班 и др.), счетные слова-единицы измерения (сюда входят все единицы измерения), счетные слова неопределенного счета (些, 点儿), ассоциативные счетные слова (квазиклассификаторы) (年, 天, 小时, 省).

Относительно счетных слов-единиц измерения Лю Юэхуа ограничивается делением на пять мер: длины, объема, веса, для измерения площадей и для измерения в кубах. В предлагаемой автором монографии классификации впервые в китаеведении счетные слова-единицы измерения подразделяются на традиционные китайские и заимствованные единицы измерения. Традиционные китайские единицы состоят из шести мер: длины, объема, веса, площади, денежных единиц и единиц времени. Выделение их обусловлено тем, что автор монографии в качестве эксперимента провел сличение традиционных китайских единиц измерения с традиционными узбекскими (старыми, выпавшими из обихода). В результате было обнаружено почти полное их совпадение по значению и содержанию. Кроме того, это сходство предполагает доказательство существования в древние и средние века единой измерительной нормы в регионах, по которым проходил Великий шёлковый путь. В качестве примера А.А. Каримов приводит меры веса:

— 钱 бир мисқол (10 г)

— 两 бир пайса (100 г)

— 斤 бир қадоқ (0,5 кг).

Под заимствованными единицами измерения в монографии понимаются все заимствованные единицы или же единицы международной метрической системы, например: 米 *mǐ* ‘метр’, 吨 *dūn* ‘тонна’ и др. Однако, пишет автор, следует отличать заимствованные единицы от зарубежных. Вышеприведенное 吨 *dūn* ‘тонна’ хотя и является единицей измерения английского языка (ton), однако она принята международной метрической системой. Вместе с этим есть такие иностранные единицы, которые не приняты ни международной, ни китайской системами, например: 码 *mǎ* ‘ярд’. Заимствованные единицы со-

стоят из мер длины, площади, объема, веса и мер измерения в кубах. Группы существительных, в основном обозначающих орудия труда, инструменты или глагольные слова, иногда могут выполнять функции счетных слов, выражающих количество вещей, предметов и т.д. Такие счетные слова называются «временные или заимствованные именные счетные слова». Автор сообщает, что Лю Юэхуа ошибочно предполагал, что они могут быть выражены только именными словами. В монографии именные счетные слова-измерители предлагается подразделять на две группы существительных, выполняющих функции счетных слов (например, 碗 *wan* ‘чашка; пиала’, 杯 *bei* ‘стакан; кружка; бокал; рюмка’) и группа глагольных слов, выполняющих функции именных счетных слов (например, 捧 *peng* ‘пригоршня’ — глагольное значение ‘взять или держать двумя руками’, в функции счетных слов передает значение такого количества, которое может поместиться в ладонях двух рук).

Специальные глагольные счетные слова подразделяются в монографии на разовые и суммарные. Разовые это такие счетные слова, которые выражают количество действий разового характера или одиночного действия, например: 次 *ci* ‘раз’ — выражает кратность действия, обычно используется при многократно повторяющихся действиях, 下 *xia* ‘раз’ — обычно используется при обозначении кратковременных действий, часто не выражает число действий, а передает смягченную интонацию речи, 回 *hui* ‘раз’ — выражает число действий и их неоднородность, по сравнению с 次 это слово имеет более сильную эмоциональную окраску.

Суммарные счетные слова — это счетные слова собирательного характера или такие, которые употребляются с действиями, включающими в себя ряд действий, например, 顿 *dun* ‘прием пищи, трапеза; раз, разок’ (счетное слово для приемов пищи и других действий, обычно употребляется с глаголами есть, порицать, бить, ругать); 阵 *zhen* ‘схватка; взрыв, порыв; приступ’ (выражает определенный отрезок времени, обычно используется в неожиданно возникшей кратковременной ситуации), 场 *chang* ‘игра, партия, матч; представление, спектакль; сеанс’ (выражает полностью завершенное однократное дей-

ствие, чаще всего используется при описании артистических выступлений и спортивных состязаний).

Заимствованные глагольные счетные слова, как и специальные по своему происхождению делятся на две группы. В первую группу входят такие счетные слова, которые по происхождению являются существительными, обозначающими орудия труда, быта или части тела, служащие для совершения действия (например, 斧头 *futou* ‘топор’, 刀 *dao* ‘нож’, 枪 *qiang* ‘ружьё; винтовка; пистолет’, 拳 *quan* ‘кулак’). Во вторую группу входят слова, связанные со временем и выполняющие функции глагольных счетных слов (например, 年 *nian* ‘год’, 日 *ri* ‘день’, 天 *tian* ‘день’, 周 *zhou* ‘неделя’). Например:

放 了 一 枪。

fang le yi qiang

стрелять суффикс один счетное слово (родовая морфема ‘оружие’)

‘Выстрелил один раз (из какого-либо огнестрельного оружия)’.

休息 了 三 日。

xiuxi le san ri

отдыхать суффикс три счетное слово (день)

‘Отдохнул три дня’.

Кроме лексико-семантической классификации автором предложена новая классификация слов по их структурному строению. Делением их на простые, счетные слова-повторы и сложные начинается третья глава монографии.

Выше было отмечено, что основную часть счетных слов составляют односложные слова. Основную часть простых счетных слов также составляют односложные слова. Среди именных счетных слов штучные, традиционные китайские единицы измерения, собирательные почти полностью состоят из односложных слов, то есть представляют собой простые счетные слова. Поскольку большинство глагольных счетных слов составляют односложные слова, то и их необходимо относить к простым, полагает А.А. Каримов. Наряду с односложными к простым счетным словам необходимо относить и производные.

К производным относится, например, неопределенное счетное слово 点 *diǎn* ‘немножко’, так как оно состоит из основы 点 *dian* ‘капля’ и суффикса 儿 *-er*. Количество производных счетных слов в китайском языке ограничено несколькими примерами.

К простым счетным словам в монографии относятся также некоторые двусложные и многосложные слова. Например, ассоциативные 星期 *xīngqī* ‘неделя’, 小时 *xiǎoshí* ‘час’ или заимствованные счетные слова 微米 *wēimǐ* ‘микрон’, 海里 *hǎilǐ* ‘морская миля’, даже четырехсложный пример 平方厘米 *píngfāng límǐ* ‘квадратный сантиметр’ можно отнести к простым. Причина этого состоит в том, что эти слова обозначают лишь одно измерение.

Как пишет автор монографии в заключении «проблема счетных слов в китайском языке настолько широка и сложна, что в одной монографии охватить ее невозможно. Результаты монографии показывают возможность более глубокого исследования китайских счетных слов в сопоставительном плане, например, с узбекскими счетными словами».

Изложенные в монографии результаты лексико-семантического, структурного и функционального исследования счетных слов в китайском языке позволяют ввести в научный обиход целый ряд новых данных и ценных выводов. Непосредственная связь этих трех аспектов со значением в китайском языке делают монографию единым системным исследованием.

На основе конкретных примеров в монографии показаны особенности выделения счетных слов в контексте и влияние изолирующего характера китайского языка, а также иероглифической письменности на этот процесс.

Следует также отметить, что привлечение большого количества фактического материала дало возможность автору составить новую, более подробную лексико-семантическую классификацию и классификацию структурного строения счетных слов в современном китайском языке.

Полагаем, что монография А.А. Каримова является важным вкладом в изучение счетных слов китайского языка.

Book Review. A.A. Karimov. Sčetnye slova v kitajskom jazyke: leksiko-semantičeskij, struktural'nyj i funkcional'nyj analiz. Taškent, 2003, 120 s.

**N.N. Voropaev (Institute of Linguistics,
Russian Academy of Sciences)**

**Рецензия на учебное пособие Г.А. Широковой «Практическая грамматика
английского языка. Сборник упражнений».**

М.: Флинта: Наука, 2019, 4-е изд., 103 с.

Н.М. Разинкина (Институт языкознания РАН)

Рецензируемая работа предназначена для аспирантов, готовящихся к сдаче кандидатского минимума по английскому языку. В рамках подготовки аспирантов к кандидатскому экзамену большое внимание уделяется совершенствованию знаний по грамматике английского языка и изучению грамматических вопросов перевода научных текстов с английского языка на русский. Именно этой цели служит данное Пособие. Оно также может быть использовано студентами и магистрантами с целью закрепления знаний по грамматике английского языка и совершенствования практических навыков перевода с английского языка на русский.

Структура Пособия продумана автором предельно четко. Книга состоит из двух частей и англо-русского словаря. Первая часть содержит упражнения по основным разделам грамматики — таким, как, например, сложное предложение, видо-временные формы глагола действительного и страдательного залога, сослагательное наклонение, неличные формы глагола и другие. В начале каждого раздела перед упражнениями даются контрольные вопросы, которые помогают проверить, насколько хорошо усвоена данная грамматическая тема.

Для каждой грамматической темы дается несколько упражнений, охватывающих основные трудности перевода.

Упражнения состоят из предложений, предназначенных для перевода с английского языка на русский. Существенно, что в них использована общенаучная лексика, что дает возможность применить данное пособие в группах аспирантов разных специальностей, как естественно-научных, так и гуманитарных. Например, в упражнения включены

такие лексические единицы, как *accurate, ambiguity, concern, consideration, discrepancy, eventually, latest, to object, to subject (to), to take into account, thoroughly, undoubtedly* и многие другие.

Предложения в упражнениях расположены по степени нарастания трудностей. Это позволяет преподавателю выбирать по своему усмотрению тот материал, который представляется необходимым при работе с группами разного уровня языковой подготовки. Например, в разделе 18 «Инфинитивные конструкции» в упражнении 18.2 (стр.42) сначала даются такие предложения, как: 1. *The approach is reported to be effective.* 2. *Your English seems to be getting better.* 3. *The Japanese are considered to be very hard-working.* Упражнение заканчивается сложными грамматическими построениями, например: 29. *These arguments for identifying risk categories relating to gas projects appear to be limited because domestic and international gas markets are expected to develop significantly further over time.* 30. *Since the time a worker has spent in the labour market is likely to affect both the number of offers he receives and his productivity, I need to explicitly condition expectations on how long the worker has been active in the labour market.*

Первую часть Сборника завершает раздел «Итоговая контрольная работа», которую автор предлагает выполнить с целью проверки усвоения полученных знаний и выявления возможных пробелов.

В книге даны три варианта итоговой контрольной работы. Примечательно, что все три варианта унифицированы по грамматическим явлениям. Например, в первых двух предложениях использован страдательный залог, в пятом — причастие I и т.д. Очевидно, что такая форма представления материала способствует эффективной проверке усвоенных знаний.

Вторая часть сборника содержит тестовые задания по грамматике. Они могут быть использованы как для повторения курса грамматики в целом, так и для проверки отдельных грамматических тем. Тесты снабжены не только ключами, но и пояснениями, что особенно важно для изучающих английский язык самостоятельно.

Еще одним несомненным достоинством книги является подготовленный автором англо-русский словарь, в котором даны обозначения частей речи, представлены грамматические омонимы и наиболее употребительные для научного текста словосочетания. Например:

matter I *n* вещество; материя; предмет, тема; дело, вопрос

as a matter of fact в действительности

no matter несущественно, неважно

subject matter сущность, тема

matter II *v* иметь значение

it doesn't matter это неважно

it matters a lot это очень важно

Словарь способствует не только накоплению и закреплению лексики, но также и суммарному представлению лексического минимума, необходимого для чтения научной литературы по специальности на английском языке.

В заключение отметим, что рецензируемая работа представляет собой хорошее и нужное учебно-методическое пособие, подготовленное опытным педагогом и прекрасным методистом. Пособие вышло 4-м изданием, что подтверждает его несомненную востребованность.

Book Review. G.A. Širokova. Praktičeskaja grammatika anglijskogo jazyka.

Sbornik upražnjenij. M.: Flinta: Nauka, 2019, 4-e izd., 103 s.

**N.M. Razinkina (Institute of Linguistics,
Russian Academy of Sciences)**

Содержание

Проблемы описания языка

Барулин А.Н. (Институт языкознания РАН) Об одном возможном способе описания словообразовательных отношений между полными и короткими личными именами в русском языке	3
Барулин А.Н. (Институт языкознания РАН) Материалы к построению толково-комбинаторного словаря русских морфем. Местоимения первого и второго лица	61
Говорухо Р.А. (Российский государственный гуманитарный университет) Относительные конструкции презентации в итальянском языке и их русские эквиваленты	108
Евдокимова А.А. (Институт языкознания РАН) Новые типы прагматических жестов головы — Pragmatic center и Pragmatic away	136
Зотова А.К. (Институт языкознания РАН) Принцип визуализации в сфере специализированного терминообразования (на материале русско-английских переводных эквивалентов).....	149
Иоанесян Е.Р. (Институт языкознания РАН) Семантика молчания и тишины	164
Кожемякина В.А. (Институт языкознания РАН) Актуальные проблемы билингвизма и полилингвизма в Республике Саха (Якутия).....	187
Рябцева Н. К. (Институт языкознания РАН) Общенаучные понятия в названиях научных публикаций на русском языке и их перевод на английский язык. Контрастивный анализ	204
Терехова Е.В. (Национальный научный центр морской биологии им. А.В. Жирмунского, Дальневосточное отделение РАН) Рекуррентные конструкции Лингвопереводческие аспекты	228
Токарева А.Л. (Российский государственный гуманитарный университет, Московский городской университет языкознания РАН) Стратегии перевода метафор гнева в русской и итальянской художественной прозе	246
Юрьева Н.М. (Институт языкознания РАН) О вкладе А.М. Шахнаровича в теорию речевого онтогенеза	255

Проблемы преподавания языка

Разинкина Н. М. (Институт языкознания РАН) Из опыта проведения практических занятий по анализу художественного текста: стилистический приме аллегории.....	275
--	-----

Обзоры. Рецензии

Воропаев Н.Н. (Институт языкознания РАН) Рецензия на монографию профессора кафедры китайского языка и литературы Ташкентского государственного института востоковедения А.А. Каримова «Счетные слова в китайском языке: лексико-семантический, структуральный и функциональный анализ». Ташкент, 2003, 120 с.	308
Разинкина Н. М. (Институт языкознания РАН) Рецензия на учебное пособие Г.А. Широковой «Практическая грамматика английского языка. Сборник упражнений». Москва. Флинта: Наука, 2019, 4-е изд., 103 с.	320

Об авторах

Барулин Александр Николаевич, кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора компаративистики Института языкознания РАН; e-mail: barulin@iling-ran.ru.

Воропаев Николай Николаевич, кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела языков Восточной и Юго-Восточной Азии Института языкознания РАН; e-mail: voropaev@vokitai.ru.

Говорухо Роман Алексеевич, кандидат филологических наук, доцент, директор Российско-итальянского учебно-научного центра Российского государственного гуманитарного университета; e-mail: govorroman@mail.ru.

Евдокимова Александра Алексеевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора прикладного языкознания Института языкознания РАН; e-mail: arochka@gmail.com.

Зотова Анастасия Кирилловна, младший научный сотрудник сектора прикладного языкознания Института языкознания РАН; e-mail: zotova90990@gmail.com

Иоанесян Евгения Рафаэлевна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора романских языков Института языкознания РАН; e-mail: ioanevg@mail.ru.

Кожемякина Валентина Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям (НИЦ НЯО) Института языкознания РАН; e-mail: kojemiakina@gmail.com.

Разинкина Нина Марковна, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков, Института языкознания РАН; e-mail: n.razinkina@list.ru.

Рябцева Надежда Константиновна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, зав. сектором прикладного языкознания Института языкознания РАН; e-mail: nadia_riabceva@mail.ru.

Терехова Евгения Викторовна, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков Национального научного центра морской биологии им. А. В. Жирмунского, Дальневосточное отделение РАН (ННЦМБ ДВО РАН), г. Владивосток, РФ; e-mail: evgeniavlad@gmail.com.

Токарева Александра Леонидовна, аспирант Российско-итальянского учебно-научного центра Российского государственного гуманитарного университета, ассистент кафедры романской филологии Московского городского университета (МГПУ), научный руководитель — кандидат филологических наук, доцент Роман Алексеевич Говорухо; e-mail: annsilver@mail.ru.